

Владимир Бутенко

ДЕРЖАВЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Трилогия

УДК 82-3
ББК 84«2Рос=Рус»6
Б93

Бутенко В. П.

Б93 Державы верные сыны. Трилогия
Ставрополь, 2017 г. – 566 стр.

ISBN 978-5-9500987-0-3

Трилогия В. Бутенко посвящена эпохальным преобразованиям на Кавказе и в Крыму, произошедшим во второй половине восемнадцатого столетия, благодаря замыслам императрицы и воплощению их в реальность великими сынами Отечества. На страницах произведения показаны нравственная сила, мужество и героизм соратников Екатерины Великой, русских солдат и офицеров, донских и терских казаков. Расширение государственной территории, установление дружественных отношений с горцами и ногайскими ордами, основание оборонительной Линии и многое другое, о чем говорится в эпопее, имели в истории России огромное значение и предопределили в будущем всю систему политических и экономических отношений на юге нашей страны.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей.

КНИГА ПЕРВАЯ

*Вы други мои, други, вы донские казаки!
Вы послушайте, мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похвалится Закубанский Большой хан.
Он хвалится, похвалится на тихий Дон побывать
И батюшку, славный тихий Дон, насквозь пройти,
А матушку, широку Волгу, в обретки перебресть,
Як-то, славный город, он шапками заметать!
Неужто у нас не стало на тихом Дону казаков?
Неужто они не станут за отцов своих, матерей?
Неужто не станут за жен своих, за детей?*

Старинная казачья песня

Часть первая

1

Под утро сотника Ремезова объял пресладкий сон: будто бы сидит он в обнимку с Малашкой, старшинской дочкой, на берегу Дона, летнее солнышко клонится за старые дубы, ласточки по ясной воде крыльями чиркают, мелкие кружочки оставляют. А девица озорная, первая черкасская красавица, требует: сколько кружков – столько раз поцелуй меня! Он и рад-радешенек, старается так, что губы пухнут...

Громкий заполошный перестук копыт вырвал его из забытья! Он открыл глаза и, приподняв голову, настоужился. Слух уловил гортанную татарскую речь. Этих голосов он прежде в ауле не слышал. Доносилась медленная поступь лошадей. Вероятно, их водили, не давая остывать после длительной скачки.

Растущее беспокойство заставило отбросить тяжелое одеяло, сшитое из бараньих шкур, и подняться. Хромая на раненую ногу, Леонтий приблизился к двери отова, небольшого шатра с войлочными стенками, глянул в щель. Брезжила заря. Дул теплый ветер, отдающий горечью полыни кубанской степи и духом лошадей.

Все кибитки в ауле, – и малые, и большие, тэрмэ¹, – издревле ставились ногайцами-кочевниками дверьми на юг. И Ремезову не было видно, кто приехал в этот ранний час к аул-бею. Казака, Ивана Плёткина, оставленного полковым командиром для услужения офицеру, опять, должно, бес угнал на охоту. На стрепетинные точки. Уж больно хотелось свежей дичатинки – обрыдла изо дня в день соленая конина! Март до середины добрался, теплыню баловал – усидишь

---

¹Тэрмэ (ногай.) – войлочная юрта.

ли в беззаконной темнице, когда всё кругом к жизни тянется?

За несколько минут, что ожидаячи у двери простоял, разбередил рану на ноге. Но терпел,— недоброе предчувствие не отпускало. Откуда гонцы? Кабардинцы или ханские посланники?

Наконец, глава аула, Керим-Бек, как требовал обычай гостеприимства, встретил приехавших перед своим тэрмэ. После магометанского приветствия, один из незнакомцев заговорил по-ногайски: «Кош гелды!» — «Алла разы босун»². И по утихающей речи сотник понял, что аул-бей пригласил их в жилище.

Леонтий подошел к приземистой кровати, с наклонными спинками, называемой орын-дык, подумал, что за недели вынужденного пребывания у ногайцев выучил немало слов и обиходных фраз. Но тоска по родным казачьим душам не только не притерпелась, а наоборот, с вешними днями навалилась пуще. Ладно, хоть с Плёткиным переговариваться можно да песни затягивать. Хоть и горяч тот по натуре, своенравен и сам себе на уме, но командира в обиду не дает. Не только охраняет, но упрямо требует от жен аул-бея, чтобы давали «их благородию» еду получше да не жалели чая. А за действиями знахаря, старика Якуба, наблюдает с недоверчивым прищуром, хотя именно его снадобья способствовали скорому излечению сотника...

Стычка произошла молниеносно. Казачий разъезд Ремезова следовал вдоль берега Еи, когда из-за излучины, прикрытой зарослями камыша, внезапно вылетел отряд крымчаков. Сблизившись с казаками саженой на тридцать, они метнули стрелы, пальнули из ружей и круто повернули коней вспять. Стрела вонзилась в ле-

---

²«Удачно прибыл!» — «Да благодарит тебя Бог». (ногайск.)

вую ногу Леонтия, но он держался в седле, пока ни отогнали башибузуков. Потом потерял сознание. Смутно помнилось, как везли его в армейской фуре, как оказался в ауле кочующей к российской границе едисанской орды.

Угроза нападения крымско-турецкого войска Девлет-Гирея побудила ногайские орды – буджаков, едисанцев, едичкульцев и джамбулуков – удалиться от Тамани. Они больше не хотели возвращаться в Крым и служить хану. Ставленник Османской империи, или Порты³, Девлет-Гирей пытался подчинить мечом ногайских воевод, подписавших мирный договор с Россией.

Незадолго до ранения Ремезов присутствовал в палатке командира полка Матвея Платова, когда докладывал лазутчик. По его словам, крымчаки дождались подмоги из Туретчины, укрепились черкесской конницей и сотней казаков-некрасовцев. Именно то, что донцы, переметнулись к неприятелю, более всего вызвало гнев Платова.

– Попадется, кто из некрасовцев, – перебил он лазутчика, – никого не миловать! Казак до смертной минуты должен быть заступником православия и родной земли.

– Любо, Матвей Иванович! – слаженно отозвались подчиненные. Они ведали, что их бесстрашный командир был в любимцах у командующего 2-й армией Долгорукова. Только опасность прорыва крымчаков на Дон заставила князя включить в сводный отряд подполковника Бухвостова, наряду с гусарами и драгунами, казачьи полки. Все командиры надежные, проверенные в сражениях на Перекопе и при взятии Кинбурна. Сам

---

³Оттоманская или Османская империя, Порты – в данном контексте – Турция.

Платов не раз повторял офицерам своего полка наставление командующего:

– Не токмо я, командующий, но и государыня наша, зело верим и в надежде пребываем, что отпор дадите на посягательства врагов. Елико возможно бдите за перемещениями депутатий от крымских татар. Хан их коварство тешит: всколебать ногайские орды с тем, чтоб выступили вероломно супротив нас. А у ногайцев, други мои, восемьдесят тысяч казанов, то бишь человек мужеского пола, способных воевать. Сила велика, но нуждается она в обороне от татар. На вас возлагаю сей долг и надеюсь весьма, что не посрамите честь державы!

Тогда, в походе, и был ранен Ремезов. Полковой лекарь, узнав от приехавшего к Платову мурзы, что в ауле есть знахарь, поразмыслив, передал ему сотника, у которого начиналась горячка. Аул влекся к истокам Еи, вглубь степей, под прикрытием отряда Бухвостова, и командир полка поддержал это решение.

Но пути отряда и едисанцев разошлись.

Собравшись с силой, Ремезов отложил дверь, зашешенную кошмой. Глаза, привыкшие к полумраку, на мгновенье ослепли! Он зажмурился, как в детстве, подставляя лицо напористому ветру, теплым лучам, слыша поднебесные трели жаворонка и гомон детворы.

Когда же глянул вдоль кибиток то заметил, что аульцы заняты разбором жилищ, стоявших правильными рядами. И стар и млад поспешно сворачивали войлочные маты, разбирали деревянные решетки тэрмэ, грузили их на арбы и телеги. Уже в отдалении маячили табуны, буйволиное стада, косяк верблюдов. Пастухи бдительно охраняли их.

У тэрмэ мурзы стоял его охранник Муса и незнакомый гость в пестром бешмете, поверх которого была надета черкеска без газырей, с широкими рукавами.

Чужак востепенулся, увидев казачьего офицера, что-то спросил у охранника, тот коротко ответил и сделал успокаивающий жест. Жены Керим-Бека, Джамиля, Алтынай и Мерджан вместе с детьми бродили по луговине, и Ремезов догадался, что их на время разговора удалили из шатра. Старшая из двух дочерей, Еране, черноокая шалунья, которую уже засватали, щебетала, подражая птице, и радостно смеялась. И Леонтий тоже повеселел, слушая, как девочка перекликается с жаворонком.

Вдруг дверь жилища мурзы открылась и порывисто вышли два бородача, также одетые в бешметы, вооруженные саблями и кинжалами. Заметив русское лицо, они неприязненно нахмурились.

– Бу ким? – проговорил один из них, кладя ладонь на рукоятку кинжала, и тряхнул чалмой.

– Азиз достум! Ремезов эфенди⁴, – отозвался вышедший следом мурза Керим-Бек, толстенький, с редкой бородкой, немолодой уже человек, неопределенно улыбаясь. – Офицер-казак!

По всему, это были ордынцы. Их слуга подвел лошадей. С выражением крайнего разочарования на лицах гости вознеслись в седла.

– Огъурлы ёллар олсун! – подняв руку, произнес аул-бей.

Всадник в чалме, трогая свою гнедую, гневно бросил:

– Ким бильмейдр моллады, ол бильмейдр Аллахды!⁵ – и стеганул лошадь короткой плеткой. Его спутники также подхлестнули коней, разгоняя их в черноморскую сторону, где гнездились воинство крымчаков.

---

⁴ – Кто это? – Хороший друг! Господин Ремезов. (татар.)

⁵ – Счастливой дороги! – Кто не признает муллы, тот не признает бога! (ногайск.)

«Всё-таки ханские посольные! – убедился сотник, пристально глядя на мурзу. – Ради чего они приезжали? И чем закончился разговор?»

Керим-Бек, по-утиному ступая носками вовнутрь, подошел к казачьему офицеру, с прежней блуждающей улыбкой. Но заговорил голосом срывистым и суровым:

– Калга крымский приказ давал. Мурзу с муллой присылал. Обрато Крым ходить. Я «нет» сказал. Русской царице сераскир⁶ и мурзы наши клятву давали. Как воевать против России?

– Воевать с Россией вам не надобно, – подтвердил Леонтий, ощутив слабость в ногах и головокружение, – опьянил, пожалуй, этот степной вешний воздух.

– Будем дальше ходить! – заключил аул-бей и показал рукой на загруженные арбы, выстроенные обозом. – И тебе надо!

– Придет мой казак, и тронемся, – согласился Леонтий. – Я в седло сяду!

– Офицер-казак – азиз достум! – повторил глава аула и нетерпеливо подал знак Мусе, чтобы позвал жен, предупрежденных о переезде.

2

Подполковник Ряжский прибыл к Стремоухову, представителю императрицы Екатерины при ногайских ордах, и срочно пригласил на секретное совещание Бухвостова и командиров казачьих полков Ларионова, Платова и Уварова. Глинобитную мазанку, занимаемую приставом Стремоуховым, жарко натопили сеном и кизяками. И прибывшие офицеры, сбросив тулупы и бурки, остались в отдающих табаком и пороховой гарью мундирах. Трехсвечный канделябр освещал походный

---

⁶Сераскир – военачальник.

стол, на котором пестрела карта Черноморья и Кубани, и окруживших его военачальников.

– Господа, мне поручено довести до вашего сведения депешу от командующего 2-й армией генерал-аншефа Долгорукова, – с озабоченным видом объявил Рязский. – Обращаю внимание ваше на ее конфиденциальность. Выяснилось, что бывший донской атаман Данила Ефремов, арестованный за лихоимство и захват войсковых земель, имел тайные сношения с кабардинскими владетелями, татарами и заявление делал среди приспешников, что умысел имеет «натрясти бед России, о которых она не скоро забудет».

Рязский, рослый гвардеец с черными подкрученными усами, сделал внушительную паузу и поднял голос:

– Еще тревожней донесения с Урала и Волги. Злодей Емелька Пугач, выдающий себя за покойного императора Петра III, собрал войско, смутил яицких и волжских казаков, башкирцев и работный люд на приисках. И неисчислимыми злодеяниями в ужас привел население многих слобод, деревень и городков. Высланные наши полки теснят Пугача, но по причине их немногочисленности разбить шайку не удастся. Окаянство сие угрожает всей державе! Доподлинно известно, что Пугач пытается установить сношения с новым крымским ханом Девлет-Гиреем. Порывался он, к тому же, переметнуться на Кавказ или в Крым!

Крайне взволнованный, побледневший, порученец вновь перевел дух. Бухвостов, куривший трубку, осторожно пустил к потолку колечко дыма. Красавец Ларионов поправил свои светлые отросшие волосы, упавшие на лоб. А смуглолицый Платов, прикрыв глаза, казался, подремывал.

– Главные силы нашей армии по-прежнему в Польше, Бессарабии и в Малороссии. Дон ослабел из-за по-

головного призыва казаков на службу. Кабардинцы надежны, готовы нарушить клятву, данную государыне. Порта этим воспользоваться намерена. И вопреки Карасунскому договору, освободившему Крымское ханство от османов и давшему независимость, новый турецкий султан виды имеет и на Крым, и на наши азовские крепости. Говорю сие, дабы помнили, господа офицеры, сколь велика ответственность наша. Благоусердие на службе и ревностность, наипаче дисциплина, надобны как никогда, – Ряжский устало положил ладони на край стола. – На карте мной отмечены позиции неприятеля. Девлет-Гирей, имея преогромное войско, намерился вести баталии с отвергшими его едисанцами. Его цель: вернуть ногайцев под свою власть.

– Одно упорное посягательство на разбой, без всякой першпективы, – сорвался Стремоухов. – Я многожды беседовал с Шагин-Гиреем, ученым и мудрым человеком. Он уверяет, что ногайцам, больше нет резона принимать покровительство Порты.

– История Большой Ногайской орды весьма противоречива, – возразил Ряжский. – Один Господь знает, что у них на уме. Нам приказано оградить от крымчаков кочевья ногайцев. Однако у Девлет-Гирея значительный перевес в людской силе. Казаки, гусары и драгуны противостоят супостатам должны примерно. Не о животе своем и достатке думать, идучи в бой, но о чести России! Пропустить Девлет-Гирея на Дон, означает, – ударить ножом в сердце Отечества! Ежель мнимый крымский хан Девлетка сомкнётся со злодеем Пугачом, свершится то, о чем замышлял Ефремов: «натрясти бед России».

– Нам не привыкать – биться, – встряхнувшись, твердо произнес Матвей Платов. – С янычар саблями мы в Крыму уже скрещивались.

– По всей диспозиции, следует ожидать от крымчаков скорого наступления, – предположил Бухвостов. – К баталиям готовы. Да было бы для единорогов наших пороху вдосталь! Потребно усилить ночные дозоры и кордоны, дабы неприятель не застиг врасплох.

– Из Черкаска и крепости ростовской отправлены обозы с порохом и прочим армейским довольствием, – сообщил Стремоухов. – Помня измены татар и мурз, намерен я отрядить к Черкасскому тракту прикрытые армейские. Такжежды план имею понудить предводителя Джан-Мамбета-бея со всеми ногайскими кочевьями расторопно начать передвижение.

– Должен уведомить вас, господа, что закубанские ногайцы настроены к России враждебно, – решительно вступил в разговор Ларионов. – Вряд ли они вступят в бой с единоверцами-магометанями. Одначе донцы дисциплину соблюдают, их никак не трогают. Но буде заметят откровенное вероломство, – ручательства дать не берусь...

Совет затянулся до утра. Порученец генерал-аншефа торопился и отбыл первым. За ним последовал Бухвостов. Донцы задержались у Стремоухова. По-свойски выпили из старых запасов бессарабского и разыграли банк. Живее остальных выглядел Платов, он лукаво щурился на компаньонов, с размаха метал карты.

Следующей ночью полк Ларионова был атакован неприятелем. Казаки храбро приняли бой, отразили ружейными залпами черкесов и пустились за ними вдогон. Потери с обеих сторон оказались невелики.

Участившиеся нападения встревожили не только генерал-аншефа Долгорукова, но и полномочного в русско-крымских переговорах⁷ генерал-поручика Евдокима Алексеевича Щербинина. В начале года,

---

⁷Негоциация (устар.) – переговоры.

когда крымчаки разбили конницу ногайского сераскира Казы-Гирея и находившийся с ним отряд пристава Павлова, пришлось с разрешения главного царедворца Панина взять из казны слободской губернии тридцать пять тысяч рублей. Шагин-Гирей, брат законного крымского хана Сагиб-Гирея, был направлен к пришедшим в смятение ногайским ордам, чтобы подкупом расположить их к русскому престолу. Тогда, к счастью, удалось склонить на свою сторону колеблющихся беев и мурз...

Безусловно, Шагин-Гирей (он сложил с себя обязанности калги, намериваясь стать ханом) был ключевой фигурой в стратегических планах российских политиков. Недаром более года пребывал с крымской делегацией в Петербурге, где сумел снискать уважение. По велению государыни ему милостиво выделяли по сто рублей для проживания в богатых апартаментах. Но зарвался было, когда потребовал, чтобы не он первый ехал в царский дворец, а сам Панин пожаловал к нему и мурзам-делегатам от ханства. Когда упряму разъяснили, что существует дипломатический этикет, крымский гость заявил, что на аудиенции в Госсовете не снимет головной убор, как того требует магометанство. Условие было жестким, и императрица, избегая конфликта, нарочито подарила Шагину шапку, усыпанную драгоценными камнями. Вдобавок пожаловала татар особым церемониалом, который был установлен для послов Порты и Персии, и позволял везде появляться с покрытыми головами.

Баловала матушка-царица красивого, довольно образованного татарина, знавшего европейские языки. Тотчас по приезде в Петербург он был осчастливлен, помимо щедрых подарков, – серебряного сервиза, шубы, модного платья, – пятью тысячами рублями на расходы.

Шагин растратил их моментально, и Панину пришлось в который раз ссужать калгу изрядненькой суммой – десятью тысячами рублей.

Жил крымский посланец на широку ногу, бывая всюду, куда приглашали, – на светских балах, на куртагах, на военных парадах и приемах. Перстень и табакерку, пожалованную Екатериной по случаю приема в Царском Селе, Шагин-Гирей заложил купцу Лазареву. И Панин был вынужден вновь раскошелиться, за государственный счет выкупить подарки императрицы!

Откровенно вызывающее поведение Шагин-Гирея раздражало не только Панина, но и других членов Государственного совета. Крымчаку стали намекать, что пора и восвояси. Но тот не спешил, дожидаясь, когда послы ногайских орд получат Высочайшие грамоты. И еще почти год жил в Петербурге европейцем, не жалея российской казны.

Щедрость императрицы и расположение сановной знати в значительной мере изменили Шагин-Гирея. В свои двадцать пять лет он выделялся широтой знаний и твердым характером. В подлинниках читал греческих и римских философов. Покидая имперскую столицу, калга принял не только письма князю Долгорукову и генерал-поручику Щербинину, но и Высочайший рескрипт хану, брату своему Сагибу.

Однако в Бахчисарае за время его отсутствия многое изменилось. И по вступлении в должность паши, во время заседания Дивана, высшего совета ханства, его слова в пользу России, его укоры единоземцам за нарушение клятвы, данной Екатерине Великой, были встречены ультиматумом, что «действиями России, отнимающей земли и обращающейся с ними лживо, крымчаки обмануты и огорчены». – «Ничего подобного Россия не делает! – ожесточился Шагин. – Да если бы Россия за-

хотела мстить за вероломство, то ничего ей не стоило бы обратить Крым в пустыню. И это может случиться, если вы будете продолжать вести себя вероломно. Выдайте мне возмутителей мира и спокойствия, если намерены ожидать дальнейшей милости от России».

И тот же самый состав Дивана, который два месяца назад одобрил Карасунский договор, безмолствовал. «Полномочия, возложенные на меня при отъезде в Россию, обязывают вас повиноваться!» – потребовал Шагин-Гирей. Ему ответили без обиняков: «У нас есть хан, которому мы и повинuemся».

Спустя несколько месяцев он отказался от полномочий второго человека в Крымском ханстве и перебрался в Перекоп, к главнокомандующему 2-й русской армией Долгорукову.

Шатание ногайцев, смущаемых крымчаками, побудило Щербинина направить в Петербург предложение назначить Шагин-Гирея кубанским сераскиром, поскольку среди ногайцев тот пользуется уважением. Но последовал Высочайший ответ: в сераскиры провести Казы-Гирея, и лишь в случае неудачи одного замысла – Шагина. Теперь бывший калга находился среди едисанцев и буджаков, убеждал их не поддаваться на провокации ставленников Порты. Но слова его обретали силу только вкупе со щедрыми, корыстными подарками «российской королевы Екатерины»...

3

Этой холодной ночью, на исходе февраля, императрица, крайне вздернутая и одинокая, ни на миг не сомкнула глаз. Она была заранее уверена, что Гришенька Потемкин поздним вечером, как обещал, пожалует к ней для уединенного разговора.

Не пришел. А ведь больше десяти лет, поди, был у нее на примете, – вначале придворным балагуром, затем камергером. Веселил, говорил на разные голоса, пародируя царедворцев, пока однажды не обрушился на нее с критикой за поддержку просвещенного абсолютизма. Лишенный благорасположения, он решительно ринулся в пекло русско-османской войны. Правда, в те дни сердце ее дрогнуло, и камергера Потемкина она произвела в генерал-майоры. А после радовалась искренне его армейским успехам. За неполные пять лет пребывания в действующей армии Потемкин дослужился до звания генерал-поручика, обретя неоспоримый авторитет.

И теперь, в начале 1774 года, когда Панин со товарищи затаили умысел лишить ее власти и передать бразды правления государством сыну, Павлу Петровичу, – Екатерине понадобилось, чтобы рядом с ней постоянно находился надежный защитник, – боевой офицер и бесстрашный, преданный мужчина.

Случайное признание цесаревича, а затем объяснение с Паниным, подтвердившим, что Каспар Салтерн склонял молодого Павла к введению в России сорегенства вызвали у Екатерины бешенство. Впрочем, Панин же и отговорил ее, объятую праведным гневом, не топиться с отзывом Салтерна из Дании, где находился тот в посланниках. Успеется, со временем будет повод выгнать голштинца с государственной службы.

Реальная опасность отстранения от власти могла быть отодвинута только с помощью влиятельного при дворе человека. Тут Екатерина похвалила саму себя, поелику еще в декабре прошлого года в письме Григорию Александровичу Потемкину тонкими намеками звала его в Петербург. На августейшую депешу «генерал-поручик и кавалер» откликнулся только через полтора месяца, прибыв в столицу 3-го февраля. Но повел себя

осторожно и даже несколько спесиво. Несмотря на откровенные знаки внимания, он всего лишь дважды приезжал к ней за первые десять дней.

Пришлось отправить ему исповедальное письмецо со словами: «Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться отпущения грехов своих... Бог видит... Если б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви... и если хочешь навек меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, а наипаче любви и говори правду».

Гордец Потемкин четыре дня безмолвствовал. И вот только вчера, 25 февраля, около полудня появился в Зимнем дворце и дал уклончивый ответ, что постарается вечером быть у нее в апартаментах для полного объяснения. Но и тут обманул! Именно это сугубое непостоянство больней всего ранило сердце влюбленной женщины. Она металась по спальне, по своей просторной уборной, с огромным зеркалом, отражающим огни канделябров. Собственноручно подбрасывала дрова в горящий камин и мысленно вела с Потемкиным разговор, порицая его и призывая быть доверчивей...

Когда ровно в шесть утра ударил в колокол дворцовый звонарь, Екатерина встретила в большой уборной камер-юнгферу Марию Саввишну Перекусихину уже одетой, в окружении полудюжины любимых левреток, дрожавших от прохлады.

– Пресвятая Дева! Вы уже не спите, матушка государыня? – затянула угодница, озабоченно улыбаясь и принимаясь гладить ласковых и веселых собачек. – И шалуни тоже!

– Где же девушка-помощница? – с досадой проговорила Екатерина. – Зело тороплюсь, призовите ее.

– На одной ножке, – пыхнула услужливая придворная и, минуто спустя влетела с недавно определенной в покои статной девицей. Екатерина Алексеевна, по обыкновению, прополоскала травяным отваром во рту, затем кусочками льда натерла лицо и шею. Раскрасневшаяся, взбодренная, она вошла в свой рабочий кабинет, пропустив вперед смычку левреток и семейку Тома, итальянского грейхаунда, подаренного ей бароном Димсдейлом. Песик и его очаровательная женушка Мими, бойкая и кокетливая, вильнули к камердинеру, обновлявшему в канделябрах свечи, обнюхали его высокие сапоги и брезгливо фыркнули, уткнувшись мордочками в платье хозяйки. Немолодой слуга конфузливо замер от приключившейся незадачи.

– Прошу вас, оставьте меня, – бросила Екатерина и, поправляя платье, плавно села в свое богатое вольтеровское кресло. Вспомнился вдруг обаятельный Фридрих Гримм, также большой ценитель собак, с которым она уже несколько месяцев вела по вечерам беседы и – не могла наговориться. Впрочем, и с Дидро, знаменитым французским мыслителем, гостящим сейчас в Петербурге, встречи затягивались. Он добровольно взял на себя роль наставника, призывал ее к реформам, отмене крепостного права и другим смелым преобразованиям. Она внимала учтиво и благосклонно, стараясь быть достойной ученицей. Но как-то не сдержалась и урезонила Дидро: «Вы имеете дело с гладкой и ровной бумагой, а я с человеческим материалом. Это гораздо трудней!» И все же это были собеседники, учившие ее житейской мудрости. Всё импонировало в просвещенных европейцах: и философский склад ума, и воспитанность, и чуткие сердца. Немало пользы могли бы они принести России! Но, сославшись на рекомендации медиков переменить климат и незнание русского языка,

Гримм отказался от предложения служить при Дворе и засобирался в Италию. Там оказывать ему помощь она поручила «Альхену» Орлову, преданному и... непредсказуемому другу, главнокомандующему русскими силами в Архипелаге. Впрочем, Алексей Григорьевич, славный «Чесменский герой», уже второй месяц отдыхал в Москве. Она сочувствовала «Альхену», но окончательно вернуть на родину не решалась: война с Турцией продолжалась шестой год, и некем было заменить опытного резидента...

На рабочем столе лежали рукописи государственных дел, стопка чистой бумаги. В стаканах письменного прибора, изготовленного из малахита и украшенного камнями, стояли заточенные перья и карандаши. Мысли вновь вернулись к Потемкину. Она взяла перо и, откинув крышку серебряной чернильницы, обмакнула в нее легкое стило. Свободной рукой поднесла к лицу табакерку, глубоко вдохнула крепкий, бодрящий запах и стала строчить: «Благодарствую за посещение, – с издевкой начала она и вздохнула. – Я не понимаю, что Вас удержало! Неуже (в спешке она не дописала «ли»), что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственно для того, чтоб ранее все утихло, и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы, тому испужавшись, и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вифлиофику⁸ к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна. А нынешнюю ломаю голову,

---

⁸Виблиофика (устар.) – библиотека.

чтоб узнать, что Вам подало причину к отмене Вашего намерения, к которому Вы казались безо всякого отвращения приступали... Одним словом, многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двенадцатого и второго часа вчера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии последние сутки. Ибо всё ты твердил, что прийдешь, а не пришел. Не можешь сердиться, что пеняю. Прощай, Бог с тобою. Всякий час об тебе думаю. Ахти, какое долгое письмо намарала. Виновата, позабыла, что ты их не любишь. Впредь не стану».

Кабинет уже озарился мягким утренним светом, чего не замечала, пока кропала письмо. На соседнем столике появился кофейник из саксонского фарфора, корзинка с печеньем, в судке свежие сливки. Собачки выжидающе смотрели на лакомства, время от времени поскуливая. Екатерина сложила листы и запечатала конверт. Пригласив дежурного офицера, приказала немедленно передать его генералу-поручику Потемкину.

Возбуждение исподволь улеглось, и в углах губ появилась улыбка, когда она принялась с левретками завтракать. Милые нахалочки не довольствовались тем, что хозяйка кормила их печеньем, размоченным в сливках, а своевольно под хохот ее залезали на стол и, отесняя одна другую, выхватывали зубками куски колотого сахара. Избаловались, зело приохотились к сладостям всяческим...

В девять утра, вернувшись в спальню, она без задержки начала утренний прием. Стройный, подтянутый, в безупречно сидящем на нем сюртуке, как всегда, первым пожаловал Козицкий. Личный статс-секретарь отвесил низкий поклон, она протянула руку. Немолодой уже щеголь проворно поцеловал ее, чуть тряхнув париком.

– Садитесь, Григорий Васильевич, – обронила императрица и вскользь глянула на себя в настенное зеркало. Розовый гродетуровый капот с широкими складками, скрывающими полноту, в тон ему тюлевый чепец молодили лицо, принявшее после крепчайшего кофе свежесть, живо блестели глаза. «Недаром, гласит русская поговорка: сорок пять – баба ягодка опять, – усмехнулась Екатерина. – Как я хочу целоваться с Гришенькой...»

– Ваше Величество, реляции от генерала Бибикова и от Фонвизина.

– Скажи прежде, как твои доченьки-малютки?

– Пищат, Ваше Величество.

– Это к добру, что они погодки. Вместе расти будут. Хотя ты человек почтенный, а папаша – неопытный. Непременно навещу твою замечательную женушку Екатерину Ивановну... Итак, читай. Нам недосуг очки одевать. В долговременной службе государству притупили зрение и теперь должны поневоле их употреблять.

– Генерал сообщает, что следом за викторией майора Гагрина, отбившего у Пугачева Кунгур, февраля третьего сего года очищен Воткинский завод. Разбойники трусливо отступают, прячутся и разбегаются.

– А что доносит Фонвизин?

– «Все отраженные деташементы без изъятия теперь не уступают похвальному поступку майора Муфеля. Злодеи везде, где ни найдены, побиты, разогнаны и рассеяны... Войски Вашего Императорского Величества с разных сторон ко гнезду Пугача четырьмя дорогами подступают. Нет сомнения, чтоб при благодати Господней сего злодея с буйною его толпою они не поразили. Февраля пятого дня сего года».

– Весьма похвально. Фонвизин не токмо воин примерный, но и пером недурно владеет... Самозванца,

гнусного убийцу, покарает бог, и мы исполним Высшую волю.

– Также получен рапорт от генерал-аншефа князя Долгорукова.

– Мы слушаем.

– «Всемиловитейшая Государыня! Служа Вам и Отечеству, спешу уведомить, что южные рубежи наши сызнова атакованы варварами османскими, кои злоумышляют ногайские орды возмутить против России, подбить их к вероломству. Чрез досужих людей известно нам, что нарицающийся ханом Девлет-Гирей в конце минувшего года приплыл в Суджук-Кале из Порты. И, отрекшись от мирного Карасунского договора, его братцем подписанного, учинил среди всех ногайских племен смуту, преклоняя их на свою сторону. Сей мнимый хан Девлет силой в двадцать пять тыщ конных и пеших воинов кружит по кубанским степям, тревожа наши кордоны. Дважды отражали его нападения отряд Бухвостова и полк Уварова. Верные нам верховоды ногайцев не поддались на уговоры ханских гонцов. Однако, иные мурзы искусились на неприятельские посулы.

Похваляется Девлет-Гирей двинуться на Дон, разорить станицы и крепости. Мы пошлем при надобности еще полка два конных в распоряжение Бухвостова. И намерение дальнейшее имеем выгнать его с Кубани, освободить Копыл⁹, опрокинуть османа вспять от Суджук-Кале и Тамани.

Остаюсь с отменным к Вашему Императорскому Величеству усердием и преклонением

Генерал-аншеф Долгоруков».

– Стало быть, ни покойный османский султан Муштафа, ни теперешний Абдул-Гамид притязаний своих на Крым не оставили, – раздраженно проговорила Ека-

---

⁹Копыл – Славянск-на-Кубани.

терина, глядя в окно, выходящее на Дворцовую площадь. Над ней пропархивали крупные снежинки.

– Пригласите главу Иностранной коллегии. Он, полагаю, давно в секретарской.

Никита Иванович Панин, толстенький и узкоплечий, в красном камзоле, расшитом золотом, в зачесанном назад парике, с улыбкой на пухлых губках вошел в спальню и приложился к руке императрицы. Но его услужливо-подобострасный вид несколько не повлиял на устоявшееся к нему отношение императрицы. «Хоть и воспитатель сына ты, Панин, но лицемер и двурушник. Не ценишь моего расположения. Интриги плетешь за моей спиной!» – промелькнуло в голове, но она и в этот раз сдержалась и указала на кресло напротив себя.

– Долгоруков озадачил нас посланием. Некто назначенный Портой, новый хан, дерзостно ведет себя на Кубани. Учиняет нападения на мои войска. Что сказать изволите?

– Ваше Величество! Доставлена депеша от посланника нашего в Крыму Петра Петровича Веселицкого. Сообщает он, что смута там с каждым днем назревает. Шагин-Гирея, на коего по Вашей милости столь много денег издержано, отвергнут Диваном. Хан Сагиб-Гирей не обладает полной властью, в замыслах коварен, а вмешиваться войскам нашим Вы запретили весьма.

– Ногайские мурзы всего год назад давали обет, клятвенно уверяли, что дорожат дружбой с Россией. Почему же до сих пор не утихомирят их сераскир Казы-Гирей?

– По той причине, что перекинулась смута на ордынских ногаев, а раздоры между ними велики. Мы всячески стараемся их примирить. Посему разрешил я Щербинину использовать изрядную сумму.

– Подарков не жалейте. Ордынцы зело на них падки и сребролюбивы. Мы должны удержать ногайские племена в дружбе. Укажите в рескрипте командующему Кавказским корпусом Медему, чтобы в переговорах с кабардинцами был осмотрителен и вежлив.

– Смею доложить, пристав Таганов свидетельствует, что и в Кабарде неспокойно. Многие владельцы готовы переметнуться к единоверцам, принять власть Порты.

– Не есть ли это козни французов и Марии-Терезии? Панин, подумав, сдержанно улыбнулся.

– После того, как австрийцы получили Галицию, их политика по отношению к государству Российскому, вестимо, дружественна. Впрочем, нами посланы в Париж и Вену конфиденты.¹⁰

– Здравие графа Алексея Григорьевича Орлова, мне сообщили, изрядно поправилось. Не пора ли ему обратно в Ливорно?

– Смею полагать, что давно пора. Его пребывание дома затянулось. Граф с декабря отсутствует в Архипелаге. А все мы ожидаем скорейшего прибытия в Архипелаг¹¹ флотилии Грейга. Вы милостиво удовлетворили просьбу Орлова прислать эскадру взамен непригодных судов. Его план разрушить Салоники и Смирну, дабы затруднить поставку товаров Порте, весьма важен для нашей победы. Хотя Алексей Григорьевич, как мне известно, подвержен частым болезненным припадкам. И, быть может, его просьба об отставке вполне обоснована...

Императрица высоко вскинула голову, заподозрив царедворца в недобрых намерениях, и перебила с заметным акцентом:

---

¹⁰Конфиденты – тайные агенты.

¹¹Архипелаг – Средиземное море и прилегающие земли, принадлежавшие Порте.

– Орлофф незаменим! Чесменским сражением он прославил навек свое имя! Он нужен мне в Италии... И вы наемните ему, что я хочу видеть графа в служении России в этот прееответственный для державы период... Вы сбободны, Никита Ифанович! Днем погофорим более оснофательно...

4

Половодье в этом году разгулялось с невиданной силой. Откуда-то с верховьев пришла мощная взломная вода, разбудила округу гулом, расколола на стремени и вдоль берегов зимнюю броню, – и грянул на Дону ледоход, унося остробокые крыги на юг, к морю Азовскому.

Изрядно подтопило Черкасский городок, казачью столицу! Залило водой три раската, как именовали казаки бастионы, – Андреевский, Алексеевский и Донской. Улицы, ближние к Танькиному ерику, превратились в узкие каналы. Под воду ушли опорные сваи и подклестья куреней. А крайний из них – урядника Ильи Ремезова – с белыми ставнями и стенами, выкрашенными охрой, под камышовой крышей, казался дивным судном посреди водной глади. Устройством хата сия была точно такой же, как у всех местных жителей. Нижний этаж – омшаник, предназначенный для хозяйственных нужд, второй уровень – жилой. А между ними, как поясом, окружен курень деревянной галереей, а точнее, по-казачьи – галдареей. Она – на подпорках, кое-где с перильцами. Можно просто посидеть, поболтать с соседом, а можно с двух сторон и чарками стукнуться! Таково заведение в Черкасске, – ставить жилища строём, плечом к плечу...

Урядник спозаранку сидел с боевой пикой в руках на углу своей галдареи и неотрывно смотрел на плетень, стояками и верхом выступающий из желто-мутноватой

воды. Хоть и не молод был Илья Денисович, а глазами зорек, как чайка-хохотунья, замечающая добычу в речной глубли. Дважды шибалась об ивовую изгородь здоровенная рыбина, дважды бросала фонтан брызг аж до окон второго этажа! Нутром чуял повидавший виды казак, что тут она, во дворе, – кружит, выход ищет на волю. И ежесть высмотреть ее да метко пронзить острой пикой, то знатная ушица выйдет. На всю улицу!

С тыльной стороны соседом Ремезовых был войсковой старшина Данила Гревцов. Курень его также наполовину был затоплен паводком, но и галдарея, и балкончик вдоль стен, балясник, свободно нависали над водой. У крылечка был привязан просмоленный челн. Ремезов имел плоскодонку. И теперь, поглядывая на бескрайнюю речную гладь, на свою плавучую станицу, размышлял Илья Денисович: а не махнуть ли на займище, в сторону Аксая? Должно, там и шуки, и стерляди изобильно, – бревнами снуют по мелководью. Можно бить пикой и трезубой острой.

Путовень серых туч трепал южак¹², пока не пробились столпами солнечные лучи. Яркий свет побегал по обдонскому холму, по могучим гололобым дубам и ожившим, выбросившим лимонные веточки тальникам. А приречные вербы красовались уже своими серебряными сережками, сулящими долгое тепло. Во множестве пролетали над Доном стаи казарок, уток и лебедей, правя к дальним плесам. Манилось вольному люду отведать убоинки, да не позволял пост. До Пасхи, почитай, три недели. Поздней она была в этот раз, двадцатого апреля. Хотя отнюдь не все из черкасцев гребовали скоромным. Чем бог посылал, тем и обходились. Смалочку приучена черкашня к стерляжьей ушице, сомятине, к икорке пробойной да щучьему холодцу. Вот и сидел пожилой до-

---

¹²Южак (донск.) – ветер с юга.

нец, посасывая трубку, на галдарее собственного куреня и сторожил рыбу-дурищу, заплывшую в его двор.

Между тем солнце встало в полный дуб, до зенита добралось, – и даже у воды стало теплей, а борода прямо-таки накалилась на ярых мартовских лучах.

Глядит Илья Денисович: плывет по улице двухвесельный каюк, а в нем гребец, еще один казак и... батюшки-светы! – самолично войсковой атаман Семен Никитич Сулин, в расшитом кафтане и собольей шапке, перепоясанный широким ремнем, с кинжалом и турецкой сабелькой в ножнах. Подивился урядник такому гостю на их улице, тотчас встал и поклонился.

Атаманская лодка, развернувшись левым боком, причалила прямо к галдарее гревцовского куреня. Сам хозяин, Данила Петрович, всполошенно отворил дверь и, выйдя к старому приятелю, протянул ему руку, помогая перебраться на доски балясника. Перешучиваясь, они удалились в курень. А двое гребцов, с обветренными сизыми лицами, сторбившись, остались в каюке.

– Эй, борода! – зычно крикнул один из них, черномазый малый с озорными глазами. – Горилочки нема горло промочить? Закацубли¹³ начисто! С утра веслами машем...

– Окстись! – укоризненно отозвался Ремезов. – Ни вина, ни скоромного никак не можно. Вторая половина поста.

– Аль ты старовер?

Илья Денисович не ответил, узрев вблизи кормы своей плоскодонки плавник, точно красным лаком крытый. И, не раздумывая, саданул пикой вниз, под лодчонку. Дьявольская сила потащила его вглубь пучины, вырывая из рук древко. И разжать бы ему пальцы, пожертвовать оружием, чтоб удержаться на галдарее, но

---

¹³Закацубнуть (донск.) – замерзнуть.

рыбацкий азарт затмил рассудок и – бултых в мутную стылую бездну! Но и тут он не растерялся, уцепился одной рукой за борт лодочки, а в другой – намертво зажал пику с нанизанной рыбиной-великаншей. Её головень и хвост-веер то и дело выметывались над забуруневшей водою, на которой рдели пятна крови. Казаки атаманского каюка таращили глаза, гадая, с чего бы это солидный станичник удумал купаться в половодье?

– Агу, дядька! – недоуменно позвал тот же юркий казачок, перелезая с носа на корму лодки. – Ты пошто там? Аль свалился? Аль грехи смываешь?

Барахтаясь в воде, обезумев от ее игольчатого холода, Илья Денисович гаркнул что есть мочи:

– Белугу пикой пронзил... Братцы, выручайте!

Несколько весельных гребков – и каюк уткнулся в ремезовский курень. Черномазый, свесившись с края лодки, запустил заголенную ручищу в воду. И, перехватив древко, рванул кверху, давая возможность горерыбарю перевалиться в плоскодонку. Дрожа, в промокшем зипунишке, урядник намертво схватился за край древка. Тяга, однако, усилилась. Илья Денисович носком сапога сбросил с крюка цепь плоскодонки. Две руки с одной, две – с другой едва удерживали добычу. Рыбина рванулась и поволокла обе лодки на стрежень, на течение. Весла атаманских гребцов, частя впротivoход, всячески препятствовали ей разогнаться.

Между тем бурлящая стремнина Дона, уносящая не то, что утлые посудины, а вековые дубы, неотвратимо близилась. Илья Денисович и казак, почуяв опасность и ожесточась, дружно толкнули древко, стараясь пронзить неугомонную бестию. Рыбина плеснула хвостом, поднимаясь из глубины, – из-под острия пики потянулась по волнам розовая прошва. Разбитной помощник ахнул, напористо потребовал:

– Белугу вдвоих добыли, поровну и разделим. Ку-быть, не скоро нам донской рыбки снова отведать придется. В полки поголовно гуртуют на войну с туркой...

– Ты, балакарь, прежде плоскодонку возьми на кукан! Мне грести нечем. Опосля дуванить будем, – огрызнулся урядник, стуча зубами от озноба и вымеривая глазами расстояние до своего куреня. Утащила их чертяка никак не меньше, чем на треть версты.

Тем часом Сулин вышел с Данилой Петровичем из куреня на балясник подымить трубками да посеCRETничать.

– С рекой тебя, сосед! – громогласно поздравил Гревцов, наблюдая, как урядник, причалив к собственному куреню, вытаскивает белужью тушу. – Не забудь на разговенье пригласить!

– Всегда рады! Вечерком милости просим.

Войсковой старшина, очевидно, отвечая на вопрос Сулина, понизив голос, пояснил:

– Сын его, Леонтий, орел-казак! Молод, а до сотника дослужился. Ревностно турок бьет!

В закатный час, как условились, Гревцов пожаловал к уряднику, пройдя по деревянному мостку, проложенному вдоль улицы. Не один явился, а с сыном Никитой. И здоровьем бог парня наградил, и с лица виден, да умишка мелкого. Драться с малороссами, горилку пить он большой охотник, а девок чурается, робеет пред ними. Заприметил на святках войсковой старшина, что заглядывается сын на Марфушу Ремезову. Девка на выданье, семнадцать уж минуло, – и красива, и душой светла, и неунывака! Потому и прихватил Никиту, чтоб пригляделись да, прости господи, обнюхались. Илья Денисович героем прослыл еще при штурме шведской крепости Апяла тридцать лет

назад, да не разбогател, – к голытьбе ближе, чем к старшине¹⁴ донской. И, как считал Гревцов, должен за честь принять его дружество и намерение поженить детей.

В самом деле, хозяин рад был уважить знатного соседа! Стол накрыли по этой причине не в стряпчей комнате, а в горнице. На скатерти с алой каймой красовались широкогорлые кувшины с вином и горилкой, в деревянных тарелках золотилась вареная белужина, в кубышках – квас, на медной сковороде чернел курганчик жареной икры. А посередине стола, по традиции, стояла серебряная солоница, привезенная некогда из персидского похода дедом урядника.

И гости, и хозяева сели за стол принаряженными. Устинья Филимоновна, урядничья женка, обновила зеленую поневу, надетую поверх рубахи с расшитым воротом, а голову прибрала повойником, шапочкой из лебязьего пуха и пестрым ширазским платком. Марфуша была в светленьком сарафане с узором по всему подолу, а русую косу убрала лентами и косниками из серебряных цепочек. Не девка – загляденье! В одном переусердствовала: туго завязала челоуч, налобную повязку, и брови сами собой приподнялись, отчего смотреть вниз было затруднительно. Однако Никита, примостившийся напротив, этого не примечал, поскольку взор свой вперил в тарелку с ухой и, наклонившись, хлебал деревянной ложкой. Войсковой старшина, видимо, с трудом влез в потертый синий кафтан, приколот на грудь медаль, а на правое запястье нацепил золотой браслет, как принято у войсковой верхушки. И, неспешно подняв медную чарку, усмехнулся в поседевшую бороду:

– За славный нонешний денек! Тебе, Илья Денисович, удача, а мне – почесть. Сам войсковой атаман на провед приплывал. Совет держал... Да еще за весну

---

¹⁴Старшина (каз.) – офицерский чин у казаков.

раннюю! Как гутарят, купил март у матери-зимы шубу, да через три дня продал... За нас, донских казаков!

– Спаси, Христос! За ратников родных да гостей до-рогих!– поддержал хозяин, искоса следя за Данилой Петровичем и ожидая, когда тот первый хватит горилки.

Ни женщинам, ни парубку наливать в будние дни не принято. Бывалым казакам – позволительно, ежели до клира «слых» не дойдет. А дойти он никак не может, ибо за столом одна родня. Пока разная, а там, глядишь, – и «обчая».

Но не гладко идут смотрины! Излишне суетится хозяйка, безмолвно и печально клонит голову Марфуша. Обеим, как не скрывай, жених не по нраву. Илья Денисович, хоть и живо беседует с гостем, и поддакивает его хвалебным словам в адрес своей супружницы, состряпанной «добрячую блюду», но нутром сразу учуял, что не мил дочке женишок.

– Через неделю Алешка теплый, а погода, аки в Божий пасхальный праздничек, – нараспев тянула Устинья Филимоновна, подавая на стол блины с белужьей икрой. – И когда ж замирение с турками выйдет, Данила Петрович? Не сказывал атаман?

– Об том деле никто знать не может. Одна государыня да царедворцы резоны понимают. А доля казачья – врага искоренять. По секрету открою: турки на Кубань выступили, чтоб на Черкасск нашествовать. А по Яицкому и Волжскому казачеству бунт занялся. Нашенский казак Емелька Пугач объявился самозванным царем Петром. Города палит, смертоубийства творит неподобные. Дворян, каких пленяет, с детьми и барынями казнит, а именья разоряет!

– И откедова супостат взялся? – всплеснула руками хозяйка, хмурия свое моложавое круглое лицо. – Ажник страхом прошибает! Не анчихрист ли?

– Не-ет! Я этого Емельяна по Семилетней войне знавал, – с ухмылкой возразил Гревцов. – Ухарь был и мошенник, каких свет не видывал. Ежель что плохо лежит, – бесперечь утащит. Из станицы Зимовейской он. Там и женка его, и хата... Чистый голодранец, а полез в цари! Атаман баил, генерал Бибиков скорочко разобьет злодея. Но и нам не сидеть сложа руки. Кружит Емелька по Волге, того и гляди, на Дон кинется!

– С двух сторон, стало быть, беда подкрадается? – догадался Илья Денисович. – Это мудреней, чем атамана нашего пленить да царевым слугам на суд передать.

– Степан Ефремов под себя дюже подгробал. Вот и пострадал! Вона, какой домище каменный возвел, – с железными дверьми и окнами-бойницами. А с каких благ? С войсковых! Казну на семью свою извел. Нонешний атаман – заступник Дону.

– Хоть бы сыночка нашего, Леонтия, домой возвратил, – откликнулась Устинья Филимоновна, подходя к окну, озаренному заходящим солнцем. – Вот славно! Никак вода на сбытие пошла. Плетень открылся и лестница...

Заскучавшая Марфуша с поклоном встала, подпорхнула к матери. И удивленно расширила глаза, – правда, скатывалась полая водица, уходила к низовьям.

– Я не зря Никитушку привел, – поставив опустошенную чарку на стол, приосанился войсковой старшина. – У меня сын, у тебя – дочка. Пара подходящая... Никит, нравится тебе Марфа? Не стесняйся, гутарь. Всем ответствуй!

Парень, низколобый, как полымем охваченный курчавенью русых волос, ослабился.

– Дюже нравится.

Данила Петрович в упор уставился на отца невесты.

Оба были изрядно пьяны. Урядник, наконец, смекнул, что избежать прямого ответа никак не удастся. Зыркнув на дочь, пробасил:

– А ты, Марфуша?

Лицо девушки зарделось. Она потупила взор и промолвила:

– Мне и дома хорошо, батюшка!

Как ни был хмелен Илья Денисович, а углядел в глазах дочери слезинки. Самолюбие възгало: родного дитя в неволю? Вновь повернувшись к гостю, он заключил:

– Ты, сосед, знаешь. Тебя я дюже уважаю. И в чине тебе я не ровня! Но про свадьбу решать станем по осени. И пост зараз, и пахота опосля подойдет, и сенокос...

– До Покрова цыган сто кобыл засекает! В мясоед этот давай свадьбу справим. Как порешим, так и будет! Я сам на всё потрачусь! Сын у меня один... Надо всё в пору: пересидишь, сам под шермицию¹⁵ угодишь.

Но урядник, невзирая на то, что Гревцов – величина войсковая, еще непримиримей рявкнул:

– Не неволь, Данила Петрович!

С великой обидой ушел седочубый сосед, с понурым видом – сын. Илья Денисович проводил их до мостков, проследил: благополучно ли доберутся до своего куреня. И, снова усевшись на галдарее, развязал кисет и вложил в ноздри по щепотке крепкого турецкого табака, присланного с оказией сыном еще в рождественский пост.

Тихо было вокруг, лишь на дальних раскатах-бастионах лаяли собаки, раздавались голоса, долетали обрывки песен. Синели неоглядные сумерки. Великая вода убегала по донскому руслу неведомо куда, смыкаясь с небом. И в этой удивительной слитности терялось ощущение обыденности, казалось, что ноги лишились

---

¹⁵Шермиция (устар.) – маневры войск.

опоры, и невесомо парит он в похолодевшем вечернем воздухе. От этого стало весело и легкодумно. И забылось про всё на свете, – глядел урядник, как зажигаются над Черкасским городком звезды и отражаются в донской воде, в иссиня-темном зеркале. Считал их, пока не сбился, – и завел вполголоса песню про любушку-голубушку да про горькую чужбину и одинокого казака, – своего сына, Леонтия Ремезова...

5

Девлет-Гирей, окончив совет, пожелал, чтобы в юрте остались Шабаз-Гирей и нурадин Муробек-Гирей. Все они связаны с ханом кровными узами.

– Если сведения, полученные от наших людей, верны, мы должны завтра выступить. Русских мало. Нас много! Едисанцы – да будь славен аллах! – образумятся. Воины султана Абдул-Гамида ропщут. Они прибыли со мной, чтобы воевать против гяуров, а не отсиживаться за Кубанью.

– У русских грозная кавалерия. Напасть следует внезапно, – заметил младший брат Шабаз, калга, воинственный молодой человек.

– О, ты прав, Шабаз-Гирей! – подхватил нурадин, улыбаясь и щуря щелочки глаз. – У нас есть проводники из кубанских ногаев. Они хорошо знают степь до калмыцких хотонов.

Девлет-Гирей, покусывая кончик рыжего уса, устало опустил на локоть. Больше двух часов он, как и все остальные, просидел в шатре на исфаганском ковре, и оттого покалывали отекавшие ноги. В ушах его еще звучали гортанные голоса мурз и военачальников, призывавших идти на урусов, отбивать ногайские аулы, опустошать донские станицы. Но, прежде всего, нужно повиновение ногайских орд и возврат их в Крым. Или,

по крайней мере, перемещение к границам Крымского ханства. Он отчаянно не любил Россию и русских, готов был погибнуть в сражении с ними, и цель, ради которой всемилостивейший султан Порты возвеличил и послал его сюда, была четкой. Все усилия направлены на возвращение ногайцев под крыло Османской империи.

– Не для того я оставил вас, братья, чтобы говорить о решенном. Ко мне приехал посланец кабардинского владетеля Атажукина. Ему стало ведомо, что я отверг Карасунский договор, подписанный Сагиб-Гиреем. Кабарда принадлежит нашему ханству. Как единоверческая земля! Так же думают Атажукин и Мисост Баматов, влиятельные люди Большой Кабарды.

– Но кабардинцы дали клятвенный обет императрице России? – озабоченно напомнил нурадин. – Чего они хотят?

– Об этом мы сейчас узнаем, – заключил хан и приказал телохранителю, никогда не удаляющемуся от него далее двух саженей, пригласить ожидающего кабардинца.

В юрте было сумеречно и прохладно по-вечернему, и калга собственноручно поджег масляный светильник в керамическом сосуде. Желтый дрожащий отсвет лег на лица присутствующих. Близился час намаза, и необходимо было переговоры провести быстрее.

Посланец Атажукина по-мусульмански приветствовал хана и его сподвижников. Затем сел напротив на расшитую золотом подушку, удерживая на красивом смуглом лице благожелательную улыбку.

– Мой хозяин передал послание, – запуская руку во внутренний карман чекменя, сказал белозубый парень. – Вот оно!

Девлет-Гирей, слегка усмехнулся уголками рта, беря бумагу в руки.

Но читать не стал, ибо всё делал без спешки. Свой ответ он даст тогда, когда посчитает это нужным. Глаза посланца могут сказать не меньше...

– Мой хозяин и Баматов сами приедут к вам для переговоров. А мне поручено решать срочные вопросы, – уже иным, уверенным голосом заявил кабардинец. – А на словах велено передать, что мы признаем Ваше Величество правителем Кабарды. А свою родину считаем частью Крымского ханства. И как подданные надеемся на тесное сотрудничество и помощь в борьбе с неверными.

– Я благодарен за теплые слова Касаю Атажукину и Мисосту Баматовау, весьма уважаемым в Кабарде владетелям. Но от речей, как говорят на Востоке, солнце не становится жарче. Я знаю, что кабардинская конница наводит ужас на любого врага. И буду признателен, если уважаемые союзники выступят вместе со мной против русских. Готов ли ваш господин обсуждать это?

– Готов, – не задумываясь, ответил кабардинец, блеснув белками крупных карих глаз. – Но прежде мы намерены убрать с нашей земли русскую крепость Моздок. Подлые рабы бегут туда от своих господ, данных Аллахом, и в этой крепости их принимают. Русские нарушают горские обычаи и порядки. Мои повелители считают, что их задача отвлекать войска русских, чтобы вам было свободней действовать.

Парень поднял руки ладонями кверху, провозгласил благодарение Аллаху и провел ими по лицу. Хан поймал взгляд брата Шабаза, недоверчивый и суровый. «Не с помощью прибыл, а за поддержкой», – догадался и сам Девлет-Гирей. Но то, что кабардинцы и другие горцы враждебны России, обоих обрадовало. Эта весть разнесется и среди ногайцев!

– Передайте, что мои братья Касай и Мосост могут рассчитывать на дружескую руку. Но сначала мы вернем к себе ордынских ногайцев. И, будь славен Аллах, вскоре совершим это.

– Будет ли владетелям ответ на бумаге? – в заключение спросил посланец.

Девлет-Гирей поправил рукав своего зеленого бешмета, надетого поверх суконной рубахи. Подумав, сдержанно кивнул.

– Я напишу. А вы довольны ли приемом?

– Да, великий хан! Я здесь, в Копыле, точно в родном ауле. Мой повелитель передал подарки! Шашки, позолоченный кумган и девушек.

– Весьма польщен. Завтра вместе с ответом я также передам подарки, – пообещал хан и преклонил голову, прощаясь с кабардинцем.

После намаза Девлет-Гирей приказал нукеру привести к нему в шатер подаренных невольниц. Все трое, одетые в теплые бараньи зипунки, были молоды и стройны. Оставшись наедине с девушками, хан подошел к ним и стал по очереди поднимать чадру, спрашивая имена. Первая, Гульнара, оказалась из Силистрии, – большеглазая и пугливая, как серна. Вторая была валашкой, звалась Терезией. Сразу запомнились ее чудесная смуглая кожа и пухлые розовые губы. Но всех больше понравилась Зара, – отменно красивым лицом, станом и черными вьющимися волосами...

Отпустив эту наложницу, хан помолился и постарался уснуть. Но перед глазами негаданно стали возникать картины Бахчисарая, ханский дворец, его комнаты, гарем. Вспомнилось ущелье Марьям-Дере, на лесных склонах которого он часто бродил и охотился в юности, на вершине столовой горы – Чуфут-Кале, иудейская крепость. Там жили караимы, близкие по языку, но

чуждые по вере. Роду Гиреев не пристало даже бывать в караимском городище. А он, Девлет, тайно влюбился в четырнадцать лет в юную и прекрасную Зарему, дочь чуфуткалинского купца...

Нукер, сидевший на волчьей шкуре перед шатром, вскочил, едва его господин вышел, откинув войлочный полог. Мурат, так звали телохранителя, встал точно на смотру, положил правую ладонь на рукоятку персидского кинжала, добытого в бою. Трое других охранников, также не смыкавших глаз у жилища хана, быстро приблизились. Но вокруг было безлюдно, лишь на войсковом становище, где скопилось не менее двадцати тысяч его воинов, раздавались голоса да ржание лошадей. А над Копылом плыли дымы из отверстий шатров, из печных труб приземистых хат, стелилась изгарь от многочисленных костров, у которых грелись разноплеменные отряды всадников и лучников, янычар, верной ему ногайской конницы и казаков-некрасовцев. Девлет-Гирей, оглядывая костры на всхолмье, с радостным изумлением обнаружил, сколь велика его армия!

Ущербная луна цеплялась за край лиловой тучки, озаряя зенит. Молодые глаза хана высмотрели треугольник журавлиного клина, спешащего на север. Завтра и ему в путь!

Вернувшись в шатер, Девлет-Гирей взял в руки сааз. Игре на этом струнном инструменте его научила Зарема. Пальцы своевольно вспоминали любимые ею мелодии, и от этого душа стала мятежной.

Он играл, как будто разговаривал со своей возлюбленной.

Разговаривал, хотя знал, что ее нет в живых. А, может сааз и есть ее нежный голос?

Но вдруг точно кто-то толкнул его! Девлет-Гирей отбросил инструмент на ковер. Сразу всё затмила не-

отступно терзающая мысль: он покорит ногайцев, разобьёт царицынское войско и разорит станицы. Был у него гонец от Емельяна Пугачева, уруса-разбойника, поднявшего мятеж против Екатерины. И он, крымский хан, втайне дал знать новоявленному русскому союзнику, что согласен на договор с ним. Двигаясь навстречу друг другу, они завоюют Россию! И он, Девлет-Гирей станет тогда не только крымским ханом, а султаном государства Российского! А затем... и Константинополь падет к его ногам!

В крайнем возбуждении Девлет-Гирей ходил по шатру. Фитиль светильника, закоптившись, тускло озарял жилище. Неведомый человек промелькнул слева, и хан молниеносно выхватил ятаган, с поворотом рубанул по злому призраку – с громким звоном раскололось на мелкие осколки походное зеркало в медной оправе...

Мигом отрезвев, хан опустил руку с турецкой саблей. Недобрый это знак, шайтан попутал. И, упав на колени, он стал истово молиться, взывать о помощи к Всевышнему...

6

Трубач Егор Полторак поднял казаков по приказу Платова, на зорьке. Всю ночь донцы жгли по очереди костры, рубая тальники и терновники, собирая по балкам принесенный ветром курай¹⁶. И под утро, после печальных песен, уснули на ядреном степном воздухе мертвецки. Но уже с первыми звуками – короткими, сигнальными, – вскочили на ноги, ища своих урядников и хорунжих. Не нападение ли татар часом?

– Выступаем в поход! Стройся, братцы, посотенно! – командовали есаулы, гарцуя перед казаками. А те,

---

¹⁶Курай (южн.) – перекати-поле.

разобрав лошадей из косяков, уже проворно седлали их, да еще успевали пошучивать, рассказывать сны про баб и дивные приключения, связанные с ханским гаремом.

Хорунжие подравнивали ряды, хотя и без них любой казак знал свое место: кто слева и справа, кто в передних рядах, а кто в прикрытии. На учениях, в походах и в сражениях так приноровились, что могли строиться с закрытыми глазами.

Платов, в теплом суконном мундире, в высокой шапке, из-под которой выбивались черные пряди, розовощекий и бодрый, точно сросшийся со своей резвой кавказской лошадкой, пронесся вперед в окружении ординарцев. Свита полковника остановилась на пригорке, ожидая, когда в походном порядке тронется весь полк.

Первыми во все стороны разметнулись дозорные. В авангарде походной колонны двинулись четыре неполных конных сотни, за ними пушкари на подводах, далее следовал обоз с амуницией, порохом, ядрами и провиантом. И замыкала походный строй еще одна сотня, собранная из служилых казаков, самых опытных и отчаянных. Хотя и направлялись они в мирную восточную сторону, но от коварных крымчаков всего можно ожидать. В чистом поле Божья воля!

Казаки, проезжая мимо полкового командира, громко и слаженно приветствовали его, совсем молоденького, черноусого. Но Платов молчал, пристально оглядывая ряды. Далеко не все подчиненные были одеты в мундиры синего сукна, выданного на пошивку приказом войскового атамана. Кто не успел пошить, кто причужил¹⁷ сукнецо, а иные понадеялись на бабенку своих, да вместо мундиров сварганили те кривобокие одежины, на которые без хохота невозможно смотреть.

---

¹⁷Причужить (каз). – присвоить.

Большинство же казаков носило овчинные зипунцы, надетые поверх чекменей, а покрывались папахами. Конечно, по сравнению с регулярными гусарскими или драгунскими частями выглядели донцы неказисто. Но требовал казачий полковник, чтобы во всем был порядок. И старался, как мог, опекать своих земляков. Упросил даже генерал-аншефа Долгорукова дополнительно выделить для полка три десятка ружей и пистолетов. Огнем оружием надежней громить татарских батырей!

Полк двигался вдоль левого берега Еи, в одном направлении с ногайскими кочевыми обозами. Мартовский день хмурили тучи. Изредка меж ними проskalьзывали лучи, в перехлест, ножницами утыкались в дальние пригорки. И тогда ощутимей становилось внешнее теплушко, мягче – напитанный влагой ветер. Свет и тени облаков прокатывались по косогорам, по диким облескам и буеракам. А целина зеленела уже сочной щетинкой молодой травы. На скатах, любопытствуя, столбиками стояли темно-палевые суслики. Немало было сурчин, и круглобокие байбаки, позабыв о страхе, глазели на великое множество повозок, людей и животных. Двигались пришельцы по берегам Еи с оглушительным грохотом, скрипом, криками. Полнили степь густые запахи лошадей, овец, длинношерстных буйволов и верблюдов. Такого переселения еще не видела глухая южная степь, рассеченная полноводной, с разливами, шумной рекой.

Есаулы Полухин и Куприков, оторвавшись от командира полка, пустились вперегонки к трем карагачам, богатырски возвышающимся на вершине холма. Оба были немолоды, с Цимлы, вдоволь понюхали пороху.

– Красотища, ровно у нас на Дону! – осаживая лошадь, воскликнул Полухин, взволнованный видом бес-

конечной равнины, синим блеском извилистых речек. Восточная сторона неба, озаренная солнцем, слепила глаза. И на севере, где вдалеке тосковала по ним отчая сторонка, небосвод был удивительно ясен.

– Дюже земли богато! – откликнулся сослуживец и по привычке поднес к глазам ладонь. – Вот за эту самую землицу, стал-быть, мы и бьемся с турками да татарами. А на кой ляд она нам нужна? В станицу душа просится.

– Ты, Куприков, других не смущай. Не наша на то власть. Как царица прикажет, командующий Долгоруков али полковник. За Отечество стоим. А домой успеется. Мы с тобой до есаулов дослужили не на печи, а на поле бранном. И ты тоске не поддавайся!

– Да я не про то... Про станицу вспомнул потому, что весна. Жизнь воскресает, всякая тварь паруется. И не хотишь, а про любовь думается. Про жёнкину перину!

– Про курень и семью вспоминать не грех. А кручиниться – невозможно! С нашим Платовым не заскучаешь.

– В двадцать лет полком за здорово живешь командует. В отца своего Ивана пошел, тот тоже полковник. А Матвей никак сверху, по старшинской части повышен.

– Нет, не войсковой атаман чин ему давал. Генерал-аншеф присвоил. И справедливо! – воскликнул Полухин. – Под Кинбурном я при нем был. Полковник первый в бой, прямо по морю, вброд поскакал! Ажники турки растерялись!

Вдоль подошвы холма промчался разезд разведчиков. Было на расстоянии слышно, как мерно и гулко бьют по земле копыта. Есаулы обернулись назад. Ейская долина, открывшаяся глазам, до самого горизонта пестрела кочевьями ногайцев.

– Ты погляди, сколько у ногаев овец! – вскинул руку с висящей на ней плеткой Куприков. – А мои ребята

одной пшенкой коштуются. Да и твоя сотня не пирует. Микит, давай отобьем отарку? У меня есть отчаянные головушки.

– Аль мои казаки не такие? – оживился Полухин. – На голодный курсак¹⁸ не навоюешь... Никак, Платов к нам?

Полковник в сопровождении ординарцев-низовцев, Арехова и Кошкина, круто повернул и погнал коня на холм. Выглядел он жизнерадостным и бодрым, в темно-карих глазах мерцал лукавый огонек. Спешившись, Матвей Иванович прогулялся по зеленеющей целине, цепко посмотрел на есаулов, также спустившихся на землю.

– То-то застряли здесь, залюбовались, – укоризненно бросил командир, точно бы слышал их недавний разговор. – А вы в котлы чаще заглядывайте! Я был в твоей сотне, Куприков, и выпытал у казаков. Не должным образом, есаулы, службу несете! Вон, птицы дикой сколь на речке, – и казарки, и дупеля. Бей! Зайцев, куропаток в изобилии. Кабана я из плавней вчерась выгнал... Али добыть не умеете? Стрелять разучились? И щука трётся по отмелям. Али недосуг? Али разжаловать кого в урядники?

– Исправимся, ваше благородие, – скороговоркой проговорил Полухин. – Накормим казаков досыта! Поход дальний, к слову... А нельзя ли у ногаев овцами подживиться? Мы над ними охрану несем, нехай за то нас уважают провиантом.

Платов лукаво прищурился.

– Коли не попадетесь, – похвалю. А распознают едисаны – прощения не будет, поелику дружественны они нам. Следом идет полк Ларионова. Смекайте, что к чему...

---

¹⁸Курсак (донск.) – живот.

– Так точно! – озорно отвечивал Полухин, на-блюдая, как полковник, оттолкнувшись носком, взлетел в седло, взял повод из руки дюжего Арехова. Мгновенье – и Платова след простыл. Его высокая шапка мелькает уже в гуще колонны.

К полудню распогодилось. Рассиялось южное солнышко. И по просыхающей вековечной целине ступать лошадям стало легче. Сотни повеселели. Подставляли лица казаки ласкучим лучам и мечтали, что выйдет замиренье с турецким султаном и отпустят их полк на Доншину. И будто с родины привет, – звенел в поднебесье такой же, как в милой станице, жаворонок, а показачьи – посметушек. Размеренно шагали кони, отмеряя вёрсты. Но как узнать, что впереди?

Снежный буран нагрязнул из-под темных, сгрудившихся туч. Нахлестом ударил ледяной ветер, с нарастающим шумом посыпалась мелкая крупа, беля землю, лошадей и всадников. Подуло еще сильнее. И дали сплошь закрылись снегопадом!

Платов приказал ставить бивак на берегу Еи, где в глинистых ярах можно было укрыться от продувного холода. Здесь было достаточно камыша, сбитого льдинами, чтобы палить костры.

Рассредоточились посотенно, готовясь к ночевке. Снег время от времени редел, но ветрюган не унимался. В этот час и отправились из сотни Куприкова на другую сторону реки пятеро храбрецов. Для отвода глаз надели ногайские халаты...

Лишь под вечер потеплело. С трудом растопило солнце сизую наволочь на закатном краю неба. И в полку жизнь оживилась: фуражиры раздали казакам в гарнизонах овес и те, выведив после дороги лошадей и обтерев их бока пучками сохлой травы, – задали корм. Пластуны и подводчики под приглядом урядников умело ставили

походные шалаши и палатки, кашевары собирали курай и кололи ветки верб, торопясь разжечь костры.

На этом биваке, у истоков Еи, платовский полк догнал следовавший позади полк Ларионова. Он прикрывал последние обозы едисанской орды. Однако часть ногайских кочевий бесследно исчезла. И полковник Ларионов, выслав разведчиков, убедился, что изменники повернули в обратную сторону, навстречу татарскому войску.

На ужин в котлах был приготовлен густой кулеш из солонины. Какой-то ногайский бей расщедрился на два мешка кукурузных пышек. Донцам повезло и второй раз: ночью пригнали посланные за реку казаки десятка два овец, которых тут же освежевали, а шкуры спрятали.

Напротив, за Еей, находилось ногайское кочевье.

Сотни костров по берегам подсвечивали ночной небосклон. Соседство казаков, вставших лагерем, успокаивало ногайцев. Неведомо, когда обнаружили они угнанных овец. Но никто из них с жалобой в полк не явился.

А донцы, насытившись и отдохнув, затеяли чехарду. Раззадорились настолько, что и офицеров увлекли наравне со всеми прыгать и стоять на раскаряку, кряхтеть от увесистых толчков дюжей братии.

Не утерпел и Платов. Тоже вдоволь наскакался, отвел душу. А в сиреневых сумерках, державшихся в степи, служилый люд затянул старинную песню. Много грусти и жалости было в ней, много любви к родной земле-матушке! А под конец завели военные песни-сказы про походы и геройство...

С разных сторон к берегам крались волчьи стаи. Сайгаки, спугнутые кочевьями, ушли на Маныч. Любо им на черных землях, богатых сочными травами и солончаками. А волкам стало тяжелей, перебивались чем придется. Иногда обкладывали заячьи хороводы, шли

на них тесной цепью. Запах отар и лошадиных косяков почуяли они за много верст, и стремительным броском приблизились по ночной степи.

Вожак, вытянув шею, долго не покидал сурчиного бугорка. Решал, откуда начать охоту. Его стаю давно учуяли сторожевые псы, поднявшие лай. Пугали и костры, над которыми высоко поднимались искры-былки, похожие на тающие звездочки. Вдруг неподалеку раздался перестук копыт. Волки, следя за вожакom, стали разворачиваться. Но минута – и всадник был таков. Не угнаться ослабевшему после зимовки волку за татарской резвоногой лошадью.

Конные разведчики Девлет-Гирея доложили утром, что кочевья едисанцев и казачьи полки приближаются к Черкасскому тракту, на котором замечен большой русский обоз с провиантом, направляющийся на Кубань. Эти же лазутчики поведали, что верные им ногойцы сообщили место будущего становища. С востока и юга оно ограничено изгибом Большого Егорлыка, а с севера шумливой Калалы, как раз сливающихся в этом месте. Не зная того, казаки и ногойцы сами лезли в западню!

7

То, что поступил опрометчиво, сев на лошадь, Леонтию Ремезову стало понятно уже на исходе первого дня. Вновь разболелась рана, бросило в жар, и он покорно улегся в арбе аул-бея, в которой ехали две жены Керим-Бека. Хотя сотник жил у них почти месяц ни Мерджан, ни Алтынай не снимали платков, из-под края которых видны были только глаза. Но почему-то Леонтия необъяснимо влекло к Мерджан, – была она высока, стройна, в движениях уверена. Ее сомужница, полная и неповоротливая, выглядела старше. Между женами

иногда вспыхивали перепалки, но тут вступала в спор первая жена аул-бея и – водворялся покой.

Слуга его, казак Плёткин, ехал за арбой на верблюде и, костеря глуповатое животное, частенько слазил на землю. Однако свою лошадь, заметно отдохнувшую за последнее время, округлившуюся в боках, седлать не торопился. Жалел.

«Когда же полк догоним?» – грустно гадал Ремезов, глядя на влекущиеся мимо скаты холмов, кустарники, приречные камыши. Временами кочевье оказывалось на гладкой, как стол, равнине, теряющейся в дымке горизонта. И тогда выхватывал глаз стада дроф, пасущихся вдоль солончаковых низинок, журавлиные стаи. Птичьи концерты не умолкали ни на час. Жила степушка своей извечной жизнью!

Снежный буран заставил Керим-Бека остановить дальнейшее продвижение. Он полукругом выстроил арбы и повозки под прикрытием зарослей фундука. К счастью, кое-где на ветках удержались орешки, и аульная детвора принялась ими лакомиться.

Плёткин почему-то в этот день был, как никогда, угрюм и насторожен. Он сбатовал¹⁹ своего верблюда, отогнал на край бурьянов и неотлучно находился при командире. Когда прислужники и жены аул-бея развели костер и стали готовить калмыцкий чай, Иван наклонился к сотнику, лежащему на арбе.

– Ваше благородие, извелась душа по своим. Надо от этих нехристей отбиваться. Я даве видал наш разъезд казачий, он по бугру мелькнул. Должно, и полк поблизости.

– А как реку одолеть? Разлив широк.

– А я сплаву смастерю. На решетку, что от юрты, камыш уложу. Абы вас перевезти, а я и на коне пере-

---

¹⁹Сбатовать (донск.) – стреножить.

пльву. Зараз метелицу переждем, а там потеплеет. Вы скажите бею, чтоб подсобил в переправе. Да и харчей нехай бабы дадут, покамест своих достигнем.

Леонтий слушал казака, поглядывая, как Мерджан наливала в закопченный большой котел воду. Она нравилась ему с каждым днем всё больше, казалась еще красивей. Недели две назад Керим-Бек привел в свой шатер, заплатив большой калым, юную женушку Ай-гюль. И теперь не разлучался с ней, лелеял, освобождая от всякой работы. Старшая жена аул-бея, уже поблекшая тетка, безропотно мирилась с медовым месяцем мужа, но в глазах Мерджан замечал Леонтий презрительный блеск, когда появлялся аул-бей вместе с баловницей. И трудно было понять, почему ей предпочёл муж какую-то тщедушную девчонку. Вероятно, была неласкова с ним, холодна. По этой причине и не могла зачать ребенка...

– Хороша баба, эта Мерджанка, – поймав взгляд сотника, кивнул Иван. – Да и по-нашенски говорит чисто. Спрашивала, чи женат вы, ваше благородие.

– Помогите мне встать.

Ремезов, опираясь о плечо казака, стал на землю. Прихрамывая, подошел к костру погреться. Мерджан встретила его улыбающимися глазами. Проворно и легко подхватила со своей арбы сундучок и поставила к ногам русского, показывая рукой, чтобы садился. Леонтий, смущенный и тронутый заботой ногайки, кивнул в знак благодарности. Между тем боль в левой ноге утихла. Недаром знахарь заставлял его спать в мешке из собачьей шерсти.

Мерджан с прислужником, рубившим конину, стряпала похлебку. В воздухе, посветлевшем после метелицы, искрились снежная пыль. И степь окрест, и подводы, и крупы животных были в мучнистом мелком снежке. А кусты боярышника узорились черно-белыми

ветками. Густо и пряно пахло дымом, стелящимся по-над землей.

Вдруг откуда-то с неба, широко разбрасывая крылья, стала резко снижаться серо-палевая дрофа, угрожающе кугикая. Леонтию показалось, что ее кто-то подбил. Но, рухнув на прибрежный взгорок, огромная птица (гораздо крупней станичных индюков) засемила когтистыми лапами, кинулась наутек, с обвисшими, покрытыми слоем льда крыльями.

Плёткин, схватив двурогие вилы – первое, что попало под руку, – припустил вдогон. Мчалась дрофа прочь с поразительной скоростью, издавая невнятный клеткот и размашисто кидая ногами. Но и казак явил такую прыть, что расстояние между ними стало сокращаться. Бедная птица, обессилев от ледяного панциря, сковавшего оперение после дождя и ударившего следом мороза, закричала отчаянней. Несколько раз попыталась взмахнуть крыльями, но не смогла...

Ногайчата с радостными криками сопровождали охотника, волокущего тяжелого дудака за шею. С потного лица казака не сходило довольное выражение. Он швырнул добытую птицу под арбу бейских жен и, переведя дух, вымолвил:

– Никак не менее пуда, господин сотник. Тяжелючая – ужась. На всех хватит!

Джамиля, биринджи-жена²⁰, позвала двух аулянок, которые оципали дрофу, осмолили на костре и, выпотрошив, передали одному из джор²¹ Керим-Бека. Тот нанизал тушку птицы на вертел и принялся жарить на углях из старых коряг, найденных возле реки. Ватажка детей крутилась поблизости, ожидая угощения.

---

²⁰Биринджи-жена – старшая жена.

²¹Джора (татар.) – слуга.

Снова повеяло теплом, раскрылось небо. И закатные лучи медно-красной дорожкой пролегли по разливу Еи, окрасили степное заснежье. С кустов стали осыпаться влажные, точно сахарные, комочки. Напористой затрещал костер. Ремезов, протягивая руки к огню, искоса наблюдал за красавицей Мерджан, хлопотавшей у котла. Украдкой и она посматривала на статного казачьего офицера, шуря от дыма свои прекрасные зеленовато-серые глаза.

Семейство Керим-Бека вечеряло отдельно, у костра. Единственным приглашенным был мулла. Этот щупленький старик, однако, обладал завидным здоровьем. Несмотря на многократные молитвы в течение дня и ночи, мулла всегда был бодр и разговорчив. Мудрый властный взгляд и несуетность в движениях невольно вызывали у окружающих уважение. За ужином, как наблюдал Леонтий, священнослужитель в чем-то пытался убедить Керим-Бека, но тот возбужденно возражал, вскидывая руки. Разобрал Ремезов только два слова: «Девлет-Гирей» и «урус-эфенди»²². По всему, снова речь шла о войне, об угрозе нападения турецких разбойников.

Аул-бей сидел в окружении мужчин, у самого огня. Женщины – поодаль, тихо переговариваясь и осаживая детей. Леонтий снова смотрел на Мерджан, испытывая неведомую тягу, любуясь ею и замирая от сладкого волнения. Он прислушивался, когда говорила она, и находил, что голос ее певуч и приятен. И, поглаживая отросшую щетину на подбородке и щеках, мечтал о такой жене, как она...

Дым от костра, предвещая краснопогодье, поднимался отвесно. Вскидывались ввысь искры от сгоревшего бурьяна. Сотник смотрел на белесый подвижный столб, с огнистыми проблесками, на звездное небо в

---

²²Урус-эфенди (татарск.) – русские господа.

смутной пелене. И с тоской думал о Черкасском городке, вспоминал отца и мать, сеструшку Марфу. Он посылал им гостинцы с оказией накануне Рождества, а весточку от родных получить так и не успел...

Плёткин, не обращая внимания на аульцев, помолвился вслух, завернулся в толстую кошму и улегся на арбе, в ногах командира. Полежав, поднял голову и негромко промолвил:

– Не по душе мне ночь. Чтой-то томашатся ногаи. Сходки творят, с Керимом спорят. Недалеко и до беды! Я конька подседлал, да и вам подобрал добровитого, Мусы-охранника. Кто их разберет, галманов?

– И я приметил! – отозвался Леонтий. – Кинжал у меня под рукой, да и шашка.

Где-то в поднебесье летели гуси, перекликались. Им вдогонку спешили журавли – с зенита донеслось их отрывистое курлыканье. Уединенно, сонно взлаивали собаки. Под эту походную степную музыку уснул Леонтий незаметно и крепко...

– Ваше благородие! Вставайте! – горячечно бормотал, тряся его за плечо, Иван. – Никак башибузуки наскочили! Топ конский... Скорейча!

Ремезов выпутал ноги из мехового мешка, одним движением проверил пояс, на котором висели ножны с кинжалом. Ступив на землю, вытащил из-под постели турецкую саблю. Гортанные голоса все громче раздавались в разных концах становища.

Донцы полохнули к зарослям боярышника. Бегом прокрались к лошадям, но возле них дежурил кто-то. А неведомые всадники с диким гиканьем пронеслись мимо, к арбам аул-бея. Вскоре там раздались горестные женские крики, озлобленные возгласы мужчин. У Ремезова оборвалось сердце, – происходило что-то злоумышленное.

Между тем налетчики уже гарцевали у казачьей арбы. Переговариваясь по-татарски, разметали казацкие вещи. Стали допрашивать аульцев, выясняя, куда скрылись гяуры.

Плёткин держал в руке заряженный пистолет, весь обратившись в слух. Рядом сотник с шашкой в руке следил за происходящим из-за веток. Не исключено, что кинутся их искать. Немудрено найти! И одно стыло в сознании: как можно дороже отдать свою жизнь...

Татары, посовещавшись, ускакали. А плач всё громче доносился от кибитки аул-бея, – так причитают только по мертвому. Скорей всего, дикие полуночники кого-то казнили. Оба подумали о Керим-Беке. Поплатился за дружбу с русскими!

– Нам нельзя в аул возвращаться, Леонтий Ильич! – вполне спокойно рассудил казак. – Врагам выдадут.

– Высвистывай коня, а я отвлеку пастуха, – поторопил сотник.

Сторож, вероятно, догадавшись, что налетели ханские разбойники, предусмотрительно отогнал табун. Силуэты лошадей темнели в призрачном блеске молодого полумесяца. Едва поспешая за слугой, Ремезов спустился в балку, где ощущалась под сапогами взростая травка. Ногаец окликнул.

– Это я, Ремезов-эфенди. Офицер! – назвал себя Леонтий, идя навстречу двигающемуся в его сторону всаднику. – Мында кель!

– Сиз не истейсиз?²³ – настороженно отозвался табунщик, придерживая пляшущего жеребца.

И пока сотник, хромя, подходил к нему, Плёткин сделал крюк и подобрался сзади. И в ту минуту, когда Ремезов перемежая русские и тюркские слова, стал просить у сторожа лошадь, казак напал со спины, свалил

---

²³– Иди сюда! – Что вам надо? (татарск.)

ногайца наземь. Занялась драка. Плёткин был на голову выше и вдвое шире в плечах.

Гнали лошадей на светлеющий восток. Возле бурного ручья нарвались на бирючий выводок. Иван пальнул в жоака с близкого расстояния, и, по всему, ранил, потому что волки отстали.

Днем сделали передышку. Дальновидный казак достал из-за пазухи запасенный с вечера увесистый кусок жареной дроблятины. Была она тверда, с легким привкусом кровяцы, – не дошла на костре, – но вкусна необыкновенно. Время от времени Иван поглядывал на командира, рвущего крепкими зубами мясо, и самодовольно улыбался. Любил он сотника, считал за браташа²⁴. И теперь, наблюдая за ним, убедился, что Ремезов здоров, как прежде. И слава богу!

Вдоль терновников, на южном скате, голубели бузлики и лимонно лучились возгорички – первые внешние цветочки. Леонтию вновь вспомнилась Мерджан, ее особенная красота. В отличие от соплеменниц лицо ее было удлиненным. Нос с горбинкой. Выделялась она и статью, напоминая кабардинку. Но всего чудесней были у Мерджан глаза, – глубокие, завораживающие, в опуши длинных ресниц. Не встречал он в жизни такой женщины...

Трезвонили в небе жаворонки. Кони поднимались на гребень увала. И, укачавшись в седлах, донцы безмолвствовали. На самой вершине ютилась кизиловая рощица. Ветви раскидистых деревьев сплошь убрались золотистыми кисточками цветов. Над ними вились дикие пчелы. По всему, кизилы доцветали, потому что под стволами желтела мельчайшая, как пшено, пыльца. Ремезов засмотрелся на ветви, а когда опустил глаза, – ледяной холод окатил с ног до головы.

---

²⁴Браташ (донск.) – младший брат.

Ниже, в долине, сколько мог видеть глаз, двигалось верхоконным порядком и на повозках пестрое многотысячное воинство. Замер и Иван, вглядываясь и недобро раздувая ноздри. Воины в чалмах, турецких фесках.

– Матушка честна, сколько басурманов! Никак это крымские татары с османами? И запасные табуны при них... – не то спросил, не то вслух размыслил казак. – В нашу сторону правят! На Дон!

Ремезов это понял сразу.

Повернув на север, путники решили упредить чужеземцев, добраться к своим раньше, чем сблизятся они с казачьи полками. Однако кони изрядно утомились. Приходилось переезжать водомоины, ручьи, солончаки. Наконец, остановились на роздых в облеске. Набрали сморщенного на морозах, терпкого терна. Плотнели сумерки. Охраняли лошадей и спали по очереди, прикорнув на куче хвороста, прикрытой бурьянцом.

А в ночи, за холмами, стояло высокое зарево. Неприятельская армия грелась у костров, готовясь к будущим сражениям. И пламенный отблеск их зловеще ранил небо!

8

Граф Орлов-Чесменский, посмеиваясь над своей неуклюжестью, вызванной долгим сидением и полнотой, вылез из качнувшейся кареты на темную, влажную после дождика брусчатку. Рослый, в генеральском суконном мундире, в парике и треуголке, он выглядел великаном на венской вечерней улице, стесненной старинными зданиями. В ушах затихал многодневный грохот колес. Чуть покачивало, как на палубе. Охрана расторопно окружила его, озираясь по сторонам. Под-

бежал высланный вперед генеральс-адъютант Христи-
нек, отчеканил:

– Апартаменты для вашего сиятельства, по обыкно-
вению, отведены на нижнем этаже. Дмитрий Михайло-
вич готов к приему. Прикажете выносить вещи и рас-
полагаться?

– Посланник один?

– Не могу знать, Алексей Григорьевич! Особ посто-
ронних не приметил.

– Поспешай, Ваня. А я разомнусь...

Над австрийской столицей, в безоблачном небуш-
ке рдели угольки первых звезд. Из соседнего квартала
доносился перебор подков, голоса, монотонный звук
шарманки. Он сдернул с головы треуголку и вдохнул
свежесть цветущей у решетчатой ограды, белой сире-
ни, ощутил примешенный к ней дух выпечки. Неужто
пекут его любимые ватрушки с изюмом и корицей?
Алексей Григорьевич улыбнулся: славный Голицын,
политик мудрый и человек отменной доброты...

В окнах дворца Селмура, где обосновалось русское
посольство, затеплились свечи. Он вдруг осознал, что
добрался до Вены и большая часть пути благополучно
преодолена. И хотя двигался инкогнито, под охранением
преображенцев в партикулярных платьях, вероятность
вражеской диверсии против главнокомандующего рус-
скими войсками в Архипелаге была велика: и польские
конфедераты, и турки, и просто разбойники могли на-
пасть где угодно. Однако здесь, в столице нейтрально-
го государства, чувствовал он себя вполне безопасно.
К тому же любил этот своеобразный старинный город.
Вспомнилось, как приезжал сюда на переговоры с кан-
цлером Кауницем и, изощряясь в красноречии, излагал
российские условия мира с Портой, приемлемые для
обеих сторон, и убеждал, чтобы Австрия поддержала в

пользу России отделение Валахии, Молдовы и Крыма. Но миссия не дала пользы...

– Голод не тетка, – простодушно пробормотал Орлов, с улыбкой глянув на бравого усача из охранения, и вперевалочку двинулся к парадному входу. Под тяжестью веса ботфорты его не заскрипели, а застонали. Перед дверьми, распахнутыми служителем, Орлов бросил взгляд на вернувшегося адъютанта, – тот, поняв графа без слов, подшагнул, принял меховую накидку, сброшенную с плеч одним движением.

В дворцовом коридоре строем встречали советники в дипломатических мундирах. Подчеркивая особое уважение к гостю, впереди стоял Дмитрий Михайлович Голицын, русский посланник при Габсбургском правительстве. Торжественность момента подчеркивали и его дорогой камзол, и орденская лента через плечо, и осанистый вид. Но в прищуренных карих глазах искрилась неподдельная радость.

– С благополучным прибытием, ваше сиятельство!

– Гутен, гутен абенд, майн либе фройнд!²⁵ – по-немецки приветствовал прославленный Чесменский герой, раскидывая руки. – Зело приятно видеть вас, князь, во здравии и благополучии. А меня утрясли к бесу прусские ухабы-разухабы! Из Петербурга давеча метель выгнала, а у вас уже весна красна в разгаре!

Они обнялись, и присутствующим бросилось в глаза разительное несходство между гигантом Орловым и сухощавым, невысоким Голицыным. Высвободившись из крепких объятий генерала-силача, Дмитрий Михайлович озабоченно осведомился:

– Не надобно ли вашему сиятельству дохтура? Неподалеку живет герр Мейер, он прекрасно пользуется...

---

²⁵Добрый вечер, мой дорогой друг!

– Я паки доверяю Ерофеичу, знахарю московскому. Мне он давно уж ведом. И на сей приезд завернул было к нему на пути из Хатуни, родового имения, так что запасся снадобьями да декохтами... Признаться, князь, о болячках думать недосуг. Перемены при Дворе... Да и в Архипелаге предстоят баталии новые.

Посланник, мгновенно уловив настроение гостя и его внутреннюю напряженность, подхватил:

– Миссия в Архипелаге, возложенная на вас государыней во славу Отечества, посильна лишь богоизбранным. Она требует особой расторопности, отваги и прозорливого разума.

– Да полноте, любезный Дмитрий Михайлович, – отмахнулся Орлов. – О Ваших заслугах я самолично от матушки императрицы слыхивал.

Посланник всячески избегал похвалы в свой адрес и поспешил извинительно улыбнуться:

– Однако соловья баснями не кормят! Я заговорил Вас... Не смею задерживать с дороги.

– Ей-право, малость отдохну. Веди, Христинец!

– Не сочтите за самоуправство, но для вашего сиятельства я пригласил музыканта, о ком молвят по всей Европе, – поспешно сообщил хозяин. – Соболаговолите ли послушать его после ужина?

Орлов на ходу кивнул и неожиданно быстрой походкой (при его грузности) двинулся по коридору. Сбоистый гул шагов утих у дальней стены. И только свечи в шандалах, у парадной лестницы, еще долго вздрагивали, будто ветер промчался...

Спустя час в зале начался прием. Присутствовать за ужином удостоились чести особы близкие послу и Орлову. В отличие от предыдущих приездов любимца Екатерины, когда эти стены сотрясала многоголосая иностранная речь, нынче собрались только россияне.

Яств было в изобилии. Орлов с удовольствием отведал запеченной телятины, приналег на фазанов, начиненных арабскими специями и овощами, вдоволь вкусил форели, тушеной капусты и трюфелей, запил всю эту вкуснятину белым тосканским и рейнвейном и, повеселев, сбросив дорожную усталость, принялся шутить, рассказывать о своих амурных похождениях в бытность сержантом Преображенского полка. Его двусмысленные признания то и дело вызывали взрывы смеха.

Наконец стол был основательно опустошен, и Орлов велел пригласить музыканта. Спустя минуту в залу стремительно вошел худощавый юный скрипач, в белом артистическом сюртучке, с изящным бантом на шее и в высоких тирольских башмаках. Напудренный парик оттенял его живые темные глаза. Он коротко поклонился немногочисленной публике и приготовился играть.

– Кто сей вьюноша? – любопытствовал Орлов, уловив не по возрасту осмысленный взгляд музыканта.

– Моцарт. Он вернулся из Италии, где концертировал, а нонеча служит в Зальцбургском аббатстве. Талантлив отменно! Несмотря на младость, насочинял несколько опер и симфоний, уйму пьес и сонат. Мне рекомендовали его мои австрийские друзья.

– И я о нем наслышан, но не наслушан, – скаламбурил Алексей Григорьевич и, уловив за спиной оживление сотоварищей, сел глубже в тяжеловесное, с инкрустированными ручками кресло.

Дождавшись тишины, юноша уверенно коснулся смычком струн, и с первых нежнейших звуков Орлова точно бы неведомая сила унесла прочь. Замерев, он всецело отдался изумительной по красоте мелодии скерцо. Скрипка в руках виртуоза обрела чудесную способность изъясняться на языке, понятном любому человеку. Перед глазами вставали чудесные миражи и

картины, неожиданно возникали черты женщин и дорогих сердцу братьев, подмосковные дали, безбрежные морские просторы...

Голицын исподволь наблюдал за гостем, одним из самых влиятельных людей государства Российского, чье имя вызывало как восхищение, так и ненависть. И с удивлением отмечал, насколько этот бесстрашный буян восприимчив к скрипичной музыке. Впрочем, многие знали, что у Алехана, как звали Алексея Григорьевича при дворе, сентиментальное и на редкость щедрое сердце...

Бурные аплодисменты и возглас «браво» вернули Орлова на грешную землю, он вздернулся и выдохнул:

– Пробрало до нутра! Надо забрать его в Россию. Я напишу Шувалову, главе Академии изящных искусств, дабы денег на сей случай нисколько не пожалел!

– Боюсь, сделать это будет затруднительно. У юного чародея концерты расписаны на месяцы вперед. К тому же он связан обязательствами перед аббатом. А сей богослужитель, как известно, чрезвычайно неуступчив. Однако, в дальнейшем поездка в Россию вполне возможна.

Моцарт погасил улыбку и энергичным жестом бросил смычок на струны, громко начав и тотчас оборвав музыкальную фразу. Это произведение было полно грусти и рождало в воображении утраченное. Орлов, вспомнив зарево пожара над Чесменской бухтой, освещенные лица брата Федора и адмиралов, час славы и скорби по погибшим русским матросам, полыхающую вражью флотилию, ощутил, как сорвалось, громко застучало сердце. Видимо, надо пройти через страшные испытания, чтобы в такие минуты музыки осознать, что ничего нет бессмысленней войны и гибели людей...

Следом Моцарт заиграл мажорные миниатюры, импровизируя на темы итальянских мелодий. И восхищенные зрители долго одаривали его рукоплесканиями. Между тем этот самородок, по всему, крепким здоровьем не отличался. К окончанию концерта воротничок его рубашки стал мокрым от пота, на лицо легла тень усталости. Музыка, так легко рождавшаяся под руками, изрядно утомила юношу.

Орлов, подав Хрестинеку условный знак, изъявил желание побеседовать с музыкантом. Выяснилось, что он владеет и другими инструментами. Поток любезных слов посла и приезжего генерала обрадовали Моцарта, он отвечал благодарными полупоклонами. Но предложение выступить в России отклонил, отшутившись, что боится лютых морозов и гуляющих по улицам медведей. И тут же пояснил, что его гастролями ведает отец, также известный маэстро. Хрестинек подоспел вовремя, и граф Орлов вручил младому композитору и скрипачу пачку ливров.

Возбужденное настроение не оставляло Орлова и после, когда осматривал коллекцию картин, за время посольства приобретенных Дмитрием Михайловичем. Похаживая вдоль посольского кабинета, гость сбивчиво рассуждал:

– Прежде я считал занятие музыкой безделицей. Меня волновали звуки армейского рожка да походной трубы. Хотя в детстве, помнится, нравилось, как девки протяжно вели песни. Да и в церкви не раз плакал, слушая хоры. А в Европе своя музыка! Взять этого Моцартенка, мальчишку. Откуда он взялся? Как мог напридумывать душеволнительные мелодии? И притом еще – виртуозно владеть скрипкой!

– Божий промысел, – заметил Голицын. – Послан свыше, чтобы мы познали красоту музыки.

– Не иначе! Или наши молодые композиторы Березовский и Бортнянский. Первый в Болонской академии триумфатором стал, а второй и доселе в Италии обучается. Вот вспомните мои слова: оба возвеличат музыку российскую! И талантливы, и патриоты... Мне Бортнянский был помощником. Через маркиза Маруцци, нашего представителя в Венеции, пригласил я его к себе и приказал быть переводчиком на секретных переговорах с греками и сербами. И он, не колеблясь, включился в борьбу.

– До войны с Портой я в Париже служил. В пекле недругов. Версальский двор, Людовик XV и герцог Шуазель, как известно, были подлинными зачинщиками этой войны. Они беспрестанно интриговали против нас в Польше, в Швеции, в Порте. Ради чего? По мнимой причине конкуренции, прихода русских товаров в Левант. Но левантийская торговля на шестьдесят процентов принадлежит самой Франции. Соперница ей лишь Англия. Шуазель, однако, выбрал в жертву нашу державу. И преподло заигрывал с Австрией и Пруссией, чтобы вовлечь их в сговор против Екатерины Алексеевны...

– Я не знал, что англичане дружественны нам, когда предложил матушке государыне ударить по туркам с моря. Мы с братом до войны выехали в Европу лечиться, да и застряли!– Орлов усмехнулся, устало сел в кресло напротив. – Англичане, вестимо, взяли нашу сторону ради выгоды. Ежели бы мы, – не приведи господь! – преклонились Порте, то Людовик XV в союзе с Испанией и Неаполем, мог рассчитывать на возвращение Канады, отвоеванной лондонским двором. Французы поддерживали султана, совращали Вену, помогали барским конфедератам, чтобы затруднить наши действия. То, что Мария-Терезия и ее сын, австрийский правитель, держатся нейтралитета, это ваше достижение, князь!

– Вы переоцениваете, Алексей Григорьевич! Нейтралитет Австрии обусловлен разделом Польши. Ведь Галиция – лакомый для здешнего монарха кусок. Хотя она – издревле славянская земля. Признаться, я всегда ставлю пред собой цель: сохранить между нашими странами мир. Много раз бывали то противниками, то союзниками. В данный момент никто не сомневается в сильной австрийской армии. И это удерживает в Европе равновесие.

– Каждый из нас служит во благо Отечества своему: я на морских просторах, а вы – в лабиринтах дипломатии. Как можно не оправдать доверия государыни?

Помолчали. Мерно отстукивали уходящее время напольные часы. Голицын многозначительно напомнил:

– Так, говорите, из Петербурга метель выгнала?

Алексей Григорьевич намек понял, крикнул:

– Метель... Дурная погода. Особенно в Зимнем дворце. На той седмице, перед самым отъездом, явился ко мне «Циклоп», то бишь Гришка Потемкин. Я с ним не церемонился! Впрочем, и он крепок. Мы знаем друг друга еще по Преображенскому полку... Не беда, что впал в милость к государыне. Лишь бы дров не наломал! Впрочем, государственный совет власть имеет, и Потемкину, полагаю, дадут прикорот. Да и матушка Екатерина, как всякая баба, полюбит, полюбит и – разлюбит. А тех, кто с ней рядом во все времена, помнит и ценит. Я напрямик поговорил с ней о «Циклопе». И, смею полагать, что к нам, Орловым, императрица не переменялась. С гвардейцами, что были при ее воцарении, да и в Ропше... С нами лучше дружить!

Голицын взял щепотку табака из расписанной арабской вязью табакерки, втянул ноздрями воздух и блаженно прищурился. Его примеру последовал и заин-

тересовавшийся гость. Но сделал это так неумело, что троекратно чихнул.

– Шут его побери! Адская смесь! – бросил, смахивая рукой выступившие слезы, Алексей Григорьевич. – Откуда?

– Табак турецкий, – улыбнулся посол.

– Ту-урецкий?! И тут диверсия супротив главнокомандующего! От турок спасу нет!

Оба захохотали. Чуть погода Дмитрий Михайлович взглянул на закрытую дверь и произнес вполголоса:

– Наш агент при версальском дворе, Зодич, передал важную шифровку. Она касается вас, Алексей Григорьевич. Дело пресерьезное. Прошу покорно, граф, отнестись со вниманием.

Орлов иронично усмехнулся, но лицо его постепенно приняло сосредоточенное выражение.

– Тайное общество польских эмигрантов-конфедератов при попустительстве французов готовят покушение.

– И насколько confidentу можно доверять?

– В полной мере, Алексей Григорьевич. По батюшке он великоросс, а мать из шляхты. Проживал в Петербурге, измайловец, дальний родственник гетмана Разумовского. Отец его, полковник, сложил голову в конце Семилетней войны.

– И что же доносит этот Зодич?

– Конфедераты замышляют супротив вашего сиятельства диверсию. Безвестно, кто именно. Я дал указание ускорить разыскание. Об этом сообщил и в Петербург. А до той поры, покуда не поймаем злодеев, Вам необходимо предпринять меры строжайшей осторожности.

– Не впервой! – отмахнулся генерал-аншеф. – Волков бояться – в лес не ходить. До старости, почитай, уже дожил и пулям не кланялся. А страшиться какого-то полячка – страм не только для меня, генерала, но и для любого

российского воителя. Спаси вас бог за предупреждение, но жить буду только так, как сердце велит!

9

Потемкин расстался с любовницей под утро, покинув её спальню по тайной лестнице, ведущей в отведенные ему комнаты на втором этаже. Встреча была бурной. «Катюшка», как называл он про себя императрицу, радовалась больше него самого, что назначила возлюбленного подполковникам лейб-гвардии Преображенского полка. Теперь первый полк империи был в их руках!

Несмотря на то, что и предыдущую ночь спал мало из-за любовных утех, Григорий Александрович чувствовал себя отменно, улыбался, вспоминая ласки и нежные излияния августейшей особы. Он приказал дежурному офицеру принести ему кофе покрепче, такой же, какой по нраву императрице. И, подойдя к окну, отодвинул портьеру.

Над набережной и сталистой Невой вкось гнал норд-вест снежные вихри. Они сплетались в пляшущие клубы, мчались и мчались в сторону Петропавловской крепости. Почему-то подумалось, что неспроста свалились монаршие милости на него как раз в тот год, когда преодолел возраст Христа. Что это? Знак особой судьбы? Ведь, почитай, всего за три недели, прошедшие с ночи, которая бросила их в объятия друг друга, он возвысился до одного из самых могущественных людей страны, став новым фаворитом. Знал Григорий Александрович и о «ясновельможном пане», и о том, что приятель Орлов несколько лет ночевал в той же спальне, где теперь проводил он сладчайший досуг. Был наслышан и о Васильчикове, недолгом увлечении Екатерины Алексеевны. Но ревность пресекал тотчас, поскольку верил в чувство женщины, давно ему милой.

Потемкин, печатая шаги, точно бы перед строем, бодро прошел к столу и придвинул кресло. Со дня присвоения ему звания генерал-адъютанта, с первого мартовского дня, он имел право просматривать почту императрицы. Вчера он дал распоряжение представить ему поступившие реляции и документы секретной переписки. Ключом, который никогда не выкладывал из кармана мундира, Потемкин отомкнул ящичек стола, где хранил письма императрицы И бегло пробежал глазами начало самой первой записки. Так могла написать только поглупевшая от страсти женщина:

«Гришенька не милой, потому что милой... Я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре... Мне кажется, во всем ты не рядовой... и... чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась – «что взор мой тобою пленен». Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатуральную, а теперь вижу, что это может быть...»

Григорий Александрович живо вспомнил, как впервые увидел на дворцовом куртаге в Петергофе Екатерину, двадцативосьмилетней, восхитительной, еще довольно стройной. Он влюбился сразу и безнадежно в супругу престолонаследника. И было ему тогда, юноше-гимназисту, всего семнадцать годков. И совершенно недостижимой представлялась великая княгиня, улыбающаяся польскому посланнику Понятовскому...

Спустя четыре, года, бросив университет, Потемкин в ранге каптенармуса Конного полка прибыл в Петербург. Оказался здесь с намерением прославиться, ибо смолоду мнил себя либо генералом, либо архиереем. И этот тщеславный пыл неотступно кружил голову!

Знать, недаром дал господь Григорию рост высокий, баритональный голос, но пуще всего – мужественное лицо, обрамленное густыми темными волосами, так что и носить парик необходимости не было. Тут, в Конном полку и познакомился он с офицерами светского общества. А с бойким адъютантом Шувалова, Гришей Орловым, даже подружился. Третий фаворит великой княгини и представил ей красавца-богатыря Потемкина. А после воцарения Екатерины, он не только был одарен деньгами и крепостными, но и чином. Из унтеров, через ступеньку, был пожалован в подпоручики. А всего через три месяца – дух захватило! – благосклонно получил камер-юнкерский чин, что позволяло бывать во Дворе, – хоть по делам, хоть на праздниках!

Быть вторым, оставаться в тени Орлова ему не позволяло самолюбие. Видеть императрицу, любоваться ею, но при этом знать, что ночью его товарищ снова придет в ее апартаменты, – роль стороннего наблюдателя бесила и заставляла злословить над завсегдатаями Двора, веселить голосовыми подражаниями и остротами августейшую хозяйку. Это положение «забавного оригинала» длилось около трех лет.

А затем новый подарок судьбы! В течение полутора месяцев, осенью 1768 года, он был произведен в камергеры и... исключен из Конной гвардии. Исключен, имея уже чин поручика. Волей матушки-царицы уготована ему была сугубо дворцовая либо государственная служба. Но всему есть предел, – и Потемкин сдерживал себя только месяц...

Бунт «оригинала» Екатерина восприняла как обиду и внешне переменилась к Потемкину. Он добровольцем отправляется на войну, послав императрице письмо, исполненное восторга и неизъяснимой благодарности за все милости. Патриотический порыв Екатерина оценила!

За годы военной службы Потемкин обрел признание командующего 1-й армией Румянцева, как толковый командир. Он громил турок при Фокшанах, на Дунае, добывал славу Отечеству, мало думая о том, что происходит при Дворе. И вдруг, в минувшем декабре, депеша от царицы. Послание странное. Он столь тщательно изучал его, что концовку запомнил наизусть: «Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по-пустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статья, сделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна».

Он догадался, что положение императрицы шаткое и требуется его участие. Однако бросить армию, – не в ранге каптенармуса находился, а в звании генерал-поручика, – так сразу не мог. И прибыл в столицу империи только в начале февраля, вызвав интерес придворного круга...

Зимний дворец просыпался, точно улей. Начинались визиты к царедворцам и встречи государственных людей. Не дождавшись президента Иностранной коллегии Панина, Григорий Александрович, стал просматривать скопированные Голицыным, русским посланником в Вене, донесения австрийского посла из Константинополя. О смерти султана Мустафы и воцарении его брата Абдул-Гамида в России знали. И надежды на перемены, похоже, начинали сбываться! Новый султан фактически доверил власть шурина, верховному визирю, Мухсен-Заде, командующему турецкой армией. А муфтием назначил Дури-заде-эфендия. Оба они выступали против начала войны с Россией пять лет назад, и возвеличение их ныне открывало перспективы для мирных переговоров.

Потемкин, поправив темную повязку, закрывающую невидящий левый глаз, встал и подошел к карте Российской империи. Ровно неделю назад на Государственном совете, о котором ему подробно рассказала императрица, обсуждались кондиции примирения с Портой. Панин предложил отказаться от Керчи с Еникале, от свободы плавания в Черном море русских военных судов в пользу Кинбурнской косы. Отповедь ему дал Григорий Орлов, обвинив в капитуляции и отказе от уже завоеванных преимуществ.

Отношения с Орловыми, со всеми пятью братьями, у него были натянутыми. Еще сложнее – с Никитой Паниным, главой внешнеполитического ведомства и... воспитателем цесаревича Павла. Утвердиться при Дворе, стать рядом с императрицей он мог, только лавируя между этими двумя партиями, одинаково сильными. И, прежде всего, нужно было определить ближайшие цели.

Григорий Александрович взял со стола очиненное гусиное перо и, медленно водя им по границам, очертил грозовой круг: на севере назревала война со Швецией, на западе – не прекращались баталии в Польше, несмотря на ее раздел между Россией, Австрией и Германией; на юго-востоке и юге – тысячеверстовая линия русско-турецкого фронта, мятежный Кавказ; а на востоке – Волга и Урал в пламени разбойничьей войны Пугачева. Великая русская армия была разбросана по всему этому кругу. Он только что из 1-й армии Румянцева, и знает, как у него и у командующего 2-й армией Долгорукова не хватает воинов для успешного разгрома сил султана. За исключением некоторых операций, почти два года войска находились на одних и тех же позициях. Ситуация патовая, ни у султана Абдул-Гамида, ни у Екатерины нет возможности уси-

лить натиск. Как разорвать этот роковой круг невзгод и войн, что сделать в первую очередь?

Потемкин, заложив руки за спину по армейской привычке, стал прохаживаться по диагонали посветлевшего кабинета. И вдруг, осененный мыслью, он остановился, вновь поднял голову. «Несомненно, войну с османами надлежит закончить наикратчайшим образом. Новый визирь – старый солдат. С ним можно договориться, возблагодарить щедрой суммой через агента. Для Порты главное – это Таврическое ханство. Они не могут оставить единоверцев. Но если эти народы сами признают нашу власть, вопрос с Крымом разрешится. Стало быть, ниточка, за которую нужно потянуть, чтобы вырваться из круга – это Кавказ! Доблесть и героизм полков наших смиряют устремления султана. А добившись с ним замирения, мы выгоду в Европе иметь будем. И без промедления покончим с самозванцем Емелькой! Да и Панина ниц преклоним, ибо императрицы триумф настанет!»

И, сам не зная почему, Григорий Александрович вполголоса завёл протяжное песнопение, которому мальчиком научился у отца Тимофея, священника из Чиждова. Промелькнуло много лет, но этот светлый человек не истерся из памяти. Он учил не только любви к богу, но и занимался с детьми различными науками. Совет отца Тимофея петь это песнопение в честь Богородицы, когда нуждается душа в укреплении, а разум в ясности, недаром вспомнился в это мартовское утро. Видимо, Господь призвал его остановить в стране хаос, бунт и злоумышления недругов императрицы...

10

От моря Азовского до самого Каспия раскинулась гигантским ковром, на сотни верст, Великая степь, на-

зывается в иные века – Диким полем. Размашисто легла во все стороны равнина, точно узорами, перевитая речонками и полноводными реками – Егорлыком, Еей, Кубанью, Манычем, Калалы, Гокком. Набивным орнаментом на этом ковре – холмы, пламенеющие цветами, яркая зелень небольших облесков и рощиц, дивная пестрядь цветочных делян. Особенно зазывной и волнующе перевозданной предстаёт Великая степь в дни обновления природы, в ликующую пору весны!

Умытая талой водой, земля обрадовано тянется струнной травкой, ветками деревьев к пылающему в чистозорном небе солнечному костру! Так сияет светило, что невозможно разглядеть его края, – сплошная золотая лава, стекающая по горизонту! И от этого мартовского ли, апрельского теплушка с изначальной силой воскресает жизнь, будоражит и зверье, и птиц, и редких здесь кочевников.

Нескончаемый птичий гвалт, высвист и пение пронзают простор! В самые дальние места парами уединяются степные царь-птицы – дрофы. Дерутся за самок насмерть, выбивают в старой полегшей траве круговины гордые стрепеты. У болотцев и обильных рыбой озер облюбовали камышовые заросли журавушки. Почему они своим неудержимым зовом так трогают человеческие души? В чем секрет?

А у больших рек белеют стаи лебедей и пеликанов. Первые держатся парами. Пеликаны чаще – вместе. Широким кругом они сплываются к середине, сгоняя на отмель рыбу. И – вдоволь лакомятся, взмахами крыльев и криками отпугивая досужих чаек. Повсеместно выют гнезда бекасы, кулики и утки. Чуть поодаль, в бурьянах, гнездovsky куропаток и перепелок. И еще множество степных птах обитает здесь, оглашая своими запевками окрестность.

Но нет мира-покоя в этом царстве зверья и птиц! Коршуны, луни и даже долетающие сюда горные орлы пластаются в поднебесье, зависают, трепеща крыльями, и вдруг обрушиваются вниз, выцелив жертву, – пташку ли, мелкого грызуна, а то и разморенного на солнце зайчишку. Удар хищника разящ и неотвратим. Правит всем и побеждает в степи сила...

С голосами жаворонков сливаются посвисты сусликов и сурков, резкие, вроде мяуканья, зовы лисиц, трубный клич сайгаков-самцов. Изредка раздается ржанье диких лошадей, копытящих низины и голощечины буераков.

С каждым днем приглядней становится степь, все больше по утрам разливаются протоки заповедных степных цветов – диких тюльпанов, называемых лазориками. Карминно-алые, пунцовые, белые, лимонно-желтые озерки их пестреют среди бесконечных далей, восхищая красотой и трогая до слез случайных путников!

Однако дневная кутерьма сменяется в часы ночи необоримой тревогой! С проломным треском по кустарникам и камышам снуют кабаньи выводки, разоря гнезда, нападая на всякую зазевавшуюся птицу или зверушку. Тут же кружат и лисоньки, и енотовидные собаки, нередко схватываясь в жестоких единоборствах. Но всего опасней и коварней налет волков! Бирюк, конечно, нападает и в одиночку. Но далеко не всякого зверя он может догнать. А вот стаей, охватом, сужая пространство, охотиться верней! Ничего не боится волк, кроме огня. И почуяв дым, за много верст уходит прочь...

Семь ветров летят с востока – от Астрахани, семь с запада – от Азова и Тамани, и когда сойдутся вместе, кружат в диком переплясе, проносятся по степи бурями.

И почти каждый весной, а то и летом-осенью, раздувают эти ветрогоны страшную и необоримую стихию – степной пал. Высохшие на ярое солнце поясные бурьяны по чьей-то неосторожности либо умыслу вспыхивают, возносятся гигантским пламенем, с жуткой скоростью несущимся под напором ветра вперед, испепеляя всё на своем пути. Этот адский огненный вал растягивается на десятки верст, – и в неуёмном страхе бегут, летят, мчатся прочь от пожара горемычные степные обитатели. Но как спасутся зайчата или птенцы-подлетыши? Убежит ли от него брюхатая сайгачиха или косуля? Нет укороту бушующему огню, нет от него защиты и спасенья!

Не так ли огненно катилась по Северному Кавказу военная стихия 1774-го года, – отголосок русско-турецкой войны или совсем отдельная, кавказская? В Петербурге – императрица и ее соратники – на этот вопрос знали точный ответ, воспринимая Кавказ целью своих стратегических устремлений. Кабарда прежде тесно сносилась с Крымским ханством, а через него, – с Османской империей. И немало сил потребовалась и самой Екатерине, и ее предшественницам, чтобы задобрить и обласкать непостоянные кавказские народы.

Теперь же ситуация на юге сложилась сугубо тревожная: воодушевленные приходом воинства Девлет-Гирея, кабардинцы и черкесы решили выступить против России. В первую очередь, разумеется, отстаивая свои собственные интересы, а не Порты. По их умыслу необходимо разорить и уничтожить крепость Моздок, казачьи поселения по Тереку. Но брали в расчет это намерение горцев в имперской столице?

Отчасти об этом Екатерина помнила. Но на переговорах о заключении мира с Портой разрешила своим посланникам пожертвовать Кабардой в поль-

зу турок. И, стало быть, на кавказском театре боевые действия в интересах России велись командующим корпусом де Медемом и отрядом Бухвостова из 2-й армии по их личному усмотрению, исходя из конкретной ситуации...

Близость турецко-татарского стана побудила Ремезова задержаться в облеске. Решили тут передневать, а ночью пуститься дальше в поисках своего полка.

В полуденной тишине звенели безмятежные жаворонки, степь кохало солнышко. Обманчиво мирно было вокруг. Но казаки оставались настороже. Кое-как перекусили сухариками да вымороженными ягодами боярышника.

Говорили шепотом, не пропуская ни одного звука вблизи своего укрытия. Стреноженные кони охотно пощипывали вставший на сугреве кормовитый пырей. Плёткин достал кожаный кисет и трубку из переметной сумы, притороченной к седлу, и стал готовить курево. Ремезов невольно наблюдал за ним, жмурясь от солнца.

Красив и силен был Иван, рожак Черкасской станицы. Фигурой высок, подборист, с крепким поставом головы. Возрастом опередил он сотника на дюжину лет, понюхал пороху на Семилетней войне. Леонтий заметил его в первом же бою. Служилый казак, как было уговорено с односумами, держался сзади. А когда сошлись с османами, бросил коня вперед и врубался в гущу неприятельской конницы. Увертываясь от ударов, стал полосовать по крымчакам. И бог миловал отчаюгу, отводя от стрел и пуль. А минуту спустя именно Иван спас Ремезова, срубив летящего на командира татарина. И не раз еще оказывались они в сражениях рядом, и обоюдно подружились.

Трубка у Плёткина была необычная, посеребренная, в форме головы дракона. Не трубка, а дымарь, курушка для пчел, – столь велика размером. Иван, сосредоточенно хмурясь, топорща свои завитые на кончиках, черные усы, набил трубку табаком, сдобренным неведомой приправой. Ловко чиркая кресалом о камень, поджег-таки духовитую начинку. Дым сизыми клочками лег на кустики дерева.

– Чтой-то я трубки этой у тебя не замечал, – удивился Ремезов. – Откуда взялась?

– Стародавняя. Оных ажник три запасено. И табачок знатный! Такой осман-паша курит. Я собственноручно резал да разминал. Поневоле погостевал у басурманов...

– У турок? – переспросил сотник, устраиваясь на ложе из хвороста и сохлой травы. – Правда гутаришь? Не врешь?

– А к чему брехать, ваше благородие? – обезоруживающе улыбнулся казак. – Такой грешок за мной числится, когда бабенка дюже приглянется. Мы, казаченьки, на язык гожие. Чем бабу улестишь? Лаской да брехней. Я было на той неделе к Мерджанке подкатился, а она хватъ кочергу да по хребту. Пригрозила вам пожалиться. А на другой день всё про вас расспрашивала, дескать, отекда родом, сколь годочков... Должно, полюбила.

– Она замужня, а по их вере изменять невозможно.

– Оно и по нашенской, по христианской, прелюбодяем в аду жариться. А кто безгрешен?

– Ты, грамотей, лучше проверь, где татары.

Ординарец сделал крюк среди деревьев, пристально оглядел долину. Неприятельская армия снялась. Это было с руки. Под вечерки им также можно трогаться.

– Ушли нехристи, – сурово сообщил Иван, попыхивая трубкой. – В нашу донскую сторону!

Ремезов подвинулся, освобождая на ложе место. Иван присел, сдвинул папаху на затылок, открывая волнистые густые волосы. С лица его не сходило задумчивое выражение.

– Ну, рассказывай про Туретчину, – предложил Ремезов. – До вечера далеко...

Казак всласть затынулся и помолчал.

– Да и не знаю, с чего начинать... Я неписьменный. Науку на войне превзошел... Стал-быть, призвали меня в полк Краснощекова, славного нашего Федора Ивановича. Попал на войну зеленопупком. И восемнадцати не набралось, – за кулачные бои да за то, что до баб был охоч, выгнал меня атаман из станицы прежде времени. Службица лютая выдалась. За Одер, широку реку, не раз прокрадались. То скотину угоняли, то провиант отбивали, а то и шkodили занапрасно, жгли поместья. И вот сошлись мы с пруссаками возле Цорндорфа, воинство на воинство. Как ни упирались мы, а устоять не смогли. Подбили подо мной коня, а самого, ранитого и контуженного, захватили враженюки. И заслали, как плененного, в имение барона фон Шольца. Опречь меня находился там и наш кавалерийский офицер, ротмистр Скуратов. Был он сражен пулей в грудь, здравия никудышнего. Днями выходил с палочкой, сидел на скамейке. Пруссаки с пониманием к нему относились. А меня заставляли мешки с мукой на мельницу таскать да в свинюшнике назем метать.

– Баил мой отец, дюже пруссаки аккуратисты, – заметил Леонтий.

– Точно так. Словом, пробыл я в заточении полгода. Завел полюбовницу-девку, горяча в деле, но конопатая и рыжая. Манит ожениться на себе, чтоб стал я закоренелым пруссаком. А у меня на уме одно: как вырваться? Тянуло на Дон до того, что, бывалоча, слеза прошибает.

Летят по весне гуси в нашу сторонку, – махаю им рукой и кричу, чтоб матушке поклон передали.

Как-то подзывает меня ротмистр, – он излечился и мордень накушал, не хуже немецкого бургера. Уводит за деревья бескорые, платаны, и предлагает учинить побег. Не напрямик в Расею, а в астрицкий край, какой ближе. Знать, австрияки помогут нам домой возвратиться. «Дайте, – гитарю, – ваше благородие, покумекать. И манится, и колется, и мамка не велит. Часом споймают хозяева, – кнутом засекут на скотном дворе. Им жестокости не занимать!» Наутро Скуратов сызнова стал секретничать и убеждать! Гляжу: смелый офицер, бывал в переделках. Не гинуть же на чужбине цельный век...

Своровали мы у этого фона Шольца телегу с парой венгерских кобыл. Не лошади, а черти бешеные. Раз вдаришь кнутиком – сто верст без остановки мчат. Знать, потому венгерцы и славятся, как рубаки. Коняка под ним, под венгерцем, огневая!

Бог дал, перебрались мы через кордон астрицкий, и по горам по долам попали в Зальцбург, город такой. Много домов больших, с балконами. В три, а то и в четыре уровня комнаты. Ровно улья! Нашел Скуратов знаконца, вояку отставного, что за Расею воевал когда-то, встали на постой. Живем из милости, денег ни гроша. Вот как-то вечером заявляется к нашему австрияку пучеглазый господин, очень важный и пасмурный. И стал часто наведываться. Меня к разговору не допускали. А ротмистр с хозяином не расставался, – кутили, белолшвеек к себе привозили, бесились цельными ночами.

– Долго ты подъезжаешь, – шутливо заметил сотник. – Так и до потемок не успеешь. Рассказывай по-военному: вот экспозиция, построение, а вот – результат.

– Не обучен я тому. Да и конец близок... Открылся вскорости мне ротмистр, что пучеглазый – богатейный

ростовщик. Год тому путешествовал он с женой и дочкой по Греции. И попал в лапы османов. Ну, стал-быть, мошну его они вытрясли под чистую. Опрichь того и дочку писаной красы умыкнули без следа и возврата. От тоски женка его душу богу отдала, а ростовщик малость в уме повредился. Посчитал, бедолага, дочку за покойницу. Как вдруг на днях получил от нее весточку. Прочел он бумажку и неимоверно обрадовался. Находилась дочь в гареме султана, куды ее разбойники продали. Вот он и обратился к своему дружку, чтоб помог вызволить ее отсюда...

Стая скворцов шумно осыпала верхушки деревьев. Плёткин повернул голову, помолчал и со вздохом продолжил:

– Нанял ростовщик нас на поимку дочери. Австрияк ее знавал еще с детских лет. А мы с ротмистром, по уговору, должны были пленницу из гарема увести. За это пообещал нам папаша дюже щедрый куш. Я, душень, и рад стараться!

Чудок погода изготовили нам поддельные пачпорта. Австрияк и ротмистр сошли за продавцов сыра, а меня определили при них охранником глухонемым. Дескать, сопи в две дырки и делай то, что прикажут. Сели мы в повозку крытую, навроде кареты, и тронулись в главный оплот турок, Истамбул. А он, стал-быть, на морском берегу! Огромнейший город! Почти весь каменный. Улицы узкие, путаные. А над всеми домами возвышается неподобной высоты магометанский храм, то есть мечеть, с минаретами, откеда призывают верующих к молитвам.

Подкупили мы двух турок, под видом торговцев явились к дворцу султана. Ваше благородие, он большешины невиданной! Должно, на версту тянется вдоль побережья. А в этом непомерном здании комнат не счесть,

а еще и другие постройки. И слуг тысячи, и наложниц султана. Не сераль, как турки прозывают, а город вроде нашего Черкаска!

Стали мои господа обнюхиваться с турками, с хозеями гамазеев²⁶ неподалеку от гарема, куды наложницы под охраной за покупками ходят. Рядили-судили, наметили, как проникнуть в гарем. Приказал мне ротмистр усы сбрить. Я ни в какую! Заради чего поганиться? Долго упорствовал, но подчинился.

Приезжаем с обозом дров ко дворцу. Вокруг забор каменный, в пору крепостной стене. Янычары с шашками да секирами у каждой двери, глаз не спускают. Подкупленный обозник подтвердил, что мы – баттаджи, то есть заготовщики дров для гаремских бань. В плане нашем было разыскать в гареме Эльзу, дочку ростовщика. Условиться и помочь ей дать дёру! А как зашли, заставили нас переодеться. Порядки там дюже строгие! Каждому выдали кафтаны с воротниками выше головы, чтобы не пялились по сторонам, а смотрели только прямо. Взвалили мы на плечи вязанки дров и цепочкой, один за другим, двинулись за евнухом. Сто коридоров и поворотов минули, пока добрались. Женщин, честно сказать, мало приметили. Все они были с закрытыми лицами, и не имеют права с баттаджи в разговоры вступать.

На другой раз, когда опять привезли дрова, приметили уже больше. Австрияк, какой знал Эльзу, сбег от евнуха и стал обходить палаты, обитательниц разглядывать.

Так вот полмесяца ездили, платили обознику пиастры. А проку нет. И решились на последнюю хитрость! Оповестить австрийку через главную банщицу, кальфу. Встрелся ротмистр с ней в гамазее, где женскую одежду продают. Что говорил мой командир, не ведаю. Только выкрадать австрийку выпало на мою долю!

---

²⁶Гамазей (устар.) – магазин.

– Чтоб не рисковать, решили тебя направить, – отозвался Ремезов, ежась от ветерка и предвечерней пониженной прохлады. Солнце клонилось к закату. Пора было готовиться в дорогу. И, торопя казака, спросил:

– Удалось освободить?

– В условленный день переоделся я как баттаджи, взвалил дрова на плечи и понес в баню. Заговорщица наша, кальфа, припасла шаровары, кафтан красный и феску с кисточкой – форму, в какой евнухи ходят. Я в него еле опугался.²⁷ А кафтан мой Эльза надела, голову папачой прикрыла, на самые глаза насунула. Охранников кальфа отвлекла, а девка на улицу улизнула, где Скуратов с дружкой поджидали на коляске. Стал-быть, они в своем антересе. А я в бане евнухом остался. И вот старшая во всем гареме баба приводит наложниц на купание... Эх, такой красы, ваше благородие, забыть невозможно! Самые пригожие со всего белого света...

– Как же ты, Иван выбрался?

Плеткин доверительно улыбнулся.

– Да наутро передали мне одежду заготовщика. Бог миловал, охранники не задержали. Только господ своих больше я не узрел! Бросили. Осталось одно: плыть в Крымское ханство. Выдал себя за казака-некрасовца. Люд там разный, сбродный. А через Керчь на нашу сторонку прокрался мимо кордона татарского, так и до Азова дошел...

Ремезов думал уже о ночном переходе. Лошади отдохнули. За солнечный день подсохла, отвердела на ветру земля. И надо гнать лошадей, спешить, чтобы предупредить своих. На бога надейся, а сам, казак, не плошай...

---

²⁷Опугаться (донск.) – походить на пугало, одеваться во что попало.

Полки Платова и Ларионова, следуя в соседстве с ногайскими кочевьями, в последний день марта достигли тракта, ведущего из России на Кавказ. Дальнейшее передвижение ногайцев-едисан стало невозможным, ввиду мощного разлива Большого Егорлыка. Севернее путь преградила не менее полноводная река Калалы. Ко всему, глава едисан Джан-Мамбет повелел соплеменникам основной массой переместиться верст на двадцать пять западнее. А сам задержался в прибрежной полосе Егорлыка, дожидаясь Бухвостова, направляющегося сюда со своим отрядом. Ногайцы ждали от русских крайне необходимой помощи – обоза с мукой и зерном. И он, как было обещано, прибыл под охраной казаков. Однако команду на передачу провианта должен был дать именно подполковник Бухвостов, уполномоченный Стремоуховым решать хозяйственные вопросы.

Первые дни апреля выдались на редкость жаркими. Казачьи полки, расположенные вдоль обрывистого берега Егорлыка, приводили в порядок амуницию, седла, вычесывали зимнюю шерсть у лошадей. Платов лично осматривал, как содержатся ружья, свежи ли и прочны на них кремневые запальцы и курки, проверял шашки и заточку пик. Служилые казаки с почтительными улыбками наблюдали за командиром. Уж кому как ни им ведомо, что жизнь и смерть на лезвиях шашек да на кончиках пик – выручат в бою, коли остры!

Прибрежные вербы сплошь невестились, стояли в пушистых серо-зеленых сережках. А заросли алычи цвели так густо, что издали казались белеными стенками хат. Ветерком доносило от них медвянью. И от входящей в силу весны, от красоты вокруг радостно было донцам, ходившим, с разрешения командиров, голыми до пояса. А после полудня, когда выдался

вольный часок, казаки амором спустились к прозрачному мелководью.

Напрочь растелешенные, они с диким гоготом вбегали в реку, радужно взметывая брызги, и бросались с закрытыми глазами в зеленоватую светлынь. Раза три окунались и, как угорелые, вылетали на прибрежную луговину. Под солнечными лучами зеркально отливали мокрые мускулистые тела, поросшие густой волосней. Озоруя и дурачась, не преминули молодцы сравниться в мужских достоинствах. Кое-кто из молодых кинулся на пырейном ковре бороться. А иные, несмотря на то, что вода еще не прогрелась, обшаривали руками коряги и глинистый опечек. Мастера-рукодельники из верболозника сплели днем два вентера и поставили в камышах. Когда же проверили на закате, – от удивления разинули рты! Они набиты были плотвой и коропами²⁸, да еще попало несколько шук. Улова хватило для всех котлов!

Вечером полковников пригласил в свой шатер Джан-Мамбет-бей. Кочевые аулы стояли в полуверсте от казачьего стана, и командиры вдвоем, без охранников прискакали к главе едисан. Их встретили нукеры, с поклонами препроводили к хозяину.

Джан-Мамбет, пожилой человек, с трудом переставляя гнутые короткие ноги в меховых сапогах, улыбаясь, пожал гостям руки и жестом пригласил садиться на подушки. Платов сразу ощутил некую скованность хозяина.

– Солнце большое – хорошо, – улыбаясь и щуря узкие свои глаза, с акцентом заговорил Джан-Мамбет. – Река – хорошо. Казаки солнце лубят, ногаи солнце лубят. Хорошо!

---

²⁸Короп (южн.) – разновидность карася.

Гости одобрительно кивнули, исподволь наблюдая, как старшая жена бея разливает в пиалки ароматный калмыцкий чай. И пока продолжался разговор за чаепитием, она принесла глиняные тарелки и широкий горшок с ароматной бараниной, сваренной в верблюжьем молоке с тмином и арабским перцем. И еще раз окинув взглядом застолье, незаметно выскользнула из шатра.

Джан-Мамбет привлек для беседы толмача, серьезного молодого человека, в бешмете и чалме, похоже, муллу. Он также говорил с акцентом, но в словах не путался. Глава едисанской орды напомнил, как переманивал его калга Шабаз-Гирей, а он отказался. До скончания века будет признателен российской государыне за то, что не препятствовала переселению из Бессарабии на правобережье Кубани его сородичей. Затем воздал хвалу Аллаху за то, что помогает отряду Бухвостова побеждать крымчаков. Ларионов ответил дипломатично, что воля государыни всегда совпадает с желаниями ее подданных, в числе которых все хотят видеть и ногайцев.

Вероятно, именно этого и ожидал мудрый старец. Он тут же потребовал, чтобы полковники донесли ейскому приставу Стремоухову, что едисаны крайне страдают от нехватки пищи и денег, что в аулах много больных. Но, в первую очередь, они должны сообщить начальству, что здешняя местность, открытая ветрам, не пригодна для постоянного проживания. И они возвращаются ближе к морю и горам.

– На то не наша воля, – возразил Платов. – Как прикажет матушка-царица.

Все просьбы были изложены на листе бумаги, который передал толмач. Гости пообещали вручить петицию Бухвостову, когда встретятся с ним.

Возвращаясь обратно, полковники сошлись в разговоре к одному мнению.

– Что-то крутит бей, – усмехнулся Платов. – Слишком много требует!

– И даже не обмолвился, что крымчаки напади на аул Керим-Бека, вырезали верных нам людей.

Освещающая ночь, пылала полковые костры. Воздух посвежел, потянуло с Егорлыка зябкой сыростью. Казачьи командиры разъехались. Матвей Иванович спешился у своей палатки, передал коня Кошкину, через дверной проем вошел в походное жилище. Последовавший за ним ординарец зажег свечу и поставил ее в маленький шандалик. Платов снял мундир и надел меховую куртку, подаренную отцом при их встрече под Перекопом.

Вспомнился и он, и трое родных братьев. Слава про батюшку, Ивана Федоровича, полкового командира, далеко разлетелась. Сама царица за доблесть наградила его весьма дорогой саблей! Где он теперь? То ли на Дунае, то ли в Польше... С детства отец был для Матвея наставником. И сабли, и пистолеты, и пику он опробовал еще ребенком, беря их в руки, точно любимые игрушки. А вот в скачках превзошел самого отца! С отрочества был проворен, сметлив и увертлив, а среди разудалой черкасши считался драчуном. За это неоднократно был порот и наказан трудом. Сейчас об этом Матвей вспоминал с улыбкой...

Едва казачий полковник раскинул постель, застланную овечьими шкурами, и при горящей свече помолился пред иконкой, поставленной на вещевой сундук, как позволения войти испросил ординарец. Хотелось спать, и Платов с трудом сдержал себя:

– Чего тебе?

– Господин полковник, тут до вас добиваются три старых казака из сотни Полухина. Дюже волнуются!

– Впусти.

Трое немолодых станичников, в чекменях старого покроя, со снятыми папахами в руках тут же втиснулись в тесную палатку. Перекрестились, заметив образок Спасителя.

– Что не спится? Об чем просите? – настороженно бросил Платов, оглядывая бородачей. Похоже, они были из староверов. – Что за томаха?

– Извиняйте, душа-командир, но просим нас выслушать, – начал красивый чернобровый казачина. – Дюже тревога одолевает, никак неприятель подкрадается. Птицы вещают!

Платов с недоумением уточнил:

– Какие такие птицы?

– Галки да вороны. Ночной грай завели! Оттуда, где балки в степу, ажник досюда слышать! А почему? Люди всполошили! Вот и поднялись.

– Там ногаи кочуют. Должно, и спугнули.

– Господин полковник! – поддержал односума другой казак, с разбойничьим лицом и сипловато резким голосом. – Мы с малолетства косяки табунные пасли. И где они есть, где их топ, по слуху узнавали, по земельному гулу. Припадешь ухом к земельке – она и подскажет. Вот и зараз гудит она, гудит!

Платов накинул бурку и шагнул к выходу.

Апрельская полночь была свежа, напоена пресным духом глины, запахом цветущей алычи. Искристо мерцали звездочки. И в дремотной мгле, как будто не было ни звука. Платов, выбрав сухое место возле палатки, стал на колени, затем припал ухом к земле. Казаки и ординарец стояли позади. Наконец, Матвей Иванович пружинисто встал.

– Навроде скрип какой. А гула никакого нет... Спать! Утро вечера мудренее.

– Мы выспамшись, – бодро отвечивал чернобровый. – Теперича и покараулить можно!

– Караульте! – приказал Платов, а ординарцу велел через командиров сотен выслать дополнительные дозоры.

Уснул Матвей Иванович в одну минуту, точно уплыл в ласковую темную бездну...

И привиделся ему престранный сон: будто идет он вдоль Дона летним утречком, спешит на свидание к любушке-молодайке. Вода в реке ясная, на голубой глади, точно как в небе, белобокие облака отражаются. И слышится песня славная, задушевная. И хочется ему узнать, кто ее поет? Но куда ни посмотрит, – никого нет. Вдруг навстречу идет по тропе чернец с палкой. Приближается, поднимает голову и – страх пронизал Матвея! – пред ним колдун с горящими глазами. Узнает в нем Матвей одного их ногайских мурз, какого встречал за Кубанью. «Что ты делаешь в Черкасском городке, – с недоумением спрашивает он. – По какой такой нужде прибыл?» Колдун осклабился недобро: «Аль ты не признал меня? Я же Емельян Пугач, донской казак». – «Не видывал я тебя ни разу, потому знать не могу? Так это ты, супостат, безвинный люд губишь и разор учиняешь?» Колдун стал вдруг невысоким, стриженным под «горшок» мужичонкой. И дико захохотал! Задрожала земля, деревья закачались, и тьмой покрылось небо! От неожиданности замер Матвей. Страшный вихрь налетел с южной стороны, повалил лес, и открылась степная даль. А по ней – скачущий дикий табун. Вороная эта туча стелилась по земле, мчалась прямо на него. Огнем охватило душу Матвея. Наперекор всему ринулся он вперед. Вот уже рядом косяк, уже видно, как злобно раздуваются ноздри вороных! И в ту минуту раздался с небес твердый голос: «Не бойся. Я с тобой!» И ударил сверху золотой луч, и обозначил полосу, защитившую Матвея. С остервенением промчались дикие кони мимо, не причинив ему вреда...

И вновь на тропе возник чернец. В глазах его, расширенных от гнева, было еще больше ожесточения. «А! Ты еще жив, собака! Ну, обожди...» И на равнине под грозовыми тучами, на этот раз с западной стороны, вдруг возникла невиданных размеров саранча. Всего удивительней было, что на ней зеленели мундиры, а головки покрывали треугольные шапки. Что за невидаль? Гигантские кузнецы, гудя, скакали по земле, оставляя за собой черную безжизненную гладь. Тут уж не сдержался Матвей, подхватил с земли вербную орясину и давай молотить ею налево и направо, сокрушая саранчу, издающую картавые звуки вроде французской речи. Много положил вокруг себя донец этой крылатой твари в мундирчиках, и не покидал его азарт, да вдруг снова задрожала земля, и предстал перед ним этот колдун огромным чудищем о трех головах. «Никак Змей-Горыныч!» – догадался Матвей. Лютый оборотень бросился на него, грозя с трех сторон, но оглоушенный казачьей дубиной попятился, сник...

Платов проснулся мгновенно, услышав тревожные голоса вблизи палатки. Кто-то убеждал караульного пропустить его к полковнику. Не остывший ото сна, с тяжелой головой, Матвей Иванович быстро надел короткие кавалерийские сапоги и вышел наружу. Еще была ночь, дымили костры. А в руках лохматого, с окладистой бородой казака горел небольшой факел. Платов узнал одного из урядников, а рядом с ним – Ремезова.

– Ты?! При здравии? – обрадовался командир, хлопнув сотника по плечу. – Что за сполох?

– Господин полковник, – взволнованно заговорил Леонтий, показывая рукой. – Татары за холмом! Неисчислимо... Мы всю ночь с казаком коней гнали, чтобы поспеть... А тут наскочили на вражеский кордон, еле спаслись.

– Что за воинство? Конница? Пехота? Мортиры есть?

– Так точно! – и Ремезов подробно стал докладывать всё, что сумел рассмотреть и запомнить.

Платов мрачнел, слушая сотника. Между тем весть, что рядом неприятель, быстро разнеслась по обоим полкам. Казаки поднялись. Ждали приказов командиров.

– Срочно пригласи Ларионова ко мне, – приказал Платов ординарцу, энергично застегивая мундир и ежась от холода. – И всех командиров полка к моей палатке!

Спустя несколько минут прискакали дозорные и донесли, что неприятель охватывает казачий лагерь с запада, отрезая отход. Следом новость еще тревожней – татары подступают с севера. С трех сторон пути к отступлению казачьих полков отрезаны. Только с востока неприступен для неприятеля крутой берег реки.

Ларионов и Платов уединились в палатке, оставив офицеров дожидаться распоряжений. Раздумывать было некогда. Платов, глядя в глаза побледневшему приятелю, прямо сказал:

– Ну что, Степан? Прозевали врага! Обдурил нас Девлетка!

– Без едисан он не смог бы обложить. Они ему донесли!

– Будем бой принимать. Обороняться, пока не подойдет Бухвостов. Да и у Мамбета сотни три конницы.

– Может, татар не так много, как показалось твоему сотнику?

– Скоро увидим. А пока давай рыть окопы и вал насыпать, а фуры с зерном и мукой заградой ставить. Наверное – «гуляй-города». Всех лошадей впрячь в телеги и окружить ими наши позиции.

– Тогда давай вагенбург²⁹ сей ставить ближе к берегу. Оттуда они не подступятся. Да вперед выдвигать единорог, чтоб картечью бил. Жаль, пушка одна, – посоветовал Ларионов и, вздохнув, первым вышел к сосредоточенно умолкнувшим офицерам.

Рассвело. И казакам, строящим из телег и фур оборонительный редут, открылись степные дали. А на расстоянии двух вёрст – турецко-татарское воинство, неоглядная стена всадников, пестреющая одеждами и флагами. Они располагались на длинном косогоре, с южной стороны. Издалека доносились гортанные возгласы и ржание лошадей. Построение неприятеля тянулось и западнее, на взгорье, подковой охватывая лагерь казаков и становище едисан.

Полки готовились к бою. Казаки, понимая, что смертынька рядом, поглядывали на урядников и сотников в надежде: есть ли выход? Те – на есаулов, выполняющих приказы полковников. А Платов и Ларионов? Оба были хладнокровны, в приказах требовательны и точны; чаще, чем обычно, пошучивали. Лица – мужественны и спокойны. Самообладание и боевой дух командиров передались, как по цепочке, в обратном направлении! И это перед сражением сплотило ратников одной, стальной волей...

Наконец, сев на коня, Платов взял подзорную трубу. Долго и пристально озирал окрестность. Тем временем неприятель стал медленно приближаться. Платов опустил диковинное заморское приспособление и кликнул добровольцев-казаков. Одного, рослого, он не знал, а вторым оказался Иван Плёткин.

– Вот что, братцы! – строго обратился полковник. – Сейчас я вышлю вперед небольшой сикурс³⁰, чтобы от-

---

²⁹Вагенбург (устар.) – полевое укрепление.

³⁰Сикурс (устар.) – отряд.

вlechь турок. А вы возьмите самых резвых лошадей, от моего имени, и гоните их на запад, к отряду Бухвостова. Расскажите, что мы в осаде. Дескать, Платов и Ларионов просят подмоги! Правьте по балке, чтобы от стрел укрыться. Доскочите, ребяташки, – нас выручите!

12

Всю ночь Девлет-Гирей, стоя коленями на мягком коврике, молился, просил Аллаха разгромить неверных. Рядом с ним молился и брат Шабаз-Гирей, обуреваемый жаждой мести за то, что русские дважды рассеивали его отряды.

Перед зарей хан вышел из шатра, чуть покачиваясь от усталости, но в отличном настроении. Ему подали чистокровного араба, жеребца светло-гнедой масти, отменной стати и выносливости. Конь был объезжен нукерами, но быстро привык к своему хозяину и повиновался ему, точно читал мысли.

Великого правителя встретили собравшиеся командиры, – татарские и ногайские мурзы, горские беи, турецкие офицеры и атаман казаков-некрасовцев, недавно премкнувших. Знать, вновь захотели по родному Дону погулять, душеньки отвести.

– Аллах акбар! – дружно встретили Девлет-Гирея подчиненные, он ответил и преклонил в знак глубокого уважения голову. Араб испуганно попятился, когда ветром отнесло от древка шелковое зеленое знамя. Но хозяин удержал его уздой.

Подъехавший на вороном длинногривом трехлетке брат остановился перед строем и громогласно произнес:

– Великий владыка Крыма! Все воины готовы сражаться и умереть во славу ханства!

– Аллах акбар! – вновь подхватили приветствие соратники.

Солнце светило уже в полный накал. Длинные утренние тени стелились по зеленеющей земле. Девлет-Гирей ощутил вдруг сладкий щекочущий комок в горле, остро осознав, что сбывается мечта, волнующая с детства. Он начинает завоевывать мир! И с этой победы над казачьим войском откроет себе дорогу в Россию, в Европу... вспомнились подвиги Александра Великого, Тамерлана... Аллах воздавал им за храбрость и великодушие. Важней не убить врага, а сломить его волю...

– Я дам русским шанс! – властно воскликнул Девлет-Гирей, поворачивая голову в сторону военачальников. – У них превратное мнение о нас, якобы безжалостных людях. Выслать парламентаров! Я отведу неверным на размышление полчаса!

Трое всадников с высоко поднятой на пике белой папахой отделились от татарского войска и пришпорили коней. Из казачьего лагеря их заметили и сообщили полковникам. Навстречу были посланы есаул Кравцов и Леонтий Ремезов.

Ханские парламентары придержали скакунов, старший из них мурза Аслан-Гирей поднял вверх руку, привлекая внимание. Донцы остановились саженьях в пяти.

– По велению великого хана Девлет-Гирея, предлагаем вам добровольно сложить оружие. Хану известно, что перед ним казаки, доблестные воины. Он требует полного подчинения и приглашает перейти под его подданство. За это он щедро отблагодарит. Через полчаса ждем ответа!

– Ответ готов! – выкрикнул Кравцов. – По долгу присяги, данной матушке императрице, мы не принимаем ваши требования. Умрем за веру православную, но знамен своих перед вами, басурманами, не преклоним!

Парламентары разъехались.

Ремезов горячил лошадь, припав к гриве. И недаром! Не успел домчаться до лагеря, как над головой прошумели две стрелы, пущенные вдогонку. Он спешился и передал повод казаку, который отогнал гнедую в тыл вагенбурга. Тягловые лошади оставались в упряге, в своих фурах, живым щитом закрывая оборонительный редут. Все они были стреножены, чтобы в огне боя не разметать укрепления. Ездовые старались не смотреть на них, обреченных, с вопрошающе печальными глазами...

Платов, который с согласия сослуживца, Ларионова, взял командование на себя, тотчас выслал вперед передовой отряд, чтобы прикрыть гонцов, направленных к Бухвостову.

Завидев верхоконных казаков, навстречу им бросилась ватага горцев. В руках их отсверкивал булат черкесских сабель. Подпустив джигитов довольно близко, казаки, как было условлено, резко повернули лошадей назад. Охваченные азартом, храбрецы продолжили погоню. Но у рва, вырытого вокруг «гуляй-города», казаки по свисту рассыпались на две стороны, а ханцев в упор подметил мощный залп ружей!

За происходящим на поле боя следили с обеих сторон. И двух скачущих казаков, как будто отвильнувших от отряда, крымчаки заметили запоздало. Тотчас им наперерез бросились лучники. Стрелы прочертили воздух. Плёткин бросил лошадь в сторону и, увернувшись, скрылся в глубине прибрежного оврага. А напарник его, уронив повод, стал безжизненно заваливаться набок...

Платов еще раз обошел, проверяя, этот четырехугольный кут затравившей целины, огороженной земляным валом, фурами, телегами с кулями зерна и муки. Подседланные лошади держались в укрытии

со стороны берега. Полки находились на позициях и были готовы к бою. Ружейники, как и положено, рассредоточились впереди, рядом с ними – заряжающие. Ящики с пулями и порохом тщательно проверены и хранятся поблизости. Артиллеристы позади. Единорог грозно устремлен на подступающее полчище...

Донцы ждали напутствия командира.

– Братцы мои дорогие! – громко обратился Платов к односумам, поднявшимся в полной рост. – Покажем крымскому хану и туркам, кто мы есть такие, донские казаки! Не пустим их на нашу родную землю, на Дон вольный! Знайте и помните, что деремся в честном бою за край наших отцов, за веру православную да за матушку-царицу! Постоим друг за друга, за великое Российское Отечество! А коли кто голову сложит, так нехай господь в рай заберет... Не посрамим чести казачьей, ребята, добудем победу!

Ремезов ощутил, как повлажнели глаза. Волнительно стало на душе. И окружающий мир будто увидел он по-новому, с небывалой остротой ощутил радость существования, что светит солнце, цветут деревья, сладкоголосо выщелкивают пичуги. И вспомнилось, что на родном Дону ждет его матушка. Но прошло всего несколько минут – и в ожидании боя душа исподволь выстудилась.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным людям на сопротивление дарую, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство», – прошептал молитву Леонтий, прося у Бога помощи себе и однополчанам.

Когда неисчислимое ханское полчище, взвив стяги и разноцветные ритуальные флажки, всколыхнулось и

двинулось на «казачий городок», именуемым ретраншементом³¹, стрелки на часах Платова показывали ровно восемь утра...

13

Ударил, загрохотал большой турецкий барабан.

Замерла степь и – сердца казаков! Точно загремел гром среди ясного неба. А гром на голые деревья, по верной примете, – к беде.

Леонтий получил приказ со своей полусотней держать оборону на левом фланге, в прибрежной полосе. Рядом был урядник Рящин, проверенные в баталиях казаки: чубатый Корнилов, верткий, как юла, Сидорин, крепкоплечий Яровой, здоровила Мисютин, весельчак и забурдыка, рыжечубый Пахарин, строгий богомол Белошекин, отчаюга с голубыми глазами Серафим Акимов. Все служили не первый год, грелись у одного костра и понимали друг друга с полуслова. Леонтий, после школы церковной служивший в атаманской канцелярии писарем, в детстве не раз дрался с непоседой Мотькой Платовым. И когда попал в полк Колпакова, не ведал, что вскоре новым командиром станет тот самый черкасский сорвиголова. Платов, паче чаяния, после боев с турками, увидев, как рубился давний знакомец, произвел его в урядники, а вскоре и в сотники. Видимо, полагал Матвей Иванович, что первое качество казачьего офицера – смелость. И как время показало, в Ремезове не ошибся...

По команде калги первыми выдвинулись роты янычар, приплывшие с Девлет-Гиреем из Туретчины. Штурмовать казачий бастион вместе с ними вызвался горский бей и едичкульский мурза. Строй атакующих

---

³¹Ретраншемент – укрепление позади главной позиции.

удвоился: стрелки-ружейники, лучники, сабельники. Калга предупредил, чтобы у всех были кинжалы, ибо рукопашной с казаками не избежать.

Платов неотрывно смотрел в подзорную трубу, изучая, как вооружены крымчаки. Ларионов, обходя ретраншемент, подбадривал казаков.

Янычары, шагающие изломанной шеренгой под мерный грохот барабана и подвывание зурны, надвигались. Саженьях в ста от бастиона по рядам турок пронесся дикий рев, возгласы. Они, разжигая в своих душах воинственность, побежали толпой, сверкая поднятыми ятаганами, ощетинив пики, держа наизготовку узкоствольные пистолеты. Сзади их расчетливо догнали на лошадях лучники и осыпали казачьи позиции стрелами.

– Изготовиться! – зычно скомандовал Платов, подпуская врага на верный выстрел. – Пли!

Бабахнула пушка, кося картечью атакующих османов. Хором прогремели казачьи ружья и пистолы. Но порыв крымчаков не ослаб, – перепрыгивая через убитых и раненых, тысячная рать бросилась на укрепление донцов. Но добраться до них оказалось непросто! Стрелы вязли в кулях с зерном, пистолеты не достреливали или били мимо, перелезая через огромные телеги, фуры также было опасно, – казаки подстреливали таких храбрецов в упор.

Первый приступ, слаженный и безоглядный, усиливался с каждой минутой. Калга, не жалея себя, был рядом с атакующими, гнал их вперед, воодушевлял священными словами. Уже с трех сторон был обложен непокорный редут, и слышался нескончаемый лязг шашек, частые выстрелы, вопли раненых. И все это мешалось с одичалым ржанием лошадей, погибающих равно с воинами.

Платов и Ларионов, с шашками в руках, перемещались по вагенбургу, помогали казакам отбиваться. Отчаянные рубачи выступали вперед поочередно, партиями. Точно в поле пахали, воевали без надрыва, впустую не стреляя и не растрачивая сил. Каждому из них было понятно, что осада предстоит долгая. И вряд ли удастся выжить...

Ремезов чувствовал, как колотится сердце, как охватывает холодком душу, когда бросался в передние ряды с обнаженным клинком. Его казаки орудовали пиками, сражали замешкавшихся врагов, отбрасывали вспять. Турки набегали волнами, держа ружья у плеч, наскоро палили и ретировались. На отдалении заряжали и снова давали залп. К счастью для платовцев, запас пороха у крымчаков был ограничен. Они стреляли из коротких крымских и кубачинских пистолетов по одному разу, а затем совали их за пояс и брались за сабли.

Шабаз-Гирей, оставив коня, бил из своего дорогого бахчисарайского ружья, оправленного в серебро под чернью и с золотой насечкой на замке. Калга читил надпись на стволе, сделанную мастером, «Ма ша-а Аллах!»³² И захваченный горячкой боя, он торопил заряжающего, призывал не щадить неверных!

Янычары и едичкульцы, понеся огромные потери, откатились.

Наблюдавший издалека Девлет-Гирей послал за братом.

– Ежа голой рукой не возьмешь, – с укоризной произнес хан и помолчал, услышав оживление нукеров и приближенных. – Надо у него вырвать иголки. Пошли, Шабаз, татарских воинов на штурм презренного укрепления! Пусть покажут, как умеют воевать!

---

³²Так угодно Богу! (араб.)

Второй приступ начали крымчаки, у которых огнестрельного оружия – пищалей, сайдаков и крымских ружей с раструбами – было значительно больше. Но и этот штурм успеха не принес.

Не давая урусам передышки, хан потребовал новой атаки. Конные лучники, защищенные кольчугами и щитами, и всадники закубанцев ударили совместно. Казаки отвечали выстрелами единорога и ружейными залпами. Чередуя пальбу (пока забивали заряды) с рукопашной, им удавалось сбивать наступательный пыл неприятеля.

Леонтий получил пулевое касательное ранение в левое плечо, но с пропитавшейся кровью повязкой не покидал сражения. Над вагенбургом висел туманец из порохового дыма и мучнистой пыли. Лица донцов были точно бы напудренны, волосы – в прядках седины. Громко и резко раздавались команды. Казаки на пределе физических сил сдерживали напор обезумевших янычар, пиками доставали ближних, пулями – дальних. А тех, кто прорывался вовнутрь ретраншемента, брали в шашки. Не смолкали стоны и горестные вскрики, ярилась пальба, тарахтели большие и маленькие барабаны, – и сеятели смерти сызнова бросались на казачью чудо-крепость...

Платов, с возбужденно округлившимися глазами, всклокоченный, охрип, давая распоряжения и приказы. Осада длилась беспрерывно уже пятый час. Убитых было семеро, раненых – две дюжины. Сердцем уловил Матвей Иванович, что подчиненные стали менее расторопны, что смертельное напряжение и усталость надламывают их дух. Он понимал, как и все, что вырваться из окружения невозможно. У него с Ларионовым была неполная тысяча, а у Девлет-Гирея не менее двадцати

тысяч воинов. В двадцать раз больше! Сколько они еще смогут в вагенбурге продержаться? Денек или два? А басурмане, почуяв добычу, отсюда никуда не уйдут. Будут осаждать до победы. «Поляжем здесь все, а сдаваться не станем. Жизнь свою на поруганье не дадим», – поджигало его непреходящее желание кинуться в бой, в сабельной конной атаке отогнать чужеземцев.

– Господин полковник, на правом фланге через вал турки лезут! – скороговоркой доложил урядник-крепыш, с запекшейся на лице раной. – Меж фурами прут!

Платов бросился на край вагенбурга, где сотня Полухина сдерживала натиск татар. Шла отчаянная сеча. От скрещенных сабель отпархивали синеватые искры.

– Не робей, братцы! – кричал Платов, протискиваясь вперед, держа в вытянутой руке над головой легкую персидскую саблю. – Угостим гостей от всей души!

– Да уж без горячей похлебки не отпустим! – звонко отозвался ожесточенный голос.

– Добавки дадим! – подхватил другой казак, пробираясь между телег.

– Круши османов! Вперед, за державу и матушку государыню! – еще громче призвал Платов и с молодой запальчивостью побежал за казаком к земляному валу.

Перед ним широкой полосой грудились мертвые лошади и погибшие ханцы. Пестрели среди степи короткие цветные куртки янычар, черкески горцев. Оттуда, где лежали поверженные джигиты, доносились стоны. Но их не слышали соплеменники, в седьмой раз посланные ханом на штурм! Напролом ломились мурзы со своими отрядами, вступая врукопашную. Закубанские салтаны, являя перед Девлет-Гиреем отвагу, повели в бой конницу. Но не перебраться ей через новое препятствие – трупы лошадей, людские тела. Непредвиденно возникла выгодная для донцов преграда! Покружили,

погарцевали салтаны возле вагенбурга, с потерями ускакали обратно.

Все гуще стлался над степью пороховой дым, все сильней пахло лошадьми, гарью и терпкой, обильно пролитой кровью. Донельзя устали и атакующие. Доведенный до гнева неудачей своих военачальников, Девлет-Гирей готовился лично командовать восьмым приступом. И собрал на экстренный совет командиров, чтобы уточнить план. А закубанскую конницу вновь направил к редуту издали дразнить казаков...

14

Точно успокоившийся на короткое время пчелиный рой, стих вагенбург. Тысяча казаков – на тесном клочке земли. Среди них более полусотни раненых, немало убитых. Отодвинулись назад, копя мощь, крымчаки. Лишь в эти минуты окружили донцы бочонки с водой, – прежде некогда было напиться. Молча сели на землю, обессилено опустив руки с саблями и ружьями. Но выпустить оружие – не решались. Оно точно приросло к ним!

Платов присел на край телеги, закурил трубочку. Тут же подошел Степан Ларионов, держа на перевязи поврежденную при рубке руку. И своего, и платовского ординарца отослал, чтоб поговорить наедине.

– Слушай, Матвей, сила силу ломит. Жалко казаков!

– Гм, на то и война. Казак на службе тянет лямку, покуда не выроют ямку.

– Меня ты знаешь, я смерти не боюсь. А казаков надобно сбережь. Давай направим к хану послов. Начнем переговоры. А тем временем, может, подойдет Бухвостов.

– Переговоры об чем? – сурово взглянул Платов. – О милости турецкой? Али на службу к Девлетке?!

– Не кричи и не горячись. Я старше на десяток лет. Надобно тянуть время! Ты же знаешь, что пороху на день, от силы на два осталось. Да и ядер кот заплакал. Казаки до смерти устали...

– Нет, мил-друг Степан. Сами виноваты, что в ловушке. И казаками прикрываться нечего. С командиров спрос! Будем биться! И Бога молить, чтоб чудо явил! Сдаваться я не соглашусь. И клятва казацкая – жизни дороже. Ты, Степушка, не робей. Сразу, двумя полками, коли Господь призовет, на тот свет явимся. В рай попадем. Песни там заиграем!

Невеселая шутка вызвала у Ларионова вздох.

– Лучше давай еще землю потопчем да родине послужим... Я разговор, Матвей Иванович, завел только ради тебя. А коли одно у нас мнение, – значит, будем баталию продолжать.

Платов пригладил рукой густые, жесткие от пыли и муки волосы. Не высок, но ладен, крепко шит. Попыхивая трубкой, он стал обходить сотни, отпуская остро-ты, подбадривать приунывших, благодарить отличившихся. Среди них оказался и Ремезов.

– Видел, видел, как ты со своими усачами полосовал османов! – похвалил полковник, замечая на плече сотника повязку. – Ранен?

– Царапина, Матвей Иванович.

– К награде представлю.

Платов испытующе посмотрел ему в глаза. В этот момент на правом фланге поднялся непонятный переполюх. Катились по рядам радостные возгласы. Платов и подошедший к нему Ларионов переглянулись. К ним мчался растелешенный до пояса, но в заломленной шапке на голове, урядник Кислов.

– Матвей Иванович! Пыль на бугре. Никак уваровцы!

Полковники поспешили за ним, еще не веря в эту желанную новость. Ординарец расторопно подал Ларионову «перспективную» трубу. И тотчас полковник выкрикнул:

– Уваров! Аким со своим полком! В лаву строятся...

Появление казачьей конницы, вынырнувшей из балки, застало крымчаков врасплох. Командование их совещалось. Закубанцы джигитовали на глазах осажденных. Отряды горцев и ногайцев отдыхали.

Развернутым строем, на полном скаку уваровцы с тылу врзались в татарское войско. И то, что так влекло Платова в час приступа, пора было предпринять. Сверх того, именно этого и требовала возникшая вдруг, благоприятная ситуация.

– На-конь! – возбужденно торопил казаков полковник, глядя в сторону берега, где укрывались лошади. – Всех в бой!

Уцелело их меньше половины, около четырехсот голов. И все были задействованы в вылазке, возглавляемой самим Платовым. Казаки лавой обтекли закубанцев, отчаянно вступили в бой. Иноверцы под их напором дрогнули, не ожидая такого сокрушительного удара. Слух, что и сзади насели русские, привел Девлет-Гирея в замешательство. Неведомо, какая сила пришла казакам на помощь. Прервав совет, он приказал командирам отводить войска по эллипсу, дабы не мешать друг другу. Тем временем платовцы, разметав конницу закубанцев, обратили их в бегство.

– Шайтаны! – не сдержался Девлет-Гирей, наблюдая, как брат Шабаз пытается образумить горцев и ногайских мурз, принявших решение отступить. Гнев душил хана: «Жалкие трусы, а не воины! В первом же

бою сполна показали себя. За моей спиной хотели блага получить! Не завоевать, а даром взять... Как стадо, убегаете от пастуха! Если бы подоспели кабардинцы, они бы в прах разнесли урусов!»

Крымское войско стало беспорядочно и почти неуправляемо стекать по речной долине к югу и западу, отбиваясь от казачьих сотен. Тяжелая смута и ожидание развязки, пережитые казаками в осаде, сменились в их душах необоримой яростью.

Ремезов рубился впереди треугольного строя, издревле привычного для донцов. Влево и вправо от него – уступами – держались казаки полусотни. Сидорин вертелся на своем жеребце, выманивая джигитов, и когда те бросались вперед, из заднего ряда появлялись здоровила Михайлов и Яровой, умеющие владеть шашкой обеими руками. Скрещивалось оружие, и в этот момент вражеского воина, отвлеченного рубкой, настигал удар пики. Ему на помощь бросались единоверцы, и снова смертельная круговерть охватывала ряды. Ловкий Пахарин вырвал у кого-то из крымчаков щит и охаживал им врагов. Голубоглазый Акимов колол османов пикой, бил из-за спины бородача Белощекина, молящегося вслух даже в бою. У этого лихого старовера был обоюдоострый меч, – то ли немецкий, то ли польский, которым он орудовал, как Илья-Муромец, не подпуская к себе врага на сажень. Рядом с ним всегда находился зоркоглазый урядник Ряшин, то прикрывая шашкой, то пуляя из тяжелого пистоля.

Платов в пылу сражения, к недоумению, обнаружил, что пехотинцы крымчаков мчатся к становищу едисанцев. Да и ханцы ли это были? Обожгла мысль: «Неужели ногаи переметнулись? Помогали Девлетке?!» От вопиющего вероломства зашлась душа!

Десятка три казаков из ларионовского полка развернули коней, пускаясь в погоню. Не разбирая, кто перед ними, закубанцы или лукавые едисанцы, они в несколько минут положили всех, кто умышленно или случайно оказался на поле брани.

Девлет-Гирей и калга окончательно потеряли управление армией, когда верстах в пяти от Калалы их правый фланг был атакован кавалерией подполковника Бухвостова. Его гусар-ахтырцев вел капитан Петрович, а роту драгун – подпоручик Алексеев. К ужасу отступающих атаку русской конницы поддержали залпы двух пушек.

Невероятно, но рассеянная турецко-татарская армия, во много раз превосходящая отряд Бухвостова, суетно откатывалась в степь. Донцы и гусары гнались за неприятелем несколько верст. Только теперь, когда исход боя был предрешен, хорошо вооруженные едисанские всадники осмелились присоединиться к русским...

После сражения, уже в вечерних сумерках, командиры съехались у вагенбурга.

Бухвостов, рослый, с густыми пшеничными волосами, спешившись, обошел вместе с Ларионовым укрепление, с интересом и удивлением осмотрел окопы, рвы, пробитые кули, в которых щетиной торчали стрелы. Россыпи золотистого зерна были втолчены вдоль земляного вала в черную сыроватую землю. В похоловшем воздухе начинал ощущаться смердящий дух погибших воинов и лошадей.

– Заставьте ногайцев похоронить врагов, как подобает магометананскому обычаю. Они дрались до конца. Уважения достойны все, кто дорожит клятвой. А наш Джан-Мамбет, когда я послал к нему офицера, отказался вступить с ханом в бой. Отказался, хотя имел три сотни конницы.

С ординарцами – Ареховым и Кошкиным – подскакал возбужденный, краснолицый Платов. В его глазах светилась радость. Бухвостов не утерпел, шагнул на встречу и крепко обнял.

– С викторией тебя, Матвей Иванович! Бог вас с Ларионовым зело любит! И не чаял застать в живых.

– Нападение неприятеля, господин подполковник, отражено. Ранены есаулы Куприков и Полухин, хорунжие Калмыков, Королев, Михайлов и Терентьев. Потери считают. Лошади, как видите, в большинстве потеряны... Казаки сражались доблестно и похвально...

– Подвиг ваш во славу Отечества зачтется. Вы разбили армию султана, и орды ногайские теперь некому смущать. Императрица желает кочевым народам мира. И то, что случилось здесь, далеко аукнется! Слуги Порты чаяли вас покорять, а сами малодушно бежали. Сердца ваши казацкие не покорены. И да будет так вовеки!

Бухвостов долгим взглядом окинул лица измученных смертельной схваткой донцов, в мундирах, испятнанных копотью и запекшейся кровью, и, пряча повлажневшие глаза, благодарственно склонил голову...

Погибших похоронили на обрывистом речном берегу, в сажнях двухстах от полевого бастиона. Во Христе почили ратники и навеки унесли с собой неразгаданную тайну исхода земного. Придет новая весна, промчатся годы, века, имена их сотрутся с могильной плиты, и вовсе не станет этого каменного памятника. А участок степной земли рядом с Черкасским трактом неизменно останется святым местом поклонения россиян!

15

Поздней ночью середины мая во дворец Селмура вошел через потаенный ход неизвестный, одетый про-

столюдином. Охранники посольства, услышав в ответ условленные слова, пропустили его беспрепятственно. В такой час, как им хорошо было известно, приезжают только по самым неотложным вопросам. И действительно, спустя полчаса посетитель был допущен в кабинет посла Голицына.

Дмитрий Михайлович, без парика, с наспех причесанными прядями поредевших волос, пытливо вглядывался в парижского агента, пока этот черноглазый красавец, с широким развалом плеч, шагал по ковровой дорожке к его столу. Породистое бритое лицо, отмеченное коротким шрамом (вспомнился рубец от сабельного удара на щеке у Орлова-Чесменского), не выражало ничего, кроме дорожной усталости. И, рассеянно ответив на приветствие, Голицын с нетерпением спросил:

– Что стряслось? Почему вы здесь?

– Версальский двор, ваше высокопревосходительство, взбудоражен. Король Людовик XV при смерти. В замке Трианон он заразился оспой от любовницы, которая уже скончалась. Король потерял голос, временами впадает в беспамятство. Ни кровопускания, ни прочие средства не приносят облегчения. Дни монарха, как явствует из записки дофины Марии-Антуаннеты, сочтены. К нему не допускают никого, кроме фаворитки мадам дю Барри.

Посол вышел из-за просторного, украшенного позолотой и орнаментом стола, взволнованно уточнил:

– Когда вы покинули двор?

– Восемь дней назад. Мы до Зальцбурга ехали верхом, несколько раз меняя лошадей, а там я взял экипаж.

– Благодарю за службу. Франция на пороге перемен, настал час интриг и дипломатии. А здесь, как ни странно, еще ничего неизвестно. Вчера в Шёнбруннском дворце я имел продолжительный разговор с канцлером

Кауницем, и... Полное молчание! А, быть может, утаил, старый лис. В любом случае, ваша новость имеет большую ценность.

– Известно также, что австрийский резидент и опекун дофины граф де Мерси поселился в Версале и, вероятней всего, готовит Марию-Антуаннету к миссии королевы.

Голицын в волнении подошел к окну и, потянув витой шнур, отодвинул портьеру. В открытую форточку плеснуло холодком и ароматом доцветающей сирени. В широкий пролет виднелась над темными крышами убывающая луна. Ночь венская была глубока, таинственна.

– Что ж, рано или поздно это бы произошло, – заключил Голицын. – Людовик в преклонных летах. Образ жизни короля, его распутство имели огласку. Никогда не испытывал он дружелюбия к России. Сверх того, интриги недальновидных министров более всего вредили нам в последнее десятилетие... Жаль, Мария-Антуаннета так молода. Но будучи дочерью Марии-Терезии, она наверняка возобновит союз с Австрией, и это, без сомнений, нам на руку. Перспектива мира с Портой реальна.

– Но коли Шуазель, приятель дофина, будет возвращен ко двору, надежды на улучшение наших отношений с Францией сомнительны. Старик вновь ополчится против России.

– Вы правы, Зодич. Но мы не знаем с точностью: жив нынешний король или уже отдал богу душу, – рассудил Голицын. – Подготовьте донесение, – и немедленно возвращайтесь. За время, пока были в дороге, многое могло измениться. Однако, почему вы не направили сюда курьера? Или есть что-то еще?

– Точно так, ваше высокопревосходительство. Удалось открыть заговорщиков, угрожающих графу Орлову.

– И кто же они? – Дмитрий Михайлович вернулся за стол и, желая взбодриться, взял щепотку табака.

– Люди виленского воеводы Карла Радзивилла. Мой конфидент сообщил имена, хотя теперь у них наверняка фальшивые паспорта. Это Ян Ярошевский, сын краковского магната, и Ядвига Браницкая, из рода гетмана. Злоумышленники выехали из Парижа на три дня раньше меня, и я вынужден преследовать их на пути в Венецию.

– Вам немного удалось, – заметил Голицын и звонком вызвал дежурного. – Уже далеко за полночь. Вы, очевидно, голодны? Оставайтесь у меня. А днем обсудим план действий. Возможно, названные особы есть в тайной картотеке. Что известно об их внешности?

Сведения были скудны. Единственной зацепкой было то, Браницкая одна из самых красивых женщин Европы.

– Увы, грустная закономерность, – полушутя обронил посланец. – Чем дама прекрасней, тем больше соблазн. От этого, пожалуй, многие красотки превращаются в куртизанок и преступниц.

– Последний год, ваше высокопревосходительство, в Париже обрела известность мадам Али Эметте, женщина также привлекательная. Она смугла, похожа на креолку, говорит на нескольких языках, в том числе на русском. В любовницах некоторое время была у Огинского, польского офицера. Сейчас она в Германии, в имении князя Лимбурга, который, по всему, собирается жениться на ней. Я не стал бы говорить о сей любительнице приключений, ежели бы не пущенный кем-то нелепый слух, что она якобы... дочь императрицы Елизаветы Петровны от графа Разумовского, и, являясь княжной всея Руси, претендует на царствование!

– То есть ваша дальняя родственница?
– Этим бредням, разумеется, мы даем отпор, да никто особенно и не верит в них. Но, смею полагать, надлежит наблюдать за мадам, готовой на любую авантюру.
– Напишите свою реляцию. И отдохайте, мой друг. Утро вечера мудренее. Ауф видерзеен!³³

Ранним утром один курьер погнал лошадей в Петербург, а другой в Ливорно, где была резиденция Орлова-Чесменского. Всю ночь, не смыкая глаз, Дмитрий Михайлович писал подробный рапорт императрице, в котором сообщал не только о нездоровье французского короля, но и делал предположения касательно возможной ситуации в Европе с восшествием на престол внука Людовика XV. А в депеше Главнокомандующему в Архипелаге известил о заговорщиках и о возможном местонахождении их в Италии.

А Зодич проспал мертвецки до полудня. Разбудила его переключка синиц за открытым окном. Он вспомнил с тревогой, где находится, и вскочил, ругая себя за то, что драгоценное время потратил на сон. Александр, потребовав у слуги чернил и бумагу, составил на имя посла подробное донесение.

Позже состоялась их встреча.

– Что вы намерены предпринять? – поинтересовался Голицын, просмотрев отчет агента. – В нашей картеке оные лица не обозначены.

– Вернусь в гостиницу, а после полудня навешу пана Манульского, конфедерата, богатого землевладельца. У него здесь дом. Возможно, он имеет связи с теми, кого ищем.

---

³³До свиданья!(нем.)

– Достаточно ли у вас средств? Я буду ходатайствовать об увеличении выделяемой вам годовой суммы.

– Покорно благодарю. В финансах я не стеснен.

– Желаю божьей помощи. Не забывайте, чья жизнь в опасности. Граф Орлов-Чесменский – великий сын России. Действуйте!

И без того напряженную дипломатическую работу усложнили новости из Парижа, как если бы у играющих за столом кто-то неожиданно перетасовал карты. Голицын с тревогой отметил, сколь непредсказуем этот год: иные лица в Петербурге, бунт Пугачева, моровая язва, уносящая тысячи жизней в Европе, новый султан в Порте и как следствие – оживление военных действий на Дунае, обострение отношений со Швецией, самозванка с претензией на русский престол и, наконец, предстоящее обновление в Версале. И всё это ему, русскому посланнику, необходимо учитывать, разгадывать, осмысливать. Слова и действия государей зачастую не совпадали. И, в первую очередь, необходимо было выяснить планы австрийского императора Иосифа и его матери, чтобы государыня Екатерина могла принимать верные решения. Он всегда помнил о родной стране. Вне этой службы Отечеству Голицын не представлял себя...

В затрапезном платье, в котором его можно было принять за бедняка, Зодич окольными улочками добрался до гостиницы. Пьер, расторопный и смысленый бургундец, посвященный в секретную миссию, успел вычистить и накормить лошадей, отгладить костюм хозяина и даже познакомиться с горничной, белобрысой девкой. Эта Габриэлла, к счастью, владела французским и, будучи болтливой, выложила чернокудрому ухажеру всё, что знала о проживающих. Оказалось, что вчера ночевала у них некая супружеская пара, направляющая

яся в Италию. И дама говорила со своим господином на незнакомом языке.

– Молодец, – похвалил Александр слугу, большого любителя женского пола. – Их имена я постараюсь узнать сам.

Хозяйка гостиницы, подувядшая дама лет сорока, ничуть не оттаяла сердцем при виде красивого и изящно одетого парижанина. Выяснив, что он ищет среди поляков знакомых, она почему-то с подозрением посмотрела на него и лишь за деньги согласилась назвать бывших постояльцев.

Дворец Манульского, построенный в венецианском стиле, располагался в восточной части Вены, вблизи площади святого Стефания. Придверный лакей, наряженный в национальный костюм, услышав родную речь, с таким рвением бросился докладывать о госте, что сломал каблук.

Пан, пожилой рыжеволосый толстяк, страдающий сердечной жабой, принял визитера со странно озабоченным лицом в маленькой комнатке, рядом с вестибюлем. Одет он был по-домашнему, в архалуке и мягких сапожках, и, судя по блеску в глазах, находился подшофе. И, как уловил Александр, от одежды его исходил запах женских духов. Уж не прервано ли любовное свидание?

– Рад видеть вас, уважаемый мсье Верден. Что-то зачастили в Вену парижане, – зашелся тирадой хозяин, пожимая руку.– И превосходно, чудесно. Надобно чаще встречаться и поддерживать друг друга, как это принято у иудеев... А вас я, милейший Клод, уважаю больше других за то, что поддерживаете нашу борьбу с захватчиками. К тому же, помогаете сплотить эмигрантские круги против России. Пся крев!

Слуга вскоре явился с вином и закусками. Они подняли бокалы за процветание Польши. И хозяин вновь

пустился в разглагольствования о борьбе Конфедерации против русской армии, о привлечении добровольцев из других стран, чтобы очистить польскую землю от врагов и вернуть славу Речи Посполитой. Но чем больше говорил Манульский, тем ясней ощущал Зодич его фальшивый пафос. Затягивать встречу не имело смысла. Александр, улыбнувшись, прервал блудливую речь хозяина:

– В здешней гостинице, пан Тадеуш, я, к сожалению, не застал чету Сикорских. Пока ехал через Тироль, лошади выбились из сил. Не знакомы ли вы с ними?

В глазах Манульского промелькнула тревога.

– наших немало в Австрии, – уклончиво проговорил хозяин, и Зодич почувствовал, что толстяк знает Сикорских. Возможно, они и есть агенты пане Коханку?

Зодич сказал с двусмысленной усмешкой:

– Надеюсь, друзья мои благополучно доберутся до места. Погода чудесная. И в Венеции не отменят карнавал.

Набрякшие красные глаза хозяина выпучились, он разглядел указательным пальцем свои длинные рыжие усы и сбивчиво бросил:

– Я не совсем понимаю, о чем вы, мсье. Но, в любом случае, не стоит впустую болтать о польских патриотах. Мы сильны католической верой и единством! Нас не сломят никакие лишения. Выпьем за это! Пся крив!

«Очень похоже, что это они! – утвердился Зодич в своем предположении. – Почему пан так разволновался? Не доверяет мне?»

– Нет, я уже пьян, – засмеялся гость и, всем видом показывая благодушие, поднялся. – Отложим ваш реванш до следующего раза. Карты, как известно, требуют ясности ума.

Брошенное вскользь напоминание о крупной сумме, проигранной этому французу полгода назад, вздернуло

Манульского. Самолюбие задолжавшего пана взыграло, он высокомерно вскинул голову.

– Отчего же, я всегда готов к услугам.

– Не сомневаюсь! Но... Вынужден вас покинуть.

– Слушайте, Клод, я не совсем понял ваш намек о карнавале. О чем вы хотели сказать?

– О чем вы спрашиваете, пан Тадеуш? – вопросом на вопрос отозвался Александр, замечая, что из-за двери кто-то подглядывает.

– Вы странный человек, мсье Верден. Говорите какими-то загадками, – посетовал, следуя за гостем Манульский, и вдруг остановился. – Я хочу сделать вам подарок. Отменное ружьецо. Извольте подождать.

Толстяк проворно нырнул в боковую дверь. И спустя минуту, опережая его, в комнатенку вбежали двое рослых слуг.

– Взять шпиона! – завопил из соседней комнаты Манульский. – В подвал его!

Зодич кулаком сбил на пол немолодого слугу, метнулся по лестнице на второй этаж. С разбегу ступил на подоконник открытого окна и прыгнул вниз. Цветник смягчил удар о землю. Александр перемахнул через решетчатый забор и бросился по улочке к дому, где ждал его экипаж. Пьер, увидев хозяина, выхватил пистолет и пальнул в сторону дворца, на крыльце которого показался рыжеволосый поляк. И, только убедившись, что недруги не преследуют мсье, и он цел и невредим, лихой бургундец взбодрил лошадей кнутом...

16

Двое суток в отряде Бухвостова, в его составе и донские полки, производили перепись личного состава, ревизию боеприпасов и амуниции, ремонт лошадей.

Для стана была выбрана равнина в двух верстах от поля битвы, по соседству с едисанскими кочевыми аулами.

Лекарь отряда, хлопотливый, престарелый уже человек, посчитал рану Ремезова опасной и оставил его под своим надзором. Терпения у Леонтия хватило на полдня. Сбежал он, предупредив только, что направляется к едисанцам за гусиным жиром, чтобы смазывать обожженное свинцом плечо.

На самом деле, причина была совершенно иной. Утром сотник столкнулся в лагере с Мусой, охранником Керим-Бека, казненного татарами. Муса привёз в казачий стан буйволятину, а в обмен получил два мешка зерна. Улыбчивый ногаец, обрадовавшись встрече, выпалил:

– Сестра моя, Мерджан, просила узнать, как живет офицер-эфенди. Поклон передавала.

– Значит, вы поблизости? И она в ауле? – с замершим сердцем спросил Леонтий.

– С нами. Теперь она достанется Хан-Беку, брату убитого хозяина.

Ремезов помрачнел.

– Это почему же?

– По наследству. Такой обычай.

– Вот что, Муса... Хочешь, я отдам тебе кубачинский кинжал. Я его в бою добыл. Сведи меня со своей сестрой! Я только посмотрю на нее да поговорю.

– Нельзя. Чужой мужчина не должен видеть.

– Я не чужой. Я в ауле месяц прожил... А такого кинжала у вашего Джан-Мамбета нету! Рукоять посеребренная, с орнаментом и клеймом...

Муса мучительно размышлял, крутил головой. Наконец, согласился при условии, что будет за ними наблюдать издали. Честь сестры, пояснил он с запальчивостью, дороже золота. Леонтий еще раз успокоил ногайца.

После осады не проходила тяжесть в теле, сами собой подрагивали мускулы рук и ног, клонило в сон. А временами окатывал Леонтия безотчетный ледяной страх. Недаром многие из казаков, как оказалось, не мукой были припорошены, а поседели за день. Однако после смертельной опасности мир обрел яркость и неповторимую красоту. И тем радостней было известие, что о нем помнит Мерджан...

Новый хозяин аула Хан-Бек почтительно принял русского офицера. Узнав, зачем он пожаловал, тотчас послал за Якубом-знахарем. Тот принес снадобье в глиняном стаканчике, сделанное на гусяном жире.

– Тешеккюр!³⁴ – кивнул Леонтий, поглядывая на дверь отова: не выйдет ли случайно Мерджан. Сновали другие женщины. Их Ремезов знал плохо и внешне различал с трудом. Задержался он в ауле ненадолго.

Леонтий шел по степи, щурясь от вечернего солнца. Кочевья ютились по южному склону, и здесь было теплой и тише, чем в казачьем лагере, расположенном на холме. Упоительно пахло влажной землей, зеленью, от юрт – дымом. И с каждой минутой волнение Леонтия росло, он боялся, что несговорчивый брат Мерджан нарушит уговор.

На краю балки, где цвели алычи, он присел на пень карагача. По всему, дерево недавно спилили на хозяйские нужды. На подсохшем срезе четко обозначились годовые кольца. Их было много, и Леонтий подумал, что карагач был старше его. Всё в мире в сравнении как бы теряет свое прежнее значение. Непрошено возникали и гасли перед его глазами картины боя, лица крымчаков, с кем рубился. Если бы не убивал он, то убили бы его. То мучительное ощущение, что изведаль два дня

---

³⁴Благодарю! (тагар.).

назад, и сейчас вернулось на мгновение. Ничего нет дороже, чем счастье жить и любить, – это Леонтий теперь понимал с удивительной силой.

Однако казаки и неприятельские ратники воевали не по своему желанию, а выполняли приказы командиров, которые, в свою очередь, подчинялись правителям. А у тех свои интересы! Леонтий терялся в таких высоких материях. Он воспринимал себя сыном урядника, донским казаком, и был убежден, что долг и назначение его состоят в охране родной земли от набегов неприятеля, – а такие страшные дни не раз случались в детстве! – да в служении богу и матушке-царице, которое сулит чины, деньги и уважение станичников...

Первым он увидел Мусу, а поодаль шла с кувшином на плече Мерджан. Можно было подумать, что она направляется к роднику, откуда бежал ручеек, шумящий по дну балки. К нему аульцами была натоптана тропинка, и ни у кого наверняка не возникло сомнения, для чего покинули кочевье брат и сестра.

Леонтий вышел на тропу. Муса встревоженно оглянулся и сделал знак рукой, чтобы сотник скрылся. А затем ускорил шаги и, подойдя к офицеру, протянул руку. Леонтий, по обычаю, положил свой дорогой кинжал на землю. Парень ловко его подхватил, взглянул и восторженно цокнул языком.

– Жди там! – кивнул Леонтий в сторону родника, где толпились дикие яблоньки. Ногаец, не сводя глаз с кубачинского кинжала и восторженно цокая языком, удалился.

Мерджан подошла и опустила свои прекрасные глаза, в затеньи ресниц. Плавно поставила кувшин на край тропинки. На ней было шерстяное, мешковатое красное платье, а поверху надета черная каракулевая курточка.

– Как я хотел повидаться с тобой! – воскликнул Леонтий, подступая ближе и улыбаясь. – Ты теперь одна?

Девушка смотрела чуть исподлобья, уголки губ ее дрогнули, но во вспыхнувшем взгляде открылась затаенная радость.

– Я боялась тогда, что турки тебя найдут. Они убили мужа... – Мерджан вздохнула. – Было страшно!

Леонтий едва сдержался, чтобы не обнять девушку, склонившую голову. Помолчав, с грустью проговорил:

– А теперь? Ты должна стать женой его брата?

– У Хан-Бека четыре жены. Он сказал, что за калым отдаст меня своему старому дядьке.

– Ты сможешь полюбить старика? – выкрикнул Леонтий, схватив девушку за руку. – Лучше выходи за меня! Взяла ты меня за душу, не знаю как! Я увезу тебя к нам, в Черкасский. Будем жить по добру и любви!

Мерджан тревожно выдернула руку и оглянулась. Нежно прозвенели сережки-висюльки с разноцветными камешками.

– Нельзя, нет. Я веры другой.

– У нас, в Черкасском, кого не найдешь! Турчанки, персиянки и вашей ногайской сестры богато. Аллах и Христос на небе. А мы на Земле. Если гош я тебе, значит, вместе должны находиться!

– Моя бабка была русинкой из Галиции. Поляки привезли ее в Бахчисарай как пленницу. А я привыкла к такой кочевой жизни... Я не смогу без аула!

– Детишков нарожаешь и забудется! Люба ты мне, Мерджаночка... Дюже любя! – Леонтий снова взял за руку смущенно улыбнувшуюся девушку. – Ну, поскорей сказывай. Пойдешь за меня?

– Я замужней была. Тебя родители осудят... Брошишь меня, а куда мне потом?

Между деревьев, на тропе, показался Муса. Посерьезнев, гибкотелая Мерджан подняла и установила кувшин на плече. Глядя потеплевшими, взволнованными глазами, прошептала:

– Я подумаю... Я завтра на закате обязательно приду сюда.

Муса, по всему, не расслышал ее последних слов. Не выпуская кинжала из рук, он попрощался с Леонтием и пропустил сестру вперед, будто прикрывая от посторонних.

Перед отбоем Ремезов отозвал ординарца в балочку, признался, что решил Мерджан выкрасть. Тайком от командиров отвезти на Дон. Сделать это следует завтрашним вечером или ночью, ибо через день полки снимутся.

– Знатное дельце! – загорелся Иван. – А как будем красть?

Ремезов объяснил, что девушка обещала прийти к роднику. Перетолковали. И сошлись во мнении, что будут действовать по ситуации. Одно дело, коли она добровольно согласится, а ежели воспротивится – совсем иное...

– Утащим бабенку, никуда не денется, – заключил Плёткин, на ходу набивая трубку табачком. – Погано только, – накажут вас за побег. Может, ударить челом Платову? Нехай отпустит в отпуск по ранению. Какой из вас зараз рубака?

– А ежели воспретит?

– Ваше благородие, доверьте мне отвезти зазнобу. Я ее в обиду не дам. Во мне сумлеваться грех, – вместе шашками крестились. Ну, всыпят плетей, выпорют. Вытерплю. Абы вас не тронули!

Ремезову невзначай вспомнилось, что и ординарец, когда жили в ауле, заглядывался на Мерджан. И хотел было отказаться, но казак наложил крестное знамение:

– Худого не подумайте. Я не ведал, что Мерджанка вам по нраву. Теперича она – невеста ваша...

Осуществить задуманное оказалось далеко не просто.

Плёткина привлекли к починке фур, и казак явился к командиру лишь под вечер. А Ремезова держал при себе есаул, выбиравший для сотни лошадей из отбитого татарского косяка. И Леонтий, обеспокоенный тем, что опаздывает на свидание, освободился только в сумерки.

Иван отогнал в балку двух лошадей, – гнедого диковатого маштака для себя и чудом уцелевшую каурую – для Мерджан. А Леонтий снова петлял между ногайскими арбами и отовами, прежде чем пробрался к условленному месту. Уже начинало смеркаться, и ярче пылали в становище костры. Подле них собирались аульцы после намаза.

Мерджан не шла.

Плёткин, дежуривший у лошадей, подал свист, предупреждая, что неподалеку. Минул час. Однако тропа оставалась безлюдной, скрадывалась темнотой, и с каждой минутой надежда на встречу с любимой у Леонтия таяла.

«Значит, не смогла ускользнуть, – грустно рассуждал он, не спуская глаз с ногайского становища, откуда доносились голоса. – Или просто не захотела? Не нужен я ей...»

Обида бередила душу. Ждать было некогда, да и бессмысленно. И Ремезов, не боясь подозрений аульцев, решил разыскать Мерджан. Пусть все выяснится в этот вечер!

У шатра аул-бея ярился костер, вокруг которого сидели мужчины, возбужденно перекрикивающие друг друга. Появление русского офицера, знакомого многим, вызвало оживление. Хан-Бек, улыбаясь, пригласил его сесть рядом, разделить праздничное застолье.

Сотник благодарно поклонился, замечая кувшины с бузой и куски жареного мяса на блюдах.

– Что за праздник? – спросил он у Мусы, на поясе которого уже висел кубачинский кинжал.

– Хан-Бек калым получил, и меня не обидел, денег дал. Мерджан новый муж увез. Калым-байрам!

– Куда увез? – вздрогнув от неожиданности, спросил Леонтий.

– В свой аул, на Кубань-реку.

«Я догоню ее! На подводах далеко не уедут! – лихорадочно заметались мысли. – Как я раньше не догадался!»

Он вскоре попрощался с хозяином и зашагал в сторону балки, где ожидал Плёткин. Надо было, пожалуй, предупредить есаула. За самовольные отлучки в полку строго наказывали. Но это отняло бы полчаса, а надо было спешить!

Ремезов коротко рассказал ординарцу о случившемся и, не мешкая, сел на лошадь. Он не знал, да и вряд ли кто ведал в ауле, по какой дороге направился старый ногаец, – в степи тысяча путей! Скорей всего, он будет придерживаться известного маршрута, того, по которому орда уже передвигалась.

Ремезов гнал каурую во весь опор! Следом на гривастом татарском жеребце скакал Плёткин. Отчаянный перебор копыт катился вдоль долины. Они отмахали уже изрядно, когда замаячили силуэты всадников, и густой бас окликнул:

– Кто такие?! Казацкий кордон!

– Свои! – отозвался Ремезов. – За ногаем гонимся! Коня угнал!

Донская речь успокоила дозорных.

– Смотрите, как бы вас самих не угнали! Черкесы шалят, разбойничают!

Спустя полчаса, когда лошади выбились из сил, и выступил на их крупах пот, казаки настигли едисан-

ский обоз. Став лагерем, путники жгли костры. Распряженные лошадки паслись на луговине. Резкие болотные запахи мешалась с горечью дыма и свежестью травы.

Насторожившись, ногойцы встали, когда к ним вплотную подрысили всадники. Но, узнав казаков, дружески их приветствовали. Однако повели себя донцы необъяснимо странно!

Ремезов спрыгнул на землю, стал обходить подводы, в темноте стараясь разглядеть лица женщин. Это не понравилось молодым обозникам. Они, не оставляя казачьего офицера одного, заступали ему дорогу и подозрительно спрашивали:

– Куда ходил? Зачем надо?

Мерджан отыскали на убранной коврами подводе. Она первой узнала казаков, спрыгнула с высокого борта.

– Леонтий! Продали меня! Калым давали...

– Я отменяю сговор! – непримиримо объявил сотник. – Ты не рабыня. И забираю тебя насовсем!

Ремезова не сразу поняли ногойцы-охранники и новоявленный муж. Они с недоумением наблюдали, как казачий офицер вел Мерджан, покорно идущую рядом.

Иван подогнал лошадей. Леонтий подхватил девушку и, подняв, посадил на круп каурой. Следом запрыгнул сам. Она, точно обручем, обхватила его руками за пояс. Миг – и всадники, под затихающую дробь копыт, растворились во мгле.

Ногойцы не отставали до самого казачьего кордона. Когда же Плёткин, увидев сородичей, крикнул, что напали османы, и пальнул для острастки вверх из пистолета, преследователи повернули вспять. Казаки бросились своим на вырубку. Но сотник с ординарцем, не откликнувшись, вихрем промчались мимо, точно призраки...

С утра солнце было по-северному хмурым, пряталось в серой дымке, и тянуло сыроватым воздухом с Балтики, из вековых чухонских лесов. А к полудню все небо очистилось. Залитые яркой синевой, преобразились и сквозящие березняки в парке, и аллеи, и пруды, и широкие лестницы, и самый Екатерининский дворец.

Светозарный день середины апреля нарушил все планы императрицы. Она велела подать шубку и без промедления отправилась гулять в парк в сопровождении левреток, статс-дамы графини Брюс и Марии Саввишны, камер-юнгферы. У всех настроение было веселое, и они по-женски болтали, сплетничали о женах иностранных посланников, являющихся на приемы расфуфыренными, с таким количеством украшений, что из них можно составить ювелирную лавку. Временами Екатерина останавливалась на аллее, посматривала на окна покоев, где находился «милая милуша», Гришенька любимый, и вздыхала, упрекая мысленно, что он чрезвычайно долго собирается, не выходит в парк, хотя она послала ему приглашение загодя.

Потемкин, восхищая своей могучей фигурой и безупречно подогнанным мундиром генерал-адъютанта, с черной повязкой на голове, неторопливо спустился по лестнице, выйдя из боковой двери дворца. Сердце Екатерины екнуло, она, позабыв обо всем, пошла навстречу. За ней засемили по песчаной дорожке игрушечно маленькие собачонки, взвизгивая и радуясь солнышку. А свита придворных почтительно отстала, приученная к дворцовому этикету.

– Как изволили почивать, сударь? – спросила императрица, с обожанием глядя на фаворита. – Лицом вы свежи и довольны. Губки красные...

– Спал отменно, матушка государыня, – бодро ответил Потемкин, хотя ушел от нее, от своей любовницы, в пятом часу утра.

– Мы извелись, вас ожидаючи.

Потемкин улыбнулся, повинно опустил голову. Но, спустя минуту, лицо его приняло выражение горделивое и сосредоточенное.

– Я нонеча, матушка государыня, ознакомился с рапортом Бибикова о сокрушении им у Казани банд Пугачева. Весть эта обнадеживающая. Но как ни преткновен Александр Ильич в боевых действиях, важно узнать, что послужило причиной бунта, и не было ли подстрекательства среди чиновников губернских. Я от Вашего имени повелел отозвать из армии Румянцева бригадира Павла Потемкина, родственника моего, дабы возглавил Секретную комиссию по расследованию пресловутого бунта.

– Мы знаем сие и даем бригадиру Потемкину благоприятие... Вы однако, сударь, не соскучившись... А я за десятью запорами держу свою любовь в сердце, она задыхается там, мучает меня, грозит вырваться...

– Государыня! Я всё бросил к Вашим ногам, и не токмо жизнью принадлежу Вам, но и до конца дней своих любить смогу только Вас, служить только Вам и без сумнительства выполню любую волю Вашу. Смысл вижу в служении Вам и Отечеству. – Потемкин осторожно сменил страстную интонацию на деловую: – Я обсудил со статс-секретарем, Сергеем Матвеевичем Кузьминым Ваш рескрипт фельдмаршалу. Там есть добавление.

– Мы знаем. Фельдмаршалу Румянцеву, как ты настаивал, милая милюша, нет ограничений в переговорах с султаном о мирных кондициях. Но визирь его упрямятует.

– Мухсен-Заде – мудрый стратег. Мир ему нужен не менее, нежели на то мы намерения имеем. Длительная

война вредит всякому престолу. В самой Порте неспокойно... По секретному каналу надобно скорейча переправить деньги в Стамбул, привлечь на нашу сторону приближенных султана.

– В рескрипте об том фельдмаршалу указано. Не ты ли, голубчик, сам писал его?

Потемкин, обладавший феноменальной памятью, вспомнил концовку, написанную вечером: «Хотим мы здесь индиковать... известный способ, который с турками пред сим часто сильнее и действительнее других бывал. Мы разумеем тут употребление знатной суммы денег, хотя до ста тысяч рублей, к приобретению в самой ставке верховного визиря такого канала, который бы взялся за совершение мира на определенных от нас новых основаниях оному. Мы уполномачиваем вас чрез сие на испытание оногo способа, если только оный в существе с видимою надёжностью употреблен быть может. Авось либо при ревностном вашем попечении и искусном управлении откроется ныне чрез деньги такая способность».

– Об чем задуматься изволил? О почивших Генриетте-Каролине и ее матери? – спросила Екатерина, поправляя рукав собольей шубки, надетой поверх темного, в знак траура, платья. – Две эти кончины почти в один день тяжелы душе. Нами будут пожалованы к руке принц Гессен-Дармштадский и его сопровождающие кавалеры Раценгаузен и Гримм. Принца, брата великой княгини, супруги сына Павла, я не очень видеть желаю. А вот Гримм – учен, и дружит с энциклопедистами. Я получила от бесед с ним отменное удовольствие!

Потемкин вспыхнул, резко повернул голову.

– Вы, Ваше Величество, не преминете оказать внимание и милость Вашу всякому молодому и галантному мужчине.

Екатерина удивленно заулыбалась, уловив в речи любезного Гришеньки бешеную ревность.

– Я объявила при Дворе траур в знак скорби по Генриетте-Каролине и ее матери, а ты упрекать вздумал, – не заметив, как с привычного «мы» она перешла на «я», употребляемому только при свиданиях в покоях. – В каком ты, дружок, заблуждении находишься! Ищи лукавство, хотя со свечой, хотя с фонарем в любви моей к тебе...

Они остановились одновременно, жадно глядя друг на друга.

Звонко тренькала в кустах смородины синица, перепархивая по веточкам. Пахло березовой корой и талой водицей из глубины парка. Тени погожего полдня были фиолетовы и отчетливы. Дорожка аллеи, повернувшая к пруду, казалась разлинованной ими. Левретки носились лужайкой, по которой звездочками золотились цветки горчицвета.

Екатерина шагнула первой, всей грудью вдохнув упоительный вешний воздух. Она была счастлива, счастлива невероятно, впервые в жизни ставя дела государственные после дел сердечных. Но, будучи «резонер по роду занятий», как намедни написала она Гришеньке, бессознательно ощущала взятую фаворитом ответственность и за ее благополучие, и за судьбу Державы. И от этого смешения любви, политики, дворцовых интриг кругом шла голова!

Она вернулась к свите, распрощавшись с Потемкиным. Через три дня намечен переезд в Петербург. Ремонт в апартаментах любовника закончен, она не пожалела денег на модную мебель и шпалеры, обои, сама старалась обустроить для «милюши» уютное жилье. Всё в жизни начиналось с думок о Гришеньке, о том, какой он сильный, умный и надежный. И его посто-

янное требование пожениться уже не казалось ей несбыточным. Быть мужем ей, императрице, он достоин как никто иной. Этого, впрочем, добивался и Орлов. Но Григорий «первый» ни в какое сравнение не шел с «милюшей»! И по уму, и по знаниям, и по широте натуры Потемкин превосходил предшественника.

Статс-дама Прасковья Брюс, верная подруга на протяжении многих лет, о чем-то шушукалась с Марией Саввишной, и императрица не удержалась, любопытствовала.

– Да обсуждаем, матушка Екатерина Алексеевна, наряды свои. В чем следует на завтрашний прием явиться.

– Экая проблема! Проще одевайтесь. Я, например, в полонезе буду. Строгость соблюдать в трауре подобает.

– Братец мой, фельдмаршал Румянцев, в письме много слов похвальных о Григории Александровиче употребил и рад чрезмерно, что замечен и приближен Вашим Величеством, – перевела разговор статс-дама, поравнявшись с государыней, устремившейся ко дворцу. – Герой на войне, генерал-адъютант и при Вашей милости в делах государственных победы одержит!

Екатерина посчитала лезть подруги слишком откровенной и ничего не ответила. Слабость имела красавица Прасковья, ее ровесница, к мужчинам и о своих куртуазных приключениях охотно секретничала с ней. Екатерина также делилась подробностями отношений с фаворитами. Впрочем, иногда откровенничала излишне.

Лакей, молодой стройный парень, в белом парике, так идущем ему, черноглазому, и с чувственным изломом губ, очень понравился императрице. «Чтой-то не знаком, из новеньких, – подумала императрица, входя в коридор дворца. – Хорошенький весьма! Розанчик!» Она ощутила невольный прилив нежности и вожделения.

Но почему-то вспомнилась давняя оказия в Петергофе. Тогда она уже была императрицей, влюблена в Орлова, изводившего ее своими бесконечными изменами, и порой срывалась, теряя здравомыслие.

Помнится, глубокой ночью ее разбудили крики и переполох во дворце. Она выглянула в открытое окно, в смутное пространство петергофского парка, озвученного шумом фонтанов. И разгневанная, что помешали спать, немедленно пригласила дворецкого. Выяснилось, что некий влюбленный лакей пробрался к горничной, а девица подняла такой вопль, что сделалась тревога. Сгоряча она приказала примерно наказать блудника. На другой день ей доложили, что возмутителю сна императрицы присудили сто ударов кнутом. А ежели жив останется, подвергнут отрезанию носа, клеймению и ссылке на каторгу в Сибирь. Теперь, по прошествии лет, она сожалела, что не явила милосердия к влюбленному недотёпе...

Уже в одиночестве войдя в покои, минув анфиладу комнат, она остановилась у камердинерской и заглянула в приоткрытую дверь. Четверо бравых молодцев резались в карты. Екатерина оживилась и отвела дверь. Слуги вскочили и замерли с вытаращенными глазами.

– Кто мне место уступит? – попросила она с заминкой. – Во что играете? В «дурачка» или в вист? Кто прикуп взял?

Бились, сражались больше часа. Камердинеры стали мухлевать в ее пользу, но императрица это разгадала и потребовала играть честно. И тут же оказалась три раза подряд в «дурачках», и весело смеялась над собой, невезучей в картах...

А Потемкин выехал с адъютантами в лес на отменном английском жеребце. Он гнал скакуна версты две, с радостно замершим духом. Размеренная дворцовая

жизнь ему была не по нутру. Кровь бурлила, требовала действий!

Место для стрельбы выбрали на поляне, среди сосен и елей. Теплая хвоя излучала головокружительный аромат. Офицеры расставили мишени. Трое заряжающих по очереди подавали пистолеты. Григорий Александрович выцеливал стоящую на пне сосновую шишку, и плавно тянул спусковой крючок. Выстрел звонисто отдавался по чащам. Было видно, как с выбросом порохового дыма вымелькивало пламя, и темным комком отлетал пыж. Пуля с коротким глухим звуком вонзалась в пенёк или стоящие за ним стволы.

Из четырех пистолетов – двух тульских, французского и кавказского – более всего понравился опытному стрелку последний. Удобной была рукоять с костяным яблоком, ореховая ложка и граненый ствол. Пристрелявшись, генерал сбил все шишки!

Распирало грудь от свежего, отдающего прелым лиством воздуха. А пороховая гарь явственно напомнила войну. Сколько раз он рисковал, лез в самое пекло сражений! Ордена Святой Анны и Георгия, пожалованные Екатериной, по представлению фельдмаршала Румянцева, воистину были заслужены!

Но теперь Потемкину минувшее представлялось незначительным, только началом его дел во славу России. И этот первый месяц вхождения во власть, приближения к императрице, ставшей возлюбленной, был для него особенно трудным, со множеством козней и всяческих испытаний.

Между ними – два враждующих клана. Братья Орловы и их влиятельные сторонники, с одной стороны, и цесаревич Павел с Паниным – с другой. Хотя и прислал ему Алексей Орлов письмо, прося о милостях к отставному преобращенцу Маслову, а сам он послал

ему в подарок дорогое ружье, – держаться с орловской партией следует чрезвычайно аккуратно. Еще важнее заручиться благорасположением Панина. Его заемная у англичан идея “Северного аккорда”, союза с северными странами, с Пруссией и Польшей разлетелась в прах. Опозорился и Григорий Орлов на переговорах в Фокшанах. У Потемкина таких неудач не было. И утвердиться он сможет только при скорейшем заключении мира с Портой. Это не менее важно, чем разгром Пугачева...

Григорий Александрович, отдавая накалившийся пистолет, напоследок обратил внимание на одного из заряжающих, одетого в солдатскую форму. Левая щека кудрявого, приземистого малого, по всему, была обожжена, коричневела треугольным пятном. Потемкин подумал, что парень воевал.

– Где это тебя отметили? – доверительно спросил он, делая знак, чтобы подвели лошадь.

– По причине моего недоразумения, ваше превосходительство! – бойко ответил слуга. – При Зимнем дворце состоял я трубочистом. И послан был комендантом на чистку камина. А матушка государыня, не знавши, его и затопила. Я при этом изволил малость поджариться!

Сопровождающие генерал-адъютанта рассмеялись. А он, сев в седло, с улыбкой глянул сверху на неприглядного холопа. И, достав из кармана мундира золотой, кинул ему...

18

Леонтий стоял на высоком кургане до тех пор, пока в ночной темени не стих перестук копыт. На губах еще ощущались поцелуи. Руки помнили гибкую талию и плечи Мерджан... А в душе не унималась боль от расставания! Тревожила и дальняя дорога на Дон. Он полагался на Плёткина, казака храброго и разумного. Мер-

джан, по всему, наездница умелая, да и каурая его испытана в дальних походах. Но как оставаться спокойным, если до Черкаска триста вёрст по безлюдной степи?

Леонтий сбежал по ковильному скату и зашагал к казачьему лагерю. До него было верст семь. Там, куда направлялся, едва озарялась кострами кромка ночного горизонта. Ночь цепенела окрест. Яркие узоры звезд причудливо выложили небо. В родной край вел вышний Казацкий шлях, двумя дымчатыми рукавами сквозящий над головой. Ремезов с неожиданным волнением ощутил бескрайность степи и небес над нею. И мысленно стал обращаться к Господу помочь возлюбленной в пути, а ему – в боях с врагами.

Прохладный воздух в низинах отдавал речной мятой. Перекликались во мраке, будоражили степь какие-то потревоженные птицы. Он ступал прочно и размашисто, пока не встретился лазориковый склон. Окатила снизу медвяный настой, свежесть раскрывшихся бутонов. Леонтий остановился, вдохнул аромат и не сдержал восторга, ахнул, закрыв налившиеся радостными слезами глаза. Да неужто всемиловитый Бог даровал ему и эту весну, и любовь, и счастье быть любимым? А ежели б три дня назад не выстояли в бою?

Ремезова опять охватило недоброе наваждение... Чудились скачущие вражеские всадники, скрытые темнотой. Казалось, вот-вот и – вонзится в грудь стрела! Нет укрытия в степи, некуда бежать...

Он читал про себя молитвы, правую руку держа на эфесе шашки. Вдруг сердце замерло! Саженья в ста, на фоне отсвета казачьих костров, он увидел всадника на вершине холма. «Кто бы это мог быть?» – с трепетом подумал сотник, ускоряя шаг.

Неведомый воин также заметил донца. Они сблизились. И тут углядел Леонтий над головой верхокон-

ного светящийся нимб! Догадка опалила душу: да ведь это Егорий Храбрый! В блеске месяца стал различим его синий кафтан, чешуйчатая кольчуга и алый плащ. В правой руке он держал пику, а в левой – меч. Дрожь проняла Леонтия, встретившего Святого. Походил он на донца, а не на какого-то сказочного витязя, о котором пели бродяги-лирники:

*По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте.
Голова у Егорья вся жемчужная,
Во лбу-то солнце, в тылу-то месяц.
По косицам звезды переходящие...*

Нет, был Змееборец попросту крепкий и приятный лицом ратник, с умными глазами и черной кудрявой головой. Да и конь под ним был ладный и могучий, с гривой шелковой. Леонтий поклонился. Христолюбивый воин ему приветно кивнул.

– Чем-то встревожен, казак? В глазах твоих печаль.

– Полюбил я девушку, отправил ее в Черкасск, в станицу нашу. Только встретил и – расстался... А самому сызнова воевать с османами.

– Ты – казацкий сын. Господом призван быть земли родной заступником. И я с полками русскими всечасно пребываю, не щажу врагов, поднявших меч на Русь. А в эти дни я здесь, у гор кавказских. И прихожу на помощь тем, кто верен Христу и присяге.

Конь Георгия переступил, просясь в дорогу. Святой перехватил свое мощное копьё, оперся на стремена. И перед тем, как исчезнуть во мгле, сурово сказал:

– Не преклоняйся пред недругами! Храни землю православную и отражай посягающих на нее. А я тебя не брошу...

Ремезов вздрогнул, веря и не веря в эту встречу с Георгием Победоносцем. Не привиделось ли ему? Но прилив сил в душе был необычаен, и безудержно влек вперед...

Дозорный казак попенял за то, что шляется среди ночи. А у костров, несмотря на глубокую ночь, вязались разговоры. Ремезов подошел к своей полусотне. Урядник Рящин, увидев его, пружинисто встал.

– Ваше благородие! Есаул Кравцов требовал вас к себе.

Усталость заплетала ноги. Но Леонтий прошел к камышовому шалашу, где ютился его командир. Казачина караулил у входа, сидя на ящике с ядрами. Рядом располагались и артиллеристы.

Кравцов отдыхал на ложе, покрытом одежинами и кошмой. Спросонья он не стал зажигать лучину, сердито пробурчал:

– Это ты с ординарцем на кордоне разбойничал, по ногайцам палил. А потом с уворованной бабой удрал?

– Было такое.

– А где Плёткин?

– Он прийти никак не может, господин есаул! Он в отъезде, по моему приказу.

– Ась? – Кравцов сел, выбросив ноги из-под кошмы. – В каком таком отъезде?

– Об том, Лука Агафонович, сказать не могу.

Кравцов, отдуваясь, стал натягивать высушенные ночью сапоги. Погодя встал, строжась голосом, отчеканил:

– Проступок ваш на кордоне, сотник Ремезов, сурового наказания достоин! Вы не доложились по всей форме, что устав обязывает! Сверх того, самочинно приказали казаку покинуть полк, что вынуждает меня супротив сих бесчинств меры принять!

Командир сотни выглянул из шалаша, позвал караульного. И едва тот вошел, приказал:

– Прими от господина сотника оружие! А утрецом, Леонтий, за всё ответ держать станешь перед Платовым!

Брезжила зорька. Холодный тянул с севера ветерок. Леонтий сидел у костра, подставляя дуновениям лицо, гадая, сколько верст одолели путники. Беспокоило, что маловато у них съестных припасов. Бог даст, попадутся хотоны калмыков. Там и для лошадей можно будет достать корма. Открывать же, куда послал Плёткина, никак нельзя. Платов сгоряча может приказать, чтоб догнали и вернули. А Мерджан... Ради нее он всё готов вытерпеть!

До побудки Ремезов грелся с казаками у огня. Вдоволь наслушался сказок и прелюбопытнейших историй о походах, победах и поражениях, про коварство ведьм и распутство баб, особенно чернокожих, из заморских стран. Спать так и не пришлось...

Есаул пробыл в палатке полковника недолго, прежде чем пригласили Леонтия. Платов спозаранок был не в духе, хмурился. Не глядя на сотника, отрывисто спросил:

– Ладно – пошумели. А где казак Плёткин?

– Не могу сказать. Он бесперечь возвернется, господин полковник.

– Али ты хмелен, али сбесился, Ремезов? – постарался остепенить своевольца командир. – Мы на войне, а не на свадьбе. Докладывай по уставу! Куда казака снарядил и где ногайская жена?

– Никак не могу.

Платов, гневно раздувая ноздри, повернулся к сотнику.

– Разжалован в рядовые! – с нажимом произнес он, вставая. – Пред строем – полсотни плёток! Понятно, за что?!

– Так точно, господин полковник.

Бравый вид и уверенность, с какой держался приятель детства, ввели Платова в замешательство. Зыркнув на есаула, он приказал ему выйти. Приблизившись к Леонтию на расстояние шага, жестко бросил:

– Говори правду.

– А коли...

– Запороть велю! Ты меня знаешь... Неподчинения не дозволю!

Леонтий, однако, уловил в потемневших глазах Платова не ожесточение, а некую товарищескую заинтересованность.

– Отослал с невестой... Какую у ногаев отбил... К моим родителям отослал, – сбивчиво, теряясь в мыслях, проговорил Ремезов. – Ногаи за нами гнались, потому и кордон всколыхнули...

Платов минуту в упор смотрел на своего, похоже, обезумевшего от любви офицера. И вдруг посветлел взглядом, усмехнулся и ударил ладонью по здоровому плечу сотника.

– За правду наполовину прощаю. Отменяю порку! А из офицеров выгоню. Послужи урядником, храбрость яви... Был у меня ночью мурза, с жалобой приезжал, требовал выдачи вашей... Эх ты, Леонтий! А ведь я в есаулы тебя метил. Дурости у тебя еще много!

– Так точно, господин полковник! – снова отчеканил Леонтий и, вздохнув, порывисто вышел из командирской палатки.

Часть вторая

1

«Кавказскую карту» Порты разыгрывала в соперничестве с Россией на протяжении всего XVIII столетия. Где добровольно, где принудительно ее миссионеры обращали горские языческие народы в ислам, всячески поощрялся их союз с Крымским ханством, набеги на южные российские пределы.

О подлинном положении в Кабарде Екатерина узнала от прибывшего в Петербург еще при ее покойном муже, императоре Петре III, владельца Кургоки Кончокина. Междоусобица, притеснения владельцев Большой Кабарды побудили его просить позволения переселиться своему роду на левый российский берег Терека. Это прямо соотносилось с ее указом, разрешающим осетинцам и киштинцам поселяться на равнине, на землях российских. Полная открытость кавказской границы, происки османов, требовали смелых и решительных мер. И Екатерина одарила благородного кабардинца милостями: ему, принявшему крещение и нареченному Андреем Ивановым, был присвоен чин подполковника с достойным жалованием и позволено использовать титул: князь Черкасский-Кончокин.

Новоявленный российский князь выбрал для жительства урочище Мез-догу, что означало – Большой лес. Русскими это название было несколько изменено – Моздок. И без промедления летом 1763 года сюда прибыла специальная армейская команда, состоящая из урядника и тридцати солдат, под началом инженера-подполковника Гака. Вручную в лесных чащах валили лес, – вековые дубы и буки, из бревен сооружали укрепления и дома, склады и казармы, церквушку; по всему

периметру возвели фортификационный земляной вал. И уже через два года Моздокская крепость, со штатным гарнизоном, стала оплотом России на терском рубеже.

Императрица всячески поощряла переселение горцев в этот городок. Всем, прибывшим сюда и принявшим крещение, выплачивалось денежное довольствие и выделялись земельные участки. Сверх того, зависящие от своих узденей горцы, приняв христианство, становились «свободными».

Две терские твердыни – Кизляр в устье и Моздок в середине – вызывали крайнее недовольство не только у владетелей Большой Кабарды, но и у крымчаков и турецкого султана. Вылазки вооруженных отрядов кабардинцев в районе Моздока были не редкость. Владетели настаивали, что урочище принадлежит им, поскольку издавна там пасли скот и пользовались лесом. Такая откровенная наивность не требовала разъяснений российского правительства.

Возобновившиеся боевые действия на русско-турецком фронте весной 1774 года воскресили надежды владетелей Большой Кабарды на поддержку Порты и хана Девлет-Гирея. Именно с этой целью двое из них, Мисост Баматов и Хамурза Асланбеков, полгода назад ездили к Девлет-Гирею, ставленнику Турции, с просьбой о разрушении Моздока. Ответ был дан благоприятный, и теперь, безусловно, пора было готовиться к боевым действиям!

Гроза великой войны нависла над Кавказом. Куда вначале двинется Девлет-Гирей: в Кабарду или, преследуя ногайские орды, на Дон? Комендант Моздока и командир одноименного полка Савельев ожидали с мартовским теплом нападения, и поэтому деятельно готовились к его отражению. Во-первых, был переведен полк, состоящий из гарнизона казачьих станиц – Га-

люгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской, в походное положение. Также отменялись все командировки из них. Во-вторых, Наурская станица, Наур-городок, стал центром сопротивления. Велено было усиливать редуты, а при появлении османов немедленно собраться туда жителям всех остальных станиц и держать общую оборону.

Однако Девлет-Гирей повернул на север и восток, отложив набег в Кабарду. Невероятное и труднообъяснимое поражение на Калалы, бегство от русских надломил боевой дух его воинов. Он отвел свою армию на Кубань, не оставляя в покое ногайские орды. Несколько мурз переметнулось на его сторону. Но большинство ордынцев хранило верность русской императрице. Преследование отряда Бухвостова заставляло оттягиваться к горам, к родным местам черкесов, составлявших его ударную силу.

Между тем в Бахчисарае обстановка обострилась. Старейшины правящего в Крыму рода были недовольны Сагиб-Гиреем, его сдержанной по отношению к России политикой. Они постоянно подбивали хана на мятеж против русского гарнизона. Сверх того, Сагиб-Гирей не признавала Порты. А с вручением высочайшего фирмана от турецких властей его двоюродному брату, Девлет-Гирею, он фактически утратил влияние в своей стране.

В отряд сопровождения Девлет-Гирей отбирал воинов лично. Помимо охранников и нукеров, включил в него партию черкесских всадников. Два полученных послания, в которых ставился вопрос о возможной передаче ему ханской власти Диваном, обязывали оставить войско и сосредоточиться на борьбе за престол. Именно то, что Сагиб взошел на трон благодаря русским, не давало ему покоя. О намерении завоевать Рос-

сию и Кавказ он был вынужден временно забыть, ибо фанатически любил свой Крым, и был правоверным магометанином.

Ночью, накануне отъезда, хан созвал военачальников. В шатре, озаренном свечами, было тревожно и сумрачно. Приближенные всем видом показывали печаль, связанную с тем, что их покидает вождь. Но Девлет-Гирей, видя сие лукавство угодников, оставался спокойным.

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! – провозгласил он распевно, окинув взглядом полукруг сидящих пред ним. – Я отлучаюсь в Бахчисарай. А вам, предстоит здесь, на Кубани и Кавказе, сражаться во славу Гиреев!

Его перебили яростные, исполненные преданности возгласы, славящие ханский род!

Девлет-Гирей подождал и поднял руку, требуя тишины.

– Мы должны удвоить силы за счет кабардинцев. Это храбрые джигиты! Поэтому следует соединиться с ними и взять Моздок, истребить все поселения казаков на Тереке. Это – и моя воля, и пожелание султана Порты! Ногайские мурзы, которые еще колеблются, впоследствии поддержат нас. В русской армии на Малке, в Моздоке, как мне известно, есть пушки. Но их меньше, чем у нас в Копыле... Вы получите деньги, золото и наложниц, если разобьете корпус Медема на Малке или в любом другом месте. Да поможет Аллах стереть крепость неверных с лица земли!

Девлет-Гирей, испытывая крайнее возбуждение, порывисто встал на ноги, и тотчас его примеру последовали подчиненные. Заколебались свечи и факелы в руках слуг.

– Я возлагаю надежду на вас, правоверные! Я хочу видеть всех в Бахчисарае как победителей!

И вновь палатка вздрогнула от множества восторженных криков!

Ночью хан пожелал увидеть Шабаз-Гирея. Тот, встревоженный неожиданным вызовом, стремительно вошел к брату. Хан сидел рядом с их родственником Шарин-Каем, человеком ученым и отважным.

– Бисмилля!³⁵ – проговорил калга, проведя ладонями по лицу. И, несколько успокоенный, сел на ковер напротив брата. Находившиеся в шатре ответно приветствовали его.

– Я передаю тебе, Шабаз, не только командование армией. Поручаю начать переговоры с кабардинскими владетелями. Как говорит арабская поговорка, золото открывает сундуки. Ты знаком с Шарин-Каем, нашим сегодняшним гостем. Это татарин с преданной душой и честностью пророка! У меня не было сомнения, кого направить в Кабарду. Я не пожалел денег для восстания против гяуров. Их сполна получил Шарин-Кай. Пусть Аллах хранит его в дороге и поможет в делах! А как только вернется гонец из Кабарды с добрыми вестями, отправь туда нашего посланника.

– Слушаюсь, великий хан!

Шарин-Кай, со вниманием следивший за разговором, удовлетворенно кивнул. Миссия, что ни говори, предстояла ему мудреная. Не просто доставить ханское вспоможение в мятежный край, ещё трудней заручиться клятвой владетелей, что примкнут к ханскому войску...

2

Отряд Бухвостова в походном порядке двигался следом за кочующими ногайскими аулами, пока не был атакован разрозненными отрядами крымчаков. Бои но-

---

³⁵Во имя Аллаха милостивого, милосердного! (араб.)

силы разбойный, кратковременный характер. Внезапный налет, схватка, грабеж, и – безоглядное бегство в степь.

Но в верстах сорока от Кубани Девлет-Гирей навязал русским настоящую баталию! Сшиблась черкесская и казачья конница, частили с обеих сторон пушки. И снова натиском ахтырцев, рубак-гусар, враг был опрокинут, и ретировался до кубанского побережья.

Через три дня туда же прибыл и Бухвостов, малое воинство которого состояло из той же легкой полевой команды и казачьих полков Платова и Уварова.

Обоюдная враждебность достигала такого накала, что, завидев друг друга, неприятели бросались в бой без подготовки. Теперь же, на водном рубеже, Бухвостов замыслил использовать внезапность удара, а хан – выгодное положение на берегу, труднопроходимые овраги и участки леса.

Сотня Кравцова в пешем строю атаковала янычар, укрывшихся за камнями. С громкими криками и свистом казаки набежали на вражеские позиции. Ремезов рубился рядом с Серафимом Акимовым, левшой, стоя плечом к плечу. Но удержаться долго в таком положении не удалось, – налетели басурмане со всех сторон. В этой суматохе, когда рядом звенели клинки и ятаганы дамасской стали, когда дрались храбрецы кинжалами, а зачастую и пиками, – всяк действовал по наитию, по выработанной в боях сноровке и особому ратному чувству, объяснить которое никто из них не смог бы...

Леонтий с фронта оберегал сродственников, бьющихся в рукопашной. Ранен был урядник Ряцин, с окровавленной головой его потащил назад кто-то из казаков. Коварный ятаган навек уложил на кубанском берегу сорвиголову Пахарина. Досталось и богатырю Белошекину, подмеченному стрелой, – к счастью, она пробила

только кольчужку-накладку на груди. Это не на шутку раззадорило бородача! Меч его стал еще беспощадней разить басурманов, прокладывая дорогу к реке.

Крымчаки дрогнули. Их построение изломилось. Задние ряды начали рассыпаться по отмелям Кубани, уже утратившей полноводную силу. Татарская конница бросилась переходить реку вброд, надеясь укрыться в лесу.

Бухвостов, следивший за ходом боя, понял, что османы охвачены паникой, и приказал Платову преследовать неприятеля в спешном порядке, а сам повел основные силы в обход.

Потери с обеих сторон были значительны. Но казаки не отставали, смертельно жалея ханских воинов. Лишь временами черкесам удавалось создавать в лесу очаги сопротивления, сдерживая натиск казаков. Во главе отчаянных горцев стояли уздени. Кровные узы обязывали их сражаться друг за друга насмерть. И потому бой принимал затяжной характер.

Между тем Шабаз-Гирей вконец утратил возможность управлять разноплеменным войском. Опасность полного разгрома заставила калгу спешно отводить основные силы к горам, минуя и бросая на произвол судьбы Копыл, столицу закубанцев.

Подполковник Бухвостов передал приказ Уварову повернуть свой полк на Копыл, с ходу взять его вместе с гусарами и драгунами. Казаки влетели в совершенно обезлюдивший город! Жители, не надеясь на своих ратников, спрятались в лесных ущельях. Прорыв русского отряда был столь стремителен, что противник оставил целыми и невредимыми тридцать четыре пушки с ядрами.

Гораздо тяжелей пришлось Платову. Бой протекал с переменным успехом, поскольку привыкшим к горам и лесу черкесским воинам обстановка была более зна-

кома. Они ловко укрывались за деревьями и кустарниками, быстрее ориентировались. А в боевом искусстве ничуть не уступали донцам.

В самый трудный час Платов сам ринулся вперед с обнаженной шашкой! Воинственный вид полковника ободрил казаков. Ремезов вновь принял командование полусотней, ввиду гибели урядника. Он бежал неподалеку от командира, готовый при необходимости броситься Матвеем Ивановичем на выручку.

И недаром! На краю обширной поляны, затянутой пороховым дымом, их встретили турки и ногайцы-лучники. Просвистели стрелы. С горестным стоном упало несколько донцов. Платов скрестил шашку с ятаганом бородатого османа! За ним цепью встали ординарцы и казаки. Леонтий видел, как Белошекин своим мечом гнет ряд янычар, отступающих под напором казачины. Леонтий, подав условный знак свистом, вонзился с товарищами в брешь вражеской обороны. В минуту янычары были взяты в смертельное кольцо! В пылу рубки, добывая усатого турецкого пехотинца, Ремезов вскользь заметил убегающего между деревьями богато одетого узденя...

Не раздумывая, он с тремя казаками отправился следом, заодно надеясь напиться из ручья и помыть окровавленные руки. Склон уводил все выше. Казаки, остерегаясь внезапного нападения, то и дело останавливались. Тропа привела к лобастой скале, из-под которой ниткой тянулся ручеек. Казак Бричинцов присел и зачерпнул воду ладонью, и тут же повалился набок, сраженный выстрелом из ружья. Из-за каменной громады вспорхнуло пороховое облачко. Раненого односума казаки Шелехов и Мисютин понесли вниз, к своим. А Леонтий, мигом натрусив на полку пороха, взял ружье на прицел и нырнул в заросли папоротников.

Он долго сидел на корточках, изучая из укрытия ближний лес и выступы, ложбинки скалы. Всмотривался в каждую ветку, в каждый валун. Вдруг ожил, зашевелился камень на самой макушке скалы – и уздень в дорогом черном чекмене встал во весь рост, держа в руке кавказское ружье.

Леонтий медлил, старательно целил в человека, спускающегося прямо к нему. Этот красивый и стройный горец, с курчавой бородкой, имел вид суровый и чрезвычайно утомленный. И, как ни был подозрителен, вряд ли догадывался, что в нескольких шагах сторожит его казачья винтовка.

Леонтий поднялся, когда их разделяли сажени три-четыре. Уголины глаз горца, увидевшего врага рядом, с направленным на него ружьем, показалось, укрупнились.

– Стоять! – крикнул Леонтий, держа палец на курке.

Но угроза не остановила храбреца. Он размашисто скакнул в одну сторону, в другую. И, ловко перехватив свое ружье за дуло, бросился вперед, замахиваясь им как дубиной. Леонтий выстрелил и – промахнулся. И лишь в последний миг увернулся от удара граненого ствола!

Отчаянная драка воскресила у обоих силы. Они били друг друга кулаками, схватывались, катались по земле. К счастью, Ремезову помогли возвратившиеся казаки. Рычащего от ненависти и исторгающего проклятия узденя, со связанными руками, повел к штабу полка, обосновавшемуся на кубанском берегу.

Пленника решил допросить Платов. Но горец не проронил ни слова. Не зная, что делать с ним до возвращения Бухвостова, Матвей Иванович распорядился накормить и отвести в холодок. Затем потребовал к себе Ремезова, который едва успел умыться и оттереть с су-конного мундира кровь.

Командир полка сидел на армейской фуре с перевязанной головой. Позади открывалась кубанская долина, крутояры, заросшие вербами и вязами, скаты пологих гор. Искристо отливала напротив солнца речная бегущая вода. Только удушливый запах пороха напоминал о гремевшем здесь бое. Платов сонно шурился, слушая дальний крик кукушки.

– Явился, голубчик, – насмешливо встретил его полковник. – Молодцом янычар рубил! Твои казаки дело нонечное решили. Похвалы достоин!

Платов отрешенно помолчал, глядя на Кубань. Над ней неровно, точно падая и взмывая, пролетела чайка. Лицо командира приняло благодушное выражение.

– Хороша Маша, да не наша. Нет у этой мутной Кубани супротив Дона красы! Бешеная речка. То затопляет все окрест, когда дожди, то пересыхает. Воробец пеши перейдет... А вот воевать за нее приходится! – и вдруг нахмурился, раздул ноздри. – Сколько полегло здесь братушек наших! Геройски головы сложили!

По всему, командир раздумывал, еще колебался. Наконец, взглянул Ремезову в глаза.

– Самовольство твое и дурость, за какое разжаловал, ты искупил. Любо глядеть, как в бою дерешься. Издаю приказ о производстве тебя, Ремезов, в сотники повторно. За узденя поощряю.... А будешь устав нарушать и командирский чин, – ожесточусь, и пощады не жди! Ступай...

Присутствующий тут писарь принялся острить гусяное перо, найденное неподалеку, прямо на берегу.

Через день Ремезов был вызван в штаб Бухвостова. Приказ командира сводного detachementa³⁶ был краток и чрезвычайно важен.

---

³⁶Деташемент (устар.) – небольшое войско, отряд.

– Тебя, сотник, рекомендовал лично Матвей Иванович Платов. Да и видно, что ты молодец. Понимаешь ли ты по-татарски?

– Так точно. У нас в Черкасском гутарят на таком языке многие.

– Вот и замечательно. Посылаю тебя с депешей к командиру Моздокского полка Савельеву. Сведения эти для него очень ценны. Ты обязан выполнить поручение, во что бы то ни стало! Запомни на словах: крымский хан направил свое войско в Кабарду. С тобой я пошлю человека из тех мест, гребенского казака Коротина. Он доподлинно знает весь путь. Подбери еще смельчака из своего полка, и на ночь трогайтесь! Весьма надеюсь на вас!

– Господин подполковник, мой ординарец под арестом за отлучку. Казак геройский, пострадал по моей вине. Прикажите отпустить. Он десятерых стоит!

Бухвостов, потягивающий трубку, выпустил дым, ненадолго задумался и нацарапал на листке несколько слов, макая перо в медную походную чернильницу.

Вместе с запиской Леонтий принял из рук командира засургученный пакет, который велено было зашить в плотную холстину и спрятать в полу кафтана. Задание было, очевидно, столь серьезным, что подполковник даже перекрестил его...

3

...И на третий день Святой недели весь Черкасский городок шумел от уличного веселья, гульбищ и девичьих хороводов! Хмельные казаки и парни не упускали случая похристосоваться с казачками-красавицами, кои уже не затворничали по куреням, благодаря послаблениям при атамане Ефремове, а вполне открыто собирались в кружки на улицах, пели и вели разные беседы.

Три старшинских жены – Авдотья Гревцова, Василиса Иловайская и Матрена Аксаева, да урядничья супружница Ремезова Устинья праздновали Пасху в гревцовском палисаде, под цветущими яблонями. Не просто теплым, а по-летнему жарким выдался этот апрельский день. Хотелось богачкам похвастать нарядами, надеть дорогие кубелеки да расшитые кавраки, да собольи шапочки, с жемчужной вышивкой, да сверху на груди – перла, унизанные жемчугом. Куда и носить красоту этакую, как не на праздники! Ан нет. Лето наступило! Явилось нежданно-негаданно, высушило землю, поторопило с цветением сады, до срока подняло выгонки трав, взметнуло всходы «пашенички», посеянной бабами на окрестных полях. Так что пришлось старшинским женам довольствоваться мудреными рубахами: шелковыми поверху, рукава и оплечья – из парчи, а низ, от пояса до подола, из полотна, расшитого серебром.

Устинья надела-таки кубелек, он был украшен под мышками узорными ластавками и выглядел вполне прилично, а под испод – атласные шаровары, такие же, как и у других прочих. Различались они только цветом. У Авдотьи – синие, у Василисы – красные, у Матрены и у нее – бирюзовые. Сафьянные туфли казачки сняли, усевшись на большой персидский ковер, остались в мягких ичитках, простроченных у кого серебром, у кого мишурой. А на головах, точно короны, отливали парчовые повойники.

Станичницы, проводив мужей на атаманскую охоту к кургану «Двух братьев», бражничали. Авдотья, невысокая, кубастенькая, с улыбочкой, когда надо подольститься, и с высокомерной гримасой, когда требовалось себя возвеличить, не случайно собрала в этот день приятельниц. Приспичило ее двадцатилетнему дитятке Никите, оставленному, благодаря отцу, в призывном ре-

зерве, жениться. Что ни день изводил он требованием засылать сватов к Ремезовым, уговорить урядника отдать за него Марфушу. А как лезть в их курень, коли Илья Денисович отказ дал? С пустого поля урожай не снимешь. Надобно посеять что-то, позаботиться. Вот и подгадала Авдотья к светлому праздничку! И сама повеселится, и со сметливыми бабами побалакает, и Устиною, глядишь, задобрит, на свою сторону перетянет.

Ясырка, турчанка-пленница Джана, уже дважды бегала в питейную лавку за медом. Был он золотист, сладок и шибко хмелен. Но на свежем воздухе да за нескончаемыми разговорами хмель не замечался. Только на душе становилось веселей! Время от времени набожная Василиса затягивала духовные стихиры и ей, со строгими лицами, подтягивали остальные. А потом, наблюдая, как ясырка хлопочет за праздничным «столом», то и дело принося кушанья, опять пускали серебряную кружку с медом по кругу. А яств на ковре было не счесть: и круглики, славные пироги с рубленным мясом и перепелками, и студень, и лизни, свиные языки, приправленные солеными в кадушках огурцами, и лопатка дикой свиньи в разваре, и соленое мясо журавля, – всё на разных блюдах. После холодных закусок подавала Джана им в расписных деревянных мисках похлебку из курицы, сваренной с сарацинским пшеном и изюмом. На что Василиса, длинная и худосочная, и та попросила добавки. А после этого угощенья – новое, особенно любимое самой хозяйкой: ягненок, зажаренный на костре. Начинен он был смесью разных каш, густо нашпигован чесноком, и за десять шагов, прежде чем слуга с соседским мальчишкой успели донести его до гостей, почувствовался такой изысканный и пряный аромат, что казачки ахнули!

– Рада я, бабоньки, радешенька, что встретились ночеча и вместе причастились Светлому Христову Вос-

кресенью! – решив, что гостыюшки запьянели, пошла Авдотья в наступление. – И денек хорош, и...

– И казак пригож! – окончила не к месту сказанную поговорку Василиса, отрывая от журавлиной лодыжки тяж мяса. – Казак у тебя, Микит, красивый парубок! За него кто хошь девку выдаст. Не выбрал ишо?

– Ох, и не спрашивай! – отмахнулась хозяйка ручкой, с дорогим браслетом на запястье, билезикой из бриллиантового фермуара. – Одни сами зазывают да намекают, а иные прочие... Кто их, девок, распознает. Рази ж могли мы по молодости с парнями на улицах пересмешничать. А теперича – им полная воля!

– Данилка Ефремов, атаман предбывший, разврату в Черкасск напустил! – сердито воскликнула Василиса. – Супостат! У нас в семье пятеро дочерей, а я им поблажки не даю! К дому приучаю. Вот старшую свою отдала за племянника Грекова, а теперича одни благодарности от сватов слушаю...

– Хороша у тебя и Елизаветка, – заметила урядничья жена, поняв, в чей огород бросают камни подруги. – Самая пара для Никитки!

Хозяйка мелко заморгала подведенными сурьмой глазками, скривила лицо, но удержалась, чтобы не сболтнуть лишнее.

– Вот и сватай за нее своего Леонтия! – подхватила Матрена, красивая грудастая молодайка, вышедшая после вдовства второй раз замуж за старого войскового старшину. – Детям кто счастье сыщет, как не мы сами. Степе моему тринадцатый год пошел, а он уже на войну с турками собирается. Дитё думает, там из деревянных ружей палят! Отца сразили турчины, а он мстить рвется, спасу нет.

– Мой Леонтыюшка какой месяц уже на войне, – с гордостью произнесла Устинья. – В сотниках служит! В отца весь...

– Давайте, милые, за детей наших приложимся, – прочувствованно проговорила хозяйка, подливая в кружку меда из высокой енды. – Ради них стараемся и корпим!

Авдотья отхлебнула и предложила кружку Василисе. Та, запьянев, долго в нее смотрела, хмуря длинное узкое лицо, – и всласть припала к серебряному сосуду! Затем, крикнув, передала Устинье, которая только подержала его в ладони и подала повеселевшей Матрене. Красавица улыбнулась и сделала всего глоточек, исподволь заметив, что по закоулку гуляючи шагает бравый черноволосый казак Нефёдов, в последний месяц приударяющий за ней. Вчера, перестрев у колодца, так похристовался, греховодник, что губы заныли... Он, видимо, узнал у кого-то, где присуха, и с умыслом огинался поблизости. Потянуло Матрену к нему, но, боясь подозрений приятельниц, решила чуток повременить...

– Смотрите, как моя чиберка³⁷ ожерелок на рубахе выстрочила разводами, – хвалилась Авдотья, наклонившись и показывая узор гостям. – Она из татарок, такой швеи в Черкасске больше нету!

– Пригож узор, чисто вышила, – согласилась Василиса, но, услышав громкий девичий смех на улице, опять помрачнела, в сердцах бросила на ковер свою ложку. – Вот вам девки! Небось, в кулочки играют. Прячутся попарно да ищут друг друга. Экая забава! Лучше бы в храм сходили, грехи отмолили, безбожницы. Али степенно поводили хороводы...

– Устя, я что сказать-то хотела, – многозначительно обратилась хозяйка, наклоняясь к соседке. – Дюже сынок по Марфушке сохнет. Прямо души в ней не чаёт! Вот оно, счастье дочкино... Поговори с ней, душа моя, нехай на игрищах не избегает Никитушки. Он, соколик,

---

³⁷Чиберка (донск.) – швея, рукодельница.

сам не насмелится. Посодействуй, милушка, на общую радость!

Над яблонями, в крупных цветках, безостановочно сновали пчелы. Их мерное гудение, медвяная свежесть, доносимая ветерком, солнечный блеск точно околдовывали, сладко путая мысли и слова. Устинья, посмотрев хозяйке в глаза, неопределенно кивнула.

Василиса предложила спеть протяжную страдательную песню. И, не дожидаясь согласия, тут же завела ее пьяным голоском, дрожащим от усердия. Матрена надела туфли и, поблагодарив Авдотью за щедрое застолье, легко засемила по улочке. Но почему-то не в сторону дома, а к зарослям краснотала, к береговой глушине.

В этот момент прибежал Митька, отрок ремезовских соседей. Он держал в руке крашеное луковой шелухой, коричневое яйцо, а в другой – большой сколок искристого сахара. Глазеньта мальчишки, ярко-синие, как троицкие незабудки, были возбуждены.

– Бабушка Устинья! К вам казак приехал с татаркой какой-то. Велел скорейча разыскать. Дюже ему на войну надо!

Казачки переглянулись. Устинья, поддаваясь беспокоейству Митьки, обулась и быстро зашагала к своему куреню. У ворот стояли две тощебокие, в мыле на крупах, чужие лошади. Тотчас, с удивлением она узнала Ивана Плёткина, с матерью которого была давно дружна. А рядом с ним высокую, стройную татарку, одетую в мешковатый халат красно-оранжевого оттенка, в шапочке, вышитой алой нитью. Сердце ее замерло! Мысли понеслись потоком: с чего это вдруг казак прибыл с войны не домой, а в курень командира? Со страшной вестью или добром? И кто с ним? Может, сын прислал пленницу в ясырки? Под туфлями Устиньи Филимо-

новны срывалась песочная пыль. Ноги одеревенели от страха и выпитого меда.

– Христос воскрес! Встречай гостей, Филимоновна! – шутливо приветствовал Иван, бородатый, немывтый, в насквозь пропыленном мундире. – От Леонтия Ильича подарок привез!

– Воистину воскрес! – ответила казачка, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. Живой сыночек, живой!

– Подарок необнаковенный, а прямотко расчудесный, – продолжал Иван загадывать загадки. – И заодно посланнице! Нацарапал сынок ваш чтой-то, как курица лапой. Да кто прочтет?

Читать мать сотника, на самом деле, не умела. А дурашливые намеки казака начинали сердить. Все больше внимание ее привлекала эта молодая, красивая, светлоглазая на редкость, иноземка. И строго потребовала:

– Ты не ходи по виллюжкам-ковыллюжкам, прямо гутарь!

– Хотя бы воды, мамаша, предложила, – с укоризной бросил Иван.

– Да хоть весь Дон выпей! – отрезала Устинья Филимоновна. – С чем приехал?

Плёткин, поняв, что хозяйка вовсе не склонна шутить, обрел серьезность.

– Приказал Леонтий Ильич доставить вам, родителям его, невесту свою Мерджан. Об том и в послании прописал. Баба она хорошая и не совсем ногаянка, а с примесью иной породы... Так что поручение я исполнил! Принимайте... Мне перехватить бы чего, тетка Устинья, да в обратную дорогу. В родной курень на минутку всего забег, маманю проведаль...

Плёткин говорил все медленней, щуря покрасневшие от ветра и бессонницы глаза. Неимоверная уста-

лость ломала тело. Мерджан, точно окаменев, напряженно стояла у ворот, глядя за Дон, на сиреневое марево по горизонту. В ее глазах копились слезы...

– Вот оно как! – хозяйка решительно подошла к Мерджан и протянула руку. – Давай знакомиться, коли полюбилась Леонтьюшке... А мы думали, он с коня не слезает, воюет денно и ночью... – с усмешкой сказала Устинья Филимоновна, увлекая за собой гостью. – Пойдемте! Хлеб-соль завсегда найдутся.

Иван отвязал от седла купленные по дороге пожитки Мерджан. И вслед за женщинами с трудом поднялся по лестнице...

4

До Моздока гонцы добрались за неделю. Вёл товарищей-казаков седобородый Исай Коротин, из гребенских старожил, оказавшийся в отряде канониром. На привалах его расспрашивали о службе и Плёткин, и односум Петро Шаганов, платовский писарь, но Исай молчал. А для Леонтия главным было, чтобы двигались кратчайшим путем да не попались в лапы башибузуков.

Посланцы Бухвостова сделали остановку в лагере русского корпуса, вставшего у горы Бештау. Его командующий, генерал-поручик Иоган де Медем отлучился по служебной надобности к коменданту Кизляра, полковнику Штендеру. Пришлось Леонтию доложить о своем поручении майору-немцу, оставшемуся в корпусе за старшего, и он разрешил казакам двигаться дальше.

Ожидаючи попутного обоза, задержались у Пятигорья на сутки. Коштовались из солдатского котла, по очереди пасли лошадей на подгорной траве, поднявшейся здесь уже по колено. Всё остальное время – спали, подстелив бурки. Ремезов сблизился с полковым писарем Шагановым, смуглым, толковым парнем, наполовину

персом. Отличался Петро рассудительностью и веселым нравом, знал библию, разговаривал на нескольких языках. Бухвостов отбирал гонцов, способных при необходимости общаться с горцами. И Матвей Иванович, дороживший писарем, с неохотой командировал сметливого помощника на край земли российской.

Вдали, в уютной речной долине, среди деревьев, пестрел юртами аул салтанаульцев, недавно переселенных в эту местность. Чуть в стороне чернели полосы небольших огородиков. Плёткин предложил Коротину наведаться к ногайцам, разузнать, что к чему.

– Дюже возжелалось редисочки, – обратился он к сотнику. – Позвольте, ваше благородие, накоротке смотаться в аул!

– Туда и – назад! – предупредил Леонтий. Снова летели думки на Дон, к родному куреню, в котором теперь жила любимая. Леонтий до мелочей выпытал у ординарца, как встретили Мерджан его домашние. Мать приняла доброжелательно, сестра с радостью, а Илью Денисовича казак не дождался. Так и эдак прикидывал Леонтий, зная забурунный нрав батюшки, но в одно верил твердо, что из куреня иноверку не выгонит.

Вернулись любители редиски часа через два с разбитыми лицами. Притащились, хмурясь и повинно отводя взгляды. Синие форменные кафтаны, порванные в нескольких местах и в пятнах крови, имели вид крайне неприглядный. Ремезов вспыхнул:

– Не казаки, а ярыжки! Докладывайте, что случилось!

– Да оказия вышла, господин сотник, – с трудом шевеля распухшими губами, произнес ординарец. – Помахались с ногами! Понравился мне у одного аульца черкесский пистолет. А он упёрся, не стал отдавать. Я его

вдарил, он дрючком по мне... Тут и набежали аггелы! Начали бзздать друг друга... Я по дурусти пострадал...

– По жадности! – сердито поправил Леонтий.

– Так точно. А Исай, стал-быть, за кумпанию со мной.

Ремезов заставил их немедля выбанить³⁸ и починить мундиры. А наказание отсрочил до возвращения в полк.

Несравненная красота предгорья, – лесные урочища, бурные реки, разливы песчаных бурунов, в отдаленные громада Кавказского хребта, со снежными пиками вершин, – это невиданное прежде диво потрясло Леонтия до глубины души.

Вот где, оказывается, край России. А там, где синели горы, находились неведомые страны, жили чужие народы и племена. Очевидно, они ценили свободу и самостоятельность, как и донцы, и служивые солдаты, и гражданский люд из обоза. Зачем вторгаться в эти чужедальние пределы, сотник понимал не совсем ясно. Он воевал с однополчанами супротив турок, их сторонников татар и горцев, учинявших набеги на казачьи станицы. И следовало, по его разумению, разбить их воинство, учредить мир и возвести надежные кордоны. А сами земли чужие оставить их жителям. И без того простора от Дона до Терека – неоглядно, хватит земли всем: и казакам, и ногайцам, и калмыкам. А за Кубанью пусть черкесы хозяйничают, как в былое время...

Так думал Леонтий, сознавая при этом, что его мысли касаются только казаков. Ученые люди, по всему, думали иначе. Государыня Екатерина, как сказывал писарь, указы издала, чтобы осетинцев и ингушей, к нам подавшихся, оборонять от нападков владетелей Большой Кабарды, помогать им деньгами, зерном и землей.

---

³⁸Выбанить (донск.) – вымыть, постирать.

По всему, вознамерилась Екатерина привлечь горцев к державе своей, явить к ним доброту и дать просвещение. Да мало от этого проку было! Слышал Леонтий от офицеров, что не раз ездили кабардинцы и ногайцы в Петербург. Били челом, уверяли в дружбе, получали щедрые подарки и деньги, – даже военные чины! А вернувшись на Кавказ, отступались от клятв! Так и тянулась со стародавних времен эта канитель, – то мир и дружба, то кровопролитие и грабежи. Теперь же императрица, видимо, решила навеки наложить свою длань на кавказский край! Укоренился Моздок, крепили казацьи городки-станции...

Где-то в глубине степи, в песках, произошла стычка с отрядом горцев. Они налетели с обнаженными саблями, стараясь отбить караван навьюченных лошадей, но драгуны встретили их ружейным залпом. На перехват бросилась дюжина верхоконных казаков, среди которых оказались и платовцы. После второго залпа солдат, понеся потери, нападающие ретировались. Командир обоза, статный капитан, с огромными завитыми усищами, вытирая голову носовым платком, высказал предположение, что эти головорезы из племени, живущего далеко в горах, которые по дикости и жестокости превосходят все известные кавказские народы.

Моздок, укрепленный высоким земляным валом и крутыми бревенчатыми стенами, редутами, – по всем правилам фортификации, – больше походил не на крепость, а на город. Платовцы с любопытством оглядывали дома и казармы, потолкались на базаре, где немало было армянских и греческих торговцев, пошли к вечеру в деревянную церковь.

На другой день Леонтий явился в дом командира Моздокского полка, чтобы вручить пакет и немедля от-

правиться в обратную дорогу. Адъютант, горделивый и неразговорчивый унтер-офицер, дал знак, что можно входить, Сотник, чеканя шаг, прошел в высокие двери, простучал сапогами по дощатому полу и замер перед совершенно молодым, статным полковником. Смуглое лицо Савельева, украшенное завитыми усами, блестело от капелек пота. Стояла жара, несмотря на предвечерний час.

Ремезов с бравым видом доложил о своем прибытии, и подал пакет. Еще не успел полковник взять его в руки, как в кабинет стремительно вошел высокий, кудрявый секунд-майор, с шашкой на поясе. Не обращая внимания на казачьего сотника, этот воинственный щеголь подступил к Савельеву.

– Что случилось, Федор? – встревожился полковник, кладя пакет на стол. – Турки?

– Кабардинцы, господин полковник! Ране бежавший из крепости торговец Оганес Назаров с повинной приехал. Разрешите пригласить?

– Разумеется.

Леонтий, козырнув, сбив набок свою папаху, хотел удалиться, но Савельев остановил его.

С поклонами в кабинет ввалился рыхлый приземистый мужчина, темноволосый, с большим крючковатым носом. Наконец он поднял красное загорелое лицо и повинно увлажнил глаза.

– Прощения просить явился к вам, ваше сиятельство, ваше превосходительство... Шайтан попутал, не заплатил за товар...

– Довольно! – с раздражением прервал Савельев. – Что тебе известно о кабардинцах?

– Великое их количество сюда направляется. Должно, больше двух тысяч едут! Я в Кабарде был, товар возил. С ними на телеге ехал. Страшно стало! Сбежал ночью, на лошадке ускакал...

Савельев, сдерживая волнение, легким шагом прошелся по кабинету. Поправив взмокшие волосы, помолчал. Снова пересек комнату по диагонали.

– Когда это войско кабардинское, как ты считаешь, подойдет к крепости?

Торговец заморгал, думая.

– К ночи, ваша светлость...

Секунд-майор подтолкнул двурушника к выходу и собственноручно закрыл дверь. Савельев распечатал конверт и бегло прочел. Содержание его, по всему, не на шутку озадачило.

– Познакомьтесь. Мой товарищ майор Криднер. А это – сотник Ремезов, посланец Бухвостова.

Офицеры обменялись поклонами.

– Что думаете, Федор? – поинтересовался Савельев, склоняясь над столом, где лежала карта, составленная полковым писарем. – Где нас будут атаковать? Бухвостов в депеше предупреждает, что и крымцы направились в нашу сторону. Может, заговор? По всем приметам неприятель собирается штурмовать крепость с двух сторон.

– Необходимо проверить, господин полковник. Мало ли что бузнику³⁹ могло померещиться!

– В таком случае возьмите гусар да казаков, и к вечеру выступайте. Держите курс на Малку. К заградительному карантину. Надо разгадать вражеский умысел, чтобы не захватил врасплох.

– Слушаюсь!

– А вам, сотник, придется задержаться. Обстановка вокруг крепости крайне опасная. Враг рядом! Со своими казаками вы поступаете под начало секунд-майора Криднера.

---

³⁹Бузник (устар.) – производитель и торговец бузы, легкого спиртного напитка.

– Так точно.

Под покровом темноты отряд вышел из крепости и горной дорогой устремился к реке Малке, на рубеже которой возведен был редут, и несла дежурство полевая команда.

Ближе к полуночи сикурс Криднера прибыл к оборонительному укреплению. Гарнизон, находившийся здесь, был поднят в ружье. За рекой стояла, ожидая зари, кабардинская конница. Мешкать было опасно. Всё, что находилось в карантине, оружие, порох, ядра, маркитантские припасы, было перенесено и укрыто за валом редута, оснащенного четырьмя пушками. Криднер принял решение держать оборону.

Утром вражеские факельщики подожгли деревянный забор карантина. Однако весь день кабардинцы держались за рекой. И лишь ночью предприняли бешеный натиск. Пушкари встретили их картечью и ядрами. Это заставило штурмующих отойти. Ещё день стояло над Малкой затишье. В следующую ночь Криднер не изменил тактики, отражая атакующих со всех сторон врагов пушечными и ружейными залпами. Но на этот раз не обошлось без рукопашной. Среди погибших оказался гребенской казак Коротин. А Плёткин отделался сабельным ранением руки.

5

Леонтий поселился с майором Криднером в глинобитном доме, отведенном для офицеров. А товарищей его разместили в казарме, вместе с казачьей сотней при гарнизоне. Угроза нападения на Моздок требовала сосредоточения армейских сил, поэтому Савельев отвечал отказом на просьбы сотника Ремезова покинуть крепость.

Почти ежедневно Леонтий с майором объезжали редуты и карантины вблизи терского форпоста, проводили с солдатами и кавалеристами занятия. К тому же, по требованию полковника являлись на военный совет.

Вечерами к гостеприимному майору приходили приятели, капитан Реуцкий и ротмистр Нарышкин. Составлялась карточная компания. И поскольку ни гроша не было в кармане сотника, Криднер делал ставки за него. Суммы, впрочем, были невелики. Всякий раз, при раздаче карт, Криднер укоризненно пенял:

– Краснеть, сотник, пред армейскими товарищами не подобает. Отдашь долг, когда сможешь. Земля, как утверждают географы, круглая. Были бы мы целы, а бог еще сведет...

Когда гостей не случалось, майор писал письма. По несколько подряд. Или читал потрепанные книги на французском и немецком языках, куря трубочку. А Леонтий страдал от одиночества, от неотвязной грусти по родным и Мерджан, по казакам полка. Зрела в нем крамольная затея: как только поправится Иван, самовольно уйти. Дождаться случая, когда из крепости отправится обоз. А на следующий день, догнав его, двигаться до Пятигорья. И так как они не реестровые, а доброхотные донские казаки, вернуть их в Моздок никто не имеет права...

Но однажды звездным вечером, перед праздником Вознесения, Леонтий, придя домой, застал майора крайне взволнованным. Бутылка красного вина, стоящая на столе, была наполовину пуста. На кровати валялся лист бархатистой бумаги и разорванный конверт.

– Ну, как твой ординарец? – полюбопытствовал Криднер, доставая с настенной полки еще одну чарку. – Молодцом?

– Так точно, господин майор. До крыльца провожал меня. Он – служилый, духом крепок. До Троицы, даст бог, в строй станет.

– Брось чиниться. Называй меня по имени. Нас двое, и никто не услышит. Выпей со мной! Есть повод.

– Я не охотник до этого. Разве чарочку...

– Ты застал здесь пленного крымчака, Шарин-Кая? – спросил приятель, разливая вино по чаркам.

– Да, я видел, как увозили его в Кизляр.

– Я могу рассказать о том, как он был пойман. Пре-любопытнейшая экспедиция! Мы вместе с тобой находились на редуте, отражая кабардинцев. Не скрою, мне тоже было невесело. Но та поездка на Баксан, клянусь честью, была во сто крат опасней...

Выпили вина, и Криднер снова налил кахетинского в походные серебряные чарочки. Спустя минуту подхватился с табурета и стал набивать трубочку. Длинные курчавые волосы упали на лоб и глаза, он движением головы отбросил их. Красивое породистое лицо майора подернулось испариной.

– В Петербурге... – быстро произнес он, раскуривая трубку, и сделал паузу. – В Петербурге довелось мне служить четыре года. Состоял адъютантом при Военной коллегии. Был приблизительно в твоих летах. Но в отличие от тебя, друг мой, не знал меры в кутежах, слыл бретером. И, разумеется, водил дружбу с преображенцами. Братьев Орловых почитал за родных. И не пропускал ни придворных праздников, ни приемов, ни увеселений. Отец мой, бригадир и дворянин, родом был из Саксонии и принял русское подданство еще при Петре Великом. Император его заметил на шведской войне и с тех пор не оставлял милостями. А мать – урожденная Апраксина, из знаменитого рода. Рос я в имении деревенском, хотя с трех лет числился в Преображенском

полку. Отец смолоду готовил меня к службе, научил наездничать и стрелять, владеть клинком и шпагой. Словом, жаждал я баталий и викторий во славу Державы Российской. Жил в лихой офицерской среде вольготно, предерзко и бездумно! Связей с легкомысленными барышнями было немало, время с вакханками проводил чудесно, и ни о какой любви, поверь, не помышлял.

Криднер подошел к небольшому квадратному окну, выдал его створку наружу. Свежий воздух опухнул терпким запахом цветущей бузины. Где-то в центре городка двигались телеги, и властный голос давал трудно разбираемые распоряжения.

– Кизлярский обоз обратно тронулся, – заметил майор, расстегивая пуговицы мундира. – А я так и не написал ответа... Так вот! Однажды, милостивый государь, на святочном балу у Растопчина моя буйная младость в один миг укрощена была. Среди весьма разборчивой светской публики я увидел женщину, от красоты которой застыл на месте. Пииты и писаки множество сравнений напридумывали. Но ни Тредьяковский, ни Ломоносов не смогли бы передать того неистового чувства, что овладело мною при появлении Нины. Ничего особенного в этом имени, кроме того, что коротко, как будто нет. Но с того вечера я повторял его, как стихир, как утреннюю молитву! Ты хоть единожды был влюблен? – с воодушевлением и блеском в повлажневших глазах спросил майор, почти подбежав к приятелю, сидевшему за столом.

– Я очень люблю девушку... И непременно на ней женюсь! – негромко ответил Леонтий. – Мне знакомо это состояние! От него и радостно и грустно, и душа покоя не знает...

– Так, мой молодой друг. Любовь ослепляет, меняет тебя совершенно. Ты в присутствии возлюбленной теряешь над собой власть, готов ради нее горы сокру-

шить и перевернуть мир! А между тем княгиня Нина, фамилию я называть не стану, произвела на вечере фурор. Дамы знакомились с ней наперебой, восхищенные модным платьем, сшитым по версальскому образцу, и бриллиантовыми подвесками. Мужчины откровенно любовались ею, вызывая во мне бешеную ревность. А я неотрывно смотрел на ее стан, на завитые пшеничные волосы... А глаза... Их прелесть невозможно постичь, – они притягивали таинственной глубиной, теплым светом. При этом, черты лица ее были несколько крупны, хотя и правильны...

Криднер бросил трубку, давно погасшую, на стол. Выпил вина и повалился на кровать, взяв в руки письмо. Он прижал его к щеке и чему-то засмеялся. Леонтий с нетерпением ждал продолжения рассказа.

– Надо отдать должное тогдашней моей храбрости. Сверх всего, мне удалось встать с ней рядом в менюэте. Но откровенные взоры Нина оставляла безо всякого внимания. Сердце мое билось всё безутешней: вот закончится танец, и надежда будет потеряна... Я наклонился и сказал вполголоса: «Княгиня, я пленен вами навек! Я люблю вас безумно!» Фразы довольно тривиальны. Кто из ловеласов не повторял их? Но атака была предпринята, и отступить было поздно. Княгиня, – ничего нет язвительней для мужчины, – сделала вид, что ничего не услышала. Мы разошлись. Но мне, Леонтий, было всего двадцать три года. И я был избалован девицами, находившими, что красив и искусен в любовных утехах. Прибавь к этому болезненное самолюбие и дурную привычку дерзить... Словом, я простоял на морозе час, ожидая, когда она выйдет с мужем, гренадерского роста бородачом, сядет в карету и поедет. Мой кучер лихач и карета находились в готовности. Ночь была лунной. Невский проспект завален снегом, и повозки двигались по

нему ни шатко ни валко. Мне важно было узнать, куда направляется княжеская чета. Наконец они остановились у дома, вблизи Обводного канала. Утром... Впрочем, я заболтался! Полгода, вызывая насмешки у приятелей, я добивался ее любви. Добивался, потому что страсть не только не угасала, а соединилась с неизъяснимым азартом в исполнении цели. Нечто подобное ощущает охотник, весь день выслеживающий добычу...

Да, я буквально выслеживал ее, когда она отправлялась с дочерью гулять, досаждал признательными письмами и записками на званых вечерах, мчался из одного конца города в другой, как сумасшедший, если узнавал, что Нина присутствует там... Наконец, это было летней ночью, в их имении недалеко от Пскова, вырвал тайное свидание. И почти что силой овладел ею... Спустя минуту, протрезвев, я вдруг понял, что совершил нечто дьявольское и с чувством вины после своего проступка жить не смогу. Со мной был заряженный пистолет и пороховница... Однако возлюбленная моя явила милость, без всякой экзальтации и обличений рассталась до следующего вечера. Я был на небеси от счастья! Восторгу не было предела... Наша связь длилась два полных года. Но... Обычная история. Мое письмо перехватил муж. Дунель. Я отказался стрелять, он меня ранил. Потом неприятности на службе, и – вот оказался здесь, на Кавказе.

Криднер помолчал. Где-то за крепостным валом, в лесу разливались соловьи. Леонтий вставил в шандалик свечу, пахнущую свежим воском, и зажег. На беленую стенку легла тень его высокой и ладной фигуры.

– Я до сих пор не женат, – сдержаннее заговорил Криднер. – И знаю точно, что никого больше не полюблю. Так бог дал! Не все, а как заклинание повторял любимое имя и думал часто о ней... И вот той ночью, когда лазутчики пристава Таганова донесли о прибытии на

Баксан посланца крымского хана с деньгами, и генерал-поручик Медем поручил мне изловить одного крымчака, я испытал необъяснимую тревогу, предчувствие, что погибну. И подумал сразу о Нине! Мысленно сказал себе: если она еще меня любит, то Господь отведет от беды. А коли забыла, то... Я с деташементом и четырьмя пушками двинулся к Малке. Шпионы указали, что Шарин-Кай до утра будет находиться у владельца Атажуки Хамурзина. Медлить было нельзя. В ту ночь я точно на карту поставил свою жизнь! Вместо того, чтобы осадить селение Атажуки, я взял всего взвод драгун, и ещё до рассвета домчался к цели. Внезапным ударом мы обезоружили неругов. И пленив, повезли с собой. А за нами увязались подоспевшие кабардинские всадники! Вот эти обратные семьдесят верст по горному бездорожью, я и пребывал мысленно с Ниной. Горцы расстреливали нас почти в припор! Из-за нехватки пороха мы отвечали редко и горячили лошадей, уходя от преследования. Но я верил, что любовь может спасти меня... Когда же невидимым вернулся в крепость, – поставил в церкви свечу во здравие моей северянки. И написал сумбурное письмецо с благодарностью... Вот ответ! Она стала свободной, похоронив мужа. И, как пишет, той самой ночью не могла уснуть, молясь и думая только обо мне...

Криднер вышел из мазанки на улицу. Чуть погодя, к нему присоединился взволнованный рассказом Леонтий. Южная майская ночь ярко узорилась звездами. Без умолку пели соловьи. Их слушали офицеры, думая о своих любимых женщинах...

6

С остроконечного минарета Бюк-хан-джами, большой дворцовой мечети, муэдзин призывал к вечерней

молитве, когда Девлет-Гирей и его бешлы⁴⁰ подъехали на лошадях к главным воротам Бахчисарая, на створках которых было резное изображение двух сплетающихся змей – символ ханской власти.

Оповещенный заранее через гонца капудили-баша, управляющий дворца, предупредил охранников о прибытии ханского родственника, и усталых, запыленных путников беспрепятственно впустили в ворота.

Девлет-Гирей спрыгнул с лошади на мощный камнями двор, передал поводья телохранителю и, с заколотившимся сердцем, поспешил к родовой мечети. Для служителей дворца и чиновников, также идущих молиться, появление ставленника Порты было ошеломляюще неожиданным. Но, памятуя, что все Гирей состоят в кровном родстве, они приветливо кланялись. Он же хранил строгое, отрешенное выражение лица и как будто никого не замечал.

И в самой мечети, разделенной двумя аркадами и двадцатью колоннами, его охватило мятежное волнение и желание молиться истово Аллаху, как делал это множество раз. Даже прикосновение прохладных после омовения рук к горячей коже лица, ощущалось сейчас с особым удовольствием и умиротворением, сродни тому чувству, с которым странник, вернувшийся домой, утоляет в летний зной жажду...

Распорядитель, посланный управляющим дворца, чинно проводил Девлет-Гирея к жилому корпусу, в отведенные для него и телохранителей комнаты. Они были на первом этаже. Лестница, ведущая на второй этаж в покои нынешнего хозяина, находилась в противоположном конце здания, и это свидетельствовало о том, что приехавшего остерегались.

---

⁴⁰Бешлы (татар.) – конный телохранитель.

– Натоплена ли баня? Я хочу помыться. И пусть нам принесут еду, – требовательно сказал Девлет-Гирей, расстегивая серебряный пояс с прикрепленным к нему кинжалом. – Также я хочу видеть капудили-башу, чтобы узнать, когда меня примет Сагиб-Гирей.

– Мой начальник встретится с вами завтра. А великий хан занят переговорами с русским резидентом Веселицким. Чтобы иноверцы ничего не заподозрили, вам велено подождать до утра!

– Мне никто не может повелеть, кроме Аллаха! – взорвался от негодования приехавший. – Сагиб боится гяура? Какой позор!

На пути в баню и за столом, когда Девлет-Гирей остался наедине с пятью своими телохранителями, он приказал им быть начеку и поочередно дежурить.

Но отдохнув, Девлет-Гирей оживился и повеселел. Ощущение дома исподволь возвращалось к нему. Отослав бешлы спать, он выбрал из приготовленной для него одежды зеленый бешмет, обшитый по рукавам и шее серебряным узором. Понравились ему и лиловые бархатные шаровары, мягко спадающие на сафьяновые сапоги. Он поймал себя на мысли, что не чувствовал себя так раскрепощенно уже много месяцев, постоянно находясь в армии, ведя переговоры, принимая сражения. Да, он и его двоюродный брат стали, в сущности, непримиримыми совладельцами одного и того же ханского трона. Сагиб податлив характером и прислушивается к гяурам. А ханство не может существовать без единоверной Турции, с которой связывало и прошлое, и одна денежная система, и торговля, и близость языков...

Девлет-Гирей вышел в кухонный дворик, где стояла развесистая шелковица, все ветки которой до макушки излазил в детстве. От кухни тянуло пряными запахами. Повара уже принялись готовить на завтрашний день.

Всё здесь было, как прежде... Он медленно побрел в Фонтанный дворик. И неожиданно встретил в нем Джелал-бея, почтенного старейшину Дивана. Тот искренне обрадовался тайному гостю.

– Аллах послал тебя, Девлет, в нужные дни, – держа молодого человека за плечи и вглядываясь в глаза его, проговорил седобородый старец. – Я хочу поговорить с тобой. Пойдем в сад, там есть укромные места.

В дальней беседке, увитой виноградными лозами, они сели. Фонари, горевшие вдоль дорожки, не позволяли кому-то подобраться незаметно.

– Уже тем, что не побоялся приехать сюда, ты, Девлет, завоевал уважение тысяч людей. Таким бесстрашным и должен быть хан... Но я буду с тобой говорить открыто. Сагиб-Гирей, подписавший с русскими договор, который дает нам мнимую независимость, чужд народу. До войны с Россией мы жили, как хотели. Дань и налоги, выплачиваемые Стамбулу, не были обременительны. Русской императрице нужна земля наших предков и доступ к морю. Она переманивает на свою сторону малоумных людей из татарских родов, вероломных ногайцев. Сагиб-Гирей пытается противостать русским. Однако стоящие у Перекопа полки Долгорукова быстро остужают его пыл. Крыму необходим истинный вождь, который смог бы объединить народы и объявить неверным священную войну. Многие старейшины рода Гиреев, в их числе и я, считаем, что ты должен поднять и возглавить восстание. Тебя поддержит Абдул-Гамид, который непримиримо настроен против России!

– Это не совсем так, достоуважаемый Джелал-бей, – возразил гость знаменитому крымскому улему. – Мне известно, что русские пытаются вести переговоры. Их обе армии, у границ наших и на Дунае, пополняются

рекрутами. После полугодового затишья Россия готовится к боевым действиям.

– Я знаю. Но известна ли тебе главная новость? Россия снимет претензии на «гарантии» нашего суверенитета, на мореходство своих военных судов и на передачу Керчи и Еникале, если султан отдаст им крепости Очаков и Кинбурн.

– Впервые слышу! – не сдержавшись, радостно воскликнул Девлет-Гирей. – Русские согласны отступить от Крыма?

– Если мы поднимем против кафиров⁴¹ восстание, они станут сговорчивей. На нашей земле ныне и русские войска, и воины султана. Пора разжечь пожар во славу Гиреев и Крымского ханства!

– Мне необходимо подумать, – уклончиво ответил Девлет-Гирей. – Я приму решение после встречи с Сагибом.

– Многие члены Дивана разделяют мою точку зрения, – заверил старейшина, поднимаясь со скамьи. – С тобой, обладателем султанского фирмана, мы должны вернуть былое величие ханства!

Они разошлись, обнадеженные друг другом.

Девлет-Гирей покинул сад, с клумбами роз, особо пышно цветущих в эти летние дни, от аромата которых будоражило душу, и по привычке повернул к гаремному корпусу. Его венецианские окна были закрыты декоративными ставнями, мушараби, но сквозь щели просачивался изнутри мягкий свет.

Охранник узнал ханского родственника и отступил от входа на лестницу. Девлет-Гирей поднялся, прислушиваясь, как нежно и жалобно зовут струны сааза, и мимолетно вспомнил о своей Зареме. Другие, не менее красивые девы жили теперь в ханском дворце...

---

⁴¹Кафир (араб.) – неверный.

Хазнедар-уста, хозяйка в этом гаремном корпусе, по имени Эсма, дама важная и расторопная, растерялась, увидев гостя. Давно уж не бывал он, любитель женщин, в благовонной тиши сераля.

В первой комнате, в буфетной, восседали на коврах несколько придворных чиновников и возле них, подавая пиалы с чаем и кофею, хлопотали девушки. Очевидно, они были не из числа наложниц хана. Посетители гарема безукоснительно соблюдали ранжир.

Девлет-Гирей в сопровождении Эсмы прошел в боковую, всегда им занимаемую комнату. Евнух, круглолицый, широкозатый араб, зажег свечи и принес кумган⁴² с водой. Гость потребовал вина и баранины. В ожидании наперсницы, которую готовила для него хазнедар-уста, Девлет-Гирей осмотрел расписной потолок, орнамент ковров, висящих на стенах, и – напольного, на котором сидел, уместив подушки. Цветные стекла витражей смутно отражали огоньки благовонных свеч. В комнате пахло амброй, улавливался аромат мускуса и лаванды. Девлет-Гирей ощутил, как безудержно забилося сердце...

Он не стал спрашивать имени юной наложницы, смуглой, упругой, очень искусной в любовной науке. Ночь то кружила в бешеной страсти, то замирала. Когда же одалиска обессилела, он отпустил ее и потребовал, чтобы пришла другая...

Он спал недолго, но так крепко, что очнулся бодрым и отдохнувшим, услышав призыв муэдзина. Занималась ранняя заря. Малая мечеть была рядом. Девлет-Гирей миновал лестницу, еще одну комнату и Летнюю беседку, с журчащим посередине ее фонтанчиком. И замедлил шаги, увидев впереди Сагиб-Гирея в парчовом халате и красном колпаке от тюрбана. Обнаружив

---

⁴²Кумган – сосуд в виде кувшина для омовения.

постороннего в ханской свите человека, охранники преградили Девлет-Гирею дорогу.

– Только приглашенные особы имеют право войти сюда, – почтительно предупредил старший среди них, турок-янычар. – Большая мечеть свободна для всех. Нет бога кроме Аллаха!

Девлет-Гирей подчинился. И стоя на шерстяном намазлыке⁴³, он просил Всевышнего помочь ему одолеть всех врагов и вынести это пренебрежительное отношение двоюродного брата, ибо коран учит терпению и милости к неразумным...

Он вышел из мечети в толпе придворных, слыша и приветствия, и шушуканье за спиной. Бешлы тесно обступали его с трех сторон, предупреждая нападение. Но Девлет-Гирей обрел твердость духа и был готов к разговору с кем угодно!

Слева, в западной стороне, озаряло восходящее солнце ущелье Марьям-Дере и плато скалистой горы, на вершине которой находилась иудейская крепость Чуфут-Кале. Из густого леса, заступившего скаты ущелья, тянуло свежестью листвы и цветущих полян. Издалека слышался хор птиц. «Я здесь точно в тюрьме, – с усмешкой подумал Девлет-Гирей, глядя в синеватую глубину ущелья, тронутую туманцем. – Хорошо там! Я давно не был...»

На подъеме белела небольшая церковь, увенчанная крестами на куполах. Ее молельное помещение находилось в пещере, вырубанной в скале. В этот Свято-Успенский монастырь Девлет-Гирей не раз приходил в детстве. С любопытством осматривал православные иконы и церковную утварь. И теперь, охваченный смутным волнением, он приказал телохранителям следовать за ним.

---

⁴³Намазлык (тюрск.) – молельный коврик.

Монахи, узколицы, худые отшельники в черных рясах, с неровными, давно не стриженными бородами, стояли у дверей храма. Вероятно, недавно окончилось богослужение. На восходящего по каменной лестнице татарина, вооруженного кинжалом и пистолетами, они взирали сверху с нескрываемым беспокойством. Кто-то из них оповестил настоятеля. И древний старик с аскетическим лицом и слезящимися от долгого пребывания в полумраке глазами, вышел на тесную паперть в ту минуту, когда ступил на нее и татарский воин. Они внимательно посмотрели друг на друга, – красивый молодой мужчина и согбенный священник, опирающийся на посох.

– Селям алейкум! – проговорил Девлет-Гирей.

– Алейкум селям! Хош сефагъа кельдинъиз!⁴⁴ – приветливо ответил настоятель на татарском языке.

Посетитель слегка улыбнулся.

– Я хочу задать несколько вопросов.

– Я постараюсь на них ответить, – по-татарски продолжил разговор священнослужитель. – Пройдемте в келью.

– Нет, это недолго, – отказался Девлет-Гирей и помолчал. – Скажите, из какого народа ваш бог, Христос?

– Он родился в Галилее. Там, кроме иудеев, было множество других народов. И неведомо, каких корней была дева Мария, ибо зачала она от Святого духа, и Христос есть – Сын Божий.

– Так мне говорили и другие православные священники. Но мне не дает покоя рассказ запорожца, служившего в Хан-Сарае⁴⁵. Он утверждал, что ваш бог был по роду казаком. И оттуда, с Сечи, пошел по миру со своим учением.

---

⁴⁴– Добрый день!

– Здравствуй! Добро пожаловать! (татар.)

⁴⁵Хан-Сарай (татар.) – ханский дворец.

– Слова запорожца – греховный вымысел. Ересь не пристает к Спасителю! Вся его жизнь и деяния описаны в евангелие.

Девлет-Гирей сощурил глаза, окинув с высоты паперти ущелье и видную из-за деревьев разноцветную черепичную крышу дворца.

– Я вспомнил о вашем боге два месяца назад, когда сражался с донскими казаками. Так отчаянно драться могли только фанатически верующие, не жалеющие жизни ради какой-то цели. Может, и они считают бога за своего земляка?

– На поле брани царит Смерть, уважаемый рыцарь. Она безжалостна ко всем людям. А спасение общее только в мудростях библии и корана. Вечные книги учат любви и миру. Враждуют неразумные люди, но не религии. Истинно верующий не причинит зла другому человеку.

– Причина в людях, говоришь, а не в религиях? – переспросил Девлет-Гирей. – Ваш монастырь десятки лет находится рядом с Бахчисараем, и никто не разоряет его.

Старец задумался, сложил тяжелые ладони на посохе и сказал, по-видимому, самое главное:

– Святая вера дается людям в утешение перед неизбежным переселением в мир иной. Потому использовать ее как оружие, как меч, – это святотатство, дьявольское искушение!

– Но войны не кончаются, и твои единоверцы, пастьерь, хотят установить свою власть в Крыму. О заповедях они так же забывают, как и мы... – резко заключил Девлет-Гирей. – И нет у нас иного выхода, как воевать за свободу. А Всевышний рассудит!

Сагиб-Гирей принял тайного гостя через два дня. Он ожидал его в Летней беседке в окружении соратни-

ков, диван-эфендия, капудили-баши, киларджибея и телохранителей. Сердце Девлет-Гирея в недобром предчувствии сжалось при виде посторонних, присутствие которых не позволит говорить начистоту. Челядь, пестрящая халатами, бешметами, военными сюртуками, сидела вдоль стен на диванчиках. Ниже декорированного шелком потолка одним уровнем сияли на стенах окна-витражи, отбрасывая вовнутрь радужный свет, делая еще белей мрамор квадратного фонтана посередине. Звон струй был мелодичен и мягок, когда нареченный Портой хан вошел в беседку.

Хозяин дворца сидел на украшенном шелком и золотом тронном месте. Он был в белом бешмете и белом же тюрбане, с изумрудным аграфом и двумя перьями цапли, украшенными алмазами. Под большим тюрбаном лицо его, загорелое и морщинистое, с полуседой бородкой казалось маленьким, а настороженные карие глаза – пуговками. Впрочем, он старался смотреть в сторону, как бы не замечая вошедшего. И лишь когда смолкли его шаги, и тишина вызывающе затянулась, Сагиб-Гирей повернул голову.

– Что тебя привело во дворец? – с иронией спросил он. – Говорят, турки вручили тебе фирман и с большим войском направили на Кубань покорять ногайцев. Как же ты, фирманый хан, бросил воинов?

Послышались смешки. Хан не пожелал назвать гостя по имени! Девлет-Гирей это также отметил, остро ощущая атмосферу враждебности. Однако, не подал виду. И выдержав паузу, пристально глянул в лицо брата.

– Я приехал к тебе, Сагиб, в гости, – с неожиданной дерзостью произнес он. – А ты, в ком течет кровь Гиреев, не захотел встретиться со мной сразу, ибо занят был беседами с русским посланником. Вероятно, гяур тебе дороже.

– Вот как? Ты недоволен? – еще насмешливей бросил Сагиб-Гирей. – Ты вспомнил, что я твой родственник. А когда предавал меня, получая от Мустафы символ ханской власти, об этом позабыл? Ты согласился выступить против меня, законно избранного крымского правителя. Но советую не испытывать мое терпение.

– Прошу выслушать меня! – ожесточился Девлет-Гирей. – Я принял фирман для того, чтобы объединить крымские народы. Тебе этого сделать не удавалось... Да, у меня сильная армия. Мы деремся с неверными на Кубани и на Кавказе. Ногайские мурзы постепенно переходят на мою сторону. Они считают себя ордынцами. Кабарда также признает меня ханом. Мы оба с тобой подписываемся одинаково: Улуг Йортнинг, ве Техти Кырымнинг, ве Дешти Кыпчакнинг, улуг хани!⁴⁶ Но это вызывает кривотолки. Под моей властью Закубанье, меня поддерживают черкесы и владельцы Большой Кабарды. И здесь, в Крыму, на моей стороне все, кому ненавистна Россия, и кто выгнал из Крыма предателя Шагин-Гирея!

– Говори короче, у меня мало времени, – грубо перебил хан, наклонившись вперед, точно порываясь встать.

– Я надеялся на уединенный разговор. Но не дождался этого... Прошу добровольно передать мне управление ханством!

– Ты всё сказал? За этим ты приехал? – громко и разочарованно бросил Сагиб-Гирей и поднялся с трона. – Когда тебя, маленького, учили первой суре корана, чтобы всю жизнь возносил Аллаху молитву, вряд ли кто думал, что учат маленького волчонка. Теперь ты стал волком! Нам не о чем больше говорить. Немедленно покинь дворец!

---

⁴⁶Великий хан великой орды, и престола Крыма и степей Кипчака. (татар.).

Все придворные шумно, с недоброжелательным видом встали.

Девлет-Гирей повернулся на носках и с достоинством прошел через арочный проем в зал заседаний Дивана, спустился в Посольский дворик, где его догнали бешлы. Слезы гнева и праведной мести душили отвергнутого хана-самозванца. «Я еще вернусь! Они пожалеют, шакалы... Я возьму власть силой! – мысленно клялся Девлет-Гирей. – Новый султан Абдул-Гамид поддеживает меня. Он обещал прислать янычар и корабли. И мои сторонники здесь, Джелал-бей, хан-агасы Багадыр-ага, кадии⁴⁷, военачальники пойдут за мной, когда я приведу в Бахчисарай свою армию».

Турецкий ставленник возвращался на Кубань, предвкушая триумф в немирном кавказском крае. У калги Шабаз-Гирея было многократное превосходство в силах. Корпус Медема да несколько разрозненных полков и команд на огромной территории предгорья не представляли серьезной силы. Судьба снова давала шанс укрепить войско, прославиться победами и стать хозяином Хан-Сарая!

7

Подворье русской миссии в христианском квартале Бахчисарая таилось за каменной стеной-забором, а пред воротами был казачий пост. С приходом в Крым российской армии здесь поселился Веселицкий, посланник «северной чарицы», как называли Екатерину Алексеевну татары. Многотрудная служба, жизнь на грани риска выработали у Петра Петровича своеобразные привычки и манеру поведения. Седовласый дипломат избегал суеты в действиях, не торопил события. Между тем

---

⁴⁷Кадий – судья.

опытом его императрица дорожила, хотя и побуждала действовать энергичней, понимая при этом, что узел крымских проблем развязать чрезвычайно мудрено. Из шестидесяти трех прожитых лет оный далматинский дворянин, более сорока прослужил российскому престолу. И странно, не имея ни родственных связей, ни протекций, благодаря лишь собственным заслугам, он получал должности, обремененные соблюдением государственной тайны.

В этот предрассветный час, когда уже доносился от мечети голос муэдзина, раздумья не оставляли статского советника. Город просыпался. Изредка раздавались понуканья всадников и перестук копыт, с окраины – запевки петухов. Однако связной конфидента так и не появлялся. По-стариковски побрякивая, Петр Петрович посасывал трубочку на веранде второго этажа, озабоченно прислушивался к тишине в спальне, не зовет ли жена, находившаяся на сносях? Его размышления были о подозрительном отчуждении ханской верхушки, всё реже встречающейся с ним. Ни дня не ведал он в Крыму умиротворения. Да и вся планида его выдалась на редкость страннической и далеко не покойной...

Государеву службу, по приезде в Россию, начинал он в войсковой канцелярии Миниха. Затем замечен был как переводчик, владеющий перепиской на пяти языках. Позже оказался в тайной канцелярии главнокомандующего Апраксина, в годы Семилетней войны. Умение располагать к себе подчиненных и начальство, способность находить «полезных» для дела людей помогли Веселицкому весьма преуспеть в разведывательных акциях. Вражеские лазутчики непрестанно засылались в места дислокации русского корпуса. Недаром Фридрих Второй повторял, что перед его армией должны прой-

ти сто шпионов. И когда очередной «эспийон»⁴⁸ Ламберт пробрался в Ригу, там его уже поджидали агенты Веселицкого. Весёлые прапорщики, завсегдатаи пивнушек, там и сблизилась с вояжером, охотно показали по его просьбе учения кавалеристов. После этого Ламберт ретировался в Пруссию. Статья его в бранденбургской газете, преисполненная презрения к русской армии, вызвала у Петра Петровича улыбку. Спектакль удался! Не понапрасну уланы, калеча себя, падали с лошадей на глазах у иностранца, бестолково сбивались в кучи и палили мимо целей. Дезинформация, представленная прусскому королю, аукнулась уже в сражении при Грос-Егерсдорфе, где «российские неумехи» наголову разбили генерал-фельдмаршала Левальда.

Деловитость и удача подвинули карьеру Веселицкого далее в дипломатическое русло, приведя в киевскую «секретную экспедицию». В назначении сената предписывалось, чтобы проявлял «он, Веселицкий, с ведома генерал-губернатора, всевозможное старание о изыскании удобных способов к благовременному из загранич Турецких получению достоверных известий о всех тамошних заслуживающих применения и уважения происшествиях». Тогда и приобщился Веселицкий к делам Крыма. К счастью, киевский губернатор Иван Глебов, поддержав его инициативу, обзавелся указом императрицы, в котором закордонным осведомителям устанавливалась выплата от пятидесяти до ста пятидесяти целковых в год, а за особые заслуги и более.

В годы, предшествующие войне с Портой, Веселицкому и бывшему консулу в Бахчисарае Никифорову удалось создать конфи́дентуру по всему югу: торгующие в Крыму запорожец Василь Рецетов и малоросс Павло Руденко, дубоссарский паша Якуб-ага, перевод-

---

⁴⁸«Эспийон» (стар.) – шпион.

чик бывшего крымского хана, грек Григоров в Очакове, Молчан в Бендерах, Кафеджи в Могилеве, польский ксендз Сулима. Их сведения о неприятельской армии были столь ценны, что направлялись в Петербург, государыне. Впоследствии удостоился Петр Петрович чести переправить её высочайший манифест балканским народам. Подполковник Каразин, в монашеском одеянии, с фальшивым свидетельством от архимандрита Зосимы, взял в дорожную котомку экземпляры послания на греческом, словено-сербском и волоском языках. Провожая, Веселицкий перекрестил его. И господь милловал отважного гонца. Манифест Екатерины был вовремя доставлен единоверцам-христианам, вселив в их души надежду на покровительство России.

Затянувшаяся война с османами, противоречия между ногайцами и крымчаками побудили Екатерину представить к Сагиб-Гирею, новоизбранному хану, надежного наблюдателя. Выбор её пал на Веселицкого. Посланнику, которому вменялось в обязанность радение «по отложению от Порты оттоманской ногайских орд», миссия эта при всей ясности цели показалась трудной. Переписка и переговоры с мурзами, всевозможная помощь и дарение им подарков, – всё это лишь временно действовало на правителей орд. Они требовали для себя всё новых выгод, льгот, территорий проживания, щедрых подношений. Но стоило тайному турецкому вояжеру посулить нечто заманчивое, как они нарушали бывшие договоренности. Немалых сил потребовалось Веселицкому, чтобы уладить конфликт между запорожцами, по-казачьи «гарненько» ограбившими ногайцев, и их сераскирами, которым в залог примирения было выплачено из императорской казны четырнадцать тысяч рублей!

Мало-помалу ногайские лидеры все же клонились в российскую сторону и, когда настал час подписания

трактата в Карасубазаре, закрепляющего за Россией крепости Еникале и Керчь и дающего ей выход к Черному морю, вместе с ханом поставили свои подписи едичкульский Караша-мурза, едисанский Темирша-мурза, буджакский Катарша-мурза и джамбулукский Эль-Мурзаг-мурза. Руководитель русского посольства Щербинин и Веселицкий были похвально отмечены государыней.

Однако не минуло и полгода, как замысленный Сагиб-Гиреем мятеж был раскрыт Веселицким, что испугало и образумило вероломного хана. И всякий раз с оживлением боевых действий на русско-турецком фронте ситуация в Крыму обострялась. Вот и теперь, когда армия Румянцева громила османов вблизи Дуная, в Бахчисарае запахло порохом. И время всеохватных мер к умиротворению крымчаков снова легло на плечи резидента. Он сознавал, сколь велика опасность и его жизни, и родных, и всех, кто был причислен к миссии. Но всегда помнил и непреложное, что пренадлежит отнюдь не себе самому, но всецело – воле государыни...

Связного, шустрого толстячка в надвинутой на глаза папахе, привел на веранду караульный вахмистр Семенов. Узнав посланца Бекир-эфенди, Веселицкий встал, приказал ему следовать за собой. Только в тесном кабинете, за плотно прикрытой дверью, посыльной подал сложенный вчетверо лист бумаги. Петр Петрович глянул на вязь русских слов, вызвал секретаря и переводчика Дементьева. Склонившись к оплывшим свечам канделябра, стал им читать, делая по привычке акценты в особо важных местах:

– «Вечером хан ознакомил Диван с посланием султана. Турецкие корабли прибыли к нашим берегам. Командует флотом Гаджи Али-паша... Это подтвердил и мой брат, который вернулся с товарами из Яниколя. Он

своими глазами видел трехмачтовый фрегат и судна, переполненные янычарами... Али-паша остерегся русского флота и временно удалился, чтобы высадиться в Крыму, когда ему сможет помочь татарское войско. Сагиб-Гирею приказано вести конницу к проливу, чтобы учинить диверсию супротив ваших крепостей и гарнизонов. Сагиб-Гирей приказал мурзам вооружаться».

– Что ж, Рубикон перейден. Однако, этот безумец и его верноподанные не разумеют, на что решаются. Прольется кровь, и немалая... – взволнованно откликнулся переводчик, поймав взгляд Веселицкого.

– Се ля ви! Такова цена ханской клятвы! – ответил резидент и стукнул ладонью по столу. Глухо громынула подпрыгнувшая фарфоровая табакерка.

Веселицкий оглянулся на стоящего у двери связанного.

– Что еще велено сообщить?

– Только это.

– Передай мою просьбу господину, чтобы нашел возможность появиться в Хан-Сарае. Я буду там в полдень. Поблагодари его и... Это бакшиш⁴⁹.

Веселицкий выдвинул ящик конторки, достал кошелек и сунул в ладонь посетителя. Тот поклонился и осторожно попятился к двери. Уже на веранде спрятал деньги в папаху и надвинул ее на голову.

Короткое совещание с помощниками убедило Петра Петровича в том, что встреча с ханом необходима. И хотя Веселицкий относился к единичным донесениям сомнительно, а доверял логике и ряду доказательств, нынешнее сообщение его чрезвычайно встревожило. Бекир-эфенди, чиновник, через руки которого проходила переписка хана, – конфиденгент проверенный и златолюбивый. Ему следует доверять. Стало быть, Турция

---

⁴⁹Бакшиш(татар.) – подарок.

решила нанести удар в Крыму. Мощь османской флотилии одурманит всех, кто враждебно настроен к России. Нетрудно представить тяжесть последствий и для переговоров о мире, и для хода всей войны, если османы, высадившись на крымских берегах, вместе с Сагиб-Гиреем обрушатся на российскую армию. Тогда ни ему, резиденту со своим семейством, ни иным сотрудникам миссии не уцелеть...

Семен Дементьев, посланный во дворец спозаранку, добился аудиенции Веселицкого у хана. На прямой вопрос посланника о готовящемся выступлении Сагиб-Гирей стал юлить, заверять в нерушимости договоров с Россией. На замечание Веселицкого, что в столице много вооруженных людей, хан ответил с недоумением, – это стечение обстоятельств. Возможно, у кого-то свадьба или похороны, или иное торжество.

Из дворца Петр Петрович уехал убежденным, что замышляется смута!

Меж тем раскаленные солнцем улицы к полдню опустели. Воинственные отряды и отрядики, точно по мановению волшебной палочки, исчезли неведомо куда. Лишь у оружейных лавок толпились беи и простолюдины, покупая не только ружья, пистолеты, порох, но и луки со стрелами.

Вскорости Бекир известил, что неподалеку от города таится отряд Абдувелли-аги. Казаки полковника Либгольда по возвращении из разведки доложили о том, с каким трудом удалось прорваться в деревушку, принадлежащую ханскому шталмейстеру. В ней обнаружилось многочисленное конное и пешее войско, вопреки договенности, запрещающей крымчакам собирать вооруженные группы свыше тридцати человек!

Тотчас были подготовлены рапорты Якоби и Долгорукову, которому резидент решил доверить судьбу

семейства. Он просил генерал-аншефа, ввиду готовящегося бунта, поспособствовать переезду домочадцев в Россию. И на следующее утро под конвоем казаков проводил к Перекопу беременную жену и пасынков.

Веселицкий, обнимая их, прощался навсегда.

Но спустя неделю женушка милая вернулась. Вернулась, несмотря на смертельную угрозу. Так распорядился Долгоруков. А в своей записке он еще и попенял резиденту на малодушие и чрезмерную пугливость. Генерал-аншефу, по всему, недосужно было проявить хоть малую заботу о какой-то бабе, хотя бы и жене державного посланника...

8

Еще в царствование Петра Великого, когда пустился он в преобразование люда русского, – от облика, одежды и до образа мышления, – направили ему донские атаманы благодарственную челобитную со словами: «Мы изысканы твоею милостию паче всех подданных; до нас не коснулся твой указ о платьях и бородах. Мы живем по древнему обычаю – всякий одевается, как ему угодно: один черкесом, другой по-калмыцки, иной в русское платье старого покроя, мы это любим, немецкого же платья никто у нас не носит, и охоты к нему вовсе не имеем».

И даже полвека спустя в Черкасском городке можно было встретить множество людей, одетых в наряды диких, привезенные и добытые со всех концов бела света. К удивлению Мерджан, казачки носили такую же одежду, как и ее соплеменницы. Сверх того, множество чиберок, искусных швей, были татарками или ногайками. И, также владея портняжным мастерством, вышивкой, стеганьем по ткани, Мерджан быстро обрела известность среди казачек и старшинских жен.

Странное положение молодой женщины – ни жена, ни невеста (невестами считались в станице девицы после сватанья и рукобитья) – уже не смущало Устинью Филимоновну и ее супруга. Каждый день просились в их курень бабы с поклонами. Трудолюбивой Мерджан некогда было тратить время впустую, она принимала заказы и выполняла их, а разговоры вела и принимала оплату сама хозяйка. Денежки день ото дня притекали. И Устинья Филимоновна стала пристальней следить за «жиличкой», как за глаза называла Мерджан, и торопить с работами. Один раз было и второй повысила она на иноверку голос. В третий раз Мерджан, побледнев, вскочила с табурета, бросила на стол выкройку: «Будете кричать – уйду! Я не наймитка, а вольная...» Урядничья жена – и язык прикусила!

Марфуша недолго приглядывалась, захотела учиться у мастерицы, ставшей для нее сокровенной подругой. Илья Денисович диву давался: бытовали мирно-скучно с бабой да дочкой, а тут поменялось житие напрочь: снуют старшинские жены-модницы, то и дело выставляют его, хозяина куреня, за двери, чтобы примерку сделать, да при этом не унимается в нижнем этаже, куда перебрались с теплом, веселый смех. С одной стороны, ему обременительно, с другой – доходы пошли. Да и, признаться, очень нравилась ему Мерджанка, и красотой своей писаной, и обхождением уважительным. Вот только «дочкой», когда свадьбу сыграют, мудрено будет называть. Она, скорей, походит на госпожу..

В конце мая, как велось исстари, за Черкасском, был разбит атаманский лагерь для смотра полков и судебных разбирательств. Съехались атаманы, есаулы и казаки с верховьев, с середины Дона и низовцы для улаживания споров, тяжб и полюбовного размежевания казачьих угодий.

Урядник Ремезов, избранный общим сходом в войсковой Совет старейшин, с раннего утра был на «бугре», как называли жители атаманский лагерь. Там полукругом были расставлены скамьи, крытые попонами, для почтенных вершителей междоусобий и гражданских проблем. В центре восседал войсковой атаман Семен Никитич Сулин, держа в правой руке насеку. Рядом – два писаря, войсковой казначей, полковники, войсковые старшины и старики. Челобитчики записывались загодя, и атаманский помощник, стоя у плетневой загородки, обнесенной вокруг судилищного места, выкликал страждущих по очереди. Рассмотрение жалоб и просьб не затягивалось, атаманским правлением и Советом старейшин решения принимались в один день. Когда же возникали сомнения, поручалось кому-то из старейшин помирить спорщиков на месте. Такое непростое задание получил и Ремезов.

Ранним утром он верхом выехал в станицу Аютинскую, чтобы провести справедливое и окончательное размежевание ее земель и угодий станицы Бузликовской. Путь был недолог, и с взошедшим солнцем делижор был на месте. Сперва он выслушал аютинского атамана, утверждавшего, что граница проходила по середине займища, примыкающего к реке, что на кормовитом луге ранее паслись табуны обеих станиц, а теперь соседи решили оттяпать пастбище в свою пользу. Затем Илья Денисович подробно расспросил атамана Бузликовской. Тот божился, что никогда прежде аютинцы не гоняли лошадей в их угодыя. Стало понятно, что супротивники оставались при своих интересах, как и сутки назад на разбирательстве в Черкасске.

Илья Денисович выехал с обеими делегациями в степь, приказав с каждой стороны определить по самому достойному и честному жителю станиц, представить

для решения тех, кто возглавляет станичные Советы стариков. Заодно попросил взять с собой икону Николая Чудотворца, особо почитаемого донцами, и – святое евангелие.

Две верхоконные группы стали порознь на краю заливного луга. Делижор подозвал к себе стариков.

– Уважаемые старейшины! – почтительно обратился Илья Денисович. – Властью, данной мне атаманом, поручаю вам, единокровным донским казакам, с Божьей помощью решить спор между станицами на общую правду! Клянитесь на священной книге оба, берите икону и ступайте точно по той границе, какая всегда была, обоюдно признаваемой.

Приехавший ранее Ремезова войсковой землемер, идя вслед за стариками, делал точные отметки в своем листе и указывал помощнику, где ставить дубовые заостренные вешки. Тяжба была прекращена на «общую правду»!

Атаманы, изрядно выпившие вина с делижором-урядником, настропалились сопровождать его в Черкасск, где объявлена была редкая потеха – схватка калмыцких борцов. Издавна казацким делом считались кулачные бои и всевозможные конные состязания. Пристало донцу также в винопитии и стрельбе соперничать. А валяние-шатание друг друга не воспринималось черкасцами. Для оной больше подходили инородцы, которые достигли в борьбе изрядного искусства. И на схватки их с большой охотой приходили смотреть не только казаки, но и особы женского пола. Такое послабление сделал им лично войсковой атаман!

Тысячное скопище черкасцев и в этот жаркий час разбавили броские наряды молодаек, старшинских жен, пожелавших поглазеть на прелюбопытное зрелище. Илья Денисович, пьяненько улыбаясь, потолкался

с дружками, искал супружницу, но так и не нашел. И лишь погодя вспомнил, что послал ее с девками на степной пай, возле донского берега, косить траву. Не пристало ему, немолодому казаку и члену Совета, ко-сой махать.

В изножии холма, где находился лагерь, расстелили большой персидский ковер, украшенный орнаментом. Толпа оживленно наблюдала, как два дюжих калмыка сняли казачьи мундиры и остались в одних шароварах. Оба крутоплечи, загорелы, головы обриты до зеркального блеска. Устроитель борьбы, как принято правилами, приказал своим подручным смазать торсы борцов жиром. Вокруг засмеялись, когда и тела стали отливать, как начищенные медные сковородки! Выше и мощней казался парень, ожидавший отправки в полк, а соперником его был усач, должно, служилый и бывалый. Судья, тоже из приписных калмыцких казаков, ударил в бубен. Соперники, набычившись, кинулись друг на друга. За каждого из них были поставлены заклады, составляющие приз, и оттого желание взять верх вело их вперед с удвоенной силой!

Молодой богатырь зажал противника руками и попытался швырнуть на спину, но тот выскользнул из объятий, как щука из накидки, вызвав шум и возгласы одобрения. Вновь смельчаки стали сближаться, и служилый броском схватил парня за ноги и опрокинул, норовя придавить лопатками к коврику. Но на сей раз не удалось удержать молодца. Ускользнул парень, и борьба возобновилась с новым ожесточением! Захваченный зрелищем Илья Денисович криками подбадривал молодого калмыка, за которого переживал, как если бы это был его родственник...

Ратоборство силачей затягивалась, уступать никто не хотел. А закончилась оно неожиданно, – служилый

попытался провести подсечку, но повредил ногу в колене. Судья объявил победителем молодца, чему пуше всех обрадовалась женская публика.

Домой приковылял Илья Денисович затемна. И растерялся, не обнаружив женщин. Такое своеволие было для него в диковинку. Урядник неспроста рассердился. Но принялся нюхать табак, ворчать под нос и... крепко уснул, прислонившись головой к балясине крыльца...

День этот выдался облачным. По донской долине, с лиловато-сталистой стремниной реки, кочевали причудливые тени, то скрывая солнце, то давая волю лучам. Косить женщины отправились с самого утра, проводив Илью Денисовича в станицу. Сперва, как водится, валки точно сами укладывались под руками, – коси коса, пока роса. Даже перешучивались, что так можно до обеда всю деляну смахнуть!

Но чем жарче становилось в степи, тем тяжелей работалось. Пырей, напоенный полой водой, с глянцевиными метелками, вымахнул почти до пояса. Тут казак на травяной стенке навихляется до изнеможения, а куда справиться женщинам?

Благо, на наделах собрались одни казачки, и можно было сбросить верхнюю одежду и остаться в исподних рубашках. Но и они, мокрые от пота, не спасали от изматывающего июньского зноя. Устинья Филимоновна, превзошедшая в косье науку, недаром заставила дочь и жиличку сорвать по дороге широкие лопухи. В минуты отдыха только под ними и удавалось прятать головы. Мучила жажда, но Устинья Филимоновна разрешала пить по глоточкам. С детства помнила поговорку: вода на траве траву валит, вода на губах – самого косца.

Вблизи пая Ремезовых был затравевший лан родственников их, Зубцовых, и вместе со взрослыми

выехали в степь и двое мальчишек. Они, белобрысые и шустрые, пасли распряженных лошадей, гоняли к Дону купать и поить. И всякий раз проносились мимо галопом, с громкими криками. Мерджан, обычно сдержанная, увидев, как мчались к спуску сорванцы, не выдержала. Она положила косу на землю и направилась к матери сорвиголов.

– Куда это она? – с недоумением спросила Устинья Филимоновна у дочери. – С какого панталыку?

Марфа пожала плечами.

Возвратившись, Мерджан, косившая в конце загона, где стояла телега и паслась их лошадь, ни о чем не сказала.

Под закат стали сгребать кошенину. Мерджан расстреножила гнедую, трехлетку донской породы, и собиралась запрягать ее в повозку, когда всех встревожил детский вопль. Молодой, видимо, необъезженный жеребец, порвав недоуздок, на бешеном аллюре нес одного из казачат к крутому берегу. Мальчишка удерживался на нем, намертво вцепившись в гриву.

В минуту Мерджан была уже на своей умной лошадке и, подхлестывая кнутом, пустила ее наперерез взноровившемуся жеребцу. Все, кто находился в степи, следили, чем закончится эта рискованная скачка. Устинья Филимоновна, с дрожью в руке, крестилась и шептала молитву. Марфуша бегом припустила к реке, будто не косила весь день, а сидела на лавочке...

Тем, как размашисто мчалась донская лошадь, посадкой Мерджан, искусной наездницы, нельзя было не любоваться. Расстояние меж лошадьми сокращалось. И наблюдавшим издали казачкам стало вериться, что Господь отведет от негданной беды.

Мерджан догнала покрывшегося пеной жеребца на самом краю крутояра и, резко повернув свою гнедую,

кнутом отпугнула в сторону. Лошадь ее, оступившись на суслиной норе, невольно прыгнула, оттолкнулась задними ногами. И после короткой пробежки остановилась, испуганно кося глазом.

Наездницы на ней уже не было.

9

В Ливорно шли дожди, и главнокомандующий Орлов, страдая от обострения ревматической болезни, никуда не выходил, не принимал никого, кроме генеральс-адъютанта своего штаба Христинека, а чтобы отвлечься от боли, по возможности писал письма на родину, – братьям и сердечным приятелям.

Икона святителя Алексия, с которой он не расставался за всё время пребывания в Средиземноморье, озарялась лампадкой в виде виноградной грозди, и он, останавливаясь и что-то обдумывая, поглядывал на нее, укрепляясь духом и обретая в мыслях ясность. Поскольку его послания могут быть перехвачены недоброжелателями при дворе, а фразы преподнесены императрице в искаженном виде, Орлов старался быть в высказываниях точным, избегал откровенности. Да, он просил Екатерину о возвращении домой несколько раз. Но, получая очередной отказ, невольно соглашался с ней в том, что поручить кому-то другому командование русскими эскадрами в тылу противника, на островах, отложившихся от Порты, весьма недальновидно и рискованно.

Оставаясь в последние дни в одиночестве, размышляя обо всей многолетней кампании в Архипелаге, Орлов всё более приходил к заключению, что сколь ни умна и решительна была самодержица, а он смел и расторопен, – руководила ими высшая сила. Объяснить цепь событий, закономерных и совершенно случайных, неожиданно принятые решения и действия, которые

приводили к победам русского флота, крайне затруднительно.

Его заслуги перед Отечеством были более чем скромны, когда в 1768 году под фальшивым именем капитана фон Остроффа отправился он с братом Федором лечиться в Европу. Тишь и благодать, принятие целебных ванн и вод, кутежи и веселье окружали братьев вплоть до конца октября, когда, находясь в Вене, узнали они об аресте посла Обрескова в Стамбуле, что формально означало неизбежность войны.

По велению Екатерины отправились Орловы не на родину, готовящуюся к сражениям, а в Венецианскую республику, к маркизу Маруцци, резиденту России. В письмах Алексей Григорьевич убеждал государыню в реальной возможности восстания славян, закабаленных Портой, и смело предлагал: «Выступайте с одного конца, а я бы с другого начал». Брат Григорий, хотя и утратил фавор Екатерины, еще пользовался ее доверием и также настаивал на посылке в Средиземное море русского флота. И доводы братьев Орловых убедили императрицу!

С ее согласия русские эмиссары отправились в страны, поработанные турками, – в Албанию, Валахию, Грецию, Черногорию. Первые сношения Алексея Григорьевича с греческими и албанскими патриотами подтвердили предположение, что их народы готовы выступить против захватчиков. Но Екатерина долго обдумывала заманчивое предложение, прежде чем отправить «Алехану»-Орлову рескрипт: «Мы сами уже, по предложению брата вашего генерал-фельдцейхмейстера, промышляли о учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции, как на твердой земле, так и на островах Архипелага, а теперь, получа от вас ближайшие известия о действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты, и паче

еще утверждаемся в сем мнении; а потому, будучи совершенно надежны в вашей к нам верности, в способности вашей и в горячем искании быть отечеству полезным сыном и гражданином, охотно соизволяем мы по собственному вашему желанию поручить и вверить вам приготовление, распоряжение и руководство сего подвига».

Великая морская экспедиция в Архипелаг началась с прибытием в Средиземное море в 1770 году эскадр Спиридова и Эльфинстона. Именно эти флотоводцы первыми атаковали турецкие крепости и фрегаты, именно они да отважный Грейг, с кем главнокомандующий Орлов находился на одном корабле «Три иерарха», приняли Чесменское сражение. А следующей ночью в тесной бухте, куда укрылись турецкие корабли, офицеры добровольцы на брандерах, сознательно погибая во славу Российской державы, подожгли вражескую армаду. Одним ударом была выиграна война на море!

Столицу Турции охватил страх, когда русская эскадра продвинулась еще дальше на восток и блокировала Дарданеллы. Но, спустя несколько дней, никого не оповестив, точно жалея противника, командующий этой группой кораблей англичанин Эльфинстон отвел ее к острову Лемносу, давая, таким образом, возможность торговым судам пройти к Стамбулу. Орлов, разгневавшись, с позором отправил его в отставку!

Славная, богом дарованная победа при Чесме высоко вознесла Алексея Григорьевича. Сам он оставался в Архипелаге и, разумеется, не мог воочию видеть, как праздновали в Петербурге. А торжества охватили всю столицу! От Зимнего дворца до Петропавловской крепости были выстроены в парадной форме войска. Когда же в соборе запел хор «Вечную память», самодержица бросила плененный турецкий флаг к гробнице Петра

Великого, основателя отечественного флота, и низко поклонилась под барабанный бой. Эхом отозвались пушки и благовестный колокольный звон в церквях!

Не поскупилась Екатерина и на награды! В память о Чесменской битве распорядилась она отчеканить серебряные медали для всех ее участников, русских матросов и офицеров. А для Алексея Орлова, которому даровала вторую часть фамилии – Чесменский, что считалось наивысшим почетом для дворянина, повелела изготовить золотую медаль, с изображением героя в фас, в шлеме, украшенном перьями, с надписью вокруг портрета: «ГР. А. ГР. ОРЛОВ, ПОБЕДИТЕЛЬ И ИСТРЕБИТЕЛЬ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА». Пожаловала она его и шпагой с драгоценными камнями, и орденом Святого Георгия, и правом оставить при себе кейзер-флаг с разрешением вписать его в именной герб.

Но победа на море не решила всех проблем пребывания русских сил в Архипелаге. Отвечал Алексей Григорьевич не только за проведение военных операций. Для населения полуострова Морея и мелких островов требовалась всевозможная помощь. Нехватка пшеницы и ячменя, ввиду ограниченного ввоза их с материка, вызвала недовольство островитян. Греки, чьи родственники-купцы торговали в Стамбуле, боялись расправы, что поддерживают русских. Майноты, греки-горцы, обезумев от ненависти к туркам, безжалостно расправлялись не только с воинами, но и с женщинами и детьми. Защищать их пришлось русскому капитану Баркову. Не одобряли повстанцы и гуманное отношение Орлова к поверженному противнику, когда тысячи османских ратников в обмен на пленных или без всякой компенсации отпускались на свободу.

Невзирая ни на что, Екатерина поддерживала мнение Алексея Григорьевича держать корабли в Средин-

земноморье до заключения мира с Портой. Разумеется, пребывание флотилии (следом за первопроходцами свои эскадры сюда привели из Балтики Арф и Чичагов) накладно обходилось царской казне. Но возможность наносить туркам удары, не позволяющие восстанавливать флот, что подтвердили морские победы при Парнасе и Дамьетте, оправдывали любые расходы. Сверх того, в прошлом октябре, как раз в момент приезда Алексея Григорьевича в Петербург, из Кронштадта вышла пятая эскадра Грейга, чтобы участвовать в разорении Салоник и Смирны на сирийском побережье. До сих пор она была в пути, огибая Европу. А пребывающие здесь русские корабли громили гарнизоны турок, пиратствовали, препятствуя торговле европейцев с противником. И в этот шестой год войны экспедиция в Архипелаге не только отвлекала значительные силы противника, но и являлась важнейшим аргументом для султана в пользу заключения мира с Россией.

Относительное затишье на морском театре боевых действий позволило Алексею Григорьевичу обосноваться на итальянском побережье – в Ливорно и Пизе, где им были сняты дворцы. Через адъютантов и связных он неукоснительно контролировал ход кампании, следил за передвижением эскадр. Увенчанный лаврами, он оставался внимательным к офицерам и матросам, называя их героями. Но, обладая крутым нравом, не прощал тех, кто нарушал дисциплину или проявлял трусость. Все отмечали интуицию Орлова в подборе людей. Немало друзей у него было среди иностранцев, но самое сокровенное он доверял только соотечественникам. Имя его на флоте обрело священный ореол непобедимости!

Слава, впрочем, не вскружила Алексею Григорьевичу голову. Но шибко увлекся он всяческими богатыми излишествами, охотно приобретал картины, золотые

поделки и украшения. Сорил деньгами, одаривая любимых женщин. Обуяла его давняя страсть к покупке лошадей. Благо, теперь он весьма вольготно распоряжался казенными деньгами, нисколько не боясь вдали от родины внезапной казначейской проверки.

Замысел вывести свою породу лошадей возник у него еще до войны, когда привез в пожалованное императрицей село Остров не только арабов и чистокровных «английцев», но и выбранных по разрешению Екатерины жеребцов и маток из государственной конюшни. С пребыванием в Италии Алексей Григорьевич не оставил прежнего увлечения и при любой возможности переправлял в свое имение трофейных лошадей. Двух чистокровных арабов, подаренных турецким пашой в знак благодарности за то, что отпустил захваченную на галере дочь, Орлов окрестил Салтаном и Стариком и под охраной, тайком погнал в Подмоскowie...

После полудня распогодилось, и боль в суставах поунялась. Алексей Григорьевич, устав от сиденья за столом, решил пройтись. Он накинул на плечи суконный плед и, опираясь на подаренную императрицей трость, с вделанным в рукоять компасом, вышел из кабинета в залу с высокими окнами, ярко озаренными низкими лучами. Камердинер, ожидавший у двери, вытянулся по стойке смирно, тряхнув париком. Он был из матросов. Впрочем, все до одного во дворце слуги были русскими. Христинец, сосредоточенно читавший какой-то документ, заметил генерал-аншефа не сразу и вскочил, чеканя слова:

– Для вашего сиятельства из Вены прислана пара немецких лошадей диковинной породы. Огромные, как верблюды.

– От кого?

– От князя Голицына.

Орлов возмущенно прикрикнул:

– Какого лешего не доложил мне тотчас?!

– Вы давеча были нездоровы, ваше сиятельство.

Простите великодушно, но тревожить вас...

– Заруби себе на носу, друг любезный, – ничто так не улучшает моего здоровья, как лошади!

Позабыв про трость, Орлов враскачку спустился со второго этажа во двор. Пахло по-летнему дождем. Цветник сверкали искристой росой. От розария возле торцовой стены исходил аромат крупных пунцовых роз, над которыми с гудением сновали жуки. Христи-нек едва поспевал за генерал-аншефом, идущим на конюшенный двор.

Подаренных лошадей Алексей Григорьевич нашел в деннике уже выгулянными и жующими овес. С первого взгляда он понял, что это – тракены, легендарные рыцарские кони, на которых в еще крестonosцы вели баталии. Выносливые, рослые, умноглазые, они невольно вызывали восхищение!

– Провести по кругу! – приказал Орлов и посторонился, давая дорогу темногривым красавцам-великанам. Удивительно, но поступь у тракенов оказалась твердой и по-своему грациозной, благодаря необычайной силе бедер. Затем конюх оседлал одного из жеребцов и проверил все виды аллюра. Выяснилось, что даже при иноходи «немец» ровно держал спину, точно бы оберегая всадника.

Не утерпел и сам Алексей Григорьевич, с помощью адъютанта и плечистого конюшенного вскинул в седло свое десятипудовое тело, отчего жеребец пошатнулся. Но и при такой тяжести он уверенно взял рысь, мощно отталкиваясь подкованными копытами. Радостно взволнованный Орлов не слезал с жеребца полчаса, гонял по

двору. И вновь грузно ступив на землю, Алексей Григорьевич погладил красавца по шее и вдруг поцеловал:

– Уважил, братец, от хвори спас... Экий молодец! Здесь возить меня будешь, майн фройнд, а потом в Россию заберу. На завод! На племя будущее!

10

Эти три дня, озаренные Божественной благодатью и – навеки скрепленными печатью тайны! – Екатерина и Потемкин помнили до гробовой доски.

Решение повенчаться возникло у них почти одновременно. Но предложил всё-таки Григорий Александрович, твердо осознавший, что пред Богом они должны предстать вместе, пусть каждый в свой час. Брак, благословенный свыше, дается человек только единожды.

Но Екатерина раздумывала. Как всякой женщине, ей было приятно осознавать, что она избранница достойного мужчины и любима им так, что готов он доказать свое чувство пред алтарем. В серьезности его намерений связать их судьбы она ничуть не сомневалась. Но если это откроется Двору, станет известно, что самодержица стала венчаной женой своего генерал-адъютанта, разразится скандал неслыханный! Как могла она заключить открытый брачный союз с человеком из народа? Тогда бы во многом преобразилась государственная власть. В конце концов, она бы и на это решилась, но... Великий князь со своими сторонниками, безусловно, поднял бы свои знамена, и Панин наверняка бы поставил вопрос о передаче власти Павлу Петровичу, законному наследнику трона! Ибо в случае ее безвременной кончины царем мог стать, – а его характер и волю надо учитывать! – Потемкин. Церковный обряд, венчание не обязывает ни к чему иному, как бережному и любовному отношению друг к другу. Оно, пожалуй, сродни

обоюдной клятве перед Богом. Страсть же её не ведала границ, и она вольна совершать безумные поступки во имя своей и его любви...

Ждали удобного случая. Но придворная жизнь не оставляла ни единого часа свободным и скрытым от чужих глаз. Оба пришли к согласию обвенчаться на Троицу, ибо считалось издавна, что браки в этот праздник приносят счастье. Потемкин через родного племянника, поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Самойлова, заказал кольца.

До начала июня Екатерина находилась в Царском селе, отправившись туда после Пасхи. И дабы не вызывать подозрений, вернулась в столицу, в Летний дворец на Фонтанке, как раз накануне Троицына дня. Этот день, 8-ое июня, был удобен и тем, что совпадал с полковым праздником измайловцев, а стало быть, легче отвязаться от свиты. Духовник императрицы отец Иван Панфилов, ясноглазый и благочестивый мудрец, отнесся к августейшей просьбе с почтением.

Он, священник дворцового храма, и отслужил в этот добросиянный день Троицкую литургию, на которой в праздничной светлой одежде присутствовала императрица и первые сановники. Генерал-адъютант Потемкин все время находился рядом. Затем был торжественный прием, на котором государыня принимала поздравления и жаловала к руке придворных, генералитет и иностранных дипломатов. Потемкин часто переглядывался с Екатериной, выглядевшей сегодня особенно красивой и благонастроенной.

Из дворца они направились в Измайловский полк, на берег Невы. За огромным столом, накрытым на плацу, под открытым небом встретили ее, встав навытяжку, все офицеры лейб-гвардии Измайловского полка. Обед среди красавцев-мужчин, надевших великолепную парадную

форму, так занял государыню, так развеселил, что за- сиделась она до вечера. Но Григорий Александрович по отдельным репликам, обращенным к нему, отлично понимал, что всё идет по плану, и не стоит беспокоиться.

На лодочную прогулку в Екатерингоф императрица пригласила лишь избранных, попрощавшись с Потемкиным. А он, заехав в свою резиденцию, снова скрытно прибыл в Летний дворец. Там и дождался Екатерину, приплывшую около десяти вечера.

– Всё ли готово, сударушка? – спросила она, обнимая любимого в своих покоях. – Такая ночь, что я совершенно не чувствую усталости, хотя весь день на ногах. А какие чудные каналы! Не могу наглядеться на воду, отражающую небо и отсвет заката. До слез трогает... – и, увидев выражение его глаз, догадалась, что времени осталось в обрез. – Пора?

– Да, бесценный и божественный мой ангел, – промолвил Потемкин, поднося ее руку к губам. – Если Мария Саввишна здесь, можно отплывать.

Белая безмолвная ночь была полна призрачного блеска и неведомых отзвуков. Даже шум шагов по брусчатке показался Екатерине более громким, чем прежде. При Дворе было сообщено, что государыня отправляется на лодочную прогулку. Большая шестивесельная шлюпка, слегка покачиваясь, ждала у причала Летнего дворца. Племянник и адъютант Потемкина, поручик Самойлов помог забраться в нее императрице, камерюнгфере Перекусихиной, камергеру Евграфу Александровичу Черткову. Последним сел в шлюпку Григорий Александрович.

В узкие проемы между зданий открывалось небо, где мягко, точно в глубине камина, тлел июньский закат, придавая всему вокруг матовую золотистость. Серые камни стен, ограждающих речное русло, наоборот,

обрели рельефность. Когда под арками мостов попадали в тень, вода реки мгновенно менялась, становясь, точно ртуть, тяжелой и серебристой. Торжественность этого часа понимали все. Говорили изредка и вполголоса. Екатерина и Потемкин сидели рядом на скамье, не скрывая своих влюбленных взглядов.

Нева своим величием и радужным неоглядным многоводьем взволновала Екатерину, подавшуюся на плечо «милюши». Судов и лодок вокруг, несмотря на близость полночи, сновало множество.

– Не озяб ли, Евграф Александрович? – обратилась императрица к Черткову, вздрогнувшему от неожиданного вопроса.

– Никак нет, матушка государыня. Преображенцам сам черт не брат! – бодро откликнулся седоусый камергер и тайный советник, некогда принимавший участие в воцарении Екатерины.

Шлюпка наискось шла к устью Большой Невки, направляясь в отдаленный район Петербурга, и встречный ветер становился всё более прохладным. Мария Саввишна заботливо накинула на плечи Екатерины шерстяную шаль.

Церковь святого Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне, построенная по воле Петра в честь Полтавской победы, располагалась от берега Большой Невки неподалеку. Заранее выставленные здесь караулы устранили появление ненужных свидетелей.

На паперти жениха и невесту встретил Иван Панфилов. Он был в праздничном облачении, и вид имел благостный и смиренный. Понимая, что всё должно совершаться в полной тайне, священник сразу же вывел их на середину храма, под хоровое пение Давидова псалма. Певчих было немного, но голоса их дивной слаженностью бередили душу.

Екатерина в эти минуты, как заметил Потемкин, была несколько растерянной. Зажженная свеча в ее руке дрожала. Она точно ушла в себя, выполняя обряд, уже когда-то впервые совершенный. Дьякон вынес поднос с кольцами, и священник велел трижды поменяться ими, а затем собственноручно каждый должен был надеть кольцо на свой безымянный палец. Встали к аналою. Григорий Александрович, замирая от счастья, не сводил глаз с любимой, мысленно поддерживая её и успокаивая. И она временами, как девчонка, взглядывала на него и как бы спрашивала: правильно ли я это делаю?

Молитвы священника и голоса певчих не смолкали, несказанно волнуя и путая мысли, – и венчание казалось священным испытанием, ибо они вдвоем предстали пред Богом, отделенные незримой чертой от людей и мирской тщеты.

Священник три раза крестообразно осенил Потемкина золотым венцом и, дав поцеловать лик Спасителя, возгласил:

– Венчается раб Божий Григорий рабе Божией Екатерине во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Он почти не ощутил тяжесть старинного венца, опущенного ему на голову, следя, как духовник императрицы, блестя повлажневшими, полными отеческой любви глазами, осеняет ее венцом с ликом Богоматери и подносит для поцелуя.

– Венчается раба Божия Екатерина рабу Божьему Григорию во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Возлагаемый венец из рук батюшки перехватила Мария Саввишна и вознесла над головой госудырыни, с подобострастием глядя на нее. Необычайность происходящего хорошо понимала и она, некогда простая провинциальная дворяночка.

Священник соединил руки брачующихся и, прикрыв их епитрахилью, возложил сверху свою легкую жилистую длань. Начиналось под пение тропарей троекратное обхождение алтаря, – и Потемкин вдруг увидел на щеке Екатерины проблестнувшую слезинку. Он встревоженно попытался поймать ее взгляд, но она смотрела прямо и твердо. И что творилось в ее душе, понять было невозможно!

Духовник Екатерины приступил к чтению библии. Особенно ценимо им было это место из «Послания Коринфянам», читаемое всегда медленно, слегка распевно.

– Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...

После обряда принимая поздравления, они ощущали благодатное умиротворение. Глаза Екатерины были влажными от слез и казались еще крупней и прекрасней. От ожидания впереди дней, исполненных счастья, оба они почувствовали небывалую доселе близость. Потемкин, охваченный порывом благодарности за всё дарованное ему благо, готов был поднять Екатерину на руки! И она, улыбаясь и растроганная, шепнула ему нежно:

– Я люблю тебя, муж мой...

На следующий день самодержица не покидала свой дворец. После литургии, где присутствовали сын с не-

весткой, она принимала членов Святейшего Синода. Потемкин приехал лишь к торжественному обеду. И никто из присутствующих и помыслить не мог, что находится он во дворце и в новом качестве. Да и супруга его венчанная была, как прежде, царственна и строга.

Зато вечером они совершили лодочное путешествие на Крестовский остров, куда пригласил их в свой дворец Кирилл Разумовский. Веселье продолжилось прогулкой на дрогах по лесной местности, на редкость живописной и богатой пичугами. Екатерина очень любила пенью птиц, и настроение ее стало еще радостней. А Григорий Александрович, демонстрируя свое умение, искусно имитировал трели, перекликался с певуньями.

Возвращались они в Летний дворец снова в полночь. И опять призрачный свет белой ночи окутывал дали и простор Невы, и было на сердце мятежно, и верилось, что никогда не потуснеет их любовь...

11

Из рапорта генерал-поручика Ивана де Медема, командира русского корпуса, от 11 июня 1774 года.

«Турецкие войска под предводительством самого хана прибыли на реку Малку. К нему присоединились абазинцы, бесленейцы, темиргойцы, весь кубанский народ; и алтыкизеки, едичкулы, джембойлуки и едисаны рассеялись по степи и небольшими партиями подъезжали к самым стенам Моздока, не причиняя, однако, никакого вреда, по взятым предосторожностям.

Кабардинские владельцы Джанхот Татарханов и Девлет-Гирей Касаев, оказываясь верными России, просили неотступно майора Криднера выступить против неприятеля для защищения верных кабардинцев от крымского войска. Посему генерал-поручик де Медем,

составив отряд из 1356 человек, послал Криднера к редуту Бештамаку. По прибытии туда нашел он с 80-ю кабардинцами Девлет-Гирея Касаева, который прибыл нарочно, чтоб уведомить, что все пять владельцев Большой и Малой Кабарды и черный народ преклонились к турецкой стороне и дали присягу».

Весь Моздок был всполошен быстрым возвращением отряда Криднера. О вероломстве кабардинских владельцев узнал гарнизон. А появление среди русских офицеров статного и красивого Гирея Касаева вызвало к нему не только интерес, но и уважение жителей крепости.

Несмотря на предложения секунд-майора Криднера поселиться в офицерском доме, Касаев, являя солидарность, пожелал разместиться в казарме вместе со своими воинами.

Ремезов, прикрепленный к комендантской роте, познакомился с кабардинцем у себя на квартире. На Касаеве ладно сидела темная черкеска тонкого сукна, газыри по обе стороны груди были крупны и с серебряными головками. На поясе висела шашка с рукоятью, покрытой орнаментом, и украшенная чернью и костяными пластинками. Не менее богатыми выглядели ножны, обтянутые красным сафьяном, с серебряными обоймицами. С другой стороны к поясу был на шнурке подвешен пистолет и пороховая натруска в виде рожка.

Представленный Криднером казачий сотник кивнул и крепко пожал протянутую кабардинцем руку. Гирей, держась свободно и с достоинством, сел в кожаное креслице, поправив папаху. А кинжал в ножнах, подвешенных к наборному ремешку, привычно лег на колено, под правую руку. В облике горца было нечто располагающее.

– Чаю или вина? Может, послать за бузой? – дружески спросил Криднер.

– Благодарствую. Я сыт, – вежливо возразил гость. – По вашей милости я уже поел с воинами.

– Знаешь что, Гирей-эфенди, я напою тебя редким здесь, на Кавказе, напитком. Возможно, тебе понравится, – захопотал майор. – Ну-ка, завари нам кофию, Шлыков!

Адъютант отправился к повару, а Криднер, закулив трубочку, посетовал:

– Не полагал, что владельцы переметнутся к туркам. Давеча они были пожалованы грамотами императрицы. Отменены для них пошлины на торговлю, выданы немалые деньги... Пристав Таганов со многими встречался.. И вот вам фортель! Привел хан свое войско, и о клятвах позабыли.

– Нет хана с османами. Девлет-Гирей сейчас в отъезде, – возразил гость, взглянув на хозяина. – Калга Шабаз-Гирей командует. Велика сила! Десять тысяч воинов. А нас, малокабардинцев, горстка. Да и корпус ваш не сравнить с татарским войском. Но меня не испугают!

Презрительная улыбка мелькнула на поросшем темной щетиной лице владельца.

– Мы долго терпели притеснения Большой Кабарды! Они захватывали наши земли, угоняли скот и рабов. Когда же русский пристав собрал нас, чтобы устроить мир, многие уверяли о расположении к России. А тайно вели переговоры с татарами! Царица Екатерина разрешила Коргоке Татарханову писаться князем, дала ему чин капитана, а сейчас он командует кабардинским войском и пришел сжечь Моздок! Это не по мне... Я не хочу, чтобы душа моя неверной была! Мужчина должен оставаться джигитом. Делать только то, что сказал. Шакалов надо убивать!

– У тебя – боевое настроение, – заметил Криднер. – Я слышал, ты умеешь хорошо петь?

Гирей с недоумением глянул на хозяина.

– Не пристало мне, из рода Касаевых, петь или плясать, как уличные кривляки. Кабардинец поет лишь тогда, когда сам хочет. Будто птица! Этому меня еще в детстве научил аталык Исса, уздень моего отца.

– Аталык? – заинтересовался Криднер. – Это вроде дядьки?

– Так, так... У нас, когда сын рождается, его забирают у матери и отдают на воспитание достойному человеку, будь он даже слуга! Аталык находит младенцу ту, которая кормит его грудным молоком... Кормилицу! – воскликнул владетель, найдя нужное слово. – Мальчик не должен знать женской заботы и баловства. Он приучается к голоду, закаляется в горных реках, поднимается, как архар, на крутые скалы и может перейти пропасть по жерди. Так воспитывал меня Исса, отцовский родственник. Он брал меня с собой на охоту, привязывая к седлу, чтобы я по малолетству не свалился с коня. Помню, как впервые стрелой подбил голубя! Затем он научил меня заряжать ружье, стрелять, владеть саблей.

Как-то повез меня аталык ночью за Баксан. Мы выследили стадо коров и, связав пастуха, пригнали в родовое селение. Но в следующий раз добыча ускользнула, – охранники обнаружили нас и открыли огонь из пищалей, бросились в погоню. Аталык научил меня, что главное для мужчины – смелость... Я привел отряд, чтобы сражаться с врагами, как завещал Исса, без страха и жалости.

– Сражаться можно, когда неприятель перед взором. А ежели исподтишка? – вспомнив о чем-то, помрачнел майор. – От Таганова был донос, что бывший гребенской атаман Иванов якобы переписку держал с сераскиром кубанским Казы-Гиреем и некрасовскими казаками о преклонении гребенцов Порте. Отряд гребенских ка-

заков служит при почтовой гоньбе исправно. И новость сия у меня вызвала противоречие. С милостью Божьей удалось следствием установить, что на гребенцов возведена клевета.

– Я сегодня видался со своими земляками, – вступил в разговор Ремезов. – Они переселены с семьями и определены канонирами. Дух у донцов крепок. Не в первый раз, чай, в турок палить!

Кофий, поданный унтер-офицером, вовсе не понравился Касаеву. Только из вежливости он пригубил чашку. И Леонтий не допил до чрезвычайности горький напиток, от которого застучало сердце. Криднер, напротив, охотно одолел две чашки и, выколов из трубки пепел, предложил:

– А не разбить ли нам колоду?

– Я не играю в карты, – отказался гость и встал. – Благодарю. Трое моих воинов вызвались в разведку. И, вероятно, уже возвратились.

– Пожалуй, и я прогуляюсь, – отозвался майор. – Надо проверить посты.

Леонтий, не раздумывая, присоединился к ним.

Городок был разбит на образец немецкой крепости поквартально. Улицы, неширокие, прямые, упрощали поиски военного или гражданского учреждения. По дороге к надворотному реду, охраняемому с особым тщанием, минули деревянную церковку, набитую народом. Заканчивалась вечерняя служба. Криднер и Ремезов, сняв шапки, перекрестились. Кабардинец с удивлением смотрел на паперть, где стояли его соплеменники и осетины, из новокрещенных, недавно переселившиеся в крепость.

На плацу, переговариваясь, собирались казаки. Преимущественно, это были жители станиц по Тереку. В длинную вереницу строились запряженные повозки

и армейские фуры. Вдоль места сбора сновали урядники, давая команды.

– Куда собрались? – спросил Ремезов у одного из них.

– Да в Наур-городок выступаем с утра. Оборону держать...

Постовые сообщили, что кабардинские разведчики пока еще не объявлялись. Касаев встревожился. И, простившись с офицерами, заторопился в казарму к своим подчиненным.

Перед самым рассветом к Ремезову прибежал рассыльный Савельева и передал приказ полковника: срочно выступать со своими казаками в составе походной колонны на Терек.

– Катавасия такая... – добавил сонный казак. – Всю ночь на ногах. Еще луна не всходила, примчался наш лазутчик кабардинец. Из троих только уцелел! Сказывал, сила татарская на Моздок надвигается!

12

Как значилось в приказе командира Моздокского казачьего полка Савельева, жители пяти новых селений на Терекке собрались в Наур-городке, наибольшем из них.

Люду скопилось тьма. Подавляющее большинство составляли переселенцы – волжские казаки с семьями да две сотни донцов. Вынужденно прибывшие находили приют у сродственников. Благо, можно летом и спать на дворе, и трапезничать, и глаголы вести.

Троицын день выпал в этом году на начало июня, а в садах уже созрел белый налив – расчудесное яблоко! И в полный рост поднялись, выбросив колос, ячмень и жито. В ближних аулах спеющие черешни густо обсыпали ветки. Даже кульга (дикий мелкий абрикос) воцанилась своими плодами, обретавшими с каждым днем

солнечный накал. А какие травы вымахнули! Множество дивных цветов, – то с причудливыми лепестками, то с метелками, то похожие на низки дорогих камней, – радовало казачьи души!

Но всего нежней и волнующей – это медвянь богородицкой травы, которую в казачьих краях называют по-разному: чабрец, тимьян, чобор. Именно ею в Троицу украшают церкви, устилают полы куреней и хат. И добрый упоительный дух этой травы, очищая души, пропитывает стены, шерстяную одежду, ковры и подушки. А пучки чабреца, как водится, кладут на божницу, где хранится евангелие. Это, по приметам, отваживает от дома нечистую силу и грешников...

Светел праздник Троицы! Но на этот раз с особым усердием молились жители казачьих станиц, – смертельная опасность, как черная гроза, подступала все ближе. И казаки, и бабы, и детишки малые взывали к Господу с просьбами о спасении от заморских супостатов. Никто их сюда не звал! Никто из станичников и предположить не мог, что за тыщу верст явятся завоеватели, подручные крымского хана. Но коль беда пришла, – всем миром надо противостоять ей. Неволья хуже смерти. Так испокон веку повелось у казаков!

Полковник Савельев не спал вторые сутки, руководя строительством оборонительных укреплений. С косогоров, неподалеку от Наурской, напрочь исчезли терновники. Казаки рубили колючий кустарник под корень и перевозили его на телегах к возводимому земляному валу. Под ним шел глубокий ров с рогатинами. Кроме этого со стороны степи, откуда было выгодно атаковать коннице неприятеля, соорудили из камней и плетня крепостной редут, подкрепив его четырьмя пушками.

Сотник Ремезов и двое его казаков были назначены в первую полосу обороны. Семь потов сошло с Леон-

тия, прежде чем сложили каменные бойницы на гребне редута. Не меньше устал Петро Шаганов, парень не из хилых, а Плёткин лишь улыбался да побрякивал. Он подстриг бородку и усы, – и как будто помолодел! Статен, смуглолиц. Бабенки заприметили бравого донца и стали задевать шуточками. На возведении редута они работали наравне с казаками: копали ров, таскали камни, пучки лоз. Урядники, однако, не потакали пустословью.

Наконец одна из пышногрудых казачек не выдержала начальственного гнета и едко огрызнулась:

– Ты урядничек, шибко не ори-то! Сам хмурной, и нас тоской изводишь Али женка ночью отбоярила?

Кругом засмеялись. Урядник, попавший бабе на язычок, неказистый, толстогубый, – истинный волжанин, покосился через плечо.

– Это ты там, Елисеевна, такая бойкая? Роби, роби! Веселиться будем, когда отгоним татар...

Ремезов, замечая, что бабий ропот нарастает, услал горе-командира копать ров. И дело, как ни странно, заспорилось. От разгоряченных тел крепче исходил запах мускуса и пота, бабы раскраснелись и, осмелев, не стыдились откровенных взглядов казаков.

Вечером Савельев разрешил отлучиться женщинам, направляющимся в церковь. А по случаю Духова дня позволил и праздновать.

С темнотой пикеты вокруг Наур-городка были усилены. На терском левобережье конная разведка обнаружила кабардинских лазутчиков и, навязав скоротечный бой, отогнала от станицы. Но основные силы крымчаков по-прежнему таились невесть где.

Столпотворение в станице придало празднованию Духова дня особую шумливость. Девушками и молодежками водились хороводы. Казаки обсуждали предстоящую баталию. Старики сидели возле хат и на цер-

ковной паперти, вспоминали прежние походы. Впрочем, седобородых было немного, – лишь те, кто пожелал переселиться вместе с сыновьями. А замужние казачки, на людях блюдя мужнину честь, держались в сторонке. Ремезов в одиночестве бродил среди празднующих, с интересом слушая споры казаков, обрывки бесед.

В неподвижном воздухе далеко разносились песни. Донимали комары, язвительно зудя над головой. Леонтий старался держаться близ костров, но и там хватало ненасытного комарья, не боявшегося дыма. Оставалось одно спасение – плясать под хлопки да пение!

Неожиданно Леонтия схватила за руку красивая молодая девушка, одетая по-вожжски, – в поневу, с орнаментом на подоле, и каврак. На голове ее красовался венок из цветов. Она повлекла сотника в круг казаков и баб и, несмотря на запрет пить вино, поднесла ему кандейку.

– С праздничком! – произнесла она, улыбаясь. – Как Царица дня, велю пить до дна! Поцелуй за мной, кто не пьет – долой!

Все были навеселе. Леонтий, собравшись с духом, осушил всю большую кружку. Молодка, приняв посудину обратно, поцеловала гостя в губы. Леонтий растерянно замер. Потом, вспомнив обычай на троицких святках, отвесил «царице праздника» поклон.

Запели позади по древней традиции:

Грушица, грушица моя,

Грушица зеленая моя;

Под грушею девица стоит,

Печальные речи говорит:

Нынче, нынче-то худые времена.

Сушат жен хорошие мужья,

А девушек дальние друзья...

И последние слова песни заставили его вспомнить о Мерджан. Ни весточки не было из дома. Да и как получишь? Почтовой гоньбой Моздок соединился только с Кизляром да Астраханью. А его полк находился на Кубани. Ремезов до сего дня надеялся покинуть крепость и вернуться в свое войско. Теперь же, когда к Тереку придвинулись крымчаки с кабардинцами, выступить маленькой группой в открытую степь стало крайне опасно. Смущенный поцелуем казачки, он явственно представил Мерджан. Было что-то в любимой необъяснимое, заставляющее от счастья терять голову. Красота, улыбка и мягкий голос, в котором чувствовалась особая доброжелательность, делали ее такой...

Гульбище завершилось к полуночи.

Из-за смутного горного кряжа поднялась ущербная луна. Ее красноватый щит, похожий на те, что были в руках татарских воинов, раскалился, стал шафранным, с золотистым ободком. Лунный восход встревожил Лентия. «Молчит луна. И что означает ее молчание? – размышлял он. – Сияет она, неведомая, с сотворения мира. И как будто есть в ее свете и молчании – особая тайна. Вот и сейчас как-то не по себе! Может, она – от нечистой силы? Или прикинувшаяся ведьма?»

Из-за Терека доносил ветерок свежесть цветущих лугов и распутившихся кистей акации, запах мокрого песка. На валу отрывисто перекликались постовые.

По дороге к уличному биваку Ремезов свернул к редуту, освещенному луной и несколькими свечами. К удивлению, он узнал двух атаманов станиц и Савельева. Командиры в сопровождении казаков проверяли сохранность артиллерийских запасов.

– Ящик номер девять! – по уставу четко доложил молодой казак, присветив свечой. – Здесь картечь!

– Открывай, – торопил Савельев.

Следом полковник осмотрел свинцовую сечку, наполненность армейской тары. Затем прошел дальше, дав писарю время записать. У стены стояли глубокие канонирские повозки. Савельев стал считать ядра вслух. Леонтий понял, что угроза нападения, в самом деле, велика. Неужели придется испытать то же, что и на Калалы?

13

Татарский стан раскинулся вдоль берега Малки. Как никогда прежде, войско Шабаз-Гирея было разноплеменным. Добровольно в него вливались всё новые отряды и отрядики окрестных гор и земель. Вопреки заверениям о нейтралитете, сторону крымчаков приняло немало ногайских мурз. Вместе с ними переметнулись к калге темиргойцы, бесленейцы и алтыкизеки. Но главным пополнением армии была кабардинская конница, отлично вооруженная и неудержимая.

На совете у Шабаз-Гирея в тот день, когда отмечали православные Троицу, присутствовали командиры сводных подразделений, включая и сотню некрасовских казаков. Их есаул, Захар Агафонов, молча слушал обсуждение плана нападения на Моздок. Кабардинцы во главе с Кургокой Татархановым требовали немедленно начать приступ на крепость! И сам вероломный владетель, и авторитетный Баматов, и Хамурза Асланбеков приводили доводы о необходимости разорения Моздока.

– С появлением этого гнезда шайтана в Кабарде не стало покоя! – твердил Татарханов, жестикулируя и по привычке поддергивая рукава черкески, расшитые позолотой. – Это наша земля, наши уголья и наш народ! А его разбивают русские, обращают в свою веру, подкупают деньгами. Рабы выходят из повиновения. Осе-

тины и ингуши все чаще захватывают наши пастбища, а на их защиту выступают гяуры! Не мы пришли к ним, а русские появились здесь и хотят подчинить себе! Я бывал в их столице. Меня пытались купить! Но сердце, принадлежащее Аллаху и родине, не продается. Мы – подданные крымского хана.

– Я поддерживаю слова уважаемого владельца! – заявил Касай Атажукин. – В покровительстве у России находились калмыки. А теперь они бежали в Китай, потому что подверглись притеснениям. Калмыки знали, куда бежать. А нам? В горы уходить? Мы должны остановить русских на Тереке!

Шабаз-Гирей, полный, приземистый, с заостренной бородкой, точно брал на прицел выступающего своими цепкими зелеными глазами и внимательно выслушивал, не торопясь с ответом.

Несколько командиров, в том числе черкесы и кумыкский салтан, высказались за первоначальное разорение казачьих станиц, с тем, чтобы у осажденных в крепости не появилось подкрепление.

– Эти казацкие селения сами сдадутся! – возразил Татарханов. – Когда мы обложим крепость, русские запросят пощады. Вспомните, год назад мы собрали двадцать пять тысяч воинов, чтобы разбить корпус Медема. Но этого не сделали по малодушию, потому что генерал-майор вернул нам пленных. На этот раз отступить нельзя!

Совет затянулся до вечера. И оставалось последнее слово за главнокомандующим, крымским калгой. Но Шабаз-Гирей не спешил с выводом, тщательно обдумывал сказанное другими.

Травянистая лесная поляна, на которой полукругом сидели военачальники, прежде освещенная солнцем, покрылась синей тенью. Пахло из ельника хвойной

свежестью. Разноголосо и весело разливались на закате птицы.

Калга молчал, наблюдая за тем, как мягко и покойно покидал землю этот день, и начиналось таинство прихода ночи...

– Властью, наделенной крымским ханом Девлет-Гиреем, повелеваю! – произнес он, подняв голову. – Ранним утром выступать походным порядком к Моздоку. И стать на виду у русских, чтобы показать нашу силу и навести на них страх. А затем меньшей части держаться у крепости, пока большая часть не истребит казачьи селения. А после этого, соединяясь, мы начнем штурм или затяжную осаду!

Решение калги всех устроило. Мурзы, владетели, уздени разошлись, воодушевленные и повеселевшие. Война с неверными, о которой уже два года помышляли в Кабарде, начиналась завтра...

После намаза и ужина со своими приближенными калга уединился в шатре и приказал привести пленников, чтобы решить их судьбу. Вначале, когда доложили о пленении узденя и русского унтер-офицера, он хотел было казнить их тотчас. Смолоду отличался Шабаз-Гирей замкнутостью, потому постоянно как бы отгеснялся на вторые роли. Но теперь он находил странное удовлетворение в том, что мог лишать человека жизни или миловать. В последние дни ему не давала покоя мятежная мысль: а что если себя объявить ханом, а Девлета устранить? Да, он достойней Девлета. Уже полгода в седле и не выпускает из рук оружие. Именно он командует войском, а не Девлет!

Разбирал сон, и усталость тяготила спину, когда ввели русского. Унтер-офицер, очевидно, выходец из солдат, запомнился большими щетинистыми усами и сутулой фигурой. Понурый как будто вид оказал-

ся обманчивым, – на калгу он устремил свирепый взгляд!

– Где служишь? Как зовут? – через переводчика задал вопросы Шабаз-Гирей. – Сколько воинов в крепости?

– Я с тобой, басурманин, гуторить не стану, – задыхаясь от гнева, проговорил пленный. – Я матушке царице присягнул... И помру, как честь армейская велит! А тебя и османов не токмо разобьем, но и Крым завоюем... Русского солдата не утратить...

Шабаз-Гирей раздраженно махнул рукой, давая знак увести и казнить.

Следом дюжий охранник втолкнул кабардинца в окровавленную черкеску, еще молодого человека, обритого наголо, с побледневшим красивым лицом. Он остановился, глядя не на калгу, а в сторону. Слабость от кровопотери покачивала его, но парень держался из последних сил, стоя с поднятой головой.

– Говорят, ты зарубил троих моих воинов? – сдержанно промолвил Шабаз-Гирей, ожидая услышать подтверждение.

Пленник даже бровью не повел.

– Ты магометанин? – повысил калга голос. – Или новокрещенный?

– Нет, я веры моих предков. Другая религия мне не нужна, – твердо произнес пленный. – Мой народ охраняет Горный дух!

– Значит, ты язычник? – с небрежением переспросил Шабаз-Гирей. – Многие кабардинцы приняли ислам. И никто из них не вразумил тебя?

– Я не изменил вере! – повторил раненый, пошатнувшись.

– Пусть так. Оставайся язычником. Но как ты посмел, неразумный, выступить с оружием против соседей и против меня, крымского калги?

– Я защищаю свою землю. Мой род притесняли владельцы Большой Кабарды... А русские дали свободу.

– Гяуры не могут дать свободы, глупец! – выкрикнул, встав на ноги калга. – Только мы несем ее Кавказу!

– Вы явились убивать... – возразил парень. – А нам нужен мир!

– Тебе уже ничто не понадобится! – ожесточился Шабаз-Гирей, гневно глядя на кабардинца. – Через минуту с твоих плеч слетит голова! А ведь ты, смельчак, только начал жить!

Пленник усмехнулся и посмотрел пристальным глубоким взглядом, от которого даже у свирепого воина дрогнуло в груди.

– Да, ты – храбрый воин, – вдруг скороговоркой произнес Шабаз-Гирей. – Мы, Гирей, всегда уважали врагов. Я даю тебе возможность искупить вину. Я готов помиловать тебя, если в дальнейшем ты согласишься воевать с нами против неверных!

– Ты – безумец, калга, – дерзко бросил кабардинец, открывая в улыбке ровную подковку молодых зубов. – Ты не понимаешь нас. Мы не можем воровать у самих себя честь!

Спустя полчаса к Шабаз-Гирею привели из походного гарема наложницу. Но он отверг ее, рассердившись, что недостаточно умащена снадобьями и, к тому же, явилась с кислым лицом. Слуги ждали последующих приказов, но калга молчал. Его выбило из привычно властного состояния непокорное поведение кабардинца...

Днем 10-го июня десятитысячная армия Шабаз-Гирея подступила к Моздоку. С крепостного редута было хорошо видно гарцующих всадников, пехоту, лучников. Впереди выступали кабардинские владельцы, все более

подаваясь азарту. Они неостановимо двигались к главным воротам крепости, точно забыв о приказе калги!

Слаженный залп пушек с крепостных бойниц отпугнул передние ряды атакующих. Конница повернула вспять и присоединилась к отрядам, обходящим городок стороной. Шабаз-Гирей, оценив положение, не стал рисковать и первоначальный план изменил: всю боевую мощь своего войска бросил на станицы!

Стремительный поток татарской армии растекся на рукава. Ее отряды атаковали станицы Мекенскую, Галюгаевскую, Ищерскую, Калиновскую и Наурскую. К удивлению крымчаков и их союзников, в четырех из этих станиц не оказалось ни души. Озлобленные неудачей и хитростью казаков, мстя им за это, правоверные предали казачьи жилища огню. Пламя пожарищ подняло в небо черное облако пепла, видное за десятки верст.

И только отряд крымчаков, посланный к Наурской, не выполнил приказа калги. Встреченный залпом четырех пушек, он отступил. И гонец донес Шабаз-Гирею, что множество казачьего люда собралось в Наургородке. Калга, обрадованный тем, что можно разбить казаков одним ударом, дал команду всем командирам прибыть для подготовки к осаде.

14

Мерджан очнулась на вторые сутки. Открыла встревоженные глаза и шепотом попросила водицы. Дежурившая у постели Марфуша, помня наказ станичной знахарки, напоила ее свяченой водой из ложки. Больная едва шевелила бескровными сухими губами, с трудом делала глоточки. Потом приподняла голову и огляделась.

– Биз тюневин мусафирликке бардыкъ? – спросила Мерджан, смежая свои длинные темные ресницы. – Эбет?

– Я же не понимаю по-вашему, – с улыбкой напомнила девушка, ободренная, что к пострадавшей наконец-то вернулось сознание. – Что ты хочешь, голубушка?

– Мы вчера в гостях были? Да? – повторила Мерджан по-русски. – Голова так болит... Ничего не помню.

– Какие там гости, миленькая! – всплеснула Марфуша руками. – Аль запомнятовала, как разбилась на крутояре? С лошади слетела?

– С лошади? Алаша?⁵⁰

– Да, с нашей гнедой! – подтвердила девушка. – Так расшиблась с кручи, что думали – душу богу отдала. Я к тебе первая кинулась, перепужалась невозможно! Подбегаю, а ты на кусте краснотала зависла, рученьки разбросала и не дышаешь. Я кричать! Мамка прибегла. Опошла на телеге привезли. Дохтура батюшка зазывал, он толечко поглядел да за руку потрогал. Плохое гутарил. А маманя знахарку Варвару пригласила. Она над тобой наговор прочитала, и ты, вишь, ожила, лагушка.

– Я еще посплю... – тихо промолвила Мерджан.

И Марфуша на цыпочках выпорхнула из куреня, припустила к Дону, чтоб сообщить матери долгожданную новость.

А Устинья Филимоновна спозаранку отправилась к донскому затону стирать мужнин мундир. Оправдалась поговорка: пришла беда – отворяй ворота. Мало того, что до беспамятства повредилась будущая невестка, получил Илья Денисович атаманский приказ срочно выступать с полком служилых казаков на войну со злодеем Пугачевым. Пришло такое распоряжение от самой императрицы, и Сулин без промедления стал сбивать полк из абы кого, поскольку все пригодные к службе донцы с весны были рекрутированы в Польшу, на Дунай и Кубань. Оставались еще старики и малолетки. Перепись

---

⁵⁰Алаша (татар.) – лошадь.

юношей, достигших девятнадцати лет, сборы их вблизи Черкаска завершились неделю назад. И хотя атаман обязан был их отпустить на два года, прежде чем подойдет призывной возраст, пришлось выкликать добротных. И на зов Сулина откликнулось немало ухарей! Однако не обошлось и без служилых...

– Мамулечка, мамулечка! Прочунела Мерджанка, токмо что толковала с ней, – выпалила Марфуша, забегаая на широкую дощатую кладку для стирки белья. – Давай я выполощу. Мне сподручней...

– Слава тебе господи! – встав с колен, отряхнув мокрую руку, перекрестилась мать. – Оклемалася? И чтой-то?

– Воды испила и опять почивает. Память у бедненькой отшибло. Про гости какие-то бредила...

– Ну, бери бабью одежду, она выстиранная. Да бегом обратно. Не ровен час, попросит чего, а никого нет... Форму я сама принесу, нехай трошки на ветру протряхнет.

– Давай и мундир в мешок! – предложила крепко-рукая Марфуша.

– Кому я гутарила! – оборвала мать. – Бери и ступай.

Спровадив дочку, Устинья Филимоновна села на край кладки и, подоткнув подол, опустила ноги в прозрачную речную воду, теплую, по-июньски ласковую. Мимо по ясной, слегка изрыбленной поверхности сновали на крючкастых лапках жуки-плавунцы, серебристо промелькивала рыба мелкота, прячась за султанистые, колеблемые течением водоросли. Поодаль, у зеленой стенки камыша, вскидывались рыбины, оставляя широкие круги. И прямо перед взором, кренясь в полете, стремглав проносились голубокрылые стрекозы. Вода приятно обтекала, точно гладила, ступни, и печаль,

охватившая душу, исподволь посветлела, навела на воспоминания.

Юной красавицей была Устиньюшка, кровная черкасская казачка, когда в дом ее родителей заявился сват, направленный славной семьей Ремезовых. Приглянулась она герою-казаку и его жене, и решили они взять девицу в свой курень. Сын же их, Илья, невесту не видывал, как и она будущего жениха. За них вели переговоры родители! Сват мотался туда-сюда, выяснил, какое будет приданое, и что пожалуют в ответ родители жениха.

Наконец, договорились.

В назначенный день сват, бойкий пучеглазый казачок, явился с поездом. Он вошел в курень, поднес отцу и матери Устиньи хлеб-соль. Затем попросил отца дать ему руку. Батюшка, перекрестившись, произнес: «Дай Бог в добрый час!» – и, обернув полою чекменя ладонь, подал ее свату. Матушка, отбив три поклона перед образами, сделала то же самое. В курень пригласили Илюшу с товарищами. В ту минуту она и увидела будущего супруга в первый раз! Был он высок и тонок в поясе, по-юношески румян и широкоплеч, смешно подстрижен под «горшок». Очень пригож был собой Илья, и сердце девичье счастливо замерло!

Жених поклонился родителям в ноги. Тетка вывела Устинью за руку и под пение девушек, под старинное причитание: «Ой, заюшка, заюшка; ой заюшка, горно-стай молодой», – поставила подле парня с левой стороны. Сват соединил их руки! Они в первый раз близко заглянули друг другу в глаза! И оба смущенно покраснели. Но сват, бывалый человек, с шутками да прибаутками заставил молодых обносить присутствующих винцом. А напоследок дал выпить из одной чарки и повелел поцеловаться. Этот первый поцелуй означал любовь, позволенную родителями...

А недели через две позыватые, бойкие родственницы с обеих сторон, оповестили о дне рукобитья. На этот раз Илья приехал с родителями и близкой родней. Его, жениха, поставили посередине горницы. Устиньюшку снова подвела тетка с левой стороны от жениха. Родители молодых, по обычаю соединив их руки, поочередно воскликнули: «Дочь! Вот тебе жених, а тебе, мой сын, невеста, да благословит Господь Бог союз ваш». И жених с невестой опять обносили вином гостей, поздравляющих друг друга с новой родней, и сват заставил молодых поцеловаться. Второй поцелуй связывал их навеки!

А потом праздновали, как водится, девичник и за два дня до свадьбы – «подушки». Родственники и гости невесты, разобрав приданое по рукам, отнесли одеяла, ларчики, зеркала и прочую мелочь в курень Ремезовых, распевая на улице:

*Месяц дорожку просветил,
Братец сестрицу проводил:
Будь здорова как вода,
А богата как земля...*

Кровать с прибором в этот вечер установили в спальне. А гости веселились в зале и, потчеваемые служанками, вслед за женихом и невестой садились на кровать и, бросив на поднос деньги, целовались сколько угодно.

Перед выданьем Устинья, как положено, постилась. А накануне свадьбы ходила с отцом на кладбище, коленапреклоненно призывала усопших предков благословить на новое поприще жизни, клялась соблюдать в чистоте данный ею обет и просила благословения, предстательства у престола небесного Отца...

Громкая песня иволги, опустившейся на береговой осокорь, оторвала Устинью Филимоновну от воспоми-

наний. Она, вздохнув, глянула на куст верболозника, на котором развешены мундир, шаровары и рубахи мужа. Одежда утратила сырую темноту, подсыхала. Исподволь подумала, что вот такой же куст лозы красноталовой спас жиличку от гибели. Натерпелись страха за эти два дня и она, и дочка, и супруг! Всем Мерджан пришлось по сердцу. А главное, что Леонтьюшка любит...

Помнилось утро свадьбы, как наряжали ее подруги, то и дело выглядывая в окно. Погода стояла морозная, снег лежал по колено. И кавалькада жениха легко добралась к дому невесты! И сам Илья, и его товарищи принарядились в праздничные чекмени, явились с кинжалами на поясах. Поезжаные прибыли чуть не вовремя, слыша, как по обряду причитают на все лады бабы в доме невесты, провожая ее из родного дома.

Не обращая внимания на крики, Илья в сопровождении священника и благославленной иконы прошел к божнице и, помолившись, обратился к невесте, сидевшей тут же, под образами, рядом с маленьким братом, у которого в руке была шелковая плеть.

Дружко, рослый и расторопный двоюродник⁵¹, стал казачонка со стула сталкивать, а тот в ответ – хлестать гостя плетью. Впрочем, торг между ними был скоротечен: продал сорванец свою сестру за ярославскую сви-стульку. А Устинье и самой хотелось, чтобы красавец жених поскорей сел с ней рядышком! И когда стул был выкуплен, и взял Илья в руки казачью плеть, как знак власти над женой, бабы заголосили:

*Татарин, братец татарин,
Продад сестрицу за талер...*

И снова подняли прощальные причитания, от которых леденело ее сердце и выступали слезы...

---

⁵¹Двоюродник (донск.) – двоюродный брат.

Молодых вывели на улицу и посадили в сани, а напротив примостился священник с крестом в руке и дружка. В родном курене остались отец с матерью и подруги. Только посажёные родители да сват со свахой сопровождали молодых к церкви на передних разлетаиках.

Запомнилось Устинье Филимоновне, как на паперти сняла сваха с неё шапку и, распустив девичью косу, расчесала надвое. А по завершении венчания, тут же, на паперти, убрала ей голову по-женски: заплела две косы и надела повойник. И только теперь ее, венчанную супругу свою, имел право Илья везти в родительский курень!

На пороге встретили свекор со свекровью, подняли поднос с хлебом-солью, пропуская молодых в горницу. «Князя с княгинею», Илью и Устинью, осыпали пшеничным зерном, орехами, деньгами и пряниками, чтобы обрели богатство да счастье!

Однако тут и приблизилось самое неприятное. Шумное застолье закипело, и на молодую жену со всех сторон устремлены были любопытные взгляды. Она стыдливо отводила глаза, дрожала от страха и ожидания постыдной обязанности, после первого блюда, поданного на стол, идти в спальню...

Через полчаса разбитная сваха выскочила к опьяневшей жениховой родне с простынёю, на которой остались пятна крови – доказательство непорочности невесты. Свадьба раздалась с новым размахом. Дружка и сваха помчались к родителям молодой с радостной вестью и, одаренные отрезами материи, которые крестообразно повязали на плечи, вернулись с ними в ремезовский курень. По обычаю новых родственников приветствовали песнями, и все гости выпили за здоровье родителей, воспитавших честную дочь...

Как это было давно! Пролетело больше четверти века... И почти половину времени провела Устинья Фи-

лимоновна без мужа, – вначале казака, а затем урядника казачьего полка. В курене свекрови жила, растила детишек. Свекор погиб на шведской войне. Муж – в дальней стороне. Все хлопоты по дому и хозяйству лежали на ее плечах.

Не стало родителей и свекрови – сынок да Марфуша подросли. Оба трудолюбивые и уважительные. С дальней неметчины возвратился Илья урядником, с денежным запасом и кое-какой добычей. Привез ей украшения: перстни золотые с аметистом и рубином, ожерелье жемчужное. Среди казачек именно жемчуг ценился больше всего. И на Устинью, наряжавшуюся на праздники, многие взирали с завистью, – чистая богачка!

Минуло ей сорок годков, минул век бабий. И замышляла она выгодно женить Леонтия на Малашке, старшинской дочери. И сродниться со станичной «верхушкой». Надеялась при старости покохаться, ничего не делать за невесткой и служанками да внуков поднимать. А судьба иное подсунула. И приходилось мириться с тем, что вряд ли сыграют сыновью свадьбу по тем, старинным обычаям...

В день отъезда Илья Денисович поднялся чуть свет и задал гнедой кошенины. После напоил ее и стал седлать. Во двор вышла Устинья Филимоновна, негромко спросила:

– Пора укладывать белье?

– Можно. Зараз подпругу подтяну...

Печальная хозяйка вынесла выстиранные запасные шаровары и рубахи, вязанные ноговицы и ичиги. Уложив одежду в седельную подушку, принялась наполнять обе переметные сумы харчем. Урядник никогда не приередничал, но требовал непременно три любимых и нужных в походах кушанья: толчь, приготовленную из

сухарей и сушеной рыбы, буженину – твердое, сушеное на солнце баранье или козлиное мясо, и сек из пшена, татарскую еду, вроде запеченной пышки.

Оружие было приготовлено с вечера: добытая на войне с немцами, настоящая австрийская шашка гурда, с клеймом «Генуя» и зубчатыми линиями по бокам, два пистолета – кавказский и немецкий, черкесское ружье с костяной ложей и новехонья пика с зазубренным на конце жалом. В тороках хранились рога с порохом и пулями, натруска.

Надев форму, Илья Денисович сел на лавку под образами и вслед за ним расселись по куреню домашние. Проводить хозяина захотела даже Мерджан, впервые поднявшаяся с постели.

Минуту цепенело молчание. Наконец урядник встал и трижды перекрестился пред образами. За ним последовали женщины. Устинья Филимоновна вывела лошадь за ворота, не тая слез. Муж их как будто не замечал, но дышал учащенно и срывисто. И лишь перед тем, как сесть на покорно ожидающую гнедую, не утерпел:

– Не поминайте лихом, ежели что... Дети взрослые, не пропадете. Чижало на душе. Должно, постарел. Раньше ходить на войну было легче... Ну, родимая, прощевай. Да не лей ты слез занапрасно! – осторожно обняв жену, ободрил Илья Денисович. – Бог не без помочи, а казак не без счастья...

Лошадь взяла с места уверенной рысью, бросив из-под копыт мелкие кустики пыли. И супруга, и дочь, и Мерджан засмотрелись на его воинственную посадку, на то, как мощно пласталась под ним гнедая. На углу проулка в последний раз мелькнуло острие казацкой пики, отразив луч полуденного донского солнца...

До первого после Великого поста карнавала оставалось всего несколько суток, и с каждым часом на улицах и площадях, на фасадах домов прибавлялось разноцветных гирлянд и фонариков, чаще слышалась разноплеменная речь гостей, съезжавшихся со всей Европы. Зодич уже неделю находился в Венеции, познакомился со многими здешними людьми, владельцами домов и уличными музыкантами, офицерами и купцами, постоянно бывал на пристани и в кафе, разыскивая Сикорских. Но никто о них не слыхивал. Это, однако, ничуть не поколебало его уверенности в том, что диверсия против русского главнокомандующего намечена на период карнавала.

Он добился аудиенции у Орлова-Чесменского, но его предостережения не убедили генерал-аншефа, ответившего, что любит потехи комедиантов, да и отказаться от приглашения дождя не позволяет дипломатический этикет. Более стоворчивым оказался генеральский адъютант Христинек, заверивший, что на карнавале ни на шаг не отойдет от графа.

На Большом канале, у старинного моста Риальто, Александр снял гондолу и велел крепкому черноволосому парню плыть к Пьяцетте. Приближение праздника угадывалась повсеместно. Вопреки запрету, еще до начала гулянья во встречных гондолах многие венецианцы и венецианки были в масках. Беззаботный хохот и песни разносились по гулким улочкам из открытых окон верхних этажей и веранд. Развеселая музыка оркестриков не умолкала на набережной вблизи Пьецетты и в других местах.

Зодич, откинувшись на спинку кожаной скамьи, любовался мраморными дворцами и массивными каменными зданиями, которые изумили не только архи-

тектурой и цветом, разнообразием стилей, но отражаясь в подернутой зыбью воде, создавали неповторимое ощущение, что выросли из глубины! Он не мог оторвать взгляда от барочной церкви дельи Скальци, от красно-белого строения Турецкого подворья, с двухэтажной колоннадой, с башенками по краям. С восторгом осматривал дворец Редзониго, с галереями и балкончиками, украшенными цветами, на особняк Якопо Корнера, фасад которого состоял из просторных венецианских окон, а торец был сплошь увит плющом. Вечереющее небо бросало на поверхность канала бронзовый отблеск, и панорама Большого канала впереди, с белостенными и темными зданиями, с лабиринтом разновеликих крыш, с плывущими гондолами и суденышками, с пляшущими мелкими волнами у самых ног, – всё это великолепие, на протяжении веков создававшееся человеческим гением, потрясло Александра. И тем тревожней были вернувшиеся к нему мысли о диверсантах, след которых не удавалось отыскать.

Гондольер, приняв монеты, помог ему ступить на берег, запруженный народом. Карнавал откроется именно здесь, на площади Святого Марка, в присутствии правящего дожа Мочениго и высоких заграничных гостей. А началом его станет та минута, когда циркачка на канате, подвешенном к колокольне, пролетит над толпой и осыплет ее конфетти. И сейчас, пройдя мимо красной гранитной колонны и очутившись на площади, Зодич заметил, как на смотровой галерейке колокольни возились смельчаки, готовя опасный трюк. Крики и говор собравшихся не отпугивали голубей, то и дело слетающих с длинных крыш Дворца дожей и тюрьмы на мостовую. Следя за ними, Александр поднял голову и увидел на втором этаже Прокуратуры господина в широкополой шляпе, с лицом, обрамленным рыжими

бакенбардами. Внешность этого человека показалась Зодичу занимательной. Он остановился и, наблюдая за странным господином, стал перебирать в памяти всех, с кем когда-либо знакомился. Нет, пожалуй, он видел его впервые. Но почему его так интересовало довольно однообразное представление комедиантов?

Зодич, лавируя в толпе, пробрался в конец площади, к дощатой сцене. Публика, наградив комедиантов аплодисментами и одобрительным свистом, уже расходилась. Традиционные персонажи спрятались за светлым матерчатым занавесом, расписанным под лес. Однако двое молодых матросов из зрителей задержались.

– У меня достаточно дукатов, чтобы купить ее на ночь, – хвастливо выкрикивал один, большеголовый и смуглый, как алжирец. – За такую женщину я готов отдать все свое жалованье и каравеллу в придачу!

– Да, она стоит этого. Но откуда у тебя каравелла, Джузеппе? – захохотал приятель, крепыш с длинными ручищами. – Ты пропил сегодня запасную пару башмаков. И наш хозяин будет страшно сердит на тебя за это и наверняка вычтет за них.

– Я никогда не видел такой хорошенькой Изабеллы!⁵² Не зря мы поверили капитану, знатоку женщин, и пришли сюда. Я хочу сейчас же познакомиться с красоткой! А если я сказал, дорогой Альберто, то так и сделаю, дьявол меня побери! – ожесточился «алжирец» и, покачиваясь, обогнул помост и скрылся за кулисами. Вскоре оттуда послышался разговор, сменившийся перепалкой, – сначала между женщиной и Джузеппе, а после между ним и неким мужчиной. Знакомство матроса с артисткой, похоже, приобретало скандальный оборот. Вдруг столбик, на котором был укреплен занавес, с тре-

---

⁵²Изабелла – персонаж итальянского театра комедии, молодая влюбленная.

ском рухнул, и с помоста слетел комедиант в костюме Панталоне. Александр увидел Джузеппе с разъяренной физиономией, испуганных артистов и ту, которой восхищались гуляки. Молодая женщина, не успевшая снять грим, была необыкновенно хороша.

– Ты пойдешь со мной, кукла! Сегодня ты будешь моей, – требовал иатрос, хватая ее за плечо. Артистка успела уклониться и стукнула его сжатым кулачком в грудь. Соппротивление лишь раздражило Джузеппе. Он пьяно усмехнулся и за рукав потащил упрямыцу за собой. Зодич шагнул к помосту, но его опередил тот самый мужчина в широкополой шляпе, что сверху наблюдал за площадью. Мастерским ударом в челюсть он отбросил Джузеппе. Нахал попятился, едва переставляя ноги. Дружок бросился ему на помощь. По всему, этот матрос был чертовски силен. Орудуя кулаками, он обрушился на защитника Изабеллы. По лицу господинна потекла кровь, и Александру пришлось поспешить. Правая сабельная рука его, безо всякого оружия, с одного раза сокрушила верзилу.

Посрамленные матросы, посылая ругательства, удалились. И Зодич предстал перед труппой комедии дель Арте. Повременив, пока Изабелла вытрет с его лица кровь, незнакомец благодарно произнес:

– Так поступить, уважаемый синьор, мог только истинный мужчина. Не зная никого из нас, вы вступились за женщину. Примите мою глубочайшую признательность.

– Матка боска помогла нам... – сбивчиво заговорила артистка, с расплывшейся краской на веках. – Вы – благородный человек. Я присоединяюсь к словам директора!

«Директора? Почему же он наблюдал издалека? – удивился Зодич. – Изучал площадь?»

Красавица улыбнулась, и в больших синих глазах ее Александр уловил ласковый огонёк.

– Надеюсь, синьор, мы сойдемся с вами ближе.

Но директор перебил ее, выказывая недовольство.

– С кем имею честь знакомиться?

– Клод Верден, барон.

– Пан Сикорский. Польский эмигрант, цирковой стрелок и устроитель комедийных представлений. А это – моя жена Люция.

Зодич краем глаза заметил, что артистка иронично усмехнулась. Вышла заминка. Сикорский понял затянувшееся молчание по-своему:

– Портреты Люции писали знаменитые художники. Но то было давно, когда мы жили в свободной Польше. Но час настанет, и мы вернемся домой. И оставим это несвойственное нам занятие смешить людей. Поляки не созданы для унижений. Впрочем... Вы на карнавал, мсье Верден?

– Да, мне давно хотелось побывать здесь.

– Осталось всего два дня. Мы с Люцией приглашаем вас на представление.

– Да, мне было бы приятно видеть вас, мсье, – проговорила актриса, тепло взглянув на нового знакомого. – Однако, если вам не нравится комедия, не смею вас неволить.

– Напротив! Во Франции свой театр комедии. Наша жизнь столь сурова, что душа требует забвения в веселье. В гостинице «Палаццо Белла», где я остановился, дни напролет пируют купцы и матросы, и мне это нравится. Счастливый человек не станет воевать или... убивать.

Сикорский пожал плечами и с излишней бравадой заметил:

– Первая заповедь Христа для людей верующих. Дело освобождения родной земли требует борьбы, воо-

руженной борьбы. Так что, барон, согласен с вами. Несчастный человек, как я, готов на все. Однако не лучше ли наше знакомство подкрепить винцом? Я хочу угостить вас!

– Покорно благодарю. К сожалению, у меня запланирована встреча. В другой раз не премину воспользоваться вашей любезностью, пан Сикорский.

Александр прощально кивнул, ловя напоследок пытливым взгляд прекрасной польки.

16

Зодич той же ночью в Ливорно встретился с Христинеком и доложил о знакомстве с Сикорскими. Вдвоем они направились к начальнику охраны главнокомандующего капитану Тарасову, который предложил тайным образом арестовать злоумышленников и вывезти морем в Петропавловскую крепость. Его слова сначала показались Александру верными. Но одни ли Сикорские участвуют в покушении? Да и не было уверенности в том, что это Ярошевский и Браницкая, аристократы, снизошли до положения шутов. Зодич упорно искал выход. Необходимо встретиться с комедиантами еще раз и выяснить, кто они на самом деле. Приглашение «пана директора» на спектакль в день открытия карнавала все не гарантирует, что они будут в нем играть. А кто же исполнит диверсию? И мудреные загадки, и тревожные мысли нагромождались, как в калейдоскопе...

За день до открытия карнавала хозяин гостиницы передал Зодичу записку, которую, по его словам, принесли из уютного дома. На листочке по-французски значилось: «Жду вас в полдень в трактире «Вилозо». Люция». Это была или западня (мог предупредить Манульский), или....

Полька опоздала на полчаса. В трактир она вошла вместе с толстой провожатой, таранящей всех, кто попадался на пути. Лицо актрисы скрывала вуаль, но Александр сразу узнал ее по высокой стройной фигуре. Извинившись, что опоздала, пани открыла лицо и опустилась на стул. Взгляд ее был ироничен и смел. Говорила красавица по-французски:

– Мое время ограничено. За мной следят. Очевидно, вы не помните меня, Александр?

Зодич с недоумением улыбнулся, вглядываясь в лицо актрисы, но ответить не успел.

– Мы с отцом приезжали к вам в Петербург. Он и ваша матушка Гелена были родственниками, кажется, в третьем колене. Тогда я была девочкой, и влюбилась в вас, молоденького офицера. Вы удивлены? Так, пан? Впрочем, об этом никто не знает, кроме меня. Да, мы, поляки, говорим здесь по-французски. Но вчера вас дважды выдал польский акцент. У меня абсолютный слух. Так что... Зовите меня, как прежде, Ядвигой!

Зодич изредка поглядывал на дверь, ожидая внезапного нападения. Слова этой загадочной женщины ошеломили его, человека опытного и сдержанного. Впрочем, колебался confident недолго.

– Да, вы правы. Меня зовут Александром, и я русский офицер. Но совершенно не помню тех дней, когда вы приезжали к нам...

– В вас, пан, течет шляхетская кровь! – вскрикнула полька – А служите нашим врагам... Об этом мы узнали от пана Манульского, который прибыл вчера. Они хотят вас прикончить. Но это – безумство... Я не могла не предупредить вас! – Ядвига опустила вуаль и поднялась. – Возможно, я прокляну себя за этот приход... Для меня нет ничего дороже свободы Польши!

– Ответьте, пани, только на вопрос! – воскликнул Зодич, поспешно встав. – Ярошевский ваш муж?

На сей раз от неожиданности замерла Ядвига и, помедлив, произнесла с вызовом:

– Мужчине-рыцарю не подобает быть столь любопытным... Не провожайте!

Порывистой и легкой походкой она скользнула за дверь. Зодич перевел взгляд на два чудесных бокала синего муранского стекла, полные вина, и вздохнул. Пожалуй, приход Ядвиги был действительно тайным...

Тот, кто впервые попадал на Венецианский карнавал, утрачивал обычное представление о мире, оказываясь в эпицентре этого феерического зрелища. Вместо людей город наполнялся неведомыми существами, облаченными в «баутту», – черно-белый наряд, состоящий из светлой атласной маски, черного плаща, вуали, шляпы с серебряными галунами, блестящих туфель и белых шелковых чулок. Одним этим одеянием празднующие не ограничивались. Экстравагантные костюмы потрясали воображение и венецианцев, склонных к изобретательности, и многочисленных гостей. Но сильней всего поражала свобода в отношениях между костюмированными участниками. Каждый делал то, чего ему хотелось. Не было предела ни в чревоугодии, ни в любовных утехах, ни в пирушках! Совершалось это открыто и без стеснения, так что парочкам, прилюдно занимающимся любовью, приходилось выслушивать циничные советы и замечания. Невообразимый гам сотрясал город, клоуны и канатные плясуны до изнеможения смешили прохожих, виночерпии не успевали разливать тосканское по кувшинам и бутылкам, а на площадях, где давал представление театр комедии дель Арте, протиснуться было невозможно, потому что места зрите-

лями занимались заранее. Целое столпотворение было в центре города. Несмотря на то, что здесь находилась гвардия дожа Мочениго и гости иностранцы, простой люд упрямо ломился, желая посмотреть представление заезжих комедиантов...

Александр в сопровождении двух матросов из охраны Орлова, одетых пиратами, пришел на площадь Сан-Марко в разгар карнавала. Протиснуться к сцене оказалось весьма непросто. Тумаки, удары локтями, шиканье и брань захмелевших зевак сыпались со всех сторон. Только вблизи сцены он заметил, что здание Прокуратуры прикрыто оцеплением из солдат, чтобы особы могли беспрепятственно подходить к помосту и наблюдать за зрелищем. На выходки скупого Панталоне и Доктора, одетого в традиционный черный костюм с белым воротником, глазели несколько слуг дожа и двое тощих англичанина, морских офицеров.

Вскоре к играющим присоединился красавчик Бригелла, которого хотели заманить в ловушку два старика. Его реплики и шутки зрители воспринимали с одобрительными криками. Вдруг на сцену по-заячьи выскочил его слуга, Арлекин, в пестром лоскутном наряде и, корча рожи, забежал в наклонку по сцене. Дикий хохот накрыл площадь. «Где моя Изабелла?» – вскричал красавчик и тронул свои пышные усы. Арлекин метал петли, пока не сделал ловкий переворот через голову. На отработанный трюк публика ответила радостным оживлением. Бригелла повторил свой вопрос, и вновь дурашливый слуга ничего не ответил. Тут появилась Коломбина, служанка, с корзинкой фиалок, и Бригелла воспылал к ней страстью, разразился монологом влюбленного.

– Стоим уже час, – посетовала маска рядом с Александром, взглянув на Часовую башню, возвышающуюся

ся над площадью. – Где же Изабелла? Она до сих пор не появлялась. Говорят, очень смазливая!

Спутник ответил циничным намеком и, засмеявшись, они двинулись прочь от сцены.

Минул еще час. Встревоженный тем, что Ядвига не участвует в спектакле, Зодич терялся в догадках. Он, в полумаске и плаще, был легко узнаваем. А то, что за ним следили, Александр догадался еще вчера, когда подходил к своей гостинице. Вдруг кто-то тронул за плечо, он оглянулся и увидел девушку в голубой тунике, лицо которой скрывала маска.

– О, господин, с вами желает встретиться моя хозяйка! – вкрадчивым голосом сообщила римлянка. – Она молода и красива, и знакома вам.

– Знакома? – насторожился Александр.

– О, да! Следуйте за мной!

Он сразу догадался, что девушка подослана. И его хотят увести с площади как раз в тот момент, когда здесь может появиться свита Орлова-Чесменского. Впрочем, оставаться здесь бесполезно, если не определены участники заговора. Зодич оглянулся на своих спутников, «пираты» уловили его красноречивый взгляд.

Костюмированная римлянка минула дворец Дожей, тюрьму и свернула в сумрачную улочку. Пахло застоявшейся сыростью. Вода канала тускло серебрилась. Одолев крутой мостик, они подошли к старому зданию, у которого возвышался каменный колодец для сбора пресной воды.

– Сюда, – указала, собираясь уходить, провожатая. – С вас денежка!

Зодич протянул ей монету и, обернувшись, заметил невдалеке своих помощников.

Тяжелая дверь под рукой Александра подалась, и он очутился в сумрачном просторном помещении. В узкое

окно едва проникал свет. И лица людей, представших пред ним, были бледны и расплывчаты. Он, с замершим сердцем, узнал всех: и мнимого Сикорского, и пана Манульского. «Цирковой стрелок» вскинул для остратки пистолет и неприязненно спросил:

– Мсье не ожидал такой встречи?

– Разумеется! Вот и пан Манульский меня было заподозрил. Тоже хотел арестовать, – с резкой иронией возразил Александр,

– Вы хорошо владеете собой, но... *Finita la comedia!*⁵³

Из-за двери, ведущей в соседнюю комнату, раздался стук и послышался голос Ядвиги:

– Они выследили вас... Спасайтесь!

– Вот как? – хладнокровно воскликнул Зодич. – Стоит ли ревновать женщину, которая просто беседовала с мужчиной?

– Когда наша венская патриотка передала, что вы интересуетесь поляками, мы еще не знали, с кем имеем дело, – грубо проговорил Сикорский. – Вы просчитались! Спасти Орлова не удастся! Человек из свиты Дожа предупредит, когда этот обжора появится на площади. Я попадаю в монету с тридцати шагов!

– Жаль, я не прикончил тебя, подлый шпион, у себя дома! – заорал, выступив вперед, Манульский.

– Ждать некогда, мсье, – отрезал «стрелок», подлинный пан Ярошевский. – Я не трону вас при одном условии. Вы напишите согласие быть нашим агентом и перечислите всех, кто враждебен Конфидерации. Да или нет?

Ярошевский вытянул вперед руку с пистолетом.

В этот момент дверь с грохотом открылась, и Ядвига с тяжелым подлокотником в руках выбежала на середину комнаты.

---

⁵³Комедия окончена! (итал.)

– Ай-да ясновельможная пани! Вам жаль русского шпиона? – затрясся от негодования Манульский. – Пся крев!

Вид Ядвиги был столь же безрассуден. В глазах таилась решимость. Лицо пылало. Но красота ее завораживала даже в эту минуту...

Заслоня собой Зодича, она вымолвила:

– *Uciekajcie, pan!*⁵⁴

Грянул выстрел, – реакция Ярошевского была мгновенной. Александр, метнувшись к входной двери, заметил, как обмякло тело Ядвиги, и бесчувственно завалилась ее голова. На выстрел влетели «пираты»! Драка была скоротечной. Избитые и связанные заговорщики остались под присмотром одного из матросов, а второй отправился за лодкой, чтобы доставить «пьяных господ» на русское судно, вставшее близ бухты...

Зодич бежал, держа раненую на руках, к дому доктора, указанному прохожими на улице. Ядвига не приходила в сознание, хотя кровотечение ослабло после того, как перевязал рану шарфом. Он бежал среди всеобщего ликования, среди мишурного блеска, хмельного многолюдства. Спешил, моля бога спасти женщину, благодаря которой остался жив. Так истово он давно не обращался к Спасителю. Теперь уже, как о свершенном, думалось о поимке злоумышленников, которых доставят на корабль главнокомандующего, и суд будет суров...

Доктор, вовсе не похожий на комедийного персонажа, молодой и хваткий болонец (его выдавал диалект), узнав, что произошло, обследовал раненую и неотложно прооперировал. Ядвиге повезло: пуля, пройдя навылет, не задела крупные сосуды. В сознание, как заверил эскулап, синьора вернется через несколько часов. К тому же, получив денег больше, чем потребовал, он

---

⁵⁴Убегайте, господин! (польск)

угодливо предложил «мсье Вердену» оставить у себя пациентку до выздоровления.

Ночью, при свече, Ядвига открыла глаза и попросила пить. Зодич, помня запрет доктора, только смочил губы. Со страхом и удивлением посмотрела она на лицо Александра, склонившееся над постелью.

– Кто вы?

– Ваш друг.

– А-а... Пан шпион? – узнав, с огорчением произнесла полька.

– Нет, пан друг.

– Я натворила лиха... Что с Яцеком и Тадеушем?

– Они в очень надежном месте.

– Я так не хотела ехать сюда, в Венецию. Нет ничего унижительней, чем развлекать публику, случайный сброд... Они заставили, чтобы отомстила за погибшего мужа... И вот что...

– Вы спасли мне жизнь. Почему?

Она на мгновение прикрыла глаза и, переведя дыхание, ответила на родном языке:

– Nie wiem. Moze pomyslala o meza... Ciebie tez ktos kochal...⁵⁵

– Я повстречал вас. И прошлое уже не имеет значения.

Пальцы Ядвиги зашевелились, она слабо приподняла руку и погладила его ладонь, протянутую навстречу...

17

С церковной колокольни всю ночь разносился набат. Спали только малые дети, а все остальные готовились к отражению крымчаков. Напоминанием о них была гарь пожаращ, доносимая ветром из разоренных станиц.

---

⁵⁵– Не знаю. Возможно, вспомнила о муже... Вас ведь тоже кто-то любил... (польск.)

И наступило утро 11 июня, праздник православный, день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы.

Наперекор всем опасностям, к заутрене казачки пришли в своих лучших нарядах. А мужья их молились в цепи, не спуская глаз с окрестных полей и дубовых лесов вдоль Терека. Около семи утра вернувшийся разведчик доложил, что полчище османов двинулось к Наур-городку.

Ремезов с казаками находился на валу возведенного редута. Припекало раннее солнце, предвещая зной и безветрие. Временами сквозь голоса и грохот телег улавливался ровный шум Терека, полноводный от выпавших в верховьях дождей. За ним начиналась вражья сторона, чужеземный край. Он простирался к горам, а потом и за горы, и еще невесть до какой черты. А здесь, на левобережье, стояла мирная казачья станица, никому не причиняя вреда, только сама подвергающаяся нападению. И Леонтий четко осознал, что он – воин великого российского войска. Вместе с казаками сражался, чтобы держава крепла и обретала славу. Рассуждения как-то путались. И Леонтий, понимая свою малограмотность, опять дал зарок, что возмется за книги и обучение, как только возвратится в полк. А что непонятно, будет раз узнавать у офицеров...

– Иду-ут! – всполошенно пронесся над редутом зычный крик.

Леонтий, с застучавшим сердцем, встал к бойнице. Между тем это магическое слово «иду-у-ут!» будто ветром раздуло по городку. Из церкви высыпали прихожане, бабы стали собираться возле оборонительного вала.

Наконец из-за рощицы на холм вынеслась кабардинская конница, за ней – крымчаки. Вооружены они были, как обычно, саблями, луками, копьями, но Леонтий заметил, что во вражеском войске добавилось ру-

жейников. За крымчаками предстали в пестрых халатах ногайские отряды, вдогон им рысили, также выделяясь своей формой, некрасовские казаки, И скопищу этому не было конца!

– Знакомые наши – воскликнул Плёткин, беря в руки ружье. – Крымчаки в лисьих шапках, а командиры их в горностаевых. А в папах – горцы! Сурьезная комиссия!

– Это почище, чем Емелька Пугач, – пробасил бородач в черном чекмене. – Был он у нас здесь два года тому. Мы и ведать не ведали, что он есть за злодей.

– Дурни были, энто ты верно, – подхватил вертлявый малый, с сабельным шрамом на щеке. – У него, архаровца, губы и зубы говорят. Учинили мы сход трех станиц, собрали в складчину двадцать целковых и отправили его к царице, чтоб подал от нас ходатайство. Как есть мы донские казаки, переселенные на Терек, то почему жалованье положили нам меньше, чем тутошним терцам? А он сгинул с деньгами, и бунт окаянный распалил...

– Отставить разговоры! – скомандовал есаул Базиков, пробегая вдоль вала. – Стрелять по команде!

Вражеские всадники с гиканьем и ревом приближались к станице! Сквозь нарастающий гул тысяч копыт, от которого содрогалась земля, пробивались одичалые вопли: «Ай-ай-да! Ай-ай-дасы!» и кликушеский устрашающий визг. Под солнцем отблёскивали высоко вознесенные сабли!

Полковник Савельев, глядя в «перспективную трубу», отдавал приказания, которые передавались по цепи. Горские рыцари, в шлемах и кольчужках, уже были на расстоянии выстрела. Но Савельев медлил и дал команду «пли», когда конники замешкались у самого рва. Грохот пушек и ружейная пальба оглушили! Клубы сизого порохового дыма окутали вал и простран-

ство перед ним. И через минуту в поредевшей заволоке стали видны поверженные всадники и их лошади.

Но картечный ливень штурмующих не остановил! Гонимые калгой, они пытались преодолевать ров, уставленный рогатинами, и попадали под прицелы казачьих ружей и пищалей. Ремезову пистолеты заряжал молодой казачок. Леонтий бил из каменной бойницы, которую и враги держали на примете. Трижды с шелестящим шумом пронесли над его головой стрелы, ружейная пуля прошла верх казачьей шапки. Не отставали от него и казаки, паля из ружей.

Напор крымчаков со всех сторон усиливался, тысячи оголтелых ратников лезли на вал, добираясь до рукопашной. Численно они превосходили казаков во много раз, и владели холодным оружием не хуже. Открытое столкновение не сулило защитникам победы!

В этот момент, когда нарастал грохот выстрелов и над редутом клубился пороховой туман, к полковнику Савельеву подбежали две казачки, не успевшие снять праздничные кубелеки и парчовые кички.

– Господин полковник! Иван Дмитриевич! – затараторили станичницы. – Дозвольте и нам с мужьями на валу стоять! Вон сколько баб – несть числа! Кто из ружей бить может, а кто басурманов – вилами!

Командир с готовностью отозвался:

– Разрешаю! Поступайте под команду есаулов! А главное, топите на кострах смолу! Лейте на варваров!

Осада длилась часа четыре, до дневного намаза. А после полудня крымчаки предприняли новый отчаянный натиск!

К валу шумной толпой прибежали бабы, как если бы они направлялись на косовицу: с вилами и косами. Их не надо было расставлять по местам, они и сами видели, где нужна помощь. Разъяренные, с непримиримым

блеском в глазах, станичницы держали оборону вместе с казачьим полком, зачастую – рядом с мужьями и сыновьями. Те оттесняли их, стараясь уберечь от гибели, но смелых воительниц ничто не утрашало в этот час! Лучше смерть, чем оказаться в полоне и обречь себя на издевательства!

И рядом с Ремезовым воевали заглядистые казачки! Все – статные, грудастые, с ловкими руками. Одну звали Матреной, она была командиршей и, пожалуй, старше подруг. Подняв косу с наостренным полотном, казачка таилась за валом. И едва осман начинал карабкаться по земляной стенке, вставала и разила сплеча. Другая молодайка, Любаша, рыжая, как солнышко, заправски обходилась с пистолетом. Видно, приучена с детства. Лихо заряжала его порохом и пулей, запыхивала, присыпала полку порохом и, подняв вытянутую руку, а другой подбоченясь, – прицельно палила во врагов! А третья, Фёклушка, суровая и черноглазая, неустанно таскала то бадейки с горячей, зеркально отливающей смолой, то вёдра с кипятком и выливала их на супостатов. У костров, где чадили смоляные казаны, и по всей станице, точно в аду, разило смолой и пороховой серой.

Скорбный плач и стоны с каждым часом слышней становились в Наурской! Убитых казаков и казачек относили в тень вековых дубов, укрывали холстинами. А раненых полковой лекарь, дядька с желтыми от курева усами и подусниками, собирал около церкви. Ему, почти старику, много довелось перевидеть смертей и ран на ратном поле. Но в этот раз на его глазах умирали не только служивые, но и красивые женщины и подростки. Лекарь, не покладая рук, перевязывал пострадавших, давал нюхать нашатырь, оперировал. Но разве спасешь всех несчастных?

Полковник Савельев обходил линию обороны, давая приказы сорванным голосом, а порой сам стрелял из пистолета. С восточной стороны оборону держали спешенные гусары поручика Зимина. Эскадронцы, отличающиеся бравостью и щегольством, сражались с армейскими прибауткам. Красавец Зимин, с закопченным лицом, бил из пистолетов с обеих рук поочередно. Ординарец едва поспевал их заряжать.

– Э-эх, каналья! Мазанул... – сокрушался он, если выстрел был неудачен, и с усмешкой восклицал, когда попадал в цель. – Мерси боку, мсье. Вы доставили мне истинное удовольствие!

В тон ему острили гусары. Савельев, сознающий всю тяжесть положения, невольно спрашивал себя: откуда у осажденных такая сила духа и безоглядная смелость? Ведь есаулы и казаки знали, что ждать подмоги неоткуда. Генерал-поручик Медем стал с корпусом у Моздока, чтобы встретить подходящее к калге горское подкрепление. Вокруг станицы – кольцо врагов. Попытка отправить каюк с казаками по Тереку в Кизляр тоже не удалась, – лодку изрешетили пулями и потопили османы. Оставалось уповать на Господа да на себя...

Осада не прекращалась ни на минуту! Отряды неприятеля, сменяя друг друга, штурмовали казачий бастион, который вопреки всему стоял неприступной скалой! Шабаз-Гирей, не скрывая гнева, сам приближался к валу, взывал именем крымского хана взять проклятую станицу!

Плёткин, быстрый и находчивый, одним видом вселил надежду в тех, кто был рядом. Он неустанно палил из ружья. Помогал артиллеристам переносить пушку в конец редута, когда там сгущались ряды неприятеля, а затем с бабами таскал ядра. Наскоро чистил ружье и снова принимался стрелять, небожно поднимаясь над

бруствером. Ремезов дивился ординарцу и, как подобает казачьему офицеру, старался ни в чем не уступать.

Тяготил зной. Воздух, туманный от дыма и гари, царапал горло. А ружейный треск, гиканье иноверцев, канонада, лязг шашек, женские причитания, брань на разных языках – сумасшедший гул сражения дурманил, притуплял мысли и желания. Необоримая усталость влилась в тело Леонтия, и он замечал, что силы других казаков также на исходе. Поникшими выглядели и бабы, хотя по-прежнему не покидали редут.

И в этот час прибежали на вал дворовые собаки. Приученные к выстрелам на охоте, псы смело приблизились к людям, ища своих хозяев. Разномастная и разнопородная стая повернула к валу и подняла лай на все голоса! Самые храбрые становились передними лапами на край бруствера и пытались запрыгнуть на него, чтобы броситься на чужаков. И это неожиданное появление преданных псин, будто почуявших, что хозяева оказались в беде, их порыв прийти на помощь многих тронул до слез...

На закате крымчаки предприняли штурм со всех сторон одновременно! Только по-прежнему неподвижно стояли в стороне некрасовские казаки. Более того, ветер доносил оттуда крики поддержки сродников.

Сила ломала силу. Наурцам уже не удавалось использовать укрытия, перестрелка велась в упор, в нескольких участках в ход пошли шашки и пики.

Ремезов рубился с могучим татаринном, настоящим батырем в кольчуге и остроконечном шлеме. Удары его были столь сильны, что Леонтий пятился. Плёткин, сваливший своего противника пикой, увидел это вовремя и бросился на помощь. Он успел выстрелить из пистолета и сразить батыря, прежде чем пуля подметила казака, вставшего в полный рост.

Умер Иван мгновенно, с застывшей на губах усмешкой... И отлетела к небесам душенька казачья! Здесь, на немилой кавказской земле, оборвалась его жиань, исполненная мужества и подвигов во славу Державы. Не гулять ему соловьиной ночью вдоль Дона, не целовать присуху под навесом полыхающей сирени, не любоваться лазориками... Навек останется он в чужбине. Крест на его могиле встанет рядом с другими православными крестами вечным напоминанием о беспримерном героизме казаков, не сдавших Наурской станицы много тысячному воинству завоевателей!

И вновь Шабаз-Гирей отвел отряды. И вместе с единовверцами стал совершать намаз...

Ремезов доплелся до бойницы, где помещалась пушка, и сел рядом с двумя черными от пороховой копоти и пыли канонирами. Еле волоча ноги, подошел к ним и Петро Шаганов. Он, потрясенный гибелью односума, привалился спиной к стволу искромсанного пулями ясеня. Лицо парня было чумазым от пороха. Приглядевшись к стану крымчаков, Петро обратился к плечистому пушкарю.

– Перепорх, погляди, басурмане шатер поставили! Должно, там их главарь. А ну, приголубь его ядрышком!

Добрый молодец поставил дальний прицел и поджег фитиль. Гроыхнуло, ветром отнесло облачко дыма. И казаки радостно вскрикнули! Ядро разбило татарский шатер!

Леонтий повернул голову и остолбенел.

Два всадника в белых одеждах, на высоких белых лошадях двигались вдоль Терека к позициям татарского войска. Над ними струился странный свет, точно бы отблеск заката. Неведомые верхоконные проехали – будто межу проложили – по окраине станицы и

растаяли в степной дымке. «Это же святые – Варфоломей и Варнава! – догадался Ремезов, крестясь. – В свой день нам явились, ратникам!» И множество других казачков, проводив святых взглядами, осенялись крестным знаменем...

И свершилось непостижимое! Наурцы, высыпавшие на оборонительный вал, вдруг увидели, как неслыханное крымское войско двинулось прочь от станицы. После целого дня осады, потеряв сотни убитых, враги отступили. Узревшие святых стали утверждать, что чудесным спасением они обязаны этим Всадникам, напугавшим на османов ужас. Савельев, однако, приказал казакам не покидать своих боевых мест до рассвета...

Утром на поле боя среди сотен убитых врагов было обнаружено тело Коргоки Татарханова, командующего конницей, брата верховного правителя Кабарды. Только нечто необъяснимое, небывалая паника могла заставить воинов бросить своего владетеля.

Было ли это на самом деле деянием святых – никто не ответит.

Но у взятого в плен узденя, находившегося вблизи ставки калги, удалось доподлинно выведать: ядром, долетевшим с вала, во время молитвы был убит племянник Шабаз-Гирея, который упал головой на запад. Калга призвал муллу и держал с ним совет: продолжить осаду или отступить? Мудрый старик предупредил, что это недобрый знак. И калга, не раздумывая, дал приказ отходить к Моздоку и далее, на Чегем...

18

Фельдмаршал Румянцев, получив рескрипт императрицы Екатерины и все полномочия на переговоры с Портой, в конце мая предложил султану условия для заключения мира: Россия снимает все претензии, связан-

ные с Крымом и свободой мореходства военных судов, в пользу Очакова, Кинбурна и Гаджибея. Константинополь дорожил крепостями и тотчас отверг эти кондиции.

Война разгорелась еще ожесточенней. 2-го июня корпус Каменского, сосредоточившись на правом берегу Дуная, штурмом взял Базарджик. Через неделю с ним соединился корпус генерала Суворова. Сводное русское войско тут же атаковало сорокотысячную турецкую армию Абдул-Резака и после упорного сражения разгромило наголову. Путь на Шумлу, где находился визирь, был открыт. Ничто не мешало Каменскому и Суворову пленить Мухсен-Заде и, предприняв прорыв за Балканы, принудить Порту подписать мир. Но Каменский, на правах командующего группировкой, объявил шестидневный бивак, ввиду «недостатка пропитания». И только 17 июня заблокировал все выходы из Шумлы.

Находясь в окружении, визирь предложил перемирие и возобновление переговоров. Румянцев отклонил это и потребовал немедленного подписания мирного договора. 5-го июля два полномочных визирских комиссара Ресми-Ахмед и Ибрагим-Мюниб встретились в деревеньке Кючук-Кайнарджи с фельдмаршалом Румянцевым. За Россией остались крепости Керчь и Еникале, свободное торговое судоходство по Азовскому и Чёрному морям, а Кавказ – за чертой Кубани – и Крым получили статус независимых территорий. 10 июля договор был скреплен оными подписями, заверен визирем и с Репниным отправлен в Петербург...

Белые ночи изводили Потемкина! Он, оказавшись в своей постели, опустошенный любовной встречей с «Катюшкой», засыпал мгновенно. Но спустя час-полтора, точно толкал кто-то, – внезапно открывал глаза. Бодрствование вмиг возвращалось к нему, наделен-

ному завидным здоровьем. Он поднимался, отодвигал портьеру и подходил к высокому венецианскому окну дворца. Со второго этажа вид на парк, на Большой каскад, с дивными скульптурами, на замысловатый контур дорожек открывался чудесный!

Но в мягком освещении июльской ночи всего волнующей были фонтаны. Жемчужный бисер осыпал и мощную фигуру Самсона, и тускло блистал вблизи дворца, и живыми струйками дрожал над большим фонтаном, с мифологическими божествами.

В открытое окно вливалась балтийская свежесть, за курчавыми купами дальних деревьев сизой полосой проступало море и призрачно лиловое небо. Он восхищался Петергофом, как и все, кто приезжал сюда, но вместе с тем ощущал некую скованность. В Петербурге ему, подполковнику лейб-гвардии Преображенского полка, было спокойней...

Григорий Александрович, взглядываясь в глубину парка, полную фиолетовых теней, тихую и таинственную, подумал с тревогой, что такой подавленной, как в последние две недели, он еще не видывал государыню. Известие о прорыве Пугачева к Казани вызвало у Екатерины слезы. Князь Щербатов не смог дать разбойнику отпор. Мятеж, который, мнилось, был подавлен, разгорался снова!

– Гришечка, милая милюша, что же делать? – спросила его Екатерина, вытирая глаза кружевным платочком. – Среди дворян и чиновников наших паника сильна!

– Я готов сочинить рескрипт о передаче командования. Надобен полководец, который совершит поиск и разгромление злодея. Наши полки, дислоцированные в северо-западных губерниях желателно перебросить к Москве.

С той встречи Екатерина стала несколько уверенней, но ее уныние передалось всему Двору. И потому вчера, 22 июля, в Петергофе был созван Государственный совет.

Потемкин явился на заседание графом, о чем члены совета были уже осведомлены и поздравили его со столь высоким званием. Но их лица недолго озарялись улыбками. Чувствовал фаворит, что иные таят против него умысел. И был предельно собран, следил за каждым словом выступающих. После чтения реляции о сожжении Казани и злодеяниях, чинимых самозванцем, императрица заявила, что отправится в Москву, чтобы лично возглавить войска для борьбы с Пугачевым. Потемкин знал, что перечить императрице в таком состоянии бессмысленно, и поддержал ее решение. Он это сделал также с расчетом, что, находясь рядом, возьмет командование в свои руки.

Его слова, для многих неожиданные, застыли в воздухе! Лъстиво улыбаясь, ничего путного не сказали ни Голицын, ни Разумовский, ни Вяземский, ни Чернышев. Высказал сомнение лишь Григорий Орлов. Атмосферу неопределенности, будто за столом сидели не государственные мужи, а семинаристы, нарушило выступление графа Панина. Никита Иванович доказательно разубедил государыню оставлять столицу, откуда шло управление и государством, и войсками. Лишь после этого совет приняли решение направить в Москву дополнительные силы, в том числе донских казаков, а для командования войсками определить «знаменитую особу с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибииков».

Но Панин не был бы Паниным, ежели бы не воспользовался этой вакансией в угоду себе! После заседания и обеда он попросил Григория Александровича об ауди-

енции. И ничтоже сумняшеся предложил на должность главнокомандующего своего брата, графа Петра Ивановича. Что же было делать? Государыня недолго любила «панинцев». Но в данной ситуации выгодно уступить недоброжелателям! Выбить у них почву из-под ног великодушием. Он немедленно передал Екатерине разговор. Она колебалась. И не дала ответа ни днем, ни вечером на концерте скрипача Лолио, ни ночью...

Григорий Александрович в шлафроке вышел на балкон, ежась, ощущая на лице влажность морского ветра. Подавали первые голоса птицы. Он разобрал высквист дрозда и треньканье синички. Вспомнились божественные мелодии итальянцев. Жаль, Екатерина к музыке равнодушна. Почти пренебрегает ею, считая за бесполезное времяпрепровождение. Зато сколько у нее иных достоинств!

Приступая к утренней работе, Потемкин открыл ящик стола, где находилась переписка. Он любил «милую жену» до безумства и потому никакими силами не мог побороть в себе ревность. И странно, – чем больше проявлялась ее страстность в постели и в письмах, тем сильнее становилось желание, чтобы она принадлежала только ему.

Он взял вчерашнюю утреннюю записку.

«Душатка, cher Eроих⁵⁶, изволь приласкаться. Твоя ласка мне мила и приятна. Тебе за то спасибо...» Стук в окно внезапно отвлек его от чтения. На перильцах балкона сидела белоснежная голубка. «Может, к счастью?» – мелькнула смутная мысль.

Добрая примета подтвердилась поздним вечером.

В петергофский дворец с рапортом фельдмаршала Румянцева прибыл его сын, полковник, и князь Гагарин. О заключении мира с Портой первым узнал Панин,

---

⁵⁶Дорогой супруг (француз.).

затем Потемкин. Не сдержавшись, Григорий Александрович без предупреждения вошел в покои императрицы. Она, в очках, увлечено читала, сидя на канаве. Внезапные порывистые шаги фаворита, которые она сразу же узнала, встревожили государыню. Но сияющий вид «милюши» сбил с толку:

– Что стряслось? Ты так весел...

– Ваше величество! – торжественно произнес Потемкин, становясь навытяжку. – Мир с Портой заключен! Долгожданная виктория! Рапорт от Румянцева...

Императрица, одетая в модный голубой роброн из бархата и люстрина, быстро поднялась и сняла очки. Губы ее задрожали, впервые за многие дни она улыбнулась:

– О, боже! Ты милуешь в последнюю минуту... Шестилетней войне конец на наших кондициях?

– Так точно, всемилостивейшая государыня! Полковник Михаил Румянцев и Гагарин ожидают в передней.

– Твой план сбился, батинька, – сказала Екатерина, подступив ближе. Поцеловать возлюбленного мешало широкое, с фижмами платье. – Мы весьма обнадежены и рады! Теперь нашу армию с Дуная можно отозвать. Мы пошлем Суворова разбить шайки злодея! Это следует сделать незамедлительно. И на Кавказе усилим гарнизон. И там необходимо поскорей установить мирный покой!

– Мне пришлось воевать на юге. Кавказцы требуют к себе уважения, любят деньги и почитают силу. Только так можно примирить мятежные народы. И ваши слова, государыня, об укреплении тамошнего войска справедливы весьма.

Екатерина посмотрела на него влюбленно и улыбочиво.

Ранним утром восемнадцатого июля Веселицкого поднял на ноги дежуривший офицер-гусар. На сей раз записку от Бекир-эфенди, спрятанную в корзине с лепешками, принес сын-подросток связного. Её текст, написанный по-русски, был краток и угрожающ: «Турки высадились с кораблей у Алушты. Хан поднимает восстание!» Квадратик плотной бархатистой бумаги задрожал в руке Петра Петровича. Все опасения, мучившие его, сбылись. А ведь еще несколько недель назад, узнав о просьбе Сагиб-Гирея к Али-паше снабдить его пушками и о том, что у побережья подготовлены для этого арбы, резидент написал Долгорукову послание, убеждая предупредить мятеж и ввести в Бахчисарай войска. Но душа-генерал не обратил внимания на постскриптум Веселицкого, что тот готов на жертву, если «оное в пользу любезного отечества обратиться могло». Лишь из каких-то собственных соображений передвинул свои полки с Перекопа в сторону Акмесджита.⁵⁷ И вот теперь пожар бунта следует ждать с часу на час...

Окно спальни было едва-едва озарено. Не сдержав волнения, Петр Петрович спустился на первый этаж, прошел в комнату, наполненную тем особым пресноватым и приятным запахом, который присущ новорожденному. Жена, выпростав в широкий разрез рубахи полную грудь, кормила Гаврюшеньку, родившегося неделю назад. Услышав шаги, повернула голову с растрепавшимися волосами. В её расширенных и счастливых глазах блеснула искорка отраженной свечи.

– Как ты, матушка? Нездоровится? – окликнул Петр Петрович, ступая на носках.

– Спаси господи! Уже лучше. И сыночек наш, погляди, как сладенько чмокает...

---

⁵⁷Акмесджит(Ак-Мечеть) – ныне г. Сиферополь.

Петр Петрович уловил запах грудного молока и отвара череды, в котором купали младенца. И, не утаив нежности, поцеловал жену в голову. Она была занята кормлением сына и не заметила, как седовласый супруг ладонью утер повлажневшие свои глаза...

Хан-Сарай два дня кряду безмолствовал. И лишь затем к русскому посланнику явился посыльной с требованием прибыть к Сагиб-Гирею для срочных переговоров. Веселицкий, согласно дипломатическому этикету, выехал в сопровождении свиты. Переулки и улицы Бахчисарая были запружены вооруженными людьми, и когда гяуры приблизились к центру города, их окружила разъяренная толпа, в которой сверкали обнаженные сабли. Только вмешательство ханского посыльного пресекло расправу.

Однако беда шла по стопам. Даже во дворце, где резидент со своими людьми ожидал аудиенции, их не оставили в покое – по окнам был открыт ружейный огонь. Но мужество и в эту минуту не оставило Веселицкого и его подчиненных: офицеров, среди которых были пасынок Алексей Белуха и шурин Леонтович, поручик Иванов, прапорщик Раичич, гусары, переводчик Дементьев, канцелярист Анисимов, толмачи и вахмистр Иван Семенов с конвойными казаками. Они были убеждены, что Сагиб-Гирей, клятвенно заверявший резидента о нерушимости дружбы, не посмеет посягнуть на их жизнь.

Приход ханского распорядителя-аги⁵⁸ остановил этот бестолковый и унижительный обстрел. Петр Петрович, не церемонясь, выразил протест за враждебное отношение к миссии. Но глаза крымчака были совершенно безучастны.

– По поручению великого хана Сагиб-Гирея объявляю, что русская армия нарушила мирный договор и на-

---

⁵⁸ Ага – начальник, титул старших и средних офицеров.

пала на его подданных. С сегодняшнего дня Крымское ханство вынуждено ответить военными действиями.

– Это неправда! – гневно воскликнул Веселицкий. – Я должен связаться с командующим Долгоруковым.

– Ваши требования отклоняются. Все вы объявляетесь пленными! – и ага трижды хлопнул в ладоши.

В комнату вслед за высоким чиновником пожаловали стражники. От столпотворения Веселицкий на мгновение растерялся. Командир ханской гвардии на ломаном русском пролопотал:

– Велено остаться переводчику и родственнику Белухе, а прочим отсюда выйти!

– Я категорически супротив оного! Все мои люди останутся здесь! – возразил Веселицкий.

Плечистые гвардейцы, услышав гортанный приказ аги, набросились на русских столь стремительно и слаженно, что оказать им противодействие ни казаки, ни гусары не успели. Вскипевшая было драка, ругань, стоны, проклятия клубком выкатились в коридор, где россияне пытались еще сопротивляться. Но прогремели выстрелы, и русская речь оборвалась. Оставшиеся с Веселицким переводчик и пасынок подпоручик побледили. Петр Петрович перекрестился и срывающимся голосом обратился к распорядителю-аге:

– Вы не раз были моим гостем... Сагиб-Гирей всегда уверял меня, что относится как к другу... Прошу вас во имя Всевышнего... Жена только что разрешилась младенцем... Прошу не трогать моей семьи...

Осанистый татарин, нахмурившись, вышел. Вернулся он с известием, что Сагиб-Гирей милостиво распорядился резидентский дом взять под охрану. Петр Петрович надеялся, что хан придет за ним, и стал обдумывать фразы, которые бы отрезвили вероломного правителя. Так минул час. Тревога в душе Веселицкого не унималась.

Наконец во дворе послышались голоса. В открытое окно было видно, как расходились воеводы и вельможи. Петр Петрович знал, что далеко не все в Бахчисарае солидарны с ханом. Эта мысль вселяла в душу зыбкую надежду...

Дверь комнаты, в которой пребывали русские, резко открыл бородатый поверенный хана, который приезжал к Веселицкому утром. Он приказал пленникам следовать за собой. Во дворе уже стояли заседанные лошади. Не в ханских палатах и не у позолоченного трона, а у коновязи объявили Петру Петровичу, что он, резидент русской «чарицы», передается турецкому султану...

Труднообъяснимое бездействие Долгорукова, его политическая слепота позволили Али-паше высадить десант янычар у Алушты и в течение трех дней, преодолевая упорнейшее сопротивление русских постов, занять не только эту деревню и Ялту, но и береговые укрепления.

Быстротечные успехи османов заставили Василия Михайловича вспахнуть, даже несколько осердиться. Он, желая расторопно разделаться с янычарами, бросил на них Московский легион. Но пока батальоны генерал-поручика Мусина-Пушкина двигались к месту баталии, семитысячное вражеское войско заняло выгодные позиции и два ретраншемента у деревеньки Шумлы.

Утром и днем двадцать третьего июля, в лютую жару, гренадеры под шквальным огнем штурмовали турок, в рукопашной потеснили их и выбили-таки из укреплений. Натиск легионеров был столь мощен, что янычары в панике рванули на побережье, бросив и пушки, и знамена. Добывать врага с ходу Мусин-Пушкин поостерегся, – и так потери в легионе исчислялись сотнями. Генерал-майор Якоби был контужен, а подполковник

Михаил Кутузов, отличившийся особой отвагой, тяжело ранен в голову. Готовясь к завтрашнему сражению, Валентин Платонович направил Долгорукову рапорт, прося подкрепления. Вопреки всякому смыслу, генерал-аншеф потребовал отступить, бросить отбитые ретраншементы и явиться «елико возможно спешно» в лагерь. Только приехав туда, Мусин-Пушкин узнал о ханском мятеже. Сикурс из драгун и гусар, оказывается, уже был послан не ему, а князю Прозоровскому, который с трудом отбил нападение татар на армейский обоз. Более тысячи погонщиков и солдат охраны были изрублены, провиант и военное имущество расхищены. Новую вылазку Сагиб-Гирей готовил в ближайшие дни.

Весть о том, что в Кючук-Кайнарджи между Россией и Портой заключен мирный договор, пришла в русский лагерь негаданно и... горестно запоздало, когда погибших героев уже похоронили.

Отряд татар, сопровождавший Веселицкого, прибыл в лагерь Али-паши накануне сражения у Шумлы. Дипломата допросили помощники воеводы, а затем и он сам. Резиденту императрицы объявили, что он будет отправлен в Константинополь. Однако не преминули поместить Веселицкого на трехмачтовый флагман «Патрон» в отдельную каюту, и не скупились на угощение. С палубы этого корабля и наблюдал Петр Петрович панораму сражения на склонах гор, присматривался, прислушивался к гулу пушек и ружейной перепалке. Когда донеслось отчаянное «ура», он стал молиться за русских воинов...

Шел четвертый день нахождения Веселицкого в турецком стане, когда в нем появились гонцы. Узнав о мире с Россией, Али-паша послал за пленными лодку и принял их в своем шатре уже как гостей. Со слов аги, прибывшего из Бахчисарая, резиденту сообщили, что

дом его под охраной, и все домочадцы живы-здоровы. Однако просьбу посланника переправить пленных в расположение русских войск паша отклонил. Он отлично понимал, что в заложниках не простак, а человек государственного масштаба. Сославшись на опасность осенних штормов, он высказал намерение перевести флот к Кафе.⁵⁹ Сверх того, настоял, чтобы сам Веселицкий подержал его послание к Долгорукову, объясняющее необходимость передислокации. Петр Петрович, решив, что это ускорит его возвращение домой, согласился. Когда же от генерал-аншефа прибыли нарочные с требованием выдать резидента, Али-паша снова удержал Веселицкого, объяснив это тем, что не имеет султанского фирмана о мире. К тому же, пребывание русского гостя в его лагере избавит от непредвиденных осложнений. А в знак дружества освободил лишь переводчика Дементьева.

Долгоруков, дабы не осталось никаких препятствий для возвращения Веселицкого, позволил туркам высадиться в Кафе. В какой-то мере генерал-аншеф признавал, что повинен в столь драматичной судьбе резидента, отбывшего в плену два месяца. Вместе с Веселицким были освобождены и все русские пленные, взятые османами в алуштинском сражении.

Но душу Петра Петровича еще долго ранило известие из Бахчисарая, что всех, кто состоял в его миссии, от конюшенного до офицеров и казаков, – около полусотни человек – во время ханского мятежа жестоко казнили...

20

Платовский полк в начале сентября вернулся в родные края «на льготу», – ожидать будущего призыва. Черкасск встретил победителей пушечной пальбой!

---

⁵⁹Кафа – ныне г. Феодосия.

Леонтий осадил добытого в бою «араба» у ворот, с волнением оглядывая подворье. Радостное смятение распирало грудь, он торопливо спрыгнул с коня, завел его за плетень и примотал повод к стояну. Возле лестницы золотом отливали на ветках крупные груши. Он любил их с детства и, проходя к куреню, глубоко вдохнул знакомый аромат. В передней комнате нижнего этажа пахло свежеспеченным хлебом. Свет слабо проникал в маленькие окошки, и в прохладном полумраке особенно волнующе золотился огонек лампадки пред образами.

– Аль нет никого? – удивленно произнес Леонтий, снимая с головы шапку и цепляя ее на крюк вешалки.

Из стряпчей вышла мать. Ойкнула и кинулась ему на грудь, запричитала, наговорила столько ласковых слов, что у сотника повлажнели глаза. Он гладил родимую по голове, смущенно бормотал:

– Здрав я, маманя, не сокрушайтесь так дюже... Разбили хана крымского и в станицу возвратились. Как вы здесь?

Устинья Филимоновна, всхлипывая и глядя сыну в глаза, без удержу торочила:

– Батюшку в полк призвали! С Луковкиным на Пугача пошел. Душенька вся изболелась... Марфушу свахи донимают. Гревцовы надоели со своим недорослем... А невеста твоя с нами! Только... Как же так, сынок? Аль казачки перевелись? И как тебе с ней жить, некрещеной, детишков иметь?

Леонтий не успел ответить. Завидев коня у ворот и услышав речь брата, со второго этажа пулей слетела Марфуша. Только расцеловались с ней, как следом спустилась Мерджан! В ее огромных глазах сияла нежная радость, свойственная только любящей женщине. Не стыдясь матери, Леонтий взял ее за руку.

– Здравствуй! Ты... краше прежнего!

Возлюбленная одета была по-станичному, в кубелек. Но голову убрала вовсе не кичкой, а узорчатой тюбетейкой. От бабьих досужих пересудов!

– Ну, вот... Дождались! Вела я себя здесь хорошо, – шутливо сообщила Мерджан. – Родителей слушала. Без дела не скучала...

– Она у нас первая чиберка в Черкасске! – похвасталась Марфуша. – Мастерича на все наряды.

Устинья Филимоновна потащила дочку за рукав к двери, уводя из куреня. Оставшись вдвоем, они кинулись друг к другу, шепча сокровенные слова. Долго стояли, обнявшись. Наконец Мерджан подняла голову и вымученно призналась:

– Плохо одной. Степь снится, и будто в тэрмэ я ребеночка качаю... Так ждала тебя!

– Я схожу к атаману. Богом буду просить, чтоб нас мужем и женой записали, хоть и невенчаные. Такое бывает, я узнавал, – успокоил Леонтий, ощущая ладонями ее трепетно вздрагивающие плечи. – Ты самая лучшая изо всех на свете! Никто, окромя тебя, мне не надобен.

И снова обняв любимую, он и без лишних слов понял, как нелегко пришлось ей приживаться в станице, среди чужих людей, терпеть, сносить невзгоды ради того, чтобы снова встретиться с ним.

– Что же мы стоим? – спохватилась Мерджан, выскальзывая из объятий. – Я хочу тебя угощать!

И, несмотря на возражения Леонтия, вышла во двор, чтобы посоветоваться с Устиньей Филимоновной.

На пир собралось немало казачьей родни. Стол накрыла Мерджан на свои деньги. На августовском базаре чего только не было: и сомятина, и запеченный поросенок, и отменная баранинка, и куропатки, и золотые ядра дынь, и длинноусые рачищи! И все это молодая хозяйка умудрилась принести вдвоем с Марфушей...

– За охвицерику нашенского, красавчика писаного! – горланила тетка Варвара, целясь своей полной чаркой в чарку Леонтия. – Нехай и до полковника дослужится!

– Гордимся тобой, Левонтий, – пьяненько хвалил дед Тимофей. – Ты ишо млад, а медалю от царицы заимел! За какие такие баталии? А за то, что с донцами аманатов заморских разбил! И мы бивали... Эх! – и старик залпом хватил полную кружку крепчайшего меду.

– Он не токмо медалю привез, но и женой доброй запася, – вступила в разговор сестрица двоюродная, хохотушка Дарья. – Когда свадьбу гулять будем?!

Леонтий, сидевший рядом с матерью, решительно встал.

– А вот это и есть наша свадьба! Али вы, люди добрые, не смекнули?

Застолье оцепенело. Тетки с недоумением переглянулись, – эка сказал, голубчик! А дядька Василь, завзятый баламут, сидевший втихомолку, невзначай осмелел:

– Ты, Леонтюшка, казак и хрещеный человек. А баба твоя нашей веры не понимает. Обвенчаться, сталбыть, правов нетути.

Леонтий вышел из-за стола и направился к Мерджан, сидевшей на противоположном конце стола. Она умоляюще смотрела на него, опасаясь неприятного разговора. Но казачий сотник был настроен по-боевому. Он взял Мерджан за руку и поставил рядом с собой.

– Это, достоуважаемые казаки, есть жена моя – Мерджан. Хоть и не повенчаны, а жить будем вместе. А насчет веры... Нехай каждый молится тому богу, какого сердце выбрало... Абы доходили молитвы! А детишков бесперечь окрестим, как законных казачат! И на том коммиссию покончим! И прошу всех не погребовать, а за нас с Мерджан до дна выпить!

Первыми бабы да молодухи стали хвалить невесту, рукодельницу да умницу. Глядишь, без грошей справу им к праздничку сошьет! Деда тоже поддержали молодца за норы и отвагу. Тетки и сама Устинья Филимоновна тяжело завздохали, – не по обычаю, кувырком обряд справляется, без священника. Им было немного обидно за Леонтия, жениха хоть куда, – но раз заварил такую кашу, сам пускай и расхлебывает!

– За казацкую семейку! – покрыл все голоса своим басом брат отца, дядька Аким. – Любите и множьтесь!

Могучий казачина так и замер с поднятой кружкой! К воротам, в сопровождении ординарца, твердым шагом шел полковник Платов. С первого взгляда было понятно, что он чем-то весьма озабочен. Брови сведены, взгляд цепок и осторожен. Войдя во двор, где под грушей и в тени куреня простирался стол, он снял шапку и склонил голову. Все казаки подхватились, грянули «здравие желаем». Матвей Иванович как будто о чем-то размышлял, глядя на Леонтия. Тот с улыбкой поклонился и пригласил:

– Уважьте, ваше благородие! Мы тут празднуем и... свадьбу играем!

– Свадьбу? Чью же? – спытал он, приглядываясь к Мерджан. – Уж не эту ли невесту ты у ногайцев умыкнул?

– Так точно. Она и есть!

– Наливай. Винца приемлю. А гулять недосуг.

Взяв в руку серебряную чарку, он окинул взглядом земляков и остановил его на матери сотника.

– Объявляю вам, тетка Устинья, командирское благодарение за сына. Храбр, безудержен в бою и любим казаками. Потому представлен мной к медали за победоносную войну с Турцией. Похвальные слова о нем и в реляции майора Криднера!

У самого полковника на груди блистала золотая медаль, которой наградила его императрица за битву на Калалы, с надписью «За ревностную и усердную службу Донского войска Полковнику Матвею Платову». Но всего больше восхищало то, как ладно сидел на нем офицерский мундир, какой молодецкой была осанка!

– Мы недолго задержимся в станице. Потому как есть не просто донские казаки, а сыны Державы российской. И коли великая смута пошла по народу, обя-заны порядок вернуть и изменника Пугача сокрушить. Уже бьются полки наши с бунтовщиками и бои тяжелые примают...

Платов смолк и поднял посудину над головой.

– За казацкий род Ремезовых и прибавление в нем! Нехай Господь оберегает и посылает вам счастье!

Геройский командир, о котором молва разнеслась до Петербурга, передал ординарцу опорожненную чарку, поклонился и рукой поманил Леонтия за собой. Но в проулке Платов почему-то не остановился, а спустился к затону.

Могучей стремниной, серебрясь вблизи берегов и малахитово темнея, отражая небеса, пластался Дон-батюшка в тихом сентябрьском просторе, опираясь на плечи-берега. Неведомая тайная сила исходила от него и улавливалась душами казаков, прикипевших к нему взглядами. И в радостях, и в бедах, и в час жестокой баталии он был для них – молитвенным словом, светом надежды и великой любви.

И казачьи судьбы связаны с тобой, Дон благословенный, и песни и величие побед! Нет казачьей реки священной и дороже, ибо с твоих берегов пошли по земле русской во все концы ее бесстрашные защитники и хранители! На их ратной казацкой доблести встала и расширилась Россия!

Платов резко повернулся к Леонтию, хранящему на лице радостное возбуждение. Взгляд полковника погасил улыбку жениха, замершего в смутном предчувствии.

– Неурочен час. Но ты, Ремезов, – казак... Самим атаманом Сулиным обязан я сообщить с печалью... Отец твой урядник в стычке с шайкой Пугача пал смертью героя. Прими и мое горькое сожаление, потому как знал твоего родителя, всеми уважаемого... А матушке опосля сам об том передашь. Божья воля! С немцем и басурманами бился он, – цел возвратился. А от своего сродника казака, бунтовщика и ката, гибель принял... Не падай духом! Нам еще много воевать придется. Только в лета с тобой вошли...

Леонтий окаменело стоял у самой воды, слушая и отрешенно глядя, как набегают и синеватыми пластинками настилаются на песок волны. День убывал, клонилось солнце за порыжелые дубы. Горестный спазм сковал горло, он расстегнул мундир, жадно вдыхая речную свежесть. Тут, на берегу, и нашла его встревоженная Мерджан.

– Что случилось? Ты стал грустный.

– На Дон смотрю... Как бывало в детстве.

– Я же чую! Говори мне.

– Пойдем к гостям. Завтра открою... Я еще там, в ауле, хотел узнать, что означает по-татарски твое имя?

– Мерджан – это незабудка.

Леонтий сузил потемневшие, обожженные горем глаза и кивнул:

– Это правда. Незабудка. Подходящее имя для казачьей жены.

С колокольни Преображенской ратной церкви донесся вечерний звон. Теплый мелодичный звук протяжно пролетел над Доном. Леонтий и Мерджан, взявшись за руки, стали подниматься по крутому берегу...

КНИГА ВТОРАЯ

*Пишет, пишет граф Суворов
Турецкому апаше:
«Ты, турецкий славный апашура,
Отдай, отдай наши крепостя.
Не отдашь наши крепостёчки,
Мы их штурмом заберем!»
Назад пишет нашему Сувору
Сам турецкий грозный апаша:
«Давай выйдем во чисто поле
Да сведём с тобой наши войска:
У кого шашечка вострее,
Тому крепостью владеть!»
«У донцов, у нас шашка вострее, –
Нам и крепостью, донцам, владеть».*

Казачья походная песня

Часть первая

1

Рослый, в рыжих подпалинах, пойнтер белой стрелой вылетел на поляну из-за строя платанов и, взворошив лапами слой палой листвы, как вкопанный замер перед Зодичем. Полуоткрытая пасть и настороженно-воинственная стойка не сулили ничего доброго. Александр, сидевший на высоком пне, крепче взялся за набалдашник своей трости и, прямо глядя собаке в глаза, спросил с усмешкой:

– Чего изволите, сударыня?

В полуоблетевшем ноябрьском лесу голос отдался звучно и раскатисто.

Легавая отряхнулась, сбрасывая с короткой шерсти влагу, и взрыкнула. Несердито, на всякий случай.

– Повторите имя. Я не расслышал, – снова добродушно обратился Александр к собаке, замечая боковым зрением спешащего сюда крепкого сложения мужчину в кожаном плаще, с ружьем через плечо. Под надвинутой на глаза шляпой скрывалось лицо. По всему, это был буржуа. А возможно, чиновник из правительственного учреждения или конторы. Когда же охотник приблизился, Зодич... узнал королевского сановника и драматурга, которого не видел более полугода. Привлекательное лицо Пьера-Огюстена де Бомарше было обезображено двумя, по всему, недавними шрамами на подбородке и на щеке. Но выглядел он, по обыкновению, энергичным и уверенным. На ремне, маяча буровато-серыми окоченелыми крыльями, висел подбитый вальдшнеп.

– Вы не пострадали, сударь? – подойдя, встревоженно осведомился охотник. – Как уверял хозяин, у которого я одолжил ее, Ланда не кусается.

– Всё обошлось, мсье Бомарше. Я лишь предложил красотке познакомиться. Но она махнула на это хвостом!

Они пожали друг другу руки и пошли рядом.

– Простите, барон, не признал вас сразу. Конечно же, это вы с моим другом... Верней, с нашим общим другом, Гюденом, сообщили мне о вердикте Высшего суда.

– Да, мы не отлучались тогда из Дома правосудия до самого вечера, пока не узнали решения, и поспешили к почтенному Фаншону. Каково же было наше удивление, когда застали вас спящим. Таким самообладанием можно только восхищаться! Вы, как я слышал, покидали Париж?

– Я был вынужден отлучиться во Фландрию, чтобы избежать посмешища.

– Провидение накажет клеветников и продажных судей, лишивших вас гражданских прав!

– Я не думаю о них, – возразил Бомарше, поправляя ремень тяжелого ружья, и покрутил кистью левой руки. У основания большого пальца также краснел шрам. – Побаливает, черт подери. Памятка о встрече с немецкими разбойниками.

– Вы подверглись нападению?

– Да, в в нейштадтском лесу. Трое злоумышленников пытались меня прикончить. Я вскинул пистолет, но тот дал осечку. Рука убийцы направила нож точно мне в сердце. И если бы не медальон, висевший на груди, я наверняка бы отправился к праотцам... Вы по-прежнему, барон, играете? Помнится, как-то встречались за карточным столом.

– Я также был за границей и давно не навещал Гюдена, – уклончиво ответил Зодич. – Я слышал о вашем проекте по восстановлению парламента. Это может изменить политическую систему в стране?

– Именно об этом я заботился. Однако Морепа и Миромениль, наши главные министры, выхолостили документ. Тот эдикт, который подписал король, доверяя своим советникам, ничего не может вызвать, кроме разочарования. Признаться, я не так часто покидаю дом. Угроза ареста не минула. Жаль, что могу охотиться только в Булонском лесу, лишенном дичи, а не в своем собственном, в Шинонском.

– Меткий выстрел, мсье Бомарше, приносит удачу в любом месте. А вы, как я вижу, с добычей.

– Случайно поднял птичку у ручья. А стрелок, признаться, я неважный. Да и рука еще не окрепла. Однако ружьишко – отменное. Привез из Лондона, – драматург озабоченно посмотрел на небо: – Впрочем, погода портится. Я с утра на ногах, а пальнул, представьте, всего раз. Зато налюбовался лесом!

– Дожди кончились. И мир как будто внове. Особенно этот предзимний воздух, отдающий грибной сыростью и дубовой корой. И подбор разноцветных листьев удивителен! Посмотрите на макушку клена, она точно освещена луной.

– У вас, барон, взгляд художника! Вы намерены еще остаться?

– Нет, нет. Я изрядно погулял.

– Вы бываете в Версале? Я не большой любитель балов. А хотелось бы познакомиться с вами ближе. Хотя времени катастрофически не хватает! – посетовал драматург, сворачивая на боковую тропу. – Прощайте, барон. Пусть бог будет милостив к вам!

– До свиданья, мсье Бомарше! Кланяйтесь Гюдену...

В районе Монмартра, где жил Александр, было сумеречно, знобил разгулявшийся ветер. Лабиринт безлюдных улиц и цоконье подков навяли одинокую грусть.

«Сейчас бы в нашу псковскую усадьбу, к матушке! – вздохнул Зодич, прикрыв глаза. – И быть просто Сашкой, как звал меня отец, а не французским бароном. И говорить, и петь по-русски!» Он вдруг поймал себя на мысли, что судьба складывалась таким образом, что ему было предопределено стать конфидентом императрицы. Живя то в Петербурге, то в сельском имении, он с детства воспитывался гувернером-французом. Мать, Ганна Юзефовна, малоросска со шляхетскими корнями, научила Александра и родному языку, и польскому. Два года провел он в Московском университете, штудирова философию и лингвистику. Но волею отца-майора был определен на службу в Измайловский полк, в котором числился с рождения. Там же служил и сам батюшка, Георгий Федорович. Выполняя однажды деликатное поручение, молодой офицер, блестяще говоривший по-французски, был замечен фаворитом императрицы Орловым и рекомендован в тайную комиссию. Через год Зодич (существование рода де Верденов, бесследно канувшего в конце семнадцатого столетия, не было лишено реальной основы) тайно прибыл в Тулузу, а затем перебрался в Авиньон, где находилось поместье мнимых предков. Подробно расспросив старожилов, изучив архивы католической церкви, Александр мог чувствовать себя в относительной безопасности. Более того, всемогущие луидоры, заплаченные нотариусу, совершили чудо, – на свободной строке в пожелтевшем от времени фолианте появилась запись, из которой следовало, что умерший более двадцати лет назад барон де Верден завещал свое поместье племяннику Клоду. «Крапивное семя» столь умело разбавил чернила и подделал почерк, что ни один королевский следователь не заподозрил бы подлога. Вскоре Александр поселился в Париже, чтобы сойтись с приближенными короля и сто-

ронниками польских конфидератов, наводнивших столицу враждебной России страны. Деятельность Зодича, его расходы из российской казны корректировали посланник Голицын, а затем сменивший его Борятинский. Александру удалось наладить дружеские отношения со многими влиятельными персонами при суверене Людовике Пятнадцатом, скончавшемся в мае этого года. А теперь начался новый этап освоения Версаля, откуда ждали от него на родине сообщений, способных изменить ход истории...

Слуга Пьер, раскинув руки, храпел в прихожей на скамье. Зодич разбудил этого неугомонного ловеласа окриком и велел приготовить чай. Чернукудный бургундец, подскочив и ошалело тараща глаза, юркнул на кухню.

Александр подошел к окну, за которым в пролете сумеречной улочки кружились снежинки. Зима не дождалась недели до своего календарного срока. Впрочем, в Париже она недолгая, слякотная. Слава богу, что хоть изредка выпадает снег! Он всегда поднимал в нем дух, напоминая о смоленской стороне. И до Рождества уже совсем недалеко...

«Господи, восьмой год я в отрыве от дома! – вспомнилось с грустью. – И эта странная раздвоенная жизнь стала столь привычной, что иной не представляется. Порою мнится, что вокруг – какая-то греза, игра, из которой не могу выпутаться. Где чужое, где дорогое сердцу, – не понять! Живу точно по инерции, привыкнув рисковать и расставаться с теми, кто враждебен и кто близок. Боже праведный, пошли удачу и терпения!»

В ящике письменного стола таилась шифровка от русского посланника в Париже Борятинского. Зодичу предписывалось выехать в Варшаву и сблизиться с оппозиционерами короля Станислава–Августа. Это по-

ручение его взволновало! Та женщина, которую он повстречал в Венеции, и которая спасла ему жизнь, могла там оказаться. И по сей день Александр ничего не знал о ее дальнейшей участи.

Китайский чай, заваренный слугой, оказался на диво бодрящим. Пять свечей, горевших в шандале, ярко озаряли стол и книжный шкаф. Зодич достал из него тетрадь, где в шифрованном виде делал короткие записи. Надлежало обновить в памяти события уходящего года...

2

Донская зима-разгульница недолго кроила свои кружева и серебром шитые наряды! Во хмелю морозном и румянце, в летучих юбках вьюжных да переливчатых бусинах-льдинках, пожаловала она в Черкасск аккуратно к Николину дню, к самому что ни на есть дорогому праздничку казачьему!

Весь войсковой Воскресенский собор – от алтаря до входа – озарен свечками и полон православным людом. На кого же и уповать ему, как ни на Миколу-Угодника, заступника в боях лютых и в тщете мирской? Так велось на Дону исстари.

Сотник Ремезов отстоял Всенощную, обращаясь в помыслах ко Вседержителю и Николаю Чудотворцу. «Избави нас, угодниче Христов, от зол, находящих нас, и укроти волны страстей и бед, возрастающих на нас, да ради святых твоих молитв, не обымет нас напасть и не погрязнем в пучине греховней и в тине страстей наших, – шептал он, осеняясь крестным знамением. – Моли, святителю Николай, Христа Бога нашего, да подаст нам мирное житие и оставление грехов, душам же нашим спасение!»

Эти последние слова молитвы были особенно волнительны. Он незаметно прирастал к дому, привыкал к

простым нуждам и хлопотам, к тому, что рядом была Мерджан. Но «мирное житие» в любой час могло прерваться призывом в полк! Тревожные вести доходили с Кавказа, где все чаще бесчинствовали горские отряды, и с крымской стороны, объятой междоусобицей. По всему турки, хотя и подписали мирный трактат, но поползновений на господство в Крыму не оставляли.

Временами от спертого воздуха, от тесноты, от монотонного тенорка дьячка, читавшего писание, клонило в дрему, и Леонтий, преодолевая ее, думал о матери, слегшей третьего дня, о брюхатой своей женушке, о важном и мелочном, причудливо перемешанном в такой непредсказуемой жизни.

Но вот с чарующей силой подхватывал молитвенный распев хор, слаженностью голосов трогая до слез, – и душа радостно светлела. И чудилось присутствие в храме Господа и святого Угодника, внемлющих и сострадающих. Взгляд, привыкший к полумраку, точно становился острее. И Леонтий снова вглядывался в Лики святых на высоком пятиярусном иконостасе. Позолотой отливали на фоне беленых стен колонны, как бы сплетенные из виноградных лоз, дивно увивающих образа. Пред божьей ратью уже предстали его предки, батюшка Илья Денисович, многие однополчане. Но коль казак ты плоть от плоти, и крепки в душе дух ратный и вера христианская, нет иного пути, как жить и помереть заради Дона и Державы российской.

Сердце вздрагивало, когда бас священника покрывал хор певчих и, колебля огоньки свеч и лампад, раскатисто расшибался о стены. Казаки переглядывались: экий громовержец! Улыбался и Леонтий: все здесь было с детства знакомо, полно особого смысла и непознаваемой тайны, все говорило о скоротечности пребывания в юдоли земной...

Наконец священник воспел «аллилуйя». Богомольцы задвигались. После проповеди батюшки толпа поднаперла, подалась наружу.

На паперти Леонтий столкнулся с Касьяном Нартовым, урядником из его сотни. Крутоплечий, синеглазый казачина в последнее время оказывал знаки внимания Марфуше. Да и сестре, как догадывался Леонтий, ухарь был по нраву.

– С праздником, господин сотник! – выпалил Касьян, встряхнув чубатой головой. – Добра да хлеба во двор!

– И тебе того ж! – отозвался Леонтий. – Почему без шапки? Никак пропил?

– Обменял на волкобой⁶⁰. Айда в завтрашний день на гульбу! Ишо назовем с десяток гулебщиков⁶¹ и серых замордуем. Слыхал, наш платовский полк снова отправляется на борьбу с бунтовщиками. Кудысь в Рассею. Хоть напоследки позабудемся!

– Давай на другой день. Завтра поп с причтом будет курени обходить. Положено дома находиться.

– Нехай будет по-твоему. Только ты, Леонтий, на своем краю ишо ребят набери. Амором охотиться ловчей... А иде ж Марфа Ильинична?

– Да вот гляжу, – должны они с Мерджан к тому дубу, что наспроть ворот церковных, прийти.

Парень кивнул и ветром слетел со ступеней.

Позднее декабрьское утро только входило в силу, а с дальних и ближних улиц, с раскатов уже валила к соборному майдану веселая молодежь, стекались малороссы и крещеные калмыки. Вслед за ними, согласно традиции, появились особы старшинского разряда в

---

⁶⁰Волкобой (донск.) – плеть с тяжелым свинцовым шаром на конце.

⁶¹Гулебщик (донск.) – охотник.

шубах с собольими воротниками, купцы, строголикие старoverы-бородачи, бабы мужние и вдовушки, за которыми хвостиками вязалась детвора.

Леонтий, приплясывая от мороза, ждал и с интересом оглядывал майдан. Все его пространство было уставлено сбитыми на скорую руку лавками и палатками. Торговые люди, точно постовые, не покидали мест, зазывали покупателей. Чего только не сыщешь в рядах! И шали с кистями, и зеркала, и диковинные самоцветные украшения для прелестниц, и домашняя утварь, и одежда на любой вкус, – от кафтанов до шелковых тирасок! А казаков манит кубачинское и турецкое оружие: убойные ружья, шашечки-молнии да кинжалы с наборными рукоятями. В сторонке – провиантские ряды. Здесь свежесть снега мешается с запахами пшеничных булок и копченого сала, яблок, неведомых заморских фруктов, привезенных персом. Солнце встало уже в полдуба, а этот смуглый горемыка, закутанный поверх чалмы шерстяным полушалком, в толстой бурке и рукавицах, так продрог, что лишь тарашит свои темные глазищи и, едва шевеля посиневшими губами, покочетиному выкрикивает:

– Алимон! Карош-карош... Алимон-он!

Черкасцы берут в руки и с любопытством разглядывают эти округлые ярко-желтые плоды, много раз нюхают. Аромат приятственный. Но нет! Не хвалят «алимоны» в городке, кислые до оскомины. Одна только расфуфыренная краля, женка полковничья, не пожалела медяков, твердя во всеуслышание, что нет средства верней супротив клопов.

Покупки делали к Рождеству. Потому выбор снеди, несмотря на пост, был богат: окорока, бараньи ноги, вяленая белорыбица, осетрина. Немало бочек и бочонков со свежей, точно инеем подернутой паюсной икрой. Ее

охотно казаки берут, подставляя глиняные миски, и – к питейщикам! Очередь там – на полверсты. Виноторговцы, толстомясые мужички, черпаками разливают, жалея каждую каплю, бражку, многолетние меды, сивуху. У прилавка гомон и толкотня, захмелевшие бражники подходят «налить вдругорядь», их не пускают, костерят те, кто трезв. Питейщики, сохраняя невозмутимость, берут деньги из рук, отпускают зелье по оплате, – кому в чарку, кому в кувшин, а кому и в ведро!

За всем этим орлиным взором наблюдает их хозяин, владелец винокурни. Дородный, с бородой-лопатой, воронежский прасол возбужден и доволен тем, как идет продажа. Недаром, стало быть, «барашка в кармашке» сунул писарю войскового правления, пособившему получить разрешение на торговлю. Время от времени этот заезжий красавец в медвежьей шубе и шапке крестится на все девять глав величественного храма, щурясь от блеска золоченых крестов, вступает в беседы с хорошенькими казачками, гуляя по майдану. Его мучит жажда после вчерашнего застолья у писаря. Но нет нигде, даже в харчевне, привычного с пеленок кваса либо пива. Не жалуют эти «расейские» напитки казаки! Остается только хлебнуть рассола из бочки с огурцами, которые продает тут же, на отшибе, шельмоглазый дядька в тулупе и остроконечной запорожской «макитре»...

Цветастые шали Мерджан и Марфуши угадал Леонтий издали и, не мешкая, пошел навстречу. Приодетые в азямы из верблюжьей шерсти, украшенные аграмантом, обе были высоки и красивы и невольно притягивали взгляды. Леонтий очень не любил, когда на жену пялился кто-либо из казаков. На сей раз, к счастью, ничто не омрачало его настроения.

Сперва он угостил своих барышень пряниками и лущеными орехами, затем повел на пустырь за церко-

вью, где выступали скоморохи и жалобно цугикала⁶² шарманка. Мерджан до слез была тронута простой мелодией, невесть что навеявшей ей в это утро. А Марфуша вертела головой, высматривая подружек. Вскоре они сами явились, такие же веселые и ладные, и увлекли озорницу за собой.

Полдень выстоялся погожий, тихий, с раскрытым бирюзовым небом.

Мерджан шла под руку с любимым и, улыбаясь, щурилась от многоснежья, от частокола сосулук вдоль застрех куреней, горящих под солнцем. Час от часу разгулье в городке крепло, – рекой лилось вино, под бала-лайки и бандуры затевались плясы-переплясы да песни, водились хороводы, а они были вдвоем, вдвоем в целом мире. Мерджан ощущала радость, какую-то особую свою защищенность. После Рождества ее с Леонтием должны повенчать. А беременность она переносила нетрудно, – только пристрастилась грызть куски мела...

Возле прибрежного выгона не унималась старинная казачья игра. На сделанной из жердей рамке висело железное кольцо величиной, примерно, в ручной обхват. Участники, разгоня лошадей, на полном скаку должны были пробросить пику сквозь это кольцо так, чтобы не зазвенел привязанный к нему колокольчик. Ухари сменяли друг друга, но трехаршинные пики то и дело задевали за ободок, рассыпая веселое треньканье.

– Дюжей надо метать! – пояснял Леонтий жене. – Чтоб летела, как пуля. Я раньше тоже забавлялся.

В конце майдана добровольцы-драчуны кучковались вокруг судьи, есаула Браткова. Леонтий, заприметив однополчан, не сдержался. Несмотря на отговоры жены, повел туда, сбросил ей на руки новехонький бешмет и шапку.

---

⁶²Цугикать (донск.) – играть.

В кулачном бою платовцам противостояли казаки Рыковской станицы и Алексеевского бастиона. Среди них были батарейцы, нянчившие ядра и на своих руках таскавшие мортиры. Да и кулачищи у них, в самом деле, походили на чугунные шары. Три года подряд побивали они всех супротивников.

Носком сапога подручный Браткова, лихой вислоусый казачок, прочертил по снежному насту между. А сам есаул, дав команду разойтись, с одной и с другой стороны воткнул по флажку. Гурьбе Леонтия достался синий, а батарейцам – алый. Победителями становились те, кто переносил флажок противника на свою делянку.

– Сходись! – гаркнул Братков, выкатив глаза и шевельнув рыжими косматыми бровями.

Мерджан в первый раз видела, как две ватаги казаков, только что дружески говорившие между собою, бросились в драку. Под возгласы и грозные крики замелькали кулаки! В ратоборство вступали попарно. Поначалу сторонники Леонтия, удерживая «стенку», отмахивались от пушкарей. Но те, войдя в азарт, изломали порядки платовцев и потеснили назад. Вот уже двое приятелей Леонтия сели на снег, закрывая ладонями разбитые лица. Вот и самого его, искусного кулачника, с двух рук проворно «метелит» казак с бастиона, рослый и по-медвежьему сутулый. Верхняя губа Леонтия разбита, нос распух, но дерется он по-прежнему упорно, уворачиваясь и ответно осыпая батарейца тумаклами. И вдруг могучий верзила, пропустив удар Леонтия, дернул головой и закачался по-пьяному, пошел вбок и припал на колено...

Мерджан, которую разбирало волнение и тянуло кинуться мужу на выручку, выкрикнула и прицокнула языком. Но тут же мужа высмотрел знаменитый боец Василь Мета, успевший также уложить одного против-

ника. Василь неказист, но шея у него, как у быка, а ручки вроде кузнечных щипцов. Случалось, на спор разгибал он подковы. Разок пропустил Леонтий его выпад, второй. Мерджан, объятая гневом, швырнула на землю все, что было в руках, и кинулась к мужу. В мгновение донесли ее ноги к дерущимся. Разъяренным зверем налетела она на Василя, вцепилась рукой в его оттопыренное ухо. Ахнув от неожиданной боли, станичник скосил голову и не поверил глазам: на него напала... баба! Он отмахнулся локтем, толкнул ногоянку в грудь. Леонтий задохнулся от ярости. И, увидев в его глазах безумный блеск, Василь, этот непобедимый кулачник, попятился...

Между тем платовцы, дав противнику порастрахать силы, перешли в наступ. Бой затягивался. Есаул Братков и старики-судьи теряли терпение: давно были приготовлены два бочонка полтавской горилки и жбан с квашеной капустой. Тут и смекнул дед Филимон, что платовцам надлежит присудить поражение, так как на их позицию выбегала баба, чиня супротивникам ущерб. Его поддержали старшины. Есаул рывкнул: «Разбороняйся!», – и громогласно объявил решение судей. И Мета, в знак справедливости, всем продемонстрировал свое надорванное ухо.

Мерджан, хотя и не знала, что существуют такие правила, очень огорчилась. Но Леонтий успокоил жену: каждый раз судьи решают по-своему и никаких особых правил вовсе не существует. Она немного постояла в сторонке, наблюдая, как муж с казаками делил «чашу круговую». А затем ушла...

Казаки гулеванили, пили вдосталь. Славно потешились, разукрасив друг друга до неузнаваемости, – ни один день придется вылеживаться на печи. Это пройдет, а смелость и навыки рукопашной останутся!

Смерклось по-зимнему быстро. Стало студено. Леонтий, захмелевший и обессиленный, двинулся к своему куреню, улыбаясь и пытаясь петь, шлепая непослушными разбитыми губами...

В курене Мерджан не оказалось. Она вообще не приходила, хотя предупредила Леонтия, чтобы не задерживался. Хмель как рукой сняло. Поднятые по тревоге казаки его сотни обошли курени, где у тумок⁶³ или чиберок могла загоститься ногоянка. Но никто ее не видывал и не знал, где она может быть. Не сразу сообразил Леонтий, что жену могли подкараулить ногойцы, не простившие того, что приняла крещение и наречена христианским именем Мария. Два конных отряда направились по кавказскому тракту в разные стороны, надеясь настичь злоумышленников. Но, как назло, повалил снег. И за час так замело дорогу, что даже для коня она стал непроезжей. Казаки стали вразумлять Леонтия, что надо возвращаться. Он наотрез отказался и в одиночку погнал Айдана в морозную вьюжную ночь. Односумы с трудом его догнали и, связав, привезли домой.

След Мерджан затерялся...

3

С того сентябрьского дня, когда стало известно о поимке Пугачева, Екатерина не могла четко определить степень своего участия в решении судьбы злодея. Всякий раз получая письма от Вольтера, Гримма или Дидро, она невольно настраивалась на их образ мышления. Сии мудрецы отличались атеистическими воззрениями. И все же удачу, сопутствующую ей в последний год, императрица восприняла, как промысел Божий. Война с Турцией опустошила государственную казну.

---

⁶³Тумка (донск.) – женщина из татарского рода.

Рекрутские наборы вымели крестьян из деревень и селений, приведя хлебопашество в упадок. И мор чумной, и голод, и безжалостное обращение помещиков с крепостными, – все это делало ее народ несчастным. Она с благими намерениями пыталась отменить рабство, принять закон, дающий крестьянам волю. Показывая пример решимости, Екатерина Алексеевна выкупала крепостной люд и переводила в мещанство. Но сановная знать и дворянство этим реформам воспротивились. Россия – не Европа, здесь, дескать, либеральничать опасно... Вот и стал расплатой за всё зло, причиненное этими упрямыми черни, за варварское к ней отношение, бунт Емельки Пугачева!

Целый год длилось это дьявольское, по своей необузданности и жестокости, испытание. Пик его совпал с приездом в Петербург Дидро. В первое время они беседовали ежедневно, касаясь разнообразных тем, обсуждая ситуацию в Польше и пути заключения мира с Портой. Дидро заводил речь о преобразованиях в России. Она внимала философу, а сама думала о том, где найти войсковой резерв для усиления отрядов, посланных на пресечение сполоха яицких казаков. Казалось невероятным, что они, многократно приезжавшие к ней с челобитными, присягнули разбойнику, объявив, что он – истинный царь Петр III! Эта бесстыдная ложь эхом разлетелась по Яику, Волге и Уралу. А в Европе – новая напасть! Вдруг объявилась лжедочь покойной государыни Елизаветы Петровны, также претендующая на царский трон! И эти две самозванные, точно из преисподней возникшие тени вызывали в стране, принадлежащей ей, злоумышленное брожение умов. Как можно было в этих условиях проводить реформы?

Вот и сейчас, три месяца спустя после пленения вора Пугачева, когда преступления его расследованы, а сам

он доставлен в Москву и допрошен статс-секретарем Тайной экспедиции Шешковским, Екатерина избегала поставить точку в приговоре злоумышленникам. В том, что зачинщик смуты заслуживает лишения жизни, никто не сомневался. Но совершено должно быть не убийство, а на поучение народа – казнь! Возмездие – торжество справедливости и перст Божий...

Этим утром императрица не могла унять меланхолию. За окнами валил снег, прилепляясь к стеклу и рисуя причудливые узорцы. А мысли настойчиво обращались к тому, что завершается год, и молодость ее отступает все дальше, а душа чувствует глубже, страсти обретают неведомый прежде накал, и хочется быть с «Гришулечкой», бездумной и покорной, и бесконечно любимой. И всеми поступками рыцарь ее это подтверждает. И как будто нет причин для грусти, но она слишком искушена, чтобы не знать быстротечности всего: и любви, и славы, и жизни...

Обер-камердинер подал на серебряном подносе записку, и по ее форме, по крупному почерку Екатерина поняла, что она от «милюши». Потемкин захворал горячкой полторы недели назад, и как ни старался придворный врач Иван Кельхен излечить Григория Александровича, пациент оставался слаб и не покидал своих покоев. А с ним необходимо было посоветоваться, поскольку следственные действия по делу Пугачевского мятежа были окончены, и руководивший ими Павел Потемкин привез материалы. Пора было обнародовать Манифест о мятеже, определить состав суда и обоснование приговора. Недуг «тайного супруга» смешал планы Екатерины, которая собственной рукой набросала проект или, по ее определению, «мотивы» Манифеста. Слава богу, «сударка» написал, что чувствует себя лучше!

Екатерина быстро взяла ручку, макнула ее в чернильницу и стала строчить ответ: «Батинька, мой друг. Грустно до бесконечности, что ты недомогаешь. Чрез час или менее пришло я мотивы к Манифесту и прошу тебя, буде нетрудно, оных прочесть. И буде ими доволен, то вручи их Преосвященному, дабы сочинил Манифест». Екатерина остановилась, взвешивая, насколько правильно ее решение доверить окончательную редакцию документа архиепископу Гавриилу. Пастырь Санкт-Петербургский и Ревельский был в тесных отношениях с Потемкиным, отличался мудростью и благонравием. Его слово будет иметь должный отклик и среди духовенства, и среди влиятельных людей...

Отослав весточку «Гришёнку», императрица еще раз принялась просматривать проект Манифеста. Начало было общепринятым для царских обращений:

«Объявляем во всенародное известие. Всему свету ведомо есть и многими опытами дел наших повсюду доказано, что мы, приняв от промысла божия самодержавную власть Всероссийской империи, главнейшим правилом в царствование наше положили пещись о благосостоянии вверенных нам от всевышнего верно-подданных, по намерениям и в угодность подателя всякого блага, творца, несмотря ни на какой род препятствия. Мы жизнь нашу посвятили тому, чтоб доставить в империи нашей живущим всякого состояния людям мирное и безмятежное житие. Для того мы непрерывный труд прилагаем к утверждению христианского благочестия, к поправлению законов гражданских, к воспитанию юношества, к пресечению несправедливости и пороков, к искоренению притеснений, лихомании и взятков, к умалению праздности и нерадения к должностям».

Екатерина скользнула взглядом ниже, пропустив абзац о заключении мира с Портою, и вновь сосредоточилась на чтении:

«...Видя единственное стремление ума нашего довести империю делами подобными до высшей степени благосостояния, кто не будет иметь праведного омерзения к тем внутренним врагам отечественного покоя, которые выступя из послушания всякого рода, дерзали, во-первых, поднять оружие против законной власти, пристали к известному бунтовщику и самозванцу донскому казаку Емельке Пугачеву, а потом обще с ним чрез целый год производили лютейшие варварства в губерниях Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнем церкви божии, грады и селения, грабя святых мест и всяческого рода имущества и поражая мечом разными ими вымышленными мучениями и убийством священнослужителей и состояния вышнего и нижнего обоего пола людей, даже и до невинных младенцев».

Далее шла речь о преступлениях пугачевской шайки. О том, что следствие завершено, и она направляет его выводы в Сенат, «повелевая купно с синодскими членами, в Москве находящимися, призвав первых трех классов персон с президентами всех коллегий, выслушать оное от помянутых присутствующих в Тайной экспедиции, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям против империи, к безопасности личныя человеческого рода и имущества».

Подкатившая тошнота напомнила о беременности. Это обстоятельство, открывшееся недавно, безусловно, затруднит проведение задуманного летом празднества в Москве в годовщину мира с Турцией. Волю Божью виде-

ла она и в своем будущем материнстве, и в том, что образ ее жизни диктуют обязанности императрицы. Лишь ей одной ведомо, как тяжело быть в двух лицах – женщиной и государыней – как противоречивы бывают чувства и помыслы. Но покамест ей удается покоряться рассудку, который всегда оказывался прочней любой страсти.

И, вернувшись к «Манифесту», окинув взглядом исписанный лист, Екатерина добавила:

«Касающиеся же до оскорблений нашего величества, мы, презирая, предаем оные вечному забвению: ибо сии вины суть единственно те, в коих при сем случае милосердие и человеколюбие наше обыкновенное место иметь может...»

И в течение всего дня, принимая доклады и подписывая документы, выслушивая обер-полицмейстера Чичерина о происшествиях за последние сутки, беседа с президентом Коллегии экономии Хитрово и правителем дел Высочайшего Совета Стрекаловым, с президентом коммерц-коллегии Минихом, Екатерина не могла отрешиться от грусти. Идти в апартаменты Потемкина ей было непозволительно как царице. А знать, что «Милюша» рядом, но не видеть его, не видеть больше недели – мука мученическая!

Под вечер разыгралась вьюга. Вой ветра, снежные нахлесты наполнили дворец шумом и отголосками. Постный ужин Екатерина разделила только с Марией Саввишной. Верная и незаменимая ее заботница, камер-юнгфера, составила пару и при раскладке пасьянса. Императрица была рассеяна и, быстро заскучав, смешала карты.

– Уж не больны ли вы, матушка Екатерина Алексеевна? – участливо спросила Мария Саввишна, подшибаясь рукой и кладя на неё пухлый подбородок. – Не приказать ли заварить чабрецу?

– Волнительно невесть почему. Покидают меня соратники, люди проверенные. В августе Захар Чернышев оставил Военную коллегию. Теперь – вице-канцлер Голицын подал в отставку. За ним – трое из братьев Орловых. Владимир отказался директорствовать в Академии наук. Григорий Григорьевич уезжает за границу. Федор тоже просится с государственной службы. Да и Алехан, как только вернется из Италии, поступит точно так же.

– А куда, ваше величество, денешься! Одни стареют, другие им на смену встают. Чай не бедна наша Россия достойными людьми.

– Человек может быть достойным, но в намерениях своих предерзок, злоумышлен. Делами ставит он себя! Я в эту сентенцию смолоду уверовала. И при Дворе тщусь отмечать тех, кто не ради выгоды собственной, а блага всеобщего радеет и служит... Я, пожалуй, снова разложу пасьянс, а ты, голубушка, сделай милость. Передай через адъютанта записочку Григорию Александровичу!

Перекусихина, дородная рязанская дворянка, расторопно поднялась и бабочкой порхнула к двери.

4

Кучук-Кайнаджирский трактат положил конец военному противостоянию Российской и Османской империи, обозначил границы и условия международных отношений, но отнюдь не гарантировал дальнейшего покоя. Более того, составленный на трех языках: русском, турецком и итальянском, он у каждой стороны вызывал свое собственное истолкование, что приводило к спорам и путанице. Австрийский посланник Тугут считал даже, что благодаря уловкам в тексте, русские одурачили Абдул-Гамида.

Надо полагать, австриец заблуждался. Турецкого султана совсем не интересовали стилистические тонкости текста. Он всячески оттягивал государственное признание соглашения с русской царицей, обязывающего выплатить огромную контрибуцию. Абдул-Гамид правил Портой всего полгода и то, что его приход к власти начался с поражения в войне, больно ранило самолюбие правоверного турка. В минуты откровения он говорил единомышленникам, что с Россией заключен не мир, а всего лишь перемирие. И надлежит готовиться к реваншу, к возврату черноморских крепостей и Крыма, к завоеванию Кубани и Кабарды. Для этого, прежде всего, требовался флот, восстановление которого займет несколько лет. Да и деморализованная его армия требовала обновления и перевооружения. Исход сражений решали пушки и огнестрельное оружие. В этом европейцы превосходили султана. А ближайшей целью Абдул-Гамид выбрал Кубань и Кабарду, чтобы военный пожар, зажженный горцами, не только ослабил Россию, но и перекинулся в Крым. Благо, русско-турецкая граница шла по реке Кубань, и на левобережной стороне могли скрываться отряды, враждебные Екатерине. Поднял дух султана и приезд в Константинополь татарской делегации, обратившейся к нему с нижайшей просьбой вновь взять покровительство над Крымским ханством, простирая на народ его не только власть халифа всех магометан, но и государственную. Русский представитель при Дворе султана, полковник Петерсон, требовал высылки мятежных татар, выполняя указания императрицы, но турецкие власти чего-то выжидали...

Евдоким Алексеевич Щербинин, получив ордер из Иностранной коллегии, оставил все дела Слободской губернии и выехал из Харькова в ногайские кочевья.

Ранняя в этом году объявилась зимушка на юге! Высокие снега искрились по всей приазовской равнине. И хотя путь пролегал по наезженному тракту, охранение губернатора было усилено полусотней казаков. Ехал он не с пустыми руками, с целым мешком денег. Рескрипт императрицы от 12-го ноября повелевал начать действия по отделению Кубани от Крыма. Предполагалось создать Татарскую область или Ногайское ханство. Это объединило бы все орды, переселившиеся из Бессарабии. Но как их сплотить, постоянно между собой враждующих, нарушающих договоры и присяги?

В Ейском укреплении Евдокима Алексеевича ждал представитель России при ногайских ордах Стремоухов. Он уведомил о том, что Шагин-Гирей и Джан Мамбет-бей, как требовала депеша, предупреждены и явятся по первому требованию. Щербинину отвели натопленное помещение приставства, а свита его и конвой расположились в караулах и палатках вместе с солдатами гарнизона.

Утром на переговоры прибыли правитель едисанцев и буджаков Джан-Мамбет-бей и новый ногайский сераскир Шагин-Гирей. В комнату высокого русского посланника, им хорошо знакомого, они вошли порознь. И это не осталось незамеченным Евдокимом Алексеевичем. Он переглянулся со своим секретарем и переводчиком Андреем Дементьевым. По всему, разговор предстоит непростой!

– Я рад приветствовать Ваше высокопревосходительство, – подчеркнуто официально обратился Шагин-Гирей. – Вы многое сделали для моего народа, да не оставит вас милость Аллаха!

Шагин-Гирей, вкусивший и меда, и яда власти, в двадцать лет назначенный Керим-Гиреем ногайским сераскиром, ныне вновь занимал эту высшую военную

должность. Но, судя по его усталому виду и холодному выражению глаз, проблем у ставленника русской императрицы было предостаточно.

А Джан-Мамбет, заметно одряхлевший и морщинистый, напротив, был разговорчив и спокоен. Только больше прежнего щурился, – вероятно, слабели глаза. На нем щетинилась, во весь рост, просторная волчья шуба, скрывающая ноги. И хотя в приставстве топили печь, ногаец не снял ни одежды, ни лисьего малахая.

– Я прибыл к вам, достопочтенные вожди, по поручению всемилостивейшей государыни Екатерины Алексеевны. Новые обстоятельства... – Щербинин умолк и проговорил внушительней. – Новые обстоятельства, открывшиеся нам в последнее время, связаны с будущностью дружественных нам орд и всей державы нашей. Мы знакомы давно, многожды встречались, и я надеюсь, что найдем взаимопонимание.

Джан-Мамбет слушал не шевелясь, как истукан. А сераскир перебирал в руках черные агатовые четки и время от времени поправлял воротник своего верблюжьего кафтана. Он старался выглядеть солидным, но внутренняя тревога не покидала его.

– Прежде всего, я хотел бы выслушать вас, – доверительно произнес Щербинин, поворачиваясь к правителю ногайцев и отдавая ему дань уважения как старшему по возрасту. Шагин обидчиво прищурил глаза. Кровь бросилась ему в лицо. Наследственный хан, очевидно, посчитал себя уязвленным.

– Передай, Евдоким-эфенди, царице, что совсем плохо стало жить ногайцам, – медленно подбирая слова переводчик, ловя сбивчивую речь бея. – Снега очень много, а корма для скота очень мало. Едисанцы и буджаки обеднели и испытывают голод. Нет ни хлеба, ни проса. От хворей много умирает детей и стариков. Мы

не можем находиться в степи. Мы хотим переселиться к горам, где для укрытия есть леса. Часть едисанцев ушла за Кубань. На той, турецкой стороне, зимуют и другие орды. Турки им дают деньги и привозят продукты. Этого и мы просим у царицы Екатерины. Многие мурзы ропщут и предлагают вернуться в Бессарабию или в Крым. Они считают себя поданными хана и отказываются подчиняться русским.

– В приграничные крепости, откуда ведется торговля с ордами, уже отправлено четыре тысячи четвертей хлеба и круп. Это не меньше, чем в тот год, когда я впервые приезжал сюда. Нужды едисанцев и буджаков, степных кочевников, нам известны. Вы вольны расселяться по всей территории Правокубанья, от Азова до Еи и далее, на юг. Однако есть одно условие. Вдоль берега Кубани находятся наши пограничные заставы, и скопление людей там недопустимо, – предупредил Щербинин, встречая колючий взгляд бея. – Новые селения необходимо обустроить на наших землях. Хотя бы временные – на зимние месяцы. Не стану перечислять все выгоды для ваших людей. Мы не намерены диктовать им образ жизни, уважаем вашу волю и выбор. С этой целью и задумала императрица создать Татарскую область, населенную ногайцами и иными племенами. Возглавить ее должен выборный правитель, пользующийся уважением.

– Идея хороша, но препятствий чрезвычайно много, – рассудил Шагин-Гирей. – В прежние годы и ногайские орды, и татары мирно уживались в одном ханстве. Как сераскир я должен признать, что в данный момент между ордами нет согласия.

Джан-Мамбет вспыхнул, поднял свой дребезжащий голосок:

– Достоправный Шагин из рода Гиреев! Аллах свидетель, что ратовал я перед мурзами и царицей русской

Екатериной, чтобы стал ты сераскиром... Ты говоришь пустые слова! Ногайцы должны образовать свое ханство! Мы хотим навечно иметь землю, собственную страну. Мы заслуживаем этого так же, как и достолавные татары.

– Мы кровью и мечом завоевали свою землю и по сей день отстаиваем ее! – с пафосом выкрикнул сераскир. – А у ногайских орд, вверенных мне, приверженность к интригам и распрям. Только силой вооруженных отрядов приходится пресекать попытки лукавых мурз переметнуться к османам... Ваше высокопревосходительство, с помощью Аллаха мне удалось договориться с правителями всех орд, кроме едичкульцев.

– Об этом мы поговорим отдельно, – остановил сераскира Щербинин, давая понять, что деньги для подкупа этой орды привезены. – Важным вопросом, господа, остается подданство. По словам подполковника Стремоухова, большинство мурз готово стать под скипетр Ее Императорского Величества. Что же до границ будущего ханства, то они будут установлены в пределах нынешних ногайских кочевий и далее, до земель Войска Донского. Но сие станет возможным лишь после присягания орд на вхождение в состав Российской империи.

– Я подтверждаю все клятвенные обещания русской царице в дружественном отношении и почту за счастье стать ее подданным, – заверил старый бей и тяжело вздохнул. – Но как убедить в этом мулл и владельцев, принадлежащих не мне, а Аллаху?

– Мы гарантируем свободу вероисповедания и поддержку магометанскому духовенству, – заверил русский генерал. – В империи живут тысячи приверженцев ислама. Я получил известие из Моздока, что переговоры астраханского губернатора Кречетникова с осетинской депутацией завершились соглашением о принятии осе-

тинцами российского подданства и добровольном переселении желающих на равнинные земли. Ранее такое же решение приняли карабулаки и ингуши.

– Мы привыкли к полной независимости, – возразил Шагин-Гирей, кладя четки на стол. – Россия и Порта дали Крыму самостоятельность. И если орды войдут в империю Екатерины, это будет нарушением прежних договоренностей.

– Ее Императорское Величество надеется, что ногайцы примут подданство без нашего участия, – откровенно сказал Щербинин, начиная раздражаться от затянутости переговоров. Пора было метать козырь!

– В России надеются, что при вашей мудрой поддержке, Джан-Мамбет, титул хана ногайского народа будет предложен единственно достойному, который пользуется среди орд признанием. И это – досточтимый Шагин-Гирей!

Сераскир, внешне оставаясь невозмутимым, встал и поклонился посланнику. А Щербинин не спускал глаз с ногайского предводителя.

– Да свершится так по воле Аллаха! – после раздумий согласился бей и провел ладонями по лицу, и следом этот молитвенный жест повторил Шагин-Гирей.

– Ежели ногайцы станут детьми Ее Императорского Величества, мы значительно увеличим помощь. Прежде всего, провиантом и прочими товарами, – пообещал русский генерал. – Но и от вас мы ожидаем верного служения Российской империи!

Затем Щербинин уделил бею еще час для личной аудиенции, во время которой вручил предводителю увесистый мешочек с золотом. А Шагин-Гирею посланник царский передал тридцать пять тысяч целковых для воинственных едичкульцев, запросивших эту сумму.

После этого ханский дофин стал сговорчивей. Он, не жалея слов, клеймил орды за невежество, алчность. И несколько раз повторил, что только военная сила и золото способны удерживать кочевья мурз в покорности.

Евдоким Алексеевич, выслушав сераскира, убедился в его боевом настрое и непомерном самолюбии. Бесспорно, из всех государственных лиц крымского ханства, этот родовитый татарин был наиболее трезво-мыслящим. Как бы там ни было, но в дальнейшем императрица склонна делать ставку именно на него...

Вояж Щербинина в ногайские кочевья был скоротечен. Бывший измайловец и боевой офицер, глава Слободской губернии, он привык действовать энергично. Тройка лошадей мчала его домой, а курьеры с подробным отчетом еще шибче гнали скакунов в Санкт-Петербург. Там с нетерпением ждал вестей Панин, сторонник создания Ногайского ханства. Отделение Кубани, как полагал он, ослабит крымского хана и усилит позиции империи в Кабарде. Впрочем, эта многообещающая идея объединения ногайских орд не предусматривала строгих сроков реализации. Международная обстановка осложнялась. Франция, Швеция и Австро-Венгрия мирный трактат с османами восприняли, как сигнал к общим решительным действиям против Екатерины. В их сторону поглядывала и Пруссия...

Никита Иванович Панин любил сравнивать европейский миропорядок с аптекарскими весами. Равный груз на обеих чашах, кажется, незыблемо удерживает их в статическом положении. Но достаточно лишь мизерной гирьки, чтоб это равновесие нарушить...

5

Исстари велся на Дону казаками промысел, который был не только забавой, но поучительным испытанием и

проверкой готовности к службе. В зимние месяцы сбивались станичники в гурты по несколько десятков человек и отправлялись в дальние урочища, на Терек и Медведицу, а то и на Куму-речку полевать зверя, – на гульбу, как называли они охоту. Брали с собой ружья и пистолеты, запас пороха и свинца, чеканы, топорики на длинных ручках, нагайки-волкобойки и укороченные пики, именуемые дротиками. Охотники, или гулебщики, добывали зверье с коней, арканили тарпанов, сайгаков и косуль. Если пойманного дикого коника удавалось объездить, то желанней боевого гривастого «дружка» для казака и быть не могло! Приземистая, выносливая, буйнонравная, эта лошадка смело бросалась вдогонку за волком, встречь вепрю, а ударами задних ног, случалось, валила наземь медведицу.

Но с петровской поры, когда государство взяло донцов в узду, казачьи коши гораздо реже отправлялись на вольную потеху. Теперь охоту затевали они неподалеку от куреней и войскового начальства. Сверх того, сами атаманы, приурочив ее к одному из праздников, скликали казаков на Большую охоту. Намечал было войсковой атаман Сулин устроить всеобщую облаву накануне Николы зимнего, но стужа и метели порушили планы. Зато после праздничка погода держалась маломорозная, солнечная.

Леонтий, встав затемна, протопил в курене печь, порубил тушку дрофы, подстреленной на прошлой охоте, и поставил варить. Марфушу, досматривавшую свои девичьи сны, будить не стал. А поднявшейся вместе с ним матери напомнил, что на весь день уезжает на охоту и попросил положить в суму кругликов и вяленую сулу⁶⁴. Затем вышел на баз, напоил своего Айдана и задал овса. Сарай-денник, крытый камышовой дву-

---

⁶⁴Сула (донск.) – судак.

скатной крышей, был припорошен ночным снегом. Свежая пелена его похрустывала под валеными сапогами. Это был добрый знак – охотиться по свежему следу верней!

С зарей к курганам Двух братьев, что в видимости с крайней улицы, съехалось не менее трех сотен казаков. Примерно столько же подтянулось пеших. Оживленные разговоры, хохот будоражили рассветную степь. Однополчане радовались друг другу, перебрасывались шутками да прибаутками. Леонтий разговаривал то с Мишкой Шелеховым, то с Акимовым, то с богатырем Белощекиным. Они не виделись, почитай, с того дня, когда полк прибыл на родину. Но вскоре распорядитель приказал пешим выдвинуться на высоты займища, а доброконным рассредоточиться вдоль Дона, чтобы отрезать отход зверья в камыши и заросли тальника. Ружейникам же и нагаечникам предстояло дать по балкам кругаля и замкнуть сторону степи.

Ремезов с Белощекиным и Касьяном Нартовым пустили лошадей к берегу. За ними последовало еще человек тридцать полевщиков, с заткнутыми за пояс, скрученными волкобойками. Сполох копыт растаял в неподвижном морозном воздухе.

Многолюдство, запахи лошадей, отрывистые голоса казаков, бряцание оружия – все это живо напомнило Леонтию полк, походы. И дрогнула душа от присутствия скачущих рядом казаков, от возрастающего азарта и предвкушения охоты! Хотя схватка с хищником не проста и непримирима. Он не способен на подлость, а силен отвагой и хитростью. И это звериное рыцарство казаками всегда почиталось.

Кош гулебщиков, в котором был Леонтий, занял горловину займища. Атаман Сулин и полковники наблюдали за перемещением охотников с кургана. Когда

займище было окружено, трехкратный ружейный залп возвестил о начале гона!

Первой двинулась цепь верхоконных со стороны степи. Снег доставал лошадям до колен, не давая разогнаться. Одновременно пешехожие, сужая пространство, спустились с холмов. По низкому небу кочевали гривастые тучи, подстегиваемые ветром. Тень и пятна света бежали по снежному морю. Временами яркие звездочки вспыхивали на серебряных кольцах сбруй. Стоголосый рев охотников возрастал по мере приближения к займищу.

Леонтий с трудом удерживал Айдана, возбужденного шумом и близостью кобыл, На пару с Пантелеем Белощекиным они таились в засаде, на склоне, скрытом кустами шиповника. Поверх лоз открывалась вся ширь займища.

Великая казацкая потеха разгоралась! Стадо зайцев металось между всадниками, нещадно засекающими их нагайками. Вдоль низины, где желтели кулижки камыша и топорщились лозняки, конники гаяли лисиц и кабанов, петляющих туда-сюда, тараном пробивающих препятствия. При виде этого у Леонтия захватило дух!

– Изготовься! Зараз и нам будет развесело! – пробасил Белощекин, поигрывая своим мощным ременным волкобоем, увенчанным тяжелым шаром. Нагайка эта была недлинна, но в ручище Пантелея обретала сокрушительную силу. По всему Черкасску ведали, что лучше его никто не валит волков. С одного-двух ударов ломал он серому лопатки. И теперь, вглядываясь в пространство между скатами, в испещренную следами снежную гладь, богатырь ожидал появления волков. Их здесь видели дрововозы в первоснежье. Однако из-за дальних деревьев вылетели косули, – и попали под дротики и нагайки охотников.

Всего на минуту отвлеклись Леонтий и его приятель, и этого жожаку оказалось достаточно. Машистым бегом, проломив тальники, он провел стаю мимо казаков.

Но тотчас с соседнего поста полохнул ружейный залп. Сизое пороховое облачко повисло на ветках терновника. Запах дыма волнующе опьянил казаков. Похоже, волки дальше не ушли...

Между тем гайчики, сомкнув строй, завершали гон.

Леонтий, не выдержав, тронул коня, который почему-то стал непослушно пятиться. Какой-то странный желтоватый узор мелькнул сквозь красноватые ветки молодого боярышника. «Никак, рысь?» – ожгла Леонтия догадка, и он, перехватив по-боевому дротик, выкрикнул:

– Рысь! Отбивай от леса!

Белощекин, оказавшись впереди, смахнул со склона. А Леонтий направил коня к распадку камней. Саженой двадцать оставалось до места, где мог быть зверь. И, храня молчание, они, опытные охотники, поняли друг друга, решили атаковать с ходу.

Заскочивший наперёд Белощекин от изумления ахнул, когда его дончак осадисто замедлил бег, остановился и с громким ржанием взвился на дыбки. Непривычная растерянность омрачила лицо бородача. Он заткнул ручку нагайки за пояс, катнув свинцовый шар по земле, и выдернул из переметной сумы чекан. Леонтий, поравнявшись с ним, увидел между колючими зарослями терновника, огромную пятнистую кошку. Размером она была с полугодовалого телка. По серебристой лоснящейся шерсти, точно медяки, были рассыпаны охристо-красноватые пятнышки. Бросилась в глаза большая головень этого невиданного прежде зверя, коричневые прижатые уши, широкий, такого же

цвета, нос и светлая шея, по которой тянулись тонкие полоски.

– Барс, – только и выдохнул Пантелей и, судорожно глотая слюну, посмотрел на своего напарника. Отчаянный блеск в глазах богатыря ободрил Леонтия.

Могучий зверь, скалясь, присел на задние лапы. Позади него все ближе слышался шум гона, по-младенчески рыдающие голоса раненых зайцев. Барс вздрогнул всем телом, на миг скосил голову на густолесье. Отступить было некуда. Путь остался только вперед!

Леонтий обостренным зрением уловил вымах передних лап барса, его ощеренную клыкастую пасть, и взметнувшийся длинный хвост с черными кольцами на кончике. Вероятно, хищник был молод, безогляден, и бросился напролом. В тот же миг казаки рванули лошадей навстречу! Пантелей занес чекан, правя наперерез зверю. А Леонтий, подстегнутый тем бесстрашием, которое овладевает человеком в минуту крайней опасности, понял с ужасающей ясностью, что Белошекин не успеет ему помочь, если этот могучий кот сделает прыжок или ударит лапой. Окаменевшая рука срослась с дротиком, и лишь вскользь выхватывал взгляд, сосредоточенный на звере, острие его старинного оружия...

Перед прыжком барс, пригнувшись к земле, метнулся влево, заставив Айдана стать боком. Следующим движением он бы сомкнул зубы на горле лошади, если бы не разящий, как молния, удар казачьего дротика. Он вошел зверю под грудину наискось, и на мгновенье заставил отпрянуть. Белошекин в тот же миг изо всей силы опустил чекан на шею барса и вторым ударом заставил его пошатнуться. Леонтий выхватил из ножен шашку. Но она уже не понадобилась. Темная кровь ключом била из зияющей на шее раны. И этот царственный обитатель Кавказа, точно прощаясь, протонав, лег на-

земь. Жажда жизни заставила его снова встать на лапы. Но тут же, содрогнувшись, он рухнул, с торчащим в груди дротиком...

На всеобщем пиру в атаманском правлении войсковой атаман Сулин предложил выпить за лучшего гулебщика, сотника Ремезова. А Леонтий не мог отрешиться от холода, сковавшего грудь. Тоска по Мерджан, непреодолимая боль утраты, не покидали его. Закружило застолье, но не согрелась душа байками да водкой. Мир стал горестным и пустым без любимой.

Слава охотника-смельчака обернулась для сотника Ремезова новым испытанием. Хотя его полк готовился к походу в Пошехонский край, в Поволжье и на Вологодчину, где разбойничали шайки бунтовщика Васильчихина и недобитых пугачевцев, Леонтий был вызван в войсковое правление с полусотней казаков, отобранных из разных частей.

Семен Никитич Сулин, разгладив бороду и приняв строгий вид, приказал писарю зачитать ордер, поступивший от главнокомандующего всеми иррегулярными войсками империи графа Потемкина. В нем повелевалось: «По получении сего имеет Войсковая канцелярия, набрав из самых лучших и способнейших в оборотах казацкой службы 65 человек, на легких, прочных лошадях, отправить в Москву, приказав явиться у меня, стараясь при том, чтобы оные к январю месяцу наступающего года прибыть туда могли. А как оные имеют быть употреблены, в знак ревности и усердия всего войска — при Высочайшем Ея Императорского Величества Дворе, то и не сомневаюсь я, что войско Донское избраним к тому из имянитых и лучших людей, соответствующих как знанием службы, так и поведением своим, оправдает то непрестанное мое у престола Ея ходатайство, которое я к благополучию его употребляю, а о достав-

лении им в пути продовольствия предложено от меня господину генерал-майору Потапову».

Казачи слушали писаря, стоя навытяжку, еще не понимая, что именно на них пал атаманский выбор. Подняв голову, Сулин безо всяких обиняков объявил:

– По решению войскового Совета и моей волей, братцы-казаки, надлежит примерным поведением и рачительной службою прославить вольный Дон при Дворе Ее Императорского Величества. На сборы отвожу в аккурат три дня. Командиром сего почетного сикурса, а лучше сказать эскадрона, я назначаю всем известного полковника Орлова. От обер-коменданта крепости Святого Димитрия Потапова намерен я получил циркуляр о выделении провианта, фуража и прочего довольствия. Распоряжаться этим будет вверенный ему поручик Матзьянин. Одним словом, братцы-донцы, с Богом!

Атаман повернулся к своему канцеляристу, сутулому парню из иногородних, и приказал огласить список, включающий офицеров, казаков и денщиков. Он составлен был, согласно чинам, и среди офицеров – пятой оказалась фамилия сотника Ремезова. Леонтий, намеривавшийся с теплом отправиться на поиски Мерджан в кавказский край, с горечью понял, что план его рушится. Неведомо насколько отправляли донскую команду в Москву, неизвестно, в чем состояла там службца...

6

Великий переезд царского Двора из Петербурга в Первопрестольную начался сразу же после Рождества.

Первыми тронулись обозы с имуществом и провиантом, различные дворцовые службы, придворная челядь и конюшенные. За ними последовали чиновники среднего уровня, канцеляристы и секретари. Наконец отправились особы, приближенные к императрице:

статс-дамы, камергеры, адъютанты и церемониальный гусарский взвод. Сама императрица, встретив новый 1775 год и получив подробную реляцию о казни Пугачева и его сообщников, выехала со своей свитой только 16-го января. Сопровождали ее вице-канцлер Голицын, генерал-аншеф князь Репнин, граф Салтыков и два генерал-адъютанта граф Брюс и Григорий Александрович Потемкин. Курьеры одолевали расстояние между столицами за три дня, а карета самодержицы катила почти неделю, добравшись до предместья Москвы, села Всесвятского 22-го числа. В тот же день она с Потемкиным осмотрела сооруженный для нее дворец у Пречистенских ворот взамен сгоревшего четыре года назад, во время «чумного бунта», в Лефортово. Меблировка комнат и прочие недоделки заняли еще два дня. За это время государыня в своих сельских скромных покоях успела принять офицеров, разгромивших самозванца, и пожаловала из собственных рук полковнику Михельсону шпагу, украшенную бриллиантами. Удостоила она своим вниманием и московских купцов. А 25-го января, после литургии в сельском храме, Екатерина въехала в древнюю столицу.

Чего так ждала она, – уединения с любимым Гришенькой, бегства от столичного «света», целительной красоты подмосковной природы, – все эти перемены благотворно сказались на здоровье и настроении императрицы. С приходом весны она чаще выезжала в Коломенское, живя там во дворце, сохранившемся со времен царя Алексея Михайловича. В окружении свиты прогуливалась вдоль Москвы-реки, переправлялась на лодке в заречье. Там, в имении князя Кантемира, и приглядела она усадьбу для будущего дворца и парка. Князь охотно уступил ей участок холмистого леса под названием Черная грязь. Небольшое болотце там, действительно,

имелось. Но окрестность вокруг была восхитительной! Дикое урочище с растущими по склонам соснами, елями и березками, широкие поляны, водная просторная гладь, тихая даже в непогоду, и – чистейший, с бальзамическим запахом воздух!

Порой Екатерина уединялась в маленьком доме, а «милая милуша» навещал ее, проживая на правах фаворита по нескольку дней. Он и предложил переименовать усадьбу в Царицыно. А затем привез архитектора Баженова и вместе с Екатериной дал наставления по разработке плана строительства будущего дворца.

Пятая беременность давалась Екатерине относительно легко. Мария Саввишна неусыпно следила за тем, чтобы наряды для матушки-государыни, пошитые на запас, доставлялись своевременно из столицы, да были они пышней и богаче.

Но за увеселениями и маскарадами, на которые собиралось многочисленное общество родовитой знати, ни на день не забывала она о нуждах государственных и постоянно присутствовала на заседаниях Совета. За год пребывания с ней Потемкина Двор преобразился значительно: многие сановники старшего поколения лишились должностей, а иные сами добровольно покидали. И при этом императрица не забывала осыпать их милостями и отпускала с Богом.

Между тем в Польше благодаря усилиям посланника Штакельберга, удалось примирить враждующие стороны и укрепить власть короля. Лавируя между магнатами и королем, Штакельберг утверждал политику, выгодную для России. Она состояла в том, чтобы Польша не стала плацдармом для враждебных действий стран, которые отнюдь не радовались миру соседней державы с Портой. Габсбурги не оставляли планов захватить, кроме полученной Галиции, еще Буковину и часть Ва-

лахии. Франция, пикируясь со своей вечной соперницей Англией, старалась ослабить империю Екатерины, подстрекая Швецию и Данию. За всем этим взирал зорким оком прагматичный прусский король, готовый на любой шаг, даже на военный удар, если этого потребуют интересы его страны.

В беспрестанных заботах, в подготовке манифеста о забвении всех дел, связанных с бунтом Пугачева, который был зачитан в Сенате, в приятных хлопотах, — ее упросили быть крестной матерью своих детей графы Яков Брюс и Петр Панин, — в скандальчиках и нежных свиданиях с «сударушкой Гришенькой» март незаметно приблизился к концу. Дни распахивались все шире, весна манила обновлением и призрачным счастьем...

Спор с сыном Павлом, Великим князем, который упрекнул ее за слишком милостивый Манифест, как бы умаляющий масштабы пугачевских злодейств, заставил ее ускорить решение вопроса по усмирению или даже ликвидации Запорожской Сечи. Несмотря на размолвку с «милюшей», Екатерина пригласила его к себе, чтобы посоветоваться.

Потемкин вошел в ее кабинет, с распахнутым окном, за которым слышалась заливистая трель скворца. Выглядел он принаряженным: в удлиненном камзоле, украшенном красными обшлагами, в белых кюлотах и высоких сапогах, начищенных до блеска. Снова дивясь его могущественной стати, Екатерина не сдержала улыбку:

— Вы, однако, в хорошем настроении, граф Потемкин. И то, что чувствует сердце, вас любящее, замечать не намерены.

— Я повсечасно принадлежу только вам, моя всемилостивейшая государыня! И ежесть есть в чем-то моя

вина, так только в одном: я люблю вас свыше разума и душевного предела, отпущенного мне Богом, и потому в иные разы не владею собой...

– Я весьма скучала, сударушка, не видевши тебя два дня с лишком. Благополучно ли прошли именины у ма-тушки? Довольна ли моим гостинцем?

– Премного тронута и велела кланяться за оказанную Вашим Императорским Величеством милость! Вы знаете, что для меня мать. И я готов за это... – Потемкин вдруг опустился на колени и преклонил голову, – и Екатерина любовно погладила его красивые, кольцеватые темно-русые волосы.

– Встань, батинька. Я и так знаю, что ты – мой. А ты ведаешь, что другого мне дружка и мужа не надобно... Садись к столу, давай дела вершить. Артикул Указа о сбавке с продажи соли, который я поручила составить вам, Григорий Александрович, состряпан прескверно. Прошу его переделать и написать порядочно.

– Незамедлительно приложу все усилия!

– Мы уже обсуждали в Совете и с вами вели речь о судьбе Сечи. И коль назначены вы генерал-губернатором Новороссии, то и должны по сему вопросу надлежащее мнение составить и вывод принять.

Потемкин сосредоточенно помолчал. И, поймав взгляд императрицы, заговорил таким уверенным тоном, что легко было догадаться, что он немало размышлял над этой чрезвычайно непростой проблемой, и у него готово свое обоснованное решение.

– Границы нашей империи на юге, Ваше Величество, придвинулись к Черному морю, благодаря победе над Портой. Запорожцы, прежде охранявшие их и непрестанно воевавшие с недругами нашими, сие назначенные утратили. Мне пришлось командовать их полками, и могу засвидетельствовать их отвагу и боевое умение.

Они даже приняли меня в Сечь, в запорожские козаки, дав прозвище Грицка Нечесы.

– Верно дали. Кудри твои не расчешешь гребнем, – добродушно заметила Екатерина. – Жалобы на притеснения запорожцев, как ведомо мне, в избии поступают от новороссийских поселян. Иначе, как разбойниками, запорожцев и назвать нельзя. Что скажешь, батинька, на сей счет?

– Совершенно так! В Новороссии проживает около полутора сотен тысяч жителей. Освободившись от ратных забот, запорожцы принялись чинить козни супротив поселян, не гнушаясь ни добром их, ни землями, ни людьми. Почитай, на каждого запорожца приходится один пленный поселянин!

– Слугами, стало быть, доблестные «лыцари» обеспечились? – полувопросительно, с затаенным недовольством проговорила Екатерина Алексеевна и заключила: – Положить конец бесчисленным разбоям! Мне не надобно этого осинового гнезда, способного одурманить людей и зажечь на всю Россию новый бунт. Они стали дерзкими и недопустимо алчными, а посему следует действовать властно!

– Как главнокомандующий казачьими войсками полагаю, что такое решение весьма своевременно. Запорожский кош подлежит устранению.

– Тебе известно, друг мой, как я не понарошку пекусь о народе. Однако терпеть большую шайку нечестивцев, кои никому не подчиняются, а живут по своему уставу, более не стану. Зело вредно сие для всей нашей политики. Сегодня же отправлю я личную депешу малороссийскому губернатору Румянцеву. Пусть войска, возвращающиеся с Дуная, повернет на Сечь. Благо, находятся они в походном порядке и со всем оружием. А поелику запорожцы обижают донских казаков, захваты-

вая их земли, пусть не преминет взять в дело и донцов. У меня на них особая надежда!

– Осмелюсь доложить, команда с Дона для праздничного конвоя уже прибыла.

– Вот и славно. Хороши ли собою конвойцы?

– Я сделал выборку. Иных заменил.

– Ты вот что, Григорий Александрович, приходи нонче пораньше. Соскучилась несказанно...

– Я бы не покидал Вас... – с замершим сердцем начал говорить «милюша».

– Румянцеву напишу, а также дам знать Секретной комиссии, – перебила его возлюбленная. – Пусть узнают агенты о настроениях в Сечи. И верны ли сообщения, что принимают они посланников султана, – повелительным голосом вдруг произнесла императрица, и Потемкин с досадой подумал, что только женщинам свойственна эта мимолетная перемена в чувствах, способность столь прагматично мыслить и принимать решения.

В тот же день Екатерина составила фельдмаршалу Петру Румянцеву, наместнику Малороссии, личное послание, где не утаивала наболевшего: «Запорожцы столько причинили обид и разорения жителям Новороссийской губернии, что превосходят всякое терпение. Предпишите секретно генерал-поручику князю Прозоровскому, чтобы он весьма внимал их поступкам и смотрел бы, нету ли у них каких сношений с татарами. Смирить их, конечно, должно, и я непременно то делать намерена. Для того и открываю вам мое желание, чтобы вы по возвращению полков в Россию назначили чрез их жилища марш по тому числу полков, чтоб было довольно ради обуздания сих беспутников. Имейте сие в тайне, никому не проницаемой...»

Только в начале марта добралась Донская конвойная команда до Москвы, отмахав по зимним путям-перепутьям тысячу верст. Вел ее боевой полковник Василий Петрович Орлов. Под началом его было пять офицеров, в их числе Леонтий Ремезов, шестьдесят пять казаков и несколько денщиков. На каждого будущего конвойца приходилось по две лошади, итого набралось их полторы сотни. Благодаря расторопности, а зачастую и самоуправству поручика Матзянина, отвечавшего за продовольственное и кормовое обеспечение, придворная команда останавливалась вблизи придорожных трактиров, в деревнях, в помещичьих усадьбах. Казенного овса и сена, выделяемого по нормам кавалерийских полков, почти на всем пути следования не хватало. Измученные долгим переходом по глубокому снегу лошади исхудали донельзя и приняли такой жалкий вид, что Орлов неподалеку от Тулы решился на длительный постой в имении помещика Сиволапова. На счастье, хозяин разрешил разместить лошадей в старом огромном овине, а казаков расселил по избам. Для офицеров отведен был отдельный флигель.

В первый же вечер, как только донцы расквартировались, Сиволапов пригласил офицеров к себе на ужин. К столу были поданы жареные утки в особом соусе, зайчатина, осетринка, а к сему выставлена и бутылочная батарея. Наголодавшиеся гости принялись за трапезу с превеликим рвением. Сам хозяин, породистый, усатый великан, с тяжелым и дерзким взглядом, взявший манеру держаться с соседями и с езжими людьми запанибрата, наблюдал за донцами с усмешкой и движением головы давал знак лакеям расторопно наполнять чарки крепким мадьярским хересом. А гостечки, по всему, этому были весьма рады и не чинились, пили

с нескрываемым удовольствием. Между тем с каждым тостом языки у пирующих развязывались. Сиволапов, любитель интриг, предпочитавший поить других, а сам вкушающий из бокала компот, стал допускать в разговоре вольности, желая подурочить постояльцев.

– Почто же вы, донские казаки, не поддержали своего земляка, Емельку Пугача? – вдруг спросил повеселевший помещик. – Он, подлец, намеревался всех нас, и дворян, и военных, и прочие сословия перекрестить в казаки. То-то бы для вас волюшка была! – глядя на Орлова, вел крамольную речь бывший драгунский капитан. – Я с вашим братом, донцом, многожды в баталиях участвовал. В Семилетнюю войну вместе Берлин брали! И повсюду ухарству дивился! А вы не токмо бунтаря не поддержали, но сами же его и сцапали!

– Ты, барин, непонятное гутаришь, – с недоумением отвечивал есаул Баранов, первый помощник командира отряда. – Мы матушке царице присягали и свои душеньки за дела ее кладем. А Емельку я на войне с пруссаками встречал. Вор он и шельма ишо та! Ничтожная шкура! Как же с ним в кумпании состоять?

– Самозванец, как в Манифесте государыни сказано, безвинных людей казнил, имения жег да грабил. Аль мы похожи на таких? – с укориной спросил Орлов, статный красавец, с проседью в бороде и волосах. – Знать, и вызвали нас в Москву из-за особого Ея Императорского Величества к донцам уважения.

Сиволапов хитровато усмехнулся:

– Вашего брата в один артикул не уложишь! Одним словом, – вольные люди, казаки. А у казака в чистом поле – три воли... Ну, да бес с ним. Есть у меня в припасе хохлячья горилка, полтавский купчишка на днях заезжал. Есть желание отведать?

Казачьи офицеры одобрительно закивали.

Леонтий прислушивался к разговору, а думал об ином. По дороге намеривался он сбежать из конвойной команды, чтобы отправиться в кавказскую сторону на поиски Мерджан. Поделился своей бедой с урядником Бубенцовым, а тот только попенял: дескать, ты с ней повенчаться не успел, пред богом она тебе не жена, а девок заглядистых на Дону рясно, как звезд в морозную ночь. Эка потеря! Леонтий оборвал его и затаился. Самовольство конвойцев Орлов строго пресекал. А у Ремезова и так грехов за год набралось немало, тут и заступничество Платова уж точно бы не помогло...

Горилка одурманила донцов. И Сиволапов, охотник поглумиться, убедившись, что гости размякли и одолеваемы сладостной дремой, громко сказал:

– Я, господа донцы, почему поминул в разговоре Емельку Пугача... Имел удовольствие лицезреть казнь одного злодея, стоя у эшафота столь близко, что слышал его шепот. Зрелище, милостивые государи, презабавное!

Лица казачьих офицеров тронула тень.

– Представлял я его богатырем, а оказался он низкорослым замухрышкой, с рожей трактирщика. И как стали читать Манифест государыни, пал на колени и от ужаса челюстью затряс... Герой пред беззащитными помещиками и бабами, а пред палачом рассопливился, стал у всех прощения просить...

Гости помрачнели, – слова хозяина им были неприятны.

– И как только изволили Манифест дочитать, кто-то из толпы крикнул: «А ну, поглядим, какая у него кровь, алая иль голубая, дворянская?» Палач подождал, пока с вора зипун сдернули и голову ко плахе пригнули, размахнулся и – хрясь по шее! Так башка Емельки и отлетела! И кровища фонтаном... А это, господа хорошие, нарушение государственного закона. Пугача должны

были четвертовать, а не просто умертвить. Палач, подлец, вместо того, чтобы руки и ноги рубить...

– Замолчь, ирод! – вскочил, с остекленевшими от пьяного гнева глазами, сотник Алабин. – Не измывайся над сродником нашим! Нехай он и душегубец, а раскаялся и христианином помер...

– Эт-то что за выходки?! – взорвался хозяин, давно уже готовый к скандалу. – Хам! Вон из моего дома! И вы, господа, не злоупотребляйте гостеприимством...

– Арестовать осквернителя Указа императрицы! – жестко приказал Орлов.

Сиволапов грозно встал, но поручик Матзянин и Баранов, сидевшие поблизости, заломили ему руки и связали своими ремнями. Барина-дуролома отвели и заперли в чулане, приставив караул. Узнав от камердинера о произошедшем, хозяйка тихая, забитая женщина, упала в обморок. Впрочем, скоро она пришла в себя и, приняв лаврово-вишневых капель, в сопровождении прислуги явилась ко двери, за которой был заточен супруг. Узник дал распоряжение сообщить в волость о казачьем разбое и потребовать для усмирения донцов войска. Он метал угрозы и донцам, и лакеям, не вступившимся за него, ссылаясь на дружбу с графом Петром Паниным, предрекал оскорбителям ссылку в Сибирь.

А казачьи офицеры, заставив лакеев обновить в канделябрах оплывшие свечи, продолжали трапезничать. Лишь под утро, отведав души песнями, подустали и разбрелись по отведенным во флигеле комнатам. Утро вечера мудренее...

Леонтий, слыша храп есаула Баранова, долго ворочался. Он всегда относился к людям ученым с почтением, стараясь набраться от них знаний. Вот и Сиволапов сперва показался ему особой достойной, а вышло

наоборот. Богат, волен в своих поступках, к чему бузить и самодурничать?

Запах дыма насторожил Леонтия. Сквозь щель в разошедшейся двери ветер доносил гаревой душок, знакомый с детства. Где-то неподалеку жгли камыш. Но почему ночью? Заливистое ржание подняло его на ноги! Он затряс есаула за плечо, крикнул, что горит овин. Баранов вскочил, сонно хлопая глазами, и вслед за Леонтием бросился на двор. И только на крыльце, ощутив босыми ногами лед, вспомнили они, что сапоги остались у камина.

Подворье озарялось высоким пламенем, пляшущим над крышей. Караульный казак, с окровавленной головой, лежал у ворот. Они были завалены бревнами. Лошади ржали, в страхе ломились наружу.

– Давай раскидывать! – приказал есаул. – Да живей!

Бревно оказалось дубовым. Надрываясь, они поднимали длинные ошкуренные заготовки, которые и для четверых были бы тяжеловаты, и вкат бросали под стену. Ни холода, ни окоченевших ног Леонтий не замечал, слышал только, как бешено стучит сердце. Вскоре подошли казаки. В несколько рук разбросали камышовую стену, делая проход для лошадей. Они с тревожным ржанием рассыпались по усадьбе. Вся команда собралась на пожарище. Денщик принес есаулу и Леонтию сапоги запоздало, когда пустая рига уже догорала, смешивая свет тлеющих головешек с первыми утренними лучами...

Орлов лично расследовал происшествие. Установить истинного злоумышленника было невозможно, поскольку помещичий староста скрылся. А поголовный допрос мужиков тоже не дал толку. Все слезно уверяли, что не выходили в такую стужу из своих изб, и ничего слыхом не слыхивали. На офицерском совете решили всех мужиков, особенно Сиволапова, примерно выпо-

ротъ; последнего наказать на глазах дворни и крепостных, а буде отставной капитан жаловаться на казаков властям, направить графу Потемкину рапорт о том, как двусмысленно намекал злоумышленник о бунте Пугачева. И в тот же день публичная порка была отменно исполнена!

Как ни странно, но этот случай на дороге никаких последствий для казаков не имел. Вероятно, придавать огласке то, как был порот донскими казаками, помещик Сиволапов поостерегся.

Первоначально донской конвойный отряд разместили в кавалерийских казармах. А с потеплением, по просьбе Орлова, перевели в село Коломенское, где донцы стали лагерем под открытым небом. Григорий Александрович Потемкин в ясный апрельский денек удостоил донцов чести, придирчиво осмотрев конвойную команду. Увы, рожамы иные не вышли, ростом не добрали, справой не были достойны того, чтобы предстать пред взором самодержицы. По его распоряжению двадцать три казака были заменены. И к маю месяцу новобранцы поспешно явились в Москву, отобранные на сей раз новым войсковым атаманом Алексеем Ивановичем Иловайским, пожалованным такой должностью лично Потемкиным не только за заслуги в поимке злодея Емельяна Пугачева, но и за исполнительность и твердость характера.

Ежедневная однообразная муштра, проезды в строю, джигитовка и свободное время, предоставленное с избытком, тяготили казаков, в том числе и Леонтия. Нередко он уезжал верхом на запасной лошади за село, на лесной берег Москвы-реки и подолгу сидел в одиночестве, думая о доме и Мерджан. Полгода уже минуло, и не осталось сомнений, что жену похитили.

Празднество победы над турками, как знал Леонтий, было намечено на июль. А после него, возможно,

донцов отправят домой. И Леонтий намерился, всё бросив, искать Мерджан. Объехать те края, где повстречал ее, где скитались ее соплеменники...

8

Легенда о самостоятельности, вольности и неподкупности запорожских козаков остается легендой. Возникшее в средние века это поднепровское «товарищество», окруженное со всех сторон странами-гигантами: Речью Посполитой, Крымским ханством, Российской и Османской империями, обречено было, закалывая «дружество» с одними, выступать против других, не гнушаясь ни разбоями, ни убийствами. Верно служили запорожцы «ляхам», наперегонки записываясь в их реестровые войска, легко переметнулись к шведскому королю Карлу XII и выступили против петровских полков, за что и были жестоко наказаны. Сечь была испепелена, а тысячи козаков, даже безвинных, не пошедших к гетману Мазепе, подверглись наказанию. С того, 1709 года, преклонились запорожцы под турецкого султана, позволившего им вновь создать Сечь в устье Дуная. Четверть века служили они иноверцам, но когда назрела война османов с братьями-славянами, попросились под крыло русской императрицы. И Анна Иоанновна, 7-го сентября 1734 года, при посредстве генерал-майора Вейсбаха, помиловала запорожское козачество и дозволила возвратиться на родные пепелища.

В последнюю русско-турецкую войну в армии Румянцева воевало против турок более десяти тысяч запорожцев. И Екатерина Великая даже наградила их кошевого атамана Калнышевского орденом, осыпанным бриллиантами. С окончанием войны владения запорожцев разметнулись еще шире: с одной стороны они увеличились вдоль моря, по левому берегу Днепра, большим

участком побережья против крепости Кинбурн⁶⁵, а с другой стороны, по правому берегу Днепра, тем углом земли, который лежал между устьями Буга, Каменки и Ташлыка. Соединение вод Днепра и Буга замыкало границу между владениями запорожскими и татаро-турецкими.

Замирение с Портой запорожцы сразу же использовали для укрепления своего владычества на землях Новороссии. Ничтоже сумняшеся, обложили они переселенцев и однодворцев, жителей слобод денежной повинностью за право ловить рыбу и пользоваться земельными угодьями. Запорожские владения были разбиты на участки, паланки, каждой из которых распоряжался ставленник кошевого. Особенно своевольничал один из них, полковник Гараджа, не гнушаясь ни поборами с поселян, ни пленением их. Больше всего страдали беженцы из Порты, сербы и черногорцы. Издавна бытовала среди козаков поговорка: «Татарина не убить, ляха не пограбить, так и не жить». Жалобы на притеснения запорожцев нескончаемо шли в Петербург.

Зодич, выдавая себя за французского путешественника, находился в Варшаве, стараясь найти возможность сближения с магнатами, противостоящими партии короля. Уже больше двух лет продолжались заседания сейма, а улаживания проблем, связанных с разделом Речи Посполитой, не предвиделось. Раздел этот формально должны одобрить сейм и особый Совет. Но споры о границах, о диссидентстве, о конфедератах, о пошлинной торговле, о гражданских правах не унимались.

Отто Магнус Штакельберг, русский посланник при короле, принял Вердена в своей резиденции, фасадом открывающейся на набережную Вислы. О том, что он confident Панина, посланник знал. Познакомились

---

⁶⁵Кинбурн – «Кылбурун (татар.) – мыс тонкий, как волос.

они еще в бытность Штакельберга русским представителем в Испании.

– Прошу прощения, мсье, что не имел возможности увидеть вас раньше. Наши усилия, благодаря богу, начали приносить плоды. На днях сейм примет все важные решения. – Хозяин, статный, вежливый, длинноносый лифляндец указал рукой на массивные венские кресла. – Ни дня, ни ночи покоя не ведал. Не нужна ли вам моя помощь?

Барон говорил с немецким акцентом, но довольно правильно строил речь. Эту особенность Зодич заметил еще в Мадриде.

– Признателен за беспокойство, ваше сиятельство. Срочной депешей направлен в Малороссию. Так что мое путешествие продлится.

– А что там? Назревает смута? – поинтересовался Штакельберг и взял в руки серебряную табакерку, выложенную драгоценными камнями.

– Постараюсь выяснить, каковы у запорожцев намерения.

– Мне известно, что вы предотвратили покушение на графа Орлова.

Зодич устало махнул рукой.

– Это уже забылось. Как же вам удалось ясновельможных панов привести к согласию?

– О, мой бог! Это было непросто... – и посланник, ставший фактически вице-королем Польши, стал рассказывать о том, с каким трудом собирался из сенаторов и выборных сейм. Выборные, или, как их называли, послы, были все подкуплены, получая за молчание до 300 червонцев, а те, кто ораторствовал, и того более. Многие из них, взявши деньги, вообще не появлялись на сейме. Так что из трехсот человек на заседаниях присутствовало около тридцати сенаторов и менее ста выборных.

Сеймовый маршал, Адам Понинский, получая три тысячи червонцев в месяц, всячески уговаривал шляхту и прочих сеймовиков пойти на уступки, поскольку невозможно противостоять могуществу трех держав. Литовский маршал сейма Карл Радзвилл, напротив, держался стороны противников Станислава-Августа. После нескольких месяцев заседаний сейм, выбрав делегацию по решению возникших проблем, был на время распущен. И так, переливая из пустого в порожнее, сторонники короля и их противники из конфедератов, более двух лет вели дискуссию об устройстве государственной жизни, которая, в сущности, никак не изменилась, хотя и были передвинуты границы.

– Вы помните, мсье Верден, что польские дела осложнились в самый трудный период войны с Портой. Австрия втайне заключила договор с Турцией, получив от нее 22 миллиона гульденов, часть Валахии и льготы для торговли. Союз Австрии с Францией был скреплен семейными узами. Таким образом, против нашей императрицы сразу бы выступили две страны, имеющие армии в несколько сотен солдат. Мы были вынуждены ускорить раздел Польши!

– Эта идея, если не ошибаюсь, принадлежит королю прусскому Фридриху. Пять лет назад я гостил в Нейштадте, где этот король встречался с австрийским императором Иосифом. По моим сведениям, монархи говорили о том, как ослабить Россию. И вскоре Фридрих своевольно захватил приграничное Вармийское епископство, а его австрийский приятель – 500 польских сел и богатые соляные копи.

– Наша самодержица была вынуждена подписать договор о разделе Речи Посполитой, несмотря на условия в угоду союзникам. Самый лакомый кусок получила Австрия, присоединив территорию в полторы тыся-

чи квадратных миль, с населением в два с половиной миллиона. Король Фридрих вытребовал Восточную Пруссию, где проживает девятьсот тысяч человек, а местность освоена и налажено хозяйствование.

– А мы получили дремучие белорусские леса и болота.

– В данном случае, важнее не новые земли, а проживающий на них народ. Полтора миллиона православных белоруссов освобождены государыней от притеснения католиков. Впрочем, мы также оговорили все права «диссидентов», то есть православных, живущих в Польше.

За ужином речь пошла о текущих делах. Штакельберг поведал о событиях, связанных с уничтожением иезуитского ордена папой Климентом XIV. Богатые имения этого ордена в Польше и Литве обращались в фонд, предназначенный для воспитания юношества. Но фондом этим и доходами распоряжалась делегация, выбранная сеймом. Сеймовый маршал Понинский и канцлер Млодзеевский, возглавлявшие эту временную комиссию, учинили люстрацию. Была проведена оценка имений, и путем занижения их стоимости (с полутора миллионов злотых до трехсот тысяч) иезуитские земли весьма выгодно распределили между самими делегатами. Не забыли и о короле, отрядив ему четыре казенных поместья и еще пять для раздачи. Штакельберг похвалил короля за то, что пожаловал двумя из них Ксаверия Бранецкого, сменившего фамилию на Браницкого. Во-первых, потому, что боролся тот с конфедератами в составе русских войск, заслужив благосклонность Екатерины, а, во-вторых, в знак почтения к Григорию Потемкину, на чьей племяннице был женат этот поляк.

– Сеймовый маршал и канцлер Млодзеевский варшавски захватили иезуитские богатства, золотую и сере-

бряную утварь, имущество. И, представьте, назначили себе пенсии. Потому что Речь Посполитая остается с избирательным правлением, с либерум вето, то есть правом накладывать вето любому из сеймовиков. Постановлено, что только природный поляк из рода Пястов, имеющий шляхетское достоинство и владения в этой стране, может быть избран королем. Но его дети или внуки следом за ним не имеют права избираться. Совет при короле строго наблюдает за происходящим в Польше. Воспитание юношества, находящееся в руках духовенства наконец поставлено под надзор государства. И многое Станислав-Август делает с ведома и благословения Ее Императорского Величества.

Зодич, знавший многое из того, о чем рассказывал барон, перевел разговор на жизнь высшего шляхетства, упомянув имена хороших полек. Штакельберг заметно оживился. И Зодич вспомнил эпизод, как три года назад (тогда Штакельберг был комендантом Кракова) французский отряд Виоменила, пробравшись в город по трубе для нечистот, захватил барона в объятиях польской любовницы. И если бы подоспевший Суворов не обложил старую польскую столицу, то быть бы Отто Магнусу непременно в плену у злопамятных конфедератов...

– Мне необходим слуга и опытный проводник, – обратился Зодич к посланнику в конце визита. – В дороге всякое случается.

Штакельберг пообещал подобрать из своего русского окружения подходящего человека.

– И вот еще о чем я хотел бы узнать у вас, барон, – обмолвился Зодич. – Не приходилось ли вам встречаться с полькой по имени Ядвига Браницкая?

– Нет. Это имя я слышу впервые.

Зодич откланялся. Надежда разыскать Ядвигу в польской столице не сбылась.

Ночной гонец привез из Крыма засургученную грамоту.

Владельца Мисоста Баматова, одного из самых влиятельных людей Кабарды, будить, однако, не стали. Он, точно предчувствуя что-то важное, сам проснулся еще до утреннего намаза, вышел во двор. Услышав от слуги о приезде крымца, Мисост встревожился. Несмотря на пожилой возраст, глаза его не утратили зоркости, и он легко прочел при блеске свечи грамоту, объявшую радостным трепетом. Под ней стояла подпись нового крымского хана! Прежде всего, в послании уведомлялись владельцы Большой и Малой Кабарды, что на заседании Дивана прежний хан Сагиб-Гирей отстранен от власти, а вместо него избран Девлет-Гирей. И, приступая к своим делам, он нерушимым словом подтверждает, что Кабарда принадлежит Крымскому ханству. Отныне и впредь ее жители берутся под покровительство Девлет-Гирея, как и они обязаны неукоснительно соблюдать все его распоряжения.

Нарочные разнесли это сообщение по селениям и аулам. Издавна существовали на этих землях две группировки, две партии, – Кашкатауская, тяготеющая к России, и Баксанская, в которой состояли приверженцы Порты и Крыма. Нередко взгляды их менялись, и, в зависимости от сложившейся ситуации, владельцы объединялись, выступая одним фронтом или вновь занимая враждебные позиции. И весть о восхождении на крымский престол ставленника Порты вынудила владельцев, каких бы взглядов они не придерживались, собраться вместе.

В аул Мисоста Баматова владельцы стали съезжаться с раннего утра. Роса, блестевшая на черепичных крышах, и безоблачное небо сулили погожий день. По улочкам стелился сизый кизячный дым. Горьковатый

запах его мешался с ароматом цветущих груш, с терпким духом раскрывшихся листьев. На широком подворье Баматова стало тесно от лошадей. Дом владельца, построенный по крымскому образцу, в два уровня, не смог вместить приехавших.

Совет открыли на площади, вблизи мечети.

После молитвы, проведенной муллой, участники расселись на своих бурках и коврах. По праву хозяина Совет кабардинских владетелей повел сам седобородый Мисост Баматов.

– Досточтимые владетели и уздени! Аллах собрал нас, чтобы мы, думая о судьбе нашей страны, обсудили общие действия, выслушали друг друга и приняли решение. Все, о чем будет идти речь, пусть останется только с нами, во имя Аллаха! Кабарда была и остается непокоренной. Но будущее народа зависит от того, с кем мы будем состоять в союзе, кто поможет сделать нас сильнее и богаче. Пусть же первым скажет уважаемый Хаджи-Ахмат!

Мулла, сторбленный, тощий старец, заговорил негромко, доверительно:

– Аллаху угодно было обратить свой взор на нашу многострадальную землю. Сонмы народов и племен живут на Кавказе, но все они объединяются вокруг Кабарды, так как нет здесь никого сильнее нас. Аллах и пророк его Магомет связывают кавказцев одной верой. В Крыму и в Турции живут наши братья, правоверные магометане, и можем ли мы, отвергая их протянутую руку, поддержать Россию? – Хаджи-Ахмат выразительно помолчал. – Опыт обязывает меня предупредить вас о коварстве русских. Я был еще отроком, когда от их царя приезжал кабардинец из рода Джамбулатовых и вел с владетелями переговоры. Мой отец, также священник, рассказывал, что царь пообещал взять наш народ под

свое покровительство, защищать от врагов, освободить от налогов и платить жалованье кабардинцам, находящимся у него на службе. Владетели согласились на это и приготовились воевать на стороне русских.

Мулла вскинул ладонь со скрюченным указательным пальцем и взвинул свой голос до предела:

– Но заверения их оказались пустыми словами! И когда девять лет спустя в Кабарду пришло войско крымского хана, и его командующий Салих-Гирей, который молился в мечети моего отца, стал устанавливать свой порядок, русский император Петр не пришел нам на выручку. Мисостовы и Атажукины приняли присягу на верность Крыму. А хан потребовал в залог аманатов и рабов, красивых наложниц... Никому, кроме Аллаха, доверять нельзя. Мы должны объединиться с Девлет-Гиреем и вместе выступить против неверных. Да поможет нам Аллах!

Его сменил неторопливый, с курчавой бородкой, Хамурза Асланбеков. Он поправил на поясе кинжал и в знак уважения склонил голову в сторону хозяина.

– Мудрый мулла сказал главное. Кабарду не оставляют в покое чужеземцы. Одни самовольно воздвигли на нашей земле крепость и разместили в станицах казаков, а другие требуют дань по ясырю.

– Но мы ее не платим! – заметил кто-то из дальних рядов.

– И не будем платить впредь! – подхватил оратор. – Мы должны заботиться, прежде всего, о своих подданных. После мирного трактата, который подписали султан и русская царица, Крым утратил зависимость от Турции. Хан уже не так силен, как раньше. Есть только один выход: в союзе со всеми горцами вышвырнуть русских за Терек и разрушить их крепости. Русский генерал Медем увел свои полки в Дагестан. Об этом мне

сообщил верный человек. На Тереке остались одни казаки. Промедлим – упустим эту возможность!

День перевалил на вторую половину, а выступающим не было конца. Иногда вспыхивали перепалки. Всеми уважаемый Хамурза Росланбеков сидел в окружении сторонников. На нем был дорогой бешмет, выложенный серебряной нитью, голову украшала папаха из белоснежного курпея, а взгляды привлекал кинжал в драгоценных камнях.

– В детстве мне рассказывал аталык старинную легенду, – начал Хамурза. – Жил в горах пастух, было у него множество овец. И повадился нападать на его отару барс. Появлялся раз в неделю, хватал барана и уносил в свое логово. Пастух решил убить барса. Сделал засаду и метким выстрелом из ружья поразил зверя. Но радость этого глупца была коротка! Туда, где хозяйничал барс, пришли волки и шакалы. И теперь вырезали они гораздо больше овец! Ибо правит сильнейший! Покаялся пастух, да было поздно. Всю его отару уничтожили хищники... Я слушал вас, уважаемые владетели и уздени, с большим интересом. Немало было высказано умных предложений. Но стоит ли нам убивать барса? Выступить против русской царицы? У нее не отряды, а неисчислимая армия! А крымский хан только сел на трон. Ногайские орды волнуются, их сераскир Шагин-Гирей также претендует на ханский престол. И русские за него! – Хамурза огладил рыжеватую клиновидную бороду и прищурился. – Каждый из вас, братья, доказал свою отвагу в сражениях. Недавно мы отражали набег ингушей. Теперь в свой черед должны выступить и наказать их за разбой! А с русскими лучше договариваться, требовать у них денег и провианта, возмещения убытков за присвоенные ими земли. Пусть думают, что мы готовы с ними дружить... Но когда султан накопит

силы и объявит России войну, мы поддержим его, как подданные крымского хана!

Большинством голосов было решено присягнуть новому крымскому хану, но с Россией не вступать в открытое противостояние.

Мулла молитвенно заключил:

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Все наши распри оставим для нечестивых. Долг кабардинца отстаивать свою землю и веру, ибо сказано в четвертой суре Корана: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую!»

Владельцы из отдаленных мест, не мешкая, пустились в обратный путь, чтобы преодолеть его завидно. Передвигаться ночью было по-прежнему опасно. А ближайшие друзья Баматова и Асланбекова пожаловали во двор хозяина, обвеянный ароматом цветущих груш.

Солнце клонилось к сияющей серебряной короне Эльбруса, по обе стороны от него виднелись снежные пики Кавказского хребта, уходящие вдаль. И от этой величественной горной панорамы, от обилия солнечного света и запахов весны сердца владельцев наполнились желанным умиротворением.

Девушки-служанки, с закрытыми лицами, подали кумганы. После омовения рук гости расселись вдоль деревянного помоста, накрытого скатертями. На этом незамысловатом столе дымились миски с жареной бараниной и телятиной, золотился плов, большими кусками были нарезаны пышки и пироги с сыром. Вскоре разнесли тарелки с наваристым хашем. Никаких дурманящих напитков, даже бузы, на столе не оказалось.

До сумерек беседа владельцев шла непринужденно, с шутками и смехом. Но за этой как будто искренней веселостью и услужливостью прятались раздумья.

Каждый из них понимал, что рано или поздно русский пристав Таганов узнает о Совете владетелей.

А пока пусть плачет сааз в руках молодого парня, с милovidным и ясным лицом, пусть напомним струны о женской любви и грусти разлуки, о доблести горского воина и его готовности умереть за пядь родной земли...

10

Нападение воровских людей было внезапным. Точно из-под земли выросли всадники, двое из них заступили открытой карете дорогу, а трое других подъехали с направленными на путешественников пистолетами из-за придорожных вязов.

– Ото ж, прийыхалы! – белозубо засмеялся толстый, бритоголовый разбойник в полотняной рубахе с расшитым воротом. – Кто вы таки? Ляхи чи москали? Грошив багато?

Его приятели, одетые кто во что горазд: в свитки, зипунцы, мундиры венгерских гусар, – их стеклоь на дорогу не менее дюжины, – заготовали. Зодич, храня спокойствие, потянулся рукой к дорожному ящику, в котором лежал заряженный пистолет, но тут же остановился. Это было бессмысленно. Гриватько, правивший каретой, не испугался, а смело ответил:

– Я – сын запорожского хорунжия, нахожусь на государевой службе. Сопровождаю французского купца в Сичь. Извольте освободить дорогу!

Лесовики снова зашлись недобрым смехом.

– А ты, хлопче, бачу, дуже смилый? А ну, Панас, стрельни...

И в тот же миг пуля снесла с головы возницы остроконечную шапку. Пока разбойнички куражились, советуюсь между собой, как поступить с пленниками – повесить или зарезать, Зодич прислушивался к их говору

и понял, что это не местные жители, а, скорее всего, южане. Они отличались не только произношением, но и частым использованием татарских слов.

Наконец путников заставили вылезти из кареты, и два громилы тщательно ее обыскали, забрав сундучок, хранящий деньги и бумаги, а также дорожный сак с оружием и провиантом. Дегина, с серьгой в ухе, похожий на турка, обшарил карманы Зодича и его спутника. Дядько с оселедцем, видимо, главарь шайки, выяснив, что добыча невелика, обозлился. И повелел французу написать письмо и попросить для выкупа две тысячи червонцев. А если слуга не вернется и не привезет деньги, инородца повесят. Побледневший Гриватько, заикась, перевел это на французский. Изъятые из сундучка чернильница, перо и лист бумаги вызвали всеобщий интерес. Зодич, опасаясь подвоха, действительно обратился к Штакельбергу с просьбой выкупить его, а далее приписал, что деньги лучше бы прислать с сотней гусар. Проводник тотчас отправился в дальний путь за деньгами.

Становище шайки оказалось в лесу, за полосой бурелома. К нему вела замысловатая узкая тропа, на которой мог поместиться лишь один всадник. Зодич ехал верхом, на выпряженной из кареты лошади. Сомнение, что они неслучайно оказались в западне, а «сын запорожского хорунжия» в сговоре с похитчиками, не покидало его. Вспомнилось, что на последней почтовой станции Гриватько куда-то отлучался, и смотритель был излишне взволнован, о чем-то перешёптывался с проводником.

Два больших шалаша, сооруженные из веток и сена, да стоящая на отшибе избушка, служили для разбойников приютом. За неимением помещения, атаман распорядился посадить пленника в берлогу.

Вечерело, когда Александра привели на вырубку. Берлога таилась под стволом обгоревшей сосны. Судя

по разбросанной земле, лежбище косолапого недавно расширили. Яма с отвесными стенками была углублена с таким расчетом, чтобы без посторонней помощи человек не выбрался. По толстой веревке Зодича спустили на дно и бросили две охапки свежескошенного сена. Май был в середине, и луговые травы успели вымахнуть выше колена. К пресному запаху суглинка при мешался упоительный аромат ландышей.

– Однако, скверно, – проговорил Зодич, оглядев-шись. – Не лучшее местечко для отдыха!

Взгляд остановился на лежащей подле ног веревке, сброшенной в яму охранником, и расчетливо скользнул вверх, где нависал над ямой закопченный ствол. Нижний сук был толст и торчал кверху. Докинуть до него петлю веревки было невозможно. А если снять ремень, с тяжелой бронзовой бляхой, и застегнуть его хомутом?

Сперва лесовики потешались над пленным. Дура-чась, тыкали палками, наставляли пистолеты. Алек-сандр безмолвно терпел. Поглумившись, шальная бра-тия убралась восвояси. Возможно, их отогнал главарь.

Ночь пришла в приднепровскую долину мягкая, со-ловьиная, с пахучей росистой свежестью. Сожженный грозой ствол смутно выделялся на фоне звездного неба. Зодич озяб, и долгие попытки набросить петлю ремня на сук согрели, прибавили бодрости. Временами, ког-да слышались неподалеку голоса или хруст валежника, Александр ложился на сено. Переждав, принимался за свое занятие с пущим упорством...

На зорьке к соловьям присоединились другие пта-хи, и чудесный хор наполнил лес божественной музы-кой. Только когда посветлело, Зодичу удалось набросить петлю на торчащий сук. Он благодарно помянул бога и, торопясь, выбрался наверх, поранив ладони. Вырубку затянул понизовый туманец. Тихо было и в разбойни-

чьих жилищах. Почти рядом, подрагивая от росы, лоснящейся на крупе, паслась гнедая. Но уздечки на ней не оказалось...

Не останавливаясь, Зодич бежал до тех пор, пока хватило сил. Виляя между деревьями, минуя завалы и заболоченные низины, продираясь сквозь кустарники, он удалился от стана татей на несколько верст. Вброд перешел холодные, еще напитанные вешней водой ручьи. Ориентируясь по солнцу, палившему уже полетнему, он держал путь на восток. Немало попадалось на пути зверья! Зодич благополучно разминулся с пасущимся под дубом секачом, с медведем-пестуном, оставленным косматой мамашей, с тощей, в клочьях шерсти, волчицей, почему-то шарахнувшейся от бегущего человека...

Всю ночь Александр таился в еловом укрытье, сооруженном, видимо, бортниками. Голод поднял его и заставил идти дальше. Под вечер только открылся склон, пестрящий разнотравьем. А за ним, далеко внизу, — изогнутый, рассеченный темными скалами на рукава, батюшка Днепр. На этой же, правобережной стороне, увидел Зодич хаты и маячившие у берега лодки.

Селение это оказалось знаменитой Каменкой, в которой жили стяжавшие себе славу речники, из поколения в поколения передающие тайны лоцманства. Вниз по течению, где раскинулись запорожские владения, особенность Днепра составляли так называемые, заборы, острова, плавни, порчи и холуи. Но главным препятствием на реке были, конечно, пороги. Карпаты, достигающие окраину степей, пересекают своими отрогами Днепр в девяти местах на протяжении семидесяти верст от его левого притока Самары и далее по течению. Это ряд понижающихся уступов из гранита, встающих по руслу в несколько рядов, или лав, — то над

водой, то вровень с ней, то уходящих в глубину. Первый порог лежит ниже Киева на полсотни верст, напротив крепости Старый Кодак. И чем далее стремится река, тем опасней становятся преграды.

Усатый малоросс, встретивший Зодича у своей хаты, слушал рассказ о том, как тот попал к разбойникам и чудом вырвался, преспокойно, не вынимая изо рта огромной трубки.

– Оце так, оце так, добродию, – кивал он понимающе. – Багато у нас шайтанов усяких. Потайки ховаються у лиси...

Хозяин, приказав жинке варить галушки, ушел к соседу и вскоре вернулся с коренастым и плечистым удальцом, назвавшимся Василем Десяткой. Он был уже женат и держался с достоинством, как человек знающий себе цену.

– Васыль дуже знае уси порижци и скили, и може пособыти, – заверил трубокур и стукнул по плечу черноволосого красавца.

– Куды вам треба? До Сичи? – уточнил Василь, беззастенчиво разглядывая незнакомца.

– Да, до Сечи. Я – французский купец, хотя долго жил в России. Все мои деньги и драгоценности присвоили грабители. Но я даю честное слово дворянина, что рассчитаюсь с вами, как только прибудем в Сечь, на русский кордон.

Десятка, поколебавшись, согласился. По его словам, на изготовление плота потребуется день и полночи, а на рассвете, с божьей помощью, можно будет отправляться в плаванье.

Бокастая веселая Оксана убрала стол холщовой скатертью с бахромой, выставила миски и большую чашку со сметаной, в жбанчике – узвар и тарелку с растопленным в духовке медом.

– Ласково просымо! – певуче протянула хозяйка, приглашая за стол. – Якщо будэ мало, покличьте!

Александр уплетал галушки с таким аппетитом, что Оксане пришлось дважды ему подкладывать. Немудреные пшеничные клецки, сваренные в молоке и приправленные топленным маслом, показались ему необыкновенно вкусными. стакан грушевого узвара также доставил удовольствие! Он поблагодарил хозяев и пересел на лавку. Заметив, что глаза его слипаются, Оксана добродушно предложила:

– Мабуть, пан хоче спаты? Лягайте у хати!

Зодич помнил смутно, как прошел в соседнюю комнатушку и, сняв сапоги, опрокинулся на лавку, застланную тулупом...

11

Плот, спущенный на воду, ждал у бревенчатого причала. Александр едва поспевал за быстроногим лоцманом, который, несмотря на многочасовой труд, никак не выказывал усталости. У него за плечами была котомка с харчишками, а за поясом – топорик. Пропустив на плот четверых своих помощников-плотовщиков и француза, Василь запрыгнул на него и велел всем взяться за укрепленный с задней стороны руль, по-местному – стерно. Слаженными движениями, – влево-вправо, – удалось сдвинуть с места бревенчатую сплавку.

– Я служил в русской армии, могу размовлять на их языке, – дружески сообщил Василь. – Зараз нас вынесет на стремнину. И до жаркого часу робить нечего.

– Откуда ты родом? Местный? – поинтересовался Зодич.

– Смолоду козаковал в Сичи. А после раны вернувся к матери.

Занималась зорька. Разметнувшаяся во все стороны река матово посветлела. Знобил влажный ветерок. Крепче пахло сыростью и молодым камышом плавней. Раз и другой промчались в небе утки, с криком кособоко пролетела чайка. Пологие берега, кудрявящиеся верболозами, примкнули к низинам, оглашенным кличем журавлей, за ними надвинулись крутояры, каменные распадки. С левого берега, с горной высоты плеснуло как будто розовой водицей, – за холмами поднималось раннее солнышко. Небо представилось Зодичу огромной палитрой, на которую небесный художник наносил краски: пунцовую, оранжевую, желтую, алую, – смешивал их размашистыми мазками и крыл небесный свод, тучки, верхушки нагорного бора. Вся речная гладь зеркально отражала эту поднебесную и земную картину, оживляемую птичьими голосами и благовестом отдаленного колокола.

– Днепр не распознаешь, – признался Василь, оглядывая впереди излуку. – Много раз отведал я оплеух и от Кодацкого, Лоханского и Ненасытецкого порогов. Но бог оберегал, и ни разу сплаву, в добрый час сказать, в худой – промолчать, не разбило. Но коли такое случится, то одной рукой, пан, хватайтесь за борт, а другой – защищайтесь от камней и плывите по течению.

Десятка оглянулся и добавил:

– А коли плот наполовину уцелеет, то хватайтесь за вот эту поперечную доску, за жорость, и поворачивайтесь лицом против воды.

– Спиной наперед?

– Так! В буруне самая опасность не впереди, а позади. Ежели будете глядеть вперед, не заметите, как догонит бревно. А в старину еще так делали: набирали полную грудь воздуха и ныряли на дно, держались там до тех пор, пока не проплывут все бревна.

Василь оборвал речь и тревожно возвестил:

– Ну, боронь нас Бог... Братцы, скоро Кодацкий порог.

Зодич держался рядом с лоцманом, и все четверо плотовщиков взялись за стерно, следя за правой рукой Десятки, подающей команды. Шум воды усиливался. И плот разогнался, понесся с устрашающей скоростью. Его качнуло, вскользь ударило о выступ скалы и затянуло в бурлящую протоку меж рядами камней. От перезвона кипящих струй заложило уши. Плот тряхнуло, и раздался скрежет, – краем он чиркнул по первому уступу и понесся дальше. И еще трижды прочность бревенчатого дна испытал гранит лав, отполированный потоком.

Кодацкий порог, длиной в три четверти версты, остался позади. Река раздалась и, как посчитал Александр, успокоилась. Но опять вздыбились на сужении реки гранитные чурки, – на сей раз смельчаков встречал Сурский порог. И сызнова дикая сила водоворотов играючи протащила сплав по гранитным столам, скрытым под водою, – и замерла душа от необоримого страха, когда ходуном заходила твердь под ногами...

Следующие пороги, – Лоханский и Звонецкий, – миновали столь же благополучно. Солнце припекало, и мокрая от брызг одежда немного защищала от жары. Несколько раз Зодич замечал, как вдоль побережья маршировали русские пехотные полки. Встретился возле излучины и бивак донских казаков, купавших лошадей. «Пародокс! – усмехнулся Александр. – В ордерах встречаются слова, с разницей в одну букву. Запорожцы – козаки, а донцы – казаки. А, на самом деле, – два разных народа».

Неожиданно лоцман сказал:

– Вы, пан, гляжу, – не робкого десятка. Зараз дойдем мы до Дида, до Ненасытецкого порога. Вот коли проскочим его, так и живы останемся.

– А почему он так называется? – уточнил Александр, хмурясь от недоброго предчувствия.

– Да насытиться никак не может! Все пожирает души людские. Как-то шла по Днепру ладья с колоколом. И лоцман был на ней не чета мне, полвека суда водил и лодки. И как налетит на камень Чекуху, что на самой середине Ненасытца, так и разнесло в щепки! А колокол до сей поры на дне где-то... Сами всё увидите!

Десятка держался молодцом, снял сапоги и свитку, оставшись в шароварах синего сукна. А плотовщики, парубок и трое бывалых казаков, затамашились. Они также стащили сапоги и остались в одних портках. А когда издалека показались черные скалы и донесся рев беснующейся воды, все четверо разом упали на колени и, крестясь, запричитали:

– Отче наш, що на нэби! Нэхай святыцца имья твое, нэхай прыйде Царство Твое, нэхай будэ воля Твоя, як на нэби, так и на зэмлі...

Ненасытец, чудилось, сам летел навстречу. Зодич оглох от неистового клокотанья, гула кипящей воды, рассеченной камнями, похожими на кили кораблей. Всё сильней шатало сплаву, и тем истовой молились плотовщики и лоцман.

– И просты нам довгы наши, як и мы прощаемо вынуватцям нашим. И нэ ввэди нас у выпробовування, але вызволы нас вид лукавого...

С полуверсты стал виден весь Дид, – не одни скалы, но и череда гранитных завалов, сквозь которые вода пробивалась ручейками, а посередине порога пенилась достаточно широкая лава, чтобы мог пройти плот.

Василь подавал команды, стоя впереди и неотрывно глядя на реку. Минута – и они приблизились к самому опасному водовороту, именуемому Пеклом. И верно, когда с разных сторон, точно пули, стали больно бить

по телу мелкие камни и брызги, когда оглохли от ревучего потока, а глаза застила мутная пелена, – каждый из них невольно вспомнил о Преисподней!

Раздался сокрушительный треск, и точно дьявольские лапы потащили плот ко дну! Он погружался медленно и тяжело, и Зодич ощутил, как ледяная вода поднялась до колен, до пояса, и ноги стали утрачивать под собой прочность...

– Прощайте, хлопцы! – потеряно выкрикнул долговязый плотовщик, намертво вцепившийся в руль.

– Прощай, Митро! – завизжал парубок, клацая от страха и холода зубами.

Десятка, не поворачиваясь, выкрикнул:

– Цыть! Хылы ливоруч!

Черные колоды камней мелькали с двух сторон, шапки пены залепливали лицо и плечи, но смельчакам удавалось держаться на ногах, сопротивляясь течению. Время точно замерло. Александр не спускал взгляда с лоцмана и надеялся лишь на этого мужественного человека...

Вдруг плот стал подниматься, будто бы адские духи, поигравшись, вытолкнули его из глуби. Впрочем, стерно сломалось, и плыть дальше стало опасно. Плотовщики, опомнившись, загалдели, требуя пристать к пологому берегу.

– Цыть! – снова осадил их Десятка, оборотив гневное лицо. – Куды чалить? Кругом ни хаты, ни людины! – и, помолчав, сказал уже Зодичу: – Дойдем до крайнего порога, а там вас лодочники доведут куды треба!

За час они оставили позади еще два порога, Волниловский и Будиловский, и подошли к Лишнему. Несмотря на холодную воду, Василь с плотовщиками вплавь, толкая руками, сумели загнать его на зловонное мелководье. Вдоль камышей, прибитые волнами, плавали, с обезображенными лицами, трупы погибших. Среди

утопленников заметил Зодич малыша и молодую женщину в расшитой сорочке, – и только теперь оценил степень риска, которому, по незнанию, подверг себя.

Вольный лодочник, знакомый Василя, согласился везти через Лишний порог, но запросил непомерную плату. Лоцман, сопровождающий француза до Сечи, уговорил удальца сделать ходку в долг.

12

С той поры, когда императрица Анна Иоанновна, простив запорожцев, позволила им вернуться на родную землю, Новая Сечь обосновалась вдоль излучины реки Подпильной, напротив «Великой плавни» – широкой полосы тростника и заболоченного леса, которую с юга пересекала полноводная Старая Сысина, а с востока – речка Скарбная. «Пидпильня – мате Днипра, бо вона Сысею корме его, а Скарбною зодягае», – такая присказка часто повторялась козаками.

Сечь, опоясанная плавнями и мелкими озерами, располагалась в котловине. Зодич и Василь Десятка, оставив лодочника у берега, подошли к воротам, ведущим в Сечь. Двое постовых, в кунтушах, надетых на голое тело, и в непомерно широких красных шароварах, встретили чужаков неласково. И Десятке долго пришлось убеждать их, что французский купец прибыл к их кошевому атаману по делу. А сначала он должен встретиться с командиром русского батальона, находящегося в Новосеченском ретраншементе. Их нехотя пропустили. Миновав прибрежные слободки, в которых жили не только козаки, но и их семьи, прибывшие вошли на территорию ретраншемента.

Дом коменданта стоял на отшибе, и кроме самого подполковника там присутствовал только писарь. Зодич заговорил по-французски и объяснил истинную

цель своего приезда. Подполковник, седобровый и щедушный старик, очевидно, выходец из низшего класса, сурово возразил:

– Объяснитесь, мусью, коли можете, по-русски.

– Тогда прикажите нас оставить наедине, – попросил Александр, четко произнося каждое слово.

Узнав, что перед ним агент самой государыни, комендант смягчился и выказал готовность всячески помогать. Зодич предупредил о секретности своей миссии, потребовал ордер на свободное передвижение по Сечи и, наконец, попросил взаймы пятнадцать рублей. Старый служака, получив расписку, вручил confidentу деньги. Зодич тотчас вышел на крыльцо и передал их Василию, на прощанье обнявшись с бесстрашным лоцманом.

Комендант познакомил француза с офицерами и показал военный городок, размещенный под боком у запорожцев еще сорок лет назад киевским губернатором Леонтьевым. Как и полагалось защитному укреплению, были здесь и артиллерийские склады, и казарма, и солдатская гауптвахта. А снаружи окружал ретраншемент дополнительный вал, за которым с северной, наиболее уязвимой стороны, вырыли окопы, волчьи ямы и ложементы.

Поместили Зодича на одной квартире с капитаном Карлом Зейером. Серьезный, образцовый вояка из пруссаков, Карл отнесся к французу настороженно. Но общительность Вердена (они говорили по-немецки) тронула каменное сердце Зейера. И он вызвался проводить Клода к кошевому атаману Калнышевскому, который и ему быд нужен по какому-то делу.

Во внутреннем Коше в тридцати восьми куренях обитали казаки, были сосредоточены войсковые учреждения и храмы. Главный из них, Покровский, стоял на

краю площади, открытой во все стороны, вплоть до ограждающего Кош земляного вала.

Зодич с капитаном, пройдя в широкие ворота, очутились на базаре, запруженном телегами и людом. Тут же ютились лавки и шинки. Зимовчане, хлебопашцы с малых хуторков, торговали мукой и овощами. Посполитые люди, беженцы из польских земель, жившие в ближних поселениях, привезли битых гусей, уток, в жбанах – степной мед. Татары, в своих зеленых бешметах и чалмах, гортанно зазывали покупателей к вязанкам вяленой рыбы и сушеных фруктов. Бойкие виночерпии разливали из бочек крымское красное вино, издающее мускатный дух. Однако большинство базарного люда составляли козаки. Высокие и коренастые, худые и брюхатые, седые и чернобровые, – все они носили одну запорожскую одежду, выделявшую их среди толпы. На плечах – каптаны из синего оксамита⁶⁶, расшитого золотыми узорами. А отвороты на рукавах – красные, пояса из кружевных татарских шалей и персидского шелка тоже красные, с посеребренными концами. Шаровары, у кого какие, – суконные, нанковые или кожаные, однако, непременно под цвет каптана, – цвета днепровской! А на головах – высокие смушковые шапки, с дном разных цветов, в зависимости от того, к какому куреню козак принадлежал. Зодич с интересом разглядывал «лыцарей», – не идущих, а, казалось, парусящих над землей, в своих широченных штанах, спадающих на сафьяновые чоботы!

Войсковая канцелярия, большой каменный дом, стоял рядом с церковной усадьбой. Поодаль от нее Зодич увидел нагромождения гранита и мрамора, начатый фундамент. Уловив его взгляд, Зейер пояснил:

---

⁶⁶Оскамит. (устар.) – дорогой бархат.

– Козаки очень хотель храм строить. Но много пить, гулять... Не иметь фремя!

Бравый большеглазый хлопец, с двумя кожаными кобурами, пришитыми к шароварам, из которых торчали рукояти пистолей, и с шашкой в кожаных ножнах, узнал Зейера, но не сразу пропустил внутрь канцелярии. В сенях находился еще один охранник кошевого, хорунжий Микитенько, могучий козачина. При появлении посетителей он ловко намотал на ухо чуприну и нахлобучил свою остроконечную шапку.

– До батьки кошевого нэможно! – отрезал он сурово.

– Пошэль к шорту! Доложить немедленно! Капитан Зейер требует!

– Ни. Отам е чоловик, – упрямо отказал хорунжий.

– Как гофорить с русским официр! Каналья! Марш фон!

Микитенько свел черные разлатые брови и положил руку на головку кривой турецкой сабли. Зейер с возмущением посмотрел на французского купца, ища сочувствия.

Перепалку в сенях услышали в соседней комнате, из-за двери раздался недовольный старческий голос:

– До мэнэ? Хто такой? Що за дурныця?

В это время в канцелярию вошел в бордовом жупане, расшитом золотой нитью, седоусый солидный запорожец. Он переглянулся с охранником и по-русски приветствовал Зейера, который возмущенно обратился к нему:

– Герр Глоба, срочно доложить атаман. Фажный фэсть. Очень фажный!

Зодич понял, что это был ближайший сподвижник кошевого, войсковой писарь. Глоба кивнул и вошел в кабинет атамана. И точно пропал! Минуло не менее получаса, когда из него вышли, к изумлению Зодича, два сухощавых бородача в тюрбанах и куртках янычар. От-

водя глаза, они быстро проскользнули на улицу. Зодич предупредил капитана, что вынужден отлучиться...

Александр преследовал турок до базара, где их ожидал с заседланными лошадьми соплеменник. С ним препирался, объясняясь жестами, крикливый, хмельной запорожец, растелешенный до пояса. Янычар отмалчивался, и как только подошли его товарищи, передал им скакунов, а сам поспешно запрыгнул на своего араба, с места взявшего аллюр. Турки полохнули вдогон. Козак выкрикнул им вслед ругательства и, шатаясь, пошел к шинку, где лупоглазый Давид беседовал с есаулом, цедящим из глиняной кружки горилку. Зодич поравнялся с ними и уловил обрывок разговора. Есаул, мордастый дядька с пунцовыми носом и губами, спросил: «Що ты йього лаэш?» – «Та вин у старшины полонянок купуэ! Чи кошевий турчин у друзи запысав?» – «Як Калныш захоче, так воно и буде! Пид султана вин хылыться проти москалив!»

Александр ходил по рядам, ожидая Зейера. К атаману Калнышевскому он, французский подданный, должен попасть без свидетелей. А вот встреча с турецкими офицерами здесь, в Сечи, свидетельствовала о многом. Стало быть, подозрения, что кошевой атаман ведет тайные переговоры с султаном, не безосновательны.

Через базарную площадь козачий конвой вел восточных пленниц, молоденьких девушек и женщин, одна из которых поразила Зодича своей красотой. Она несла на руках грудного ребенка, устремив на него свои большие печальные глаза. Невольная жалость тронула его сердце, и Александр побрел за ними. Полонянок пригнали к дощатому сараю, стоявшему на прибрежном склоне. Усачи-охранники с ними не церемонились, разок даже свистнула плетка.

«Своевольничают льщари, живут по воле своей, а не по законам российским!» – с негодованием подумал Зодич, возвращаясь в ретраншемент. Фактически самостоятельное государство, имеющее армию и не подчиняющееся никому.

13

Кошевой атаман Павел Иванович Калнышевский, принял французского купца на другой день. Выслушав, уклончиво ответил на предложение торговать днепровской рыбой и шкурами зверей. Когда же узнал от мсье Вердена, что его государство теснейшим образом сотрудничает с Портой, а торговля крепнет год от года, атаман заинтересовался и вызвал писаря Глобу, которого Зодич уже видел. Условились отправить партию вяленой рыбы для французских гурманов в количестве десяти возов. Заодно – и пять возов качественной соли, добытой в паланке Прогнойской, подле Кинбурнской косы.

Кошевой почему-то проникся доверием к серьезному французу и пригласил на обед, где Зодич познакомился и с третьим лицом Сечи, ее судьей Павлом Головатым. Как и его «друзи», вершитель козачьих судеб был немолод и держался с откровенной надменностью. Не говорил, а изрекал сентенции и несколько раз съязвил про «лукавых москалив».

Шла Троицкая неделя. В церквушке архимандрит проводил службы, собирая многолюдную паству. Козаки гулеванили, и время для решительных действий русской армии было подходящим.

В третий день июня Зодич уведомил коменданта, что намерен покинуть Сечь, и попросил выделить верховую лошадь и сопровождающего. Но выехать на следующее утро не удалось...

Перед рассветом, когда Сечь досматривала сны, во Внешний Кош и на ретраншемент неожиданно вступили пехотинцы Орловского полка и конница барона Розена во главе с командующим сводным войском Текели. Поднятые по тревоге офицеры ретраншемента, комендант его и Зодич предстали перед генерал-поручиком.

– По велению Её Императорского Величества приказано мне, с вверенным войском, атаковать Запорожской Сечи, с тем, впрочем, пожеланием, дабы не было пролито напрасно крови, – объявил Текели, оглядывая лица офицеров. – Вам, подполковник Мисюрев, как имеющему тесные сношения со старшиной запорожцев и кошевым атаманом, поручаю вызвать его с писарем и генеральным судьей ко мне.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Вскоре в небольшую комнату комендантского дома вошли полковники Розен и Языков, доложившие о разоружении караульных и захвате сечевой артиллерии. На улицах слобод и во Внешнем Коше расставлены русские постовые и дежурят армейские наряды. Кроме этого все лодки, кайки и «дубы», стоящие у причала, заняты солдатами, отогнавшими их от берега на сто сажений.

Сожалея о том, что его экспедиция в Сечь и всё, что удалось выведать за неделю пребывания здесь, оказалось фактически ненужным, Зодич обратился к генерал-поручику по-французски и попросил его выслушать тет-а-тет.

– Хотя вы, мсье Верден, состоите в тайной службе (Зодич так и был представлен Текели), но я прошу вас написать рапорт, поелику спешу отправить донесение государыне и князю Прозоровскому.

Неожиданно вернулся Мисюрев и доложил, что караул Внутреннего Коша, не имея распоряжения атамана, не впустил его в цитадель. Вместе с тем, курени раз-

буженно шумят, оповещенные о приходе «москальского вийська». Делать было нечего, как дожидаться утра.

Зодич вслед за подполковником вышел на крыльцо. Сумрак редел. И по всему побережью, по всем плавням катился соловьиный гром. Трели, точно бы родниковые ключики, били то с одной стороны, то с другой. Луна, в облачной поволоке, тускнела на западном краю небосвода. Ночная тишь окружала Сечь, взбудораженную общей тревогой. Впрочем, Зодич отметил, что генерал-поручик и его полковники крайне напряжены, сознавая непредсказуемость развязки. Подполковник перевел дух и негромко промолвил:

– Вот в такую же ночь, несколько лет назад, против Калнышевского, Головатого и Глобы, чинивших самоуправство и изрядно трягнувших войсковой казной, сечевики подняли восстание. Пришлось нам усмирять бунт. Через год эта троица снова от страха бежала отсюда, когда один из куреней решил их арестовать и переизбрать верхушку войска. И опять мы спасли клятвоотступников! Потом кошевой атаман командовал козаками в баталиях супротив османов и был обласкан Её Императорским Величеством. И что же? За десять лет, проведенных во власти, Калныш с приспешниками обогатился в невиданных доселе масштабах! У одного писаря Глобы более пятидесяти тысяч голов скота. На зимовниках работают их данники. Правят они и тайную торговлю с крымчаками и турками.

– Смею утверждать, что с Портой они не только торгуют, но и ведут переговоры, – утвердительно сказал Зодич. – Скрывают ярыжек из пугачевской шайки. И, наконец, держат пленных. чтобы как можно выгодней продать на Восток.

– Как же это вам удалось установить? – удивился Мисюрёв.

– От здешнего конфидента. Это войсковой старшина Савицкий.

– Вот почему вы затребовали еще двести рублей?

– Вы догадливы! И кстати... Ежели посчитаете полезным, я могу сопроводить вас к кошевому атаману.

– Почту за великую помощь! – ответил подполковник и, помолчав, обронил: – Соловьи бунтуют... Значит, светает.

Утром Мисюрев снова был вызван к генерал-поручику, который вручил ему письменный приказ кошевому. Предложение агента Текели одобрил.

Калнышевский, в малиновом жупане с вензелями, в ярко-голубых шароварах, при сабле и пистолете, встретил подполковника и... французского купца с недоумением и беспокойством. Мисюрев разорвал засургученный свиток бумаги и внушительным тоном объявил приказ: именем государыни Екатерины Сечь Запорожская, как гнездо сумасбродства и наглости, подлежит разорению, всё её движимое и недвижимое имущество передается государству, а старшине и козакам даруется право выбора, куренные атаманы, войсковые офицеры получают аттестаты, уравнивающие их с дворянством. Кошевой же атаман, генеральный судья Головатый и писарь Глоба должны немедленно явиться к командующему сводным войском Текели. Далее сообщалось, что Сечь окружена полками кавалерийскими, пикинерскими, гусарскими, донскими и пехотными, численностью в двадцать пять тысяч человек. Из них создано пять отрядов, которыми командуют генерал-майоры Розен, Чорба, де Бальмен, Лопухин и бригадир Зверев. Артиллерия оных отрядов заняла боевые позиции.

– Бачимо, бачимо, – раздраженно проговорил Калнышевский. – Як шпакы на бугри чорниють! Ну, гайда, панове, на майдан! Як вирішують козаки, так воно и будэ!

Атаманская верхушка вошла на паперть, и трехтысячное запорожское войско, как только архимандрит Сокальский возгласил первые слова молитвы, покорно опустилось на колени. Затем из церкви вынесли хранившиеся там знаки атаманской власти – хоругвь и бунчук. Калнышевский взял в руки насеку и зычно обратился к примолкнувшим сродникам.

– А що, панове козаки и атаманы, тепер будэмо робыты? Бачыте, що на бугри? Бачыте, який дарунок маты Катэрына прійслала?

Возмущенные голоса прокатились по майдану. Пестрое запорожское войско качнулось, готовое в любой миг прийти в движение. Кошевой поднял над головой насеку, и снова стало тише.

– Пивсотни палкив прыгнав сюды гэнэрал Текели. От москаль у гости нас клыче! Чи пыдэмо, чи нэ пыдэмо? Оддамо Сич москалэви, чи ни?

Весь майдан вновь оглох от криков, зовущих к неповиновению. Речь взял узколиций войсковой старшина. Его смелое появление на паперти многие восприняли приветственно. Он выхватил из-за зеленого шелкового пояса пистоль с инкрустированной, отблескивающей на солнце рукоятью и пробасил:

– Панове запорожци и ты, батько кошевий! Нехай цей Текелий прывэдэ ще стилькы и повстількы вийська, як оце, на буграх и кругом Сичи, то всих у пух розибьемо, як комашкив передавимо! – грозил, потрясая пистолем, запорожец. – Чи то можно Сичи и славнэ Запорожжя москалэви виддаты за спасыби? Цього, панове, покы свитыть сонце, нэ будэ!

Неистовый свист, рев отозвались ему в ответ. Множество козаков готово было идти сражаться с москалями и умереть за «вильну Сич».

Судья Головатый, то и дело оглаживая свои висячие усы, говорил долго и витиевато, напоминая, что силы неравные и лучше избежать баталий. Нашлись среди запорожцев и такие, которые Павла Фроловича поддержали.

Но вот на паперть выскочил какой-то козачок, обезображенный рваными ноздрями, беглый каторжник, и возопил, что «неможно слухаты старшину», дескать, она продалась москалям, и вместо Калнышевского пора избрать нового кошевого. Тут уж не смолчал священник, Володымыр Сокальский, оборвавший этого неразумца:

– Пановэ козаки! Побийтэся Бога! Що вы задумалы, нэразумни диты?! Вы хрыстыяны и пидиймаетэ руку на хрыстыян? Вы хрыстыяны и жадаетэ пролыты кров едыноутробну?

Голос архимандрита, негромкий, но проникновенный, облетел майдан.

– Побийтэся и нэ идить на такэ, диты мои... Выдно, вже доля наша така, и мы приймаемо вид Бога достойно по дилах наших! Ось вам хрэст и розипьятый на ньому, якщо вы його нэ послушаетэ, то загинетэ враз!

Слово священника отрезвило буйные головы. Калнышевский, разморенный жарой, вытер платком лицо и, переведа дух, в полный голос обратился к Раде:

– Нэ можна, братци запорожци, нэ йты, бо цэ вжэ нэ дурныця! Цэ вже гости таки, що пийшовшы до них, навряд чи назад уси повэрнэмось? Алэ буты тому! Господы, поможы! Дай, Божэ, час добрый! Ходымо, пановэ атаманы. Що будэ, то будэ. А бильшэ будэ так, як Бог дасть!

Великое запорожское войско скорбно притихло. Козаки понимали безвозвратность происходящего. Незримо здесь, на майдане, с ними были героические предки, стяжавшие бессмертную славу. Как же поверить, что запорожцев больше не останется? Многие козаки, не

таясь, плакали. И Зодич испытал некую растерянность, увидев это. Действительно, – вспомнились слова священника, – лица их хранили искреннее и простодушное выражение, присущее детям. В этот час утешиться было нечем!

Несмотря на то, что запорожская делегация явилась на ретраншемент с хлебом-солью, почти вся она, во главе с Калнышевским, Головатым и Глобой, была арестована. Войсковые правители под усиленным конвоем были отправлены в основной лагерь, расположенный в двух верстах от Сечи.

Следующим днем, 5 июня, запорожцы были построены на прибрежном пустыре. На виду русских полков они выслушали соизволение Императрицы Екатерины и беспрекословно сложили на землю сабли, пистолы, рушницы, кинжалы и списы, козачьи копья, – свою заветную, кровью окропленную «ясну зброю»!

Русский гарнизон занял во Внутреннем Коше войсковые здания, у порохового и базового склада, у скарбницы и канцелярии обосновались усиленные караулы. Запорожцы толпились перед бывшим будинком кошевого атамана, где им за подписью Текели выдавали билеты на право вольного поселения или рыбной ловли, а козачьей старшине – куренным, войсковым офицерам выписывались аттестаты, подтверждающие дворянские привилегии.

Зодичу необходимо было посетить Петербург, чтобы согласовать с Паниным и Потемкиным дальнейшие действия. И он решил присоединиться к двум курьерам генерала-поручика, также направляющимся в столицу. Жара заставила его прийти к Подпильной, где у широкого плеса козаки устроили купальню. Взбодренный прохладной водичкой, Зодич поднимался к ретраншементу, когда вновь встретился со стайкой невольниц в

татарской одежде. И опять взгляд его привлекла красавица с ребенком. Очевидно, женщины, освобожденные солдатами, спешили покинуть Сечь. И все, кроме молодой матери, скрывали лица под паранджой. Это показалось странным.

– Откуда ты, молодушка? – спросил Зодич у понравившейся ему женщины. – Как очутилась здесь? Ты порусски понимаешь?

Приостановившись, она испытующе и серьезно посмотрела на неведомого господина в партикулярном платье.

– Я – жена донского сотника. Меня выкрали из Черкаска родственники и передали бею. Я убежала от него. Потом меня захватили козаки и держали на зимовнике, пока не родила сыночка... Господин начальник, – со слезами в голосе запричитала пленница, – помогите мне добраться до Черкасского городка! Мне нужна лошадь и немного червонцев...

– Жена сотника? – переспросил Зодич. – И крещеная?

– Да, наречена по-христиански Марией.

– Идемте, голубушка, со мной!

В лагере пребывало десять донских полков и одиннадцать эскадронов Сулина, возвращающихся с турецкого фронта. На редкую удачу, один из полковых командиров, Агеев, узнал Мерджан, супружницу своего приятеля Ремезова. Тут же бедную скиталицу окружили brave донцы, предлагая хлеб и сухари, сало, сушеный чернослив.

– Клади, голубушка, всё, что дают, в свою суму, – поучал полковник, поглядывая на путницу. – Снарядим тебе двух лошадок, – и лети ветром на Дон! Вези мальчика-казачонка на показ отцу! А раз ты есть казачья женка, мы тебя обидеть не дадим. И дюже не плачь,

чтоб молоко не перегорело... Запасайся всем, что дорога требует. Выбирай из складов запорожских и шали, и холсты. А не то замест халата и штанов своих татарских надевай справу их, – удобней в седле сидеть!

И Мерджан, к потехе озорников, послушалась совета полковника. Шелковый каптан, шаровары она нашла себе по размеру, выбрала и смушковую остроконечную шапку, и сафьяновые зеленые сапожки, и несколько шалей, чтобы пеленать младенца. Он, на радость матери, родился здоровеньким и спокойным.

Агеев примерно позаботился о жене сотника. Однако Мерджан, одетая запорожским козаком, потребовала оружие. И полковник приказал снабдить ее пистолетом, порохом и пулями. Затем разрешил выбрать кинжал из сданного запорожцами арсенала. Один кинжал Мерджан присмотрела себе, а другой – в подарок для Леонтия.

– Ну, ты и жога! – улыбнулся полковой командир, прощаясь с землячкой. – Не пропадешь! Або и какого бусурманина в полон захватишь. Иде ж тебя Леонтий такую отыскал?

– В чистом поле, – ответно засмеялась Мерджан.

– Ну, нехай Бог тебя хранит чи Аллах, – всё едино. Коней меняй и скачи на них попеременки. Правяь прямо на солнце. Утром гляди, иде оно. Туда и скачи.

– Меня сердце поведет, – вздохнув, отозвалась Мерджан, торопливо шагая к лагерю донцов, где под прищотром бывалых казаков был оставлен ее маленький Дамир, ненаглядный сыночек...

14

Судьба не переставала проверять Мерджан на прочность. Год назад казалось, – ничто не предвещало беды. Всё как будто в жизни устоялось и было по душе. Добрый казацкий дом, в котором к ней исподволь переходи-

ли обязанности хозяйки, любимый муж, самый дорогой человек на свете, душевная подружка – его сестра, Марфуша. Но прежняя жизнь лихомерно догнала ее, точно ураган в открытой степи, который не ожидаешь...

За два дня до Николы зимнего к ней пришла Зухра, некрасивая, плосколицая соплеменница, жившая в городке издавна и присвоившая себе титул старшей среди здешних тумок. Пришла эта посетительница заказывать халат, но, улучив момент, когда остались вдвоем, отрывисто шепнула:

– Тебя хочет видеть твой отец и брат Муса.

– Кто? Они здесь? – с обмершим сердцем вымолвила Мерджан, веря и не веря услышанному.

– Да, неподалеку. Им сказал кто-то про тебя. На Николу, когда казаки будут пить водку и славить своего святого, они приедут.

И до самого праздничного утра Мерджан старалась ничем не выдать своей встревоженности. Но свекровь, очевидно, заметила некую в ней перемену и спросила об этом. Мерджан отшутилась, что будущий ребеночек отзывается чаще, чем прежде...

Зухра подобралась к ней в разгар кулачного боя и оповестила, что Муса ждет у палатки персидского купца. Мерджан колебалась: идти или нет? Сообщить мужу или не тревожить его? Возможно, отец прибыл с добрыми намерениями, просто повидаться с ней и узнать, как живет. Расставшись с Леонтием, она успела пройти ста шагов, как брат, неузнаваемо заросший окладистой рыжей бородой, в бешмете и косматой шапке, возник точно из-под земли.

– Следуй за мной, – бросил он неприветливо. И Мерджан поняла, что ее ожидает суровый разговор.

– Ты далеко скрылась от нас, но Аллах так решил, чтобы ты понесла достойное наказание... – начал Бек-

Мурза, отец её, едва Мерджан вошла в тесную комнату гостевого дома. – Я должен убить тебя, обесчестившую род, или вернуть мужу.

– Убей, – леденя, ответила своевольница.

Длиннобородый, пахнувший бараньим салом и тем особым степным духом, который присущ скотоводам, отец выдернул из ножен кинжал, но тут же снова убрал его.

– Нет! Убить отступницу рука моя не дрогнет. Но выплачивать кубанскому бею калым за тебя, неблагодарная, мне непосильно. Ты поедешь с нами!

– Я не брошу своего мужа, – возразила Мерджан, охваченная гневом. – Нам больше не о чем разговаривать.

Они набросились на нее, связали, закрыли рот кляпом. После Муса хвастал, что её так ловко вывезли из Черкаска, завернув в персидский ковер. Благо, карательные казаки были навеселе в честь праздничка и выпускали из городка всех подряд без задержки.

Через неделю Мерджан была привезена в кочевье едисанцев и передана в семью бея, купившего ее полгода назад у Хан-бека. Увидев, что бегличка беременна, хозяин ее бросил несколько презрительных слов и велел поселиться не в тэрмэ для жен, а в камышовом шалаше. Ее поднимали и днем, и среди ночи, заставляя убирать навоз, задавать корм овцам и коровам, доить верблюдиц, таскать сапетками сено и курай для топки. Горестная тоска жгла ей душу, она бы наложила на себя руки, если бы не ждала ребенка. Только эта мысль, что в ней живет кровинушка Леонтия, отрезвляла. Когда же одна из жен бея проболталась, что хозяин так зол на изменницу, что как только разрешится родами, завезет младенца в степь, а ее продаст туркам, – Мерджан решила на побег.

К нему готовилась скрытно и основательно. Мартовской вьюжной ночью, взяв с собой запас просяных пышек и бараньего сала, она запрягла лучшего скакуна хозяина, увязала к седлу тюк с сеном, спрятала скарб в переметную суму и неслышно выехала из кочевья, ориентируясь на Царь-звезду, как ногайцы называли Полярную. Снега было немного, он уже стаивал несколько раз, а пурга моментально сглаживала следы копыт. И Мерджан, опасаясь погони, отмахала за сутки немало верст, пока не встретился ей у азовского берега лагерь запорожцев. Лед на море был крепок, и козаки-разбойнички препроводили ногайку в сечевой зимовник. В нем жили сербы и греки, бежавшие с турецких земель. В одну из переселенческих семей и была поселена Мерджан, которую обязали ухаживать за скотом. То, что она жена донского сотника, пузатый есаул воспринял безразлично...

Мерджан проснулась оттого, что малыш заворочался, и ей показалось, что он просит грудь. Но чадунюшка лишь зачмокал губами и снова забылся. Минуту подождав, Мерджан накрыла его жупаном и встала. При блеске месяца далеко открывалась холмистая новороссийская земля. На светлой стороне пологих склонов темнели росные травушки. Тут и там яростно били перепела. Во влажном воздухе ощущался густой до головокружения, сладковатый аромат разнотравья. Мерджан несколько раз глубоко вдохнула неповторимую степную свежесть, любимую с детства. И от восхищения этой предрассветной степной красотой, от ожидания скорой встречи с Леонтием, от радости материнства, – от сонма переполнивших душу чувств – она заплакала. И так, стоя с распущенными волосами, молодая и сильная, жаждущая в жизни счастья, Мерджан молилась сразу двум Богам – Христу и Аллаху, глядя на восходящее солнце.

– О, Всемогущие! Пошлите на мою землю мир и покой, образуйте безумных и алчных людей, разоряющих дома и убивающих братьев. Даруйте благо тем, кто его заслуживает, а не обманщикам и нечестивцам. Пребудьте всегда с нами, укрепляя в нас милосердие и мудрость. Не шлите лишений и горя тем, кто чист сердцем. Обратите свои взоры на людей, живущих по Вашим заповедям. С именами Вашими пусть мир изменится и станет лучезарным, как это утро!

Вкрадчивое ржание гнедой точно спугнуло заревую тишь. Догадавшись, что гривастая подруга хочет пить, Мерджан сняла с её передних ног треногу и поощряюще хлопнула ладонью по крупу. Лошадка легко понеслась по спуску к речке, отражавшей радужное небо. Зайдя по колено в воду, она грациозно опустила голову, коснулась губами речной глади столь осторожно, что та даже не качнулась. Гнедая пила долго, – то ли томила жажда, то ли засмотрелась в рассветную воду, напомнившую цветущий луг...

Меня лошадей, Мерджан держала путь на юго-восток, как научил полковник Агеев. Несколько раз встречались становища ногайцев, которые объезжала, не раздумывая. Затем, выехав на шлях, встретила она обоз чумаков. Те подтвердили, что эта большая дорога наезжена к Таганскому рогу, откуда рукой подать до крепости Дмитрия Ростовского. Один из чумаков, сердобольный дед, с удивлением поинтересовался:

– А що ты, козаче, с дытыной? Чи нэнька погынула?

Мерджан не придала значения тому, что подслеповатый малоросс принял ее за козака. Это ее даже развеселило.

Дамирчика покоила она в кочевой колыбельке, связав шаль углами таким образом, что узел висел на шее,

а ребенок помещался впереди. Это было удобно и не мешало следить за дорогой...

Петля аркана неожиданно пролетела над головой, и гортанные крики позади объяли душу страхом! Она обернулась. С холма стекало трое всадников, чернобрывых горцев. Один из них на ходу пальнул из пистолета. Пуля прожужжала в стороне. Мерджан безотчетно, точно руководимая кем-то свыше, выхватила кинжал и, изловчившись, перерезала ременную тягу, которой была привязана к седлу запасная лошадь. И, отбросив оружие, ногами ударила гнедую, рванула повод:

– Айда! Айда!

Лошадь взяла с места рысью, но, испугавшись выстрела, сразу перешла на галоп. Слитный грохот копыт по окаменевшей под горячим солнцем дороге катился следом. Снова пуля осой прогудела мимо. И лошадь наддала, заставив Мерджан удерживать повод одной рукой, а другой обхватить сына. Запасная лошадка некоторое время скакала рядом. Но, приблизясь, абреки ее заарканили. Мерджан уловила возбужденные возгласы.

– Алип! Атшы!

– Щта, йсгуапхадзит!⁶⁷

Она догадалась, что это закубанцы. И то, что они добрались сюда, одолев сотни верст, было невероятно. В степи границы нет...

Пусть добыча и не велика, – но отличная лошадь, отбитая у запорожского козака, побудила хищников поостеречься. Чем шайтан не шутит, могли они нарваться и на армейский отряд!

Погоня оборвалась. Мерджан домчала умная лошадь до ручья у казачьего кордона. Невдалеке виднелись камышовые крыши хат. На бугре торчала смотро-

---

⁶⁷–Али! Лошадь!

– Да, мне очень нравится! (абазин.)

вая вышка. Мерджан с трудом спрыгнула на землю. Малыш захлебывался плачем, сучил ножками. Положив ребенка на траву, она стала пеленать его в сухой платок, вынутый из переметной сумы. И как скоро сделала это, ощутила нарастающую в теле дрожь. Она била ее все мучительней, заставляя изгибаться и стучать зубами. Пытка эта продолжалась уже полчаса или больше, и Мерджан утратила способность владеть собой. «Видимо, страх выходит, – решила она. – Думала, убьют...»

Но судороги сменились головной болью, жаром и небывалой слабостью. Не сразу догадалась она, что заболела лихорадкой. Слыша под палящим солнцем плач сыночка, Мерджан находила в себе силы и поднималась кормить его. Умная лошадь, остыв, стригла сочную траву в балке. Но, словно понимая, что ее хозяйке плохо, подошла и стала так, что тень ее прикрыла Мерджан и малыша...

Их нашли вечером казачата. И, стоя в сторонке, с недоумением рассматривали запорожца, «дюже похожего на бабу». Урядник приехал на телеге и убедился, что сорванцы не ввали. Нерусская женщина, наряженная сечевиком, бредила, просила пить. Младенец орал, должно, проголодавшись. Вспомнил казак о своем маленьком «дите», – и всколыхнулась в душе жалость. Не раздумывая, привез скитальцев в свой неказистый курень...

15

Екатерина Алексеевна замыслила празднование годовщины победы над Портой как триумф России, армии и – свой собственный. В течение нескольких месяцев подготовкой к нему были заняты тысячи людей: придворные и военные, чиновники и строители, архитекторы и живописцы, знатные вельможи и пиротехники, пилиты и купцы, а прежде всего лейб-гвардейские полки.

Донская команда ежедневно занималась строевой выездкой, вольтожировкой, перестроением на скаку и джигитовкой, изучением воинского устава и закона Божия. Вместо забракованных Потемкиным казаков явилось пополнение числом двадцать три — ухари как на подбор! И при повторном осмотре команды и проверке ее навыков Потемкин не поскупился на похвалу!

В конце июня в Москву устремился со всех сторон российский люд, среди которого были особы приглашенные и просто ротозеи, возжелавшие побывать на зрелище, доселе невиданном. Молва разнесла по губерниям подробности о том, что строится на окраине Первопрестольной, на Ходынке, целый городок наподобие сказочного; устройством он напоминает как бы географическую карту, на которой обозначены полуостров Крым и турецкие крепости. А посередине будто бы воздвигается павильон, напоминающий замок, а рядом с ним театр и торговые палатки, всевозможные сооружения для потех и развлечений.

Екатерина, находясь на последнем месяце беременности, прихварывала и нервничала чаще, чем обычно. Её раздражала неразбериха в международных делах, козни хитроумной Марии-Терезии, которая желая как будто всем добра и сокрушаясь о разделе Польши, в конце концов, приобрела Галицию.

Против дальновидных замыслов Екатерины Алексеевны шли дела и в Крыму. Возведение Диваном на ханский трон Девлет-Гирея никак не входило в планы российских политиков. Стало быть, влияние османов в татарской среде столь велико, что помогло ставленнику Абдул-Гамида взять власть в свои руки. Вместе с тем, мирный трактат с султаном ратифицирован, и она могла уделять больше времени подготовке реформ внутренних. Императрица сознавала, что способ управления

в существующих ныне 28-ми губерниях крайне несовершенен. Многие из них недостаточно снабжены как правительством, так и людьми, для управления пригодными. В единственном присутственном месте сразу велись дела правительственные, казенные, полицейские и судные. Предполагалось умножить число губерний, взяв за основу население от 300 до 100 тысяч душ жителей, учредить государевых наместников или генерал-губернаторов, открыть по губерниям различные ведомства с правами и властью коллегий.

Уже опубликованным «Манифестом о Высочайше дарованных сословиям милостях, по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» она была довольна. В числе прочих милостей был запрет наказывать без суда нижние строевые армейские чины батожем, кошками и плетью, повелевалось всем военным служащим прибавить круп по полугарнцу, отменены сборы с железных и минеральных заводов, с фабричных станков и медиплавленных печей, с купечества и цеховых. Также отменялись от сборов кузнецы, изготавливающие серебро, мельники, бортники, квасники, красильщики, кожевники, хозяева мыловарен и прочие работные профессии. Пожалела она также преступников и колодников, значительно смягчив им наказания. Многих купцов, чьи капиталы не превышали пятисот рублей, произвела в новое почетное сословие, – в мещане. Среди других милостей была и сбавка цены на соль. Екатерина очень хотела порадовать народ, который по-настоящему любила...

Потемкин, погруженный с головой в предпраздничные заботы, посещал ее нечасто, что также было причиной ее пасмурного настроения. Избавляться от него помогали бесконечные дела и семейные проблемы. Беспокоило ее слабое здоровье невестки, вспыльчивое поведение сына.

В те самые дни, когда Текели распустил Запорожскую Сечь, Екатерина Алексеевна приехала в Троице-Сергиевскую Лавру и провела там почти неделю, отметив Пятидесятницу и молясь пред иконами храма по нескольку часов. Возможно, Господь внял ее молитвам, отведя братьев-славян от кровопролития.

Невесело прошли именины великой княгини Натальи Алексеевны, захворавшей некстати, почему ни она, ни Павел Петрович, сынок милый, во дворец не явились. Екатерина сама провела утром невестку, весьма тронутую оказанной ей честью.

Душевное напряжение, связанное с будущим материнством, не покидало императрицу. Она жила в Коломенском, держа при себе сердечную подружку Брюсшу и Перекусихину, с кем могла быть искренней и простой. А «милая милюша» теперь бывал на обедах еще реже и чинился, вел себя любезно, но не ласково. И эта его непоказная черствость, признак отчужденности, вызывала по ночам слезы. Донимали и раздумья об авантюристке, именуемой «княжной Таракановой», которую привез в Петербург капитан Грейг. Из писем фельдмаршала Голицына, допросившего эту особу в Петропавловской крепости, Екатерина поняла, что самозванка ничего бы не значила, если бы не польские и французские интриганы, ненавидящие Россию. И как поступить с этой смутьянкой – она тоже пока не ведала, – наказать либо простить?

Развевал ее меланхолию смотр на коломенском лугу полков, отличившихся в турецкой кампании. Командовал ими граф Воронцов, бригадир-красавец, бравостью своей тронувший сердце государыни. А она для этого воскресного парада специально надела мундирное платье, сделавшее ее, впрочем, неуклюжей. На деревянном постаменте рядом с ней был наследник с женой, Потемкин, статс-дамы и приехавшие на праздник придворные сановники.

Выстроенные в каре гренадеры являли собой элиту русской пехоты. К предстоящему празднику им пошили новехонькие мундиры, на которые не пожалели средств.

Дробь барабанщиков подхватили флейтовщики и трубачи. Услышав сигнал, разом, с правой ноги, двинулось первое каре со знаменосцами и командиром полка впереди. Екатерина поднесла к глазам лорнет. Форма этого полка оставляла отрадное впечатление. На рослых, статных усачах были зеленые мундиры с красными воротниками и обшлагами, светлые рейтузы заправлены в высокие сапоги, головы венчали красные каски. Гренадерки у офицеров украшены перьями, а у полковника – медвежьим мехом. Екатерина с улыбкой смотрела на мощные, слаженные движения этих удальцов, принесших своей державе великую славу! Ее завораживал их напор и то, как горделиво шагали, попирая землю, эти длинноногие мужчины, способные вскружить голову любой чувственной особе. Она повернулась к статс-дамам и, поймав взгляд Прасковьи Брюс, бросила:

– Чудо-воины! Сокрушительная сила супротив любого врага. А ка-аки-ие красавчики!

– О, это истинные рыцари! Мы просмотрели все глаза... Восхитительно! – многозначительно ответила «Брюсша», большая ценительница мужчин.

Форма второго гренадерского полка была иная: синие мундиры, перехваченные белыми портупелями, сочетались с красными рейтузами и темными касками. Как всякая женщина, императрица, прежде всего, обращала внимание на форму и внешность марширующих. Но и вооружение их выглядело внушительно: под лучами солнца сверкали отделанные медью ружья и примкнутые к ним штыки. Были у солдат и шпаги.

Гренадеры продемонстрировали искусство перестроения на ходу в квадраты, каре, разомкнутый строй, разыграли штыковую атаку и рукопашный бой.

У Екатерины от долгого стояния затекли ноги, ломило спину и хотелось лечь. С трудом дождалась она окончания смотра и обратилась к Потемкину так, чтобы слышала свита:

– Ну, ваше сиятельство, порадовали вы нас! Гренадеры выучены отменно и заслуживают за прежнее геройство и строевые навыки поощрений. Такжежды от имени нашего передайте мое удовлетворение бригадиру, графу Сергею Воронцову за должное командирство.

Потемкин доложил:

– Эти полки будут участвовать в празднике.

– Примите наше одобрение... – И, понизив голос, нервно обронила: – Что-то вчера не изволили вы быть, батинька, на обеде... А я таки надеялась...

И отвернувшись, широкая и неповоротливая, поплыла к ожидающей ее карете. Она приказала ехать в церковь деревни Черная Грязь, в новоприобретенную усадьбу. С собой взяла только Прасковью. И, как была в тяжелом мундирном платье, покорно выдержала вечернюю литургию, со слезами слушая хор певчих... А на обратной дороге уже обдумывала, где поселить главного героя войны Петра Румянцева, не жившего со своей супругой, Екатериной Михайловной, пожалованной два года назад в статс-дамы. Через три дня он приезжал в Первопрестольную, излечившись от недуга. И для встречи фельдмаршала на городской окраине, у деревеньки Котлы были выстроены, по ее распоряжению, триумфальные ворота, а вдоль дороги расставлены пирамидки со светильниками, ежель въедет Румянцев не днем, а в темное время. В любом случае, курьер оповестит о приближении Петра Александровича к Москве, и только Потемкину она может доверить устройство достойного чествования. Немало славных полководцев, например, Суворов. Но характером он вспыльчив, дер-

зок и постоянно с кем-то пикируется. Воин хорош, а доверять целую армию было бы опрометчиво.

Вдруг лошади, везущие карету, шарахнулись в сторону! Прасковья Александровна, сидевшая напротив, вскрикнула и, удерживая императрицу, схватила ее за колени. Мимо промчался, догоняя зайца, донской казак. Только на мгновение промелькнуло его лицо, но Екатерина успела заметить, что был он на редкость красив, смуглолиц, с черным кольцеватым чубом. Объяввший было ее гнев, сменился на милость.

– Дикарь! Но такие и готовы, ежели понадобится, умереть за меня, – убежденно сказала императрица статс-даме. – Твой брат, фельдмаршал Румянцев не примирится ли с законной супругой? Ищу для него пристанище. Гофмаршал Орлов осмотрел дом Бибикова, но он для покоев не пригоден. Может, поселим во дворце, где жил принц Дармштадский?

Бывалая кокетка ослепительно улыбнулась:

– Вы – наш ангел-хранитель, матушка-государыня! Вы всю семью нашу отличили... И, клянусь Богом, все мы преданы вам до последней минуты жизни.

– Петр Александрович это доказал. И будет возведен примерно, как лучший сын Державы!

16

Великое празднование годовщины мира с Портой началось вечером девятого июля, когда Екатерина приехала в Кремль и отстояла Всенощную в Успенском соборе. Донская команда также была размещена здесь, и Леонтий, к своему удивлению, увидев императрицу, узнал в ней одну из тех дам, которых напугал при гоньбе зайца. Русака он тогда заporол-таки нагайкой. А про важных особ и позабыл.

Полувзвод Ремезова караулил Ивановскую площадь. До приезда государыни конвойцам ненароком пришлось участвовать в богоугодном деле.

Отлитый для этого торжества могучий колокол помещался на колодце из бревен, напротив колокольни Ивана Великого. В широком проеме звонницы виднелась мощная балка, к которой привязаны были канаты и цепи, спускающиеся вниз к колоколу и подъемным устройствам. Артели работного люда и служивых в форме пехотинцев собрали на Соборной площади. Тут же находились священники, мысленно взывающие к Господу с просьбой, чтобы сложное и благовидное предприятие завершилось ладом.

– Эгей! Натягивай вервие! – зычно дал команду с колокольни артельщик, с длинными светло-русыми кудрями, перехваченными ленточкой, похожий на былинного героя. – Потягивай дюжей! Господу послужи-им-ка-а!

И эта путовень канатов и цепей, сооруженная инженером или смекалистым строителем, пришла в движение, напряглась, растянулась, – и заскрипели дубовые ворота, вторя возгласам людей. Чугунный исполин медленно сдвинулся, качнулся туда-сюда, как бы на прочность проверяя крепление, и стал медленно удаляться от земли.

– Донцы! Донцы! – закричал дьячок в синей рясе, подбегая к Леонтию. – Пособите, рабы божии, явите силушку!

Казачки, заскучавшие от шатания по Кремлю, оживились. Быстро потеснили мужичков и тоже уцепились за толстые корабельные веревки.

– Эй, у-ухне-ем! Еще ра-азик, еще раз! Э-эх, братцы! Еще ра-азик...

И колокол поплыл по воздуху, как огромная казацкая шапка! На площадке звонницы его приняла многие руки, – и многотонный гигант, соскользнув с верхне-

го блока, осадисто повис на балке, громыхнув на весь Кремль. Священники, а вслед за ними и весь прочий люд, закрестились, благодаря бога. Леонтий вспомнил черкасские соборы, которые и внешне, и во внутреннем убранстве были куда скромней. Одной православной верой связаны были все россияне: и казаки, и вот эти, чудно гутарившие мужики...

Утром Ремезову и его казакам было приказано встать караулом подле батареи вестовых пушек, размещенных вблизи колокольни.

Древняя Ивановская площадь преобразилась неузнаваемо! Амфитеатром возведенные трибуны лепились к стенам соборов. Они были переполнены военными, дворянской элитой и вельможами. Изрядно было тут лиц и московского купечества, и помещиков. Изысканные наряды дам, мундиры сиятельных особ, с орденскими лентами через плечо, взволнованные голоса, – всё свидетельствовало о событии чрезвычайном. И донские казаки тщательно вычистили форменные зеленые кафтаны, штаны, надраили ножны шашек и ухарски заломили шапки, испытывая неумное волнение сродни ожидания чуда! Но чем больше прибывало на трибунах людей, среди которых мелькали уже простецкие физиономии трактирщиков и лавочников, тем всё вокруг становилось обыденней.

Солнце уже поравнялось с нижней маковицей колокольни, когда откуда-то снизу, из-за кремлевских стен, донеслось многоголосое «ура», и бывшие на площади сообразили, что царский поезд от Пречистенских ворот проследовал к Грановитой палате. Народ загомнил. А купцы, люди привыкшие к точности, стали доставать часы, сверяться. Вот-вот начнется церемония!

От Красного крыльца Грановитой палаты до входа в Успенский собор был проложен помост, застланный ков-

ровой дорожкой. Неведомо откуда прибежала и запрыгнула на нее рыжая востроносенькая собачонка. Стоявший поблизости гренадер шуганул ее, и та припустила по дорожке дальше, вызывая ужас у придворных дам. И только фанфары, грянувшие ровно в десять часов утра, заставили беднягу прошмыгнуть между караульными...

Неторопливо открылась высокая, отделанная золотом дверь палаты, и Екатерина Алексеевна, облаченная в пурпурную мантию, подбитую горностаем, в малой императорской короне, блистающей самоцветами, оказалась на крыльце. Оркестр грянул марш, все военные – от генералов до солдат – встали навытяжку, трибуны огласились гулом ликующих приветствий. В пышном убранстве, печатая шаг, первыми двинулись по красно-бордовой дорожке кавалергарды почетного караула, неся в руках штандарты. Императрица, сойдя с крыльца, стала под пурпурный же балдахин, который поддерживали двенадцать высших офицеров в парадных мундирах, – восемь генерал-майоров и четверо генерал-поручиков. По левую руку, рядом с государыней, пристроился фельдмаршал Румянцев, а справа – генерал-адъютант Потемкин. С началом шествия солдаты с сумками через плечо приблизились к трибунам и стали забрасывать их серебряными и золотыми монетами. Шлейф императрицы, приближавшейся к собору, несли также кавалергарды. Леонтий подивился богатству их красно-золотых мундиров и серебряных шлемов, украшенных страусовыми перьями. За ними следовала свита. Сквозь буханье большого колокола Леонтий расслышал перемолвку:

– Узнаёте, князь, гетмана Разумовского?

– Как не признать такого великана! А это кто с ним, братья Панины?

– Да, они.

Трезвон колоколов нарастал поминутно. От него закладывало уши, и Леонтий, возбужденный происходящим вокруг, точно окаменел. Сама земля, как казалось, содрогалась от слитного гула голосов и колокольного звона, и не было предела восторгу собравшихся при виде самодержицы! А тем временем у входа в Успенский собор, сияя золотом и парчой, матушку-царицу встречал клир, с преосвященным Гавриилом во главе. Они расстались лишь несколько часов назад, после Всенощной, и Екатерина с улыбкой преклонила голову навстречу священнику, который неизменно опекал ее с первого дня восшествия на русский престол.

Из храма доносились возгласы дьякона и пение хора, и Леонтий, понимая, что служба кончится нескоро, с любопытством осматривал зрителей на трибунах. «Вот супротив кого Пугач выступал, уничтожать хотел, – размышлял он с непонятной самому себе иронией. – Вон сколько их! Разве сломишь такую кумпанию с казацким умом? Да и войска у них гораздо более, чем у нас... Ну, ежели б и победил Емелька, и на престол залез. С кем бы управлял государством? С атаманами и мужиками, анчутками косорылыми? До всего надо доучиться и устройство познать, а не дуrolомить, кровя пущать! И матушка государыня правильно учинила манифест. Заблудших простила, а вершителю бед наказала. Я так бы не поступил. За отца отомстил бы безжалостно! Потому как без прикороу нас, казаков, не сдержать...»

После молебна, при первом возглашении императрице «Многая лета», грянул залп вестовых пушек. Его троекратным беглым огнем поддержали солдатские ружья. На паперти появилась Екатерина Алексеевна, и кремлевский трезвон подхватили все колокола Москвы, разнося благую весть. Капитан-гренадер, кому Ремезов подчинялся здесь, приказал донцам уплотнить строй,

дабы избежать всевозможных казусов. И Леонтий, подступив к помосту, увидел проходящую государыню в двух саженьях от себя.

Богиня в пурпурном одеянии проплыла мимо него, простого донского казака, и как показалось, милостиво глянула в сторону почетного конвоя из армейских частей. Он запомнил ее большие радостные глаза и слегка изломленные в улыбке губы. Так, затаив дыхание, и стоял ошеломленный Леонтий, пока хвост праздничного шествия не скрылся в глубине Грановитой палаты.

Зазывалы тут же стали приглашать честной народ к столам, накрытым яствами и веселящими напитками, от заморских вин до сивухи. Не удержались и донцы, и, хватив по нескольку шкаликов выдержанного рейнвейна, пустились в пляс, под бойкую музыку гуслира и свирельщика, специально приглашенных сюда. И все прочие гости находились в необыкновенно ликующем настроении!

Леонтий, глядя на пьяные, раскрасневшиеся в жару физиономии, на хохочущих пузатых сановников и их жеманных супружниц, вспомнил невзначай бой на Калалы, Платова и Ларионова, односумов. И тех казаков, что не вернулись с кубанской стороны и Кавказа. И не благовест стал звучать в его ушах, а тревожный набат, похожий на тот, что призывал на смертельную схватку жителей Наур-городка. «Вас бы туда, где братушки-донцы полегли да терцы с гребенцами», – с негаданной печалью размышлял он, ведя своих казаков через толпу гуляющих дармоедов, которые и пороха никогда не нюхали. И таким чуждым показалось всё здесь, нелюбим. Скорей бы домой, на Дон. Там и воздух иной, и душе легче!..

Екатерина, несмотря на недомогание и крайнюю раздражительность, мужественно выдержала этикет и порядок великого торжества. Когда же царский поезд, выехав из Кремля, остановился у Пречистенских

ворот, начались схватки, которые, к счастью, прошли, когда она с помощью «Гришулички» вылезла из кареты и пошла ко дворцу. Кружилась голова, но она по знаку церемониймейстера приостановилась, чтобы в знак всеподданства четверо фельдмаршалов – Румянцев, Разумовский, Чернышев и Петр Панин – подхватили и понесли шлейф ее царственного наряда. И как ни была она густо напудрена, Потемкин, сопровождавший ее карету на коне, а теперь шествующий рядом, с тревогой шепнул: «Тебе, матушка, нездоровится?» – «Рассуждать невозможно. Бог милостив», – едва шевельнула она обескровленными губами и – поощрительно улыбнулась иностранным посланникам, выстроившимся у дворцового входа.

В ночь на двенадцатое июля императрица благополучно разрешилась дочкой. О начавшихся родах Григорий Александрович узнал одним из первых и лично поставил у покоев государыни караул из гренадеров.

С ведома и согласия Екатерины, новорожденную отъяли от нее и увезли из дворца. Отныне она передавалась на воспитание в дом племянника Потемкина, камер-юнкера и управляющего делами Императорского совета. Он достаточно смышлен и наверняка в тайне сохранит, кто отец и мать грудной Елизаветы, ибо сие есть государственная тайна...

А на Ходынском поле, ровно через неделю, императрицу встретили пушечной пальбой! И здесь была она еще благожелательней, чем в Кремле, хотя и выглядела бледной и заметно похудевшей. Сказывали, с матушкой Екатериной расстройство живота приключилось.

Специально выстроенные павильоны и строения, поименованные в честь отвоеванных турецких крепостей, были битком набиты людом. Рекой текло вино, подавались угощения. А вечером московское небо оза-

рилось огнями фейерверков! На самом поле дивили ротозеев множество вертящихся огненных колес, селитровые свечки, высоко и ярко брызжащие искрами, и фитильные щиты с разноцветными огнями. Поднебесное это зрелище царица, окруженная свитой, наблюдала с холма, где был главный павильон, размерами не уступающий иному дворцу.

Развеселые крики доносились снизу, с обширной низины, облюбованной простолюдинами, которая поминутно озарялась фейерверками и иллюминированными щитами. Даже поздним вечером не унимались песни, водились хороводы и поскрипывали качели, – гулянию не было конца! В дальнем конце Ходынки, получившем название «Барабинская степь», заиграли рожочники. Их чудесные переливчатые мелодии заставили Екатерину прислушаться. Постояв несколько минут неподвижно, она обратилась к приближенным:

– Сегодня я ходила по полю, среди простого люда. И заметила в глазах нескрываемую радость. Не для потехи нашей, а для народа сотворен праздник сей. Пусть знает и дворянство, и чернь, что нет для нас заботы выше, чем счастье и процветание государства Российского. И грандиозность празднества в честь нашей виктории заключает в себе смысл всем понятный: она под стать бескрайнему героюству сынов Отечества нашего! А прославление патриотов России дороже любых затрат и зело полезно на поучение молодых людей.

– Слава матушке Ее Императорскому Величеству Екатерине Алексеевне! – выкрикнул фельдмаршал Румянцев, растроганный словами императрицы.

Но она поспешно возразила:

– Слава, друзья мои, может принадлежать только Державе. А сколь заслужена она, – зависит от каждого. Наши же помыслы и жизнь посвящены России!

Часть вторая

1

И минул еще год, и выдался он для государства Российского и для ее самодержицы Екатерины Второй не менее трудным и напряженным, нежели предыдущие.

По-прежнему султан, открыто нарушая Кучюк-Кайнаджирский трактат, строил отношения с Россией на лукавстве и нескрываемой неприязни. Турция держала свои войска в Тамани и в Крыму, при этом выплатив в счет контрибуции лишь мизерную сумму левков из той, что была оговорена в договоре. Ссылаясь на свидетельства (заведомо ложные) европейских купцов, что у Керчи стоит в ожидании выхода в Черное море не торговый русский флот, а военный, Константинополь отказался пропустить его. Стахийев, новый посол в столице Порты, крупно поговорил с рейс-эфенди. Но никаких мер со стороны султана не последовало. И это подтверждало донесение конфиденентов, что турки весьма обнадежены слухами об ухудшении отношений России со Швецией, которая активно вооружается, и с Польшей, где назрела новая конфедерация, и к Абдул-Гамиду уже собирается некий варшавский порученец.

Еще хуже сложилась обстановка в Крыму. Друг Турции, хан Девлет-Гирей, фактически отказался от самостоятельности государства и принял султанскую инвеституру. Всему миру им было объявлено, что Кабарда принадлежит, равно как и правобережная Кубань, его ханству. А чтобы обезопасить себя, он всячески старался удерживать турецкие войска в Кафе и Тамани. И эта откровенная дерзость вызывала у русской императрицы крайнее беспокойство. Да, годовщина мирного трактата была отмечена всенародно и с гигантским размахом, но плоды этот договор так и не давал.

Беспорядочно складывались заседания польских сеймиков, благодаря проискам французов, вносящих распри между королем и шляхетством. Дело дошло до того, что эмиссар графа д'Артуа, брата короля Людовика XVI, явился к Станиславу-Августу и предложил отказаться от польского престола в пользу своего патрона, пообещав взамен Лотарингию. Но камнем преткновения, что хорошо понимали Екатерина и Потемкин, оставались Крым и Кавказ. Французский и Венский Дворы, как и «дражайший Фридрих», не только препятствовали усилению Петербурга и расширению его влияния в Европе, но были едины в политике стравливания России с соседними державами. Император Иосиф, пользуясь тем, что Порты обескровлена многолетней войной, отхватил от османской территории в пользу Австрии изрядный кусок придунайских земель. И султан смирился, – не вступать же в новую военную кампанию, если казна пуста, флот только восстанавливается, армия деморализована? В одном Абдул-Гамид был убежден твердо, что необходимо противостоять России, опираясь на крымского хана.

В мае 1776 года бригадир Бринк рапортовал командующему корпусом Прозоровскому: «Едичкульская орда уверена от хана крымского, о ожидающих в Крым, отряженных от Порты Оттоманской в пособие крымцам четырех военных кораблей к отнятию Керчи и Ениколе; а потому они и начинают переселяться с здешней стороны Кубани на Таманский остров, к переходу в Крым; или бы, оставя там свои семейства и скот, набеги чинить в здешний край на отвлечение едисанов, джамбуйлуков и части едичкулов, кои между едисанами на Чубурах кочуют, держащихся еще нашей стороны, а они, внимая таковые слухи за невероятные, также мысленно колеблются».

Сколь опасны такие колебания, способные разжечь мятеж ногайцев, Екатерина всегда помнила. К границам Крыма придвинулась российская армия. Благодаря стараниям Бринка, убеждающего ногайских мурз и беев в необходимости избрания крымским ханом Шагин-Гирея, а также щедрым выплатам, калга-султан был заочно возведен на ханский престол! Не теряя времени, он написал секретные письма влиятельным крымчакам, противникам Девлет-Гирея: ширинскому бею, ширинскому Гемир-Газе мурзе, Абувели-паше, мансурской фамилии Касай-мирзе и Галим-Гирей султану, в которых уведомлял о своем скором приезде и о том, что князь Александр Александрович Прозоровский с пятидесятитысячным войском прибудет в Перекопскую крепость. Потому всем им, его сторонникам, явиться к князю с войском и поддержать его, Шагин-Гирея, как признанного ими хана.

Путь русского корпуса из Малороссии был долог. К тому же, затруднили продвижение ударившие морозы. Лишь на исходе ноября Прозоровский занял Перекоп. Бригадир Бринк вел свои полки с Кубани, охраняя и свиту Шагин-Гирея, рвущегося в Крым. Когда корпус разместился в крепости и близлежащих селениях, и стало известно о подметных посланиях Шагин-Гирея, извещавших о его возвращении на родину в качестве хана, Диван и сам Девлет-Гирей, встревоженные угрозой нападения русских, обратились к Прозоровскому за разъяснениями. Их успокоили, что корпус задержался для решения некоторых проблем.

Еще в ночной час, совершая намаз в дворцовой мечети, Девлет-Гирей слышал, как гудел за стенами злой северный ветер, как за окном постанывала старая сосна, посаженная еще давним пращуром. А после молит-

вы он больше не сомкнул глаз, размышляя о выходке русской царицы, столь неожиданно приславшей в его страну свои войска. Безусловно, это нарушало трактат о мире, который и она, и султан ратифицировали, предоставив Крымскому ханству независимость, признав халифство Абдул-Гамида как лидера всех магометан. Лазутчики сообщили ему о приближении несметных сил неверных заранее, и каймакан Ор-бей султан увел татар с Перекопа, забрав скот и провиант. Но что он, Девлет-Гирей, мог противопоставить русскому генералу? Только помощь султана, его янычары и фрегаты способны остановить гяуров от посягательства на Крым. Цель Екатерины, как полагал он, не в захвате ханских земель, что привело бы к столкновению с Портой, а свержение неугодного хана. И эта обрусевшая немка уже наметила, кто будет куклой в ее руках, отвернет крымцев от османов и станет вассалом России на юге. Это, конечно же, подлый Шагин-Гирей!

– Да покарает тебя всемогущий Аллах, изменник и враг моего народа! – в сердцах воскликнул Девлет-Гирей, вставая с кожаного диванчика в своем кабинете и направляясь в зал заседаний, куда ровно в полдень он пригласил представителей татарских родов, чтобы объявить о сборе войска.

Хотя в Хан-Сарае и топили печи во весь жар, в переходах, в большом зале было довольно прохладно, и Девлет-Гирей почувствовал, как стали неприятно зябнуть пальцы, и приказал бешлею-охраннику принести рукавицы из козлиной шерсти.

При вхождении хана в малый зал, радужно освещенный витражами, приглашенные встали и преклонили головы. Девлет-Гирей, в теплом халате, украшенном парчовыми вставками, в бархатной татарской шапочке, очень идущей ему, строго окинул взглядом собравших-

ся и, нахмурившись, разрешил садиться. Гнев от того, что его воле не подчинилось большинство беев и мурз, ратовавших за него при низвержении Сагиб-Гирея, перехватил горло спазмом. И после молитвенного приветствия эфенди он еще долго молчал, точно бы слушая, как разгулялась на дворе метелица.

– Вот, даже погода гяурская, противная земле нашей, – с усмешкой произнес наконец Девлет-Гирей. – Полтора года назад вы, сиятельнейшие мурзы и беи избрали меня ханом. И я все делал для того, чтобы ваши чаяния и намерения, связанные с новым устройством жизни, с благом всех татар, были выполнены. Смута между родами и фамилиями пошла на убыль. Торговля с Портой оживилась. В мечетях, как никогда прежде, много людей... Вам есть в чем-то упрекнуть меня? Говорите открыто. Мне это важно знать.

И снова в малом фонтанном зале стало так тихо, что донеслось до слуха вкрадчивое журчание воды, которое тут же заглушили нахлесты вьюги по дворцовым витражам.

– Почему же тогда на ханский призыв, в эту милостивую для страны пору, многие не явились? Эти безумцы готовы снова сменить своего правителя! Но суть, мои достоуважаемые братья, в том, что эти нечестивцы помышляют только о собственных выгодах. Они готовы продаться русским, как это сделали орды ногайцев. За большие деньги из казны гяуров их мурзы и аги объявили, – рассудок отказывается в это поверить! – Девлет-Гирей задохнулся от негодования. – Они объявили крымским ханом бывшего калгу-султана. Златолюбцам и продажным рабам все равно, что будет в ханстве. Их устраивает любой правитель, лишь бы им было хорошо... И я поднимаю меч и на этих отступников от веры нашей, и на самозванца-хана, и на русских

захватчиков! И намерен сам сесть на коня и вести в бой потомков рода Гиреева! Надеюсь, что братья из других ветвей татарского древа встанут рядом во имя Аллаха и Крымского ханства!

Мурзы пристыженно молчали. Лишь представитель мансурской фамилии Аслан-Али, одетый в медвежий бешмет, с длинным кинжалом на поясе, встал, горделиво подняв голову.

– О, почтенный и великий владыка! Пусть не смущает тебя, что здесь не все из мурз, кто готов умереть за тебя. Непогода и снег на перевалах не позволил иным приехать в Бахчисарай. Но они в назначенный тобою день приведут своих воинов... Да, есть среди людей нашего рода отщепенцы. Я не вижу здесь ни Касай-мурзы, ни его старшего брата бея, ни Селим-Шаха мурзу. Мне обидно за них, клянусь Аллахом!

– Спасибо, Аслан-Али, – сдержанно поблагодарил хан. – Рядом с тобой я вижу других мансурцев. И за это отплачу вам милостью! А с ширинскими мурзами пути наши еще пересекутся...

Эфенди и улемы, члены Дивана предложили хану обратиться к Прозоровскому с отдельным посланием для того, чтобы отсрочить продвижение захватчиков по крымской земле.

– Оно уже подготовлено, – сообщил седобородый кадиаскер.

Девлет-Гирей, стянув с рук шерстяные рукавицы, повелительно махнул рукой. Тот, оставив руку с листом бумаги, стал читать суровым тоном, точно бы приговор.

– Светлейший князь! Двор Порты Оттоманской и Двор Российский заключили между собою вечный мир, который со стороны крымской области нимало не нарушен и его всегда свято почитаем, но вы в противность оною, с толикою армиею в Перекоп прибыли и далее

внутри фамилии здешнего народа приближаетесь, чем крымскую область привели в великий страх.

– Надо ли так писать? – засомневался Девлет-Гирей, искривив губы.

– Это официальный документ, – пояснил брат-калга, Шабаз-Гирей. – Пусть знает, что вызывает у народа чувства неприятные.

Приняв молчание хана за согласие, верховный судья продолжил:

– Правда, что вы оный трактат также почитаете, однако ежели вы хотите договариваться с вашими приятелями, то, не вступая внутри фамилии здешнего народа, остановитесь в Перекопе, откуда и чините с нами договоры, чего ради и письмо сие, для изъяснения написав, к вашему сиятельству посылаем.

Девлет-Гирей велел срочно отправить гонца к Прозоровскому. Вечером в свои покои он пригласил брата-калгу и перекопского каймакана. Вызов ширинских и мансурских мурз больно задел его самолюбие. Действовать самим, а не ждать, пока жалкая чернь сподобится взять в руки оружие, вынуждали обстоятельства.

– То, что люди неблагодарны, истина стара, – с презрением проговорил хан. – Слава Аллаху, что теперь мне известно, кто подлинные друзья. Их не так много. Год уходит. Уже декабрь. Поэтому, брат мой Шабаз, мы должны сами собирать войско, ездить по городам и селениям, встречаться с правовеерными. Только убеждениями можно их привлечь к себе! И ежели наши посланники проворно доберутся до Константинополя, султан, чаю, не оставит нас один на один с общим врагом!

– На море сильное волнение. Да спасет Аллах наши суда! – ответил Шабаз-Гирей и вздохнул: – Сколько бы мы ни собирали людей, силы будут неравны. И если нас предадут и другие мурзы, мы должны покинуть Крым.

Хан поднял голову и пристально посмотрел брату в глаза.

– Не опережай событий. Ишак со вьюком должен идти сзади... Завтра мы отправимся с тобой в Ак-Мечеть, затем в Кезлев и в горные селения... А за старшего здесь останешься ты, Ор-бей султан. У Прозоровского нет формального повода воевать против нас. Он явился сюда только для того, чтобы поддержать предателя Шагина. А вторая причина – Кабарда. Екатерина самовольно забирает принадлежащую нам территорию. Карасубазарский трактат, навязанный Сагиб-Гирею, мною отменен. Кабарда была и будет частью Крымского ханства, ибо она связана с нами вассальскими отношениями со времен Золотой Орды. Россия никогда не покорит Кавказ, принявший ислам. Мы поднимаем знамя борьбы против неверных, и они отступятся! Поэтому необходимо направить наших посланников к кабардинцам и другим народам, чтобы они усилили военные действия против русских. Если загорится Кавказ, кафиры убегут оттуда, как жалкие шакалы. Тогда и султану Порты станет легче противостоять русским завоевателям. Поверьте, братья мои, мы сокрушим эту сумасшедшую русскую немку!

К вечеру метель унялась, и Девлет-Гирей в окружении охранников сделал конную прогулку по заснеженному лесу. Дважды стрелял он из ружья в зайцев, и оба раза удачно. Затем уложил косулю. Морозец и везение, сопутствующее ему в этот день, вернули бодрость духа. Возвращаясь домой, он размышлял о странной несправедливости, преследующей людей. Вот он, хан по крови, много воевал, рисковал жизнью ради того, чтобы взойти на престол и превратить Крым в могучую страну. Но его великий замысел погряз в междоусобных драчках и склоках татарских и ногайских мурз, в

грызне невежественных и алчных дикарей. И стоит ли ради них лишаться жизни? Ради людишек, отвергших его при первой угрозе? У него в Бахчисарае есть жены и мальчики, и не лучше ли будет продолжать свой век на другой, более благодатной земле? Золота и левков хватит на долгие годы. Он попытается дать русским еще один бой! А в случае неуспеха, с помощью Аллаха, переберется в Константинополь...

2

Сон был беспокоен и странен. Будто бы подошел он к покоям «любимой голубушки», а из-за закрытой двери доносятся смех и нежные восклицания. Обезумевший от ревности, он стал выламывать дверь ударами сапог, схватился за ручку и – она вдруг оторвалась. С жутким ускорением полетел он вниз, по лестнице, переворачиваясь и ушибаясь, крича в пустое пространство...

Потемкин проснулся с головной болью. В его опочивальне, жарко натопленной с вечера, пахло морозной свежестью. В щель между бархатными портьерами прорезывался лунный свет, и он, проследив его траекторию, увидел на спинке кресла тонкий луч, похожий на лезвие кинжала. И вспомнил невольно, что днями вместо заболевшего князя Прозоровского в командование Крымским корпусом вступит его другой боевой сослуживец Александр Суворов. И начнется наступление на Бахчисарай ногайско-абазинского отряда Шагин-Гирея. Январская стужа, конечно, не лучшее время для боевых действий, но медлить было недопустимо. Сместить ставленника Турции с ханского престола следует до того, как султан замирится с Ираном...

Не любя бодрствовать в постели, Потемкин поднялся, несмотря на предутреннее время, зажег от пламьца ночника-кенкеты свечу и перенес огонь на канделябр,

стоящий на рабочем столе. В каждом его кабинете имелись столы, оснащенные письменными принадлежностями. Со вчерашнего дня остались непросмотренные бумаги. Он придвинул кресло, удобно устроился в нем и взял сафьяновую папку. Из штаба фельдмаршала Румянцева поступили рапорты уже за нынешний год, в котором сошлись три семерки. Он задержал взгляд на календаре. «Действительно, необычное сочетание. 1777. Что он принесет? Не разочтешь по дням и не угадаешь. Даст Христос, будем здоровы, и не коснутся лишения Отчизны нашей».

И Рождество, и святки пролетели стремительно, и начавшийся разлад в отношениях с тайной супругой Екатериной становился ощутимым. Григорий Александрович откинулся на спинку кресла и, прикрыв глаза, стал вспоминать о недавнем времени, когда теплота и искренность были между ними, несмотря на случайные размолвки. Он был не только ее рабом и любовником, но и соправителем Державы. Об этом государыня прямо никогда не говаривала, хотя без его совета не принимала важных решений. Да и в письмах и записочках своих уверяла до мая прошлого года, что верна ему, и любит. Однако он знал достоверно, что ложе царицы вместе с ним делит ее новый секретарь Завадовский.

– Сам ты, Григорий Александрович, наивный и слепой глупец! – вслух попенял себе Потемкин. – Не ты ли, со слов Румянцева, рекомендовал этого учтивого и услужливого полковника императрице? Не ты ли покровительствовал ему и усадил за один стол с придворными? А теперь вкушай, милостивый государь, плоды от рук своих!

И невесть почему припомнилось еще, как прошлой весной он и Григорий Орлов, два бывших фаворита,

находились в покоях умирающей Великой княгини Натальи Алексеевны, поддерживая императрицу. В покоях царила тяжелая тишина и шепот. Близкие друзья в молодости, два Григория, оба отцы ее детей, были причастны и к воцарению Екатерины, и к делам государственным. Но, пренебрегая друг другом, оставались взаимовежливы. Орлов, прослышав о новом любимчике царицы, поглядывал с иронией на Циклопа⁶⁸, разделившего его участь. Потемкин не подавал виду. Любовные утехы, в конце концов, это еще далеко не все! «Катюшка» не лишена была слабостей, как любой человек. Но отношений к нему, венчанному мужу, не изменила. Да, отдалилась. И голос сделался каким-то пустым, холодноватым. Но стоит ли винить ее за то, что потеряла интерес к нему как к мужчине?

Екатерина Алексеевна вышла тогда из опочивальни невестки с отрешенным лицом, побледневшая. Однако помня о других, приказала накрыть стол. И сидя с бывшими фаворитами, изрядно проголодавшимися, она благодарно поглядывала на сердечных дружков, сама не прикоснувшись к ужину. В тот час Григорий Александрович, испытал некую обиду, что приравнен к Орлову, собравшемуся жениться на Зиновьевой. Спустя месяц с лишком, не выдержав ревнивых терзаний, он объяснился с Екатериной, заявив о намерении навсегда покинуть Двор. Она милым увещанием и особой теплотой удержала «милую милюшу» на государственной службе. Но... наотрез отказалась уволить секретаря Завадовского!

Григорий Александрович раздраженно потряс колокольцем, и тотчас в покои вошел дежурный адъютант.

– Прикажи, братец, подать мне глинтвейна. И жару в печи поддать!

---

⁶⁸Циклоп – придворное прозвище Г.А. Потемкина.

Горячий напиток согрел, и Потемкин стал прохаживаться, разминать ногу, поврежденную прошлым летом при осмотре войск в Новгородской губернии. Первоначально он намеривался задержаться в столице до дня тезоименитства государыни, но наблюдая, сколь сблизилась она со своим секретарем, уехал. Екатерина, узнав о болезни «милюши», срочно направила к нему на лихих лейб-медика Соммерса, а впоследствии справлялась о здоровье, присылая курьеров. Тогда же он получил весть о царском подарке – купленном специально для него Аничковом дворце. При этом она предупредила, что его покои при Дворе никогда и никем не будут заняты...

В складках портьеры и в углах кабинета, где гобелены слегка шершавились, таилась мгла. Он перемещался по кабинету, и его большая тень тоже двигалась по полу, по стенам, навевая нечто мистическое. И он опять с нежностью и благодарностью стал думать об императрице, давшей фрейлинский шифр дочерям его покойной сестры – Александре и Катеньке. Она оставалась внимательной и отзывчивой, но, увы, уже не любила его и не верила тайн сердечных. Только дела и судьба страны связывали их неразрывно, и он тоже, часто выезжая в армию, подолгу отсутствуя при Дворе, поостыл к Екатерине. Как говорится в каком-то стихе, жизненный поток разделил их. А те женщины, с которыми он теперь бывал, смиряя плоть, не отвлекали излишне и не причиняли душевных страданий.

Обязанности наместника Новороссийского и Азовского, главнокомандующего казачьих войск и президента Военной коллегии требовали действий энергичных и смелых. Он истребовал сто двадцать тысяч рублей на обустройство бывших запорожских козаков, убедил самодержицу смягчить наказание их предводителям, сосланным не на каторгу, а в монастыри. Тогда же, весной

прошлого года, подал доклады о создании Астраханского казачьего войска и изменениях в управлении Войска Донского. Добился он и решения насущной проблемы – постройки флотилии транспортных судов для нужд азовских крепостей. И, наконец, по его приказу стал воплощаться в дела план по укреплению границ.

Впервые об этом он доложил государыне в Москве, после празднования победы над Портой. Она одобрила его донесение, где ключевым пунктом было ограждение русских земель от нескончаемых нападений горских племен. В минувшую осень астраханский губернатор Иван Варфоломеевич Якоби вместе с полковником Германом, сопровождаемые топографами, совершили рекогносцировку, путешествуя от Моздока в северо-западном направлении в сторону Азова и границы области Войска Донского. Их сведения о географических особенностях местности и народонаселении позволили начать работу над созданием пограничного рубежа. Осложнение в Крыму, угроза новой войны с Портой, колобродство в Кабарде и Чечне побуждали приняться за сие грандиозное предприятие неотложно. Одновременно с этим нужно было привести к власти Шагин-Гирея, чтобы не получить удар в спину от татарского войска. Да и горцы, лишившись подстрекательства Девлет-Гирея, еще задумаются, стоит ли враждовать с Россией!

Потемкин стал просматривать донесения из Крыма. Это был рапорт Бринка князю Прозоровскому от 12 января 1777 года. «Посланники наши за Кубань к едисанам и джамбайлукам с листами к высочайшему Ея Императорского Величества Двору такового же содержания, каковы получены были от едичкулов и занинцов, преданности новоизбранному Шагин-Гирей хану, здесь изготовленными, возвратились благополучно». Далее следовало: «В бытность наших там, между ордами до-

вольно они приметить могли, что весь народ в великом от горцев страхе находится, терпя от них всегдашние грабежи, спасаясь. Отчего как сами с аулами не могут в теперешнее время тронуться, скот свой отогнали на здешнюю сторону и держат около Егорлыков и Маныча, при том же от многих и верных людей слышали, что подстреканием султанов темиргойцы, бжедухи и прочие горцы, скоплясь толпами, намерены были делать свои покушения и к нашим войскам...»

Григорий Александрович, оторвавшись от чтения, снова убедился, сколь необходима мощная линия защиты от варварских набегов горцев. И, пожалуй, следует отозвать с Кавказа де Медема, усердного, но неповоротливого, или употребить его в ином качестве. А всю власть передать знакомому по турецкой войне Якоби. Пусть генерал-майор не молод, но опытен в дипломатии и в торговых поручениях. В преданности же своей престолу Российскому он был много раз замечен в жестоких баталиях с турками.

Потемкин снова углубился в чтение военных рапортов и донесений, а когда поднял уставшие глаза, с удивлением обнаружил, что из-за портьеры пробивается свет. Он с удовольствием потянулся, встал и подошел к окну. В глаза хлынул яркий разноцветный день! На строящейся набережной хлопотали артельщики. Невский голый лед синел, отражая ясное небо. А на кончике шпиля Петропавловской крепости золотистой звездочкой сиял утренний луч!

3

Зимними вечерами, когда маленький Дамирчик, или Демьян, как звали его по-русски, забирался на лежанку к бабушке, Мерджан любила расспрашивать мужа о пребывании в Москве. Леонтий, полужигвал жареные

тыквенные семечки и неторопливо вспоминал. Чаще всего рассказывал он о том, как командовал подчиненными и повстречал царицу. Вот и в этот вечер Мерджан попросила его повторить рассказ

Леонтий сосредоточенно подумал, собираясь с мыслями.

– Прошел, стало быть, великий праздник замирения с турками, – начал он, улыбнувшись. – И дождались мы дня, когда полковнику Орлову приказал главнокомандующий Потемкин возвратиться на Дон и набрать новую команду. Уехал наш командир, а вместо себя назначил есаула Баранова. Уже осень в середине, гуси в небе кугычат, и снежок припорошивает, а мы все в казармах. Одно и знаем, что коней чистим-блистим, да фигуральные проездки совершаем. Мне тогда передали из войсковой канцелярии, что ты вернулась домой, да еще с малым сынишкой. Душа обрадовалась и невмочь разболелась. Хотел сбежать от муштры дурацкой.

– А этот самый Потемкин, он каков обличем? – вставила Мерджан, пока муж поправлял чадающий в свете фитилек.

– Ростом великан! Белые штаны с черными сапогами носит и мундир с лентами и орденами. А лицом приятный, розовощекий, только вот один глаз у него как будто порченный. В аккурат перед тем праздником, на смотру, он проезжал вдоль строя и супротив меня придержал своего меринка, – глаз не оторвешь, такой конь! И глядит на меня в припор, пучит глаз. А второй, как ледышка, в сторону косит. Спрашивает, кто я есть и служил ли в турецкую? Так точно, мол, служил в полку Платова. Матвея Ивановича добром помянул. Похвалил, как мы на Калалы с крымчаками и турками бились. Ну, и пообещал мне поощрение сделать.

– Это – жетон серебряный, что в шкатулке?

– Он и есть к годовщине победы над турками. Я когда в караулах стоял или не спалось, об этом генерале думал и пришел к тому, что все его почитают и притом боятся. Стало быть, силу духа такую имеет. А, гутарят, службу начинал вахмистром в Преображенском полку. И до какой высоты достигнул!

– Погоди, он разве не из благородных? – удивилась жена. – Из простого рода?

– Это у вас там всякие мурзы, роды и беи, а у нас даже простолюдин во дворец царский вхож. Сказывал мне повар в Коломенском, что главный ученый на Руси был из архангельских купцов. Фамилия у него чудная: Ломоносов. Так этот самый мужичок за пояс заткнул французов и пруссаков. Правда, зараз он помер. Вот и я хочу к наукам притянуться. В Москве будучи, читал. И библию, и книгу про военное дело.

– Меня читать по-русски мама научила. Ты бы попросил у родственника нового, у супруга Марфуши, книжечку. Вот и будем читать вслух!

Леонтий вздохнул. Он до сих пор не мог забыть обиды, затаившейся на сестру и мать, сыгравших свадьбу в его отсутствие. Не за красавца Касьяна пошла его сеструшка, а за овдовевшего полковника Стрехова. Игнат Алексеевич, нечего сказать, был офицер храбрый и почтенный, но возрастом превосходил невесту вдвое! Дочь у него, калечка, была старше Марфуши. И когда приехал Леонтий из Москвы, долго она не шла в родительский курень, избегая объяснения с братом. Он-то знал, что любила она своего бывшего синеглазого ухажера. Но когда встреча всё же состоялась, и увидел Леонтий родное лицо сестры, с повинной хмурью в глазах, не стал ожесточаться. И слова Марфуши, что супруг ее человек хороший и непридиричивый, принял на веру. Родная кровь все пересилила...

– Вот придет сестрица, сама ей и напомни, – отозвался Леонтий и, помолчав, продолжил. – В декабре, стало быть, поднимают нас по тревоге. Велено от Потемкина сниматься, грузить на подводы пожитки, седлать лошадей и скорым маршем двигаться в Калугу. За два дня добрались. А там есаул разбил нас на четыре эстафеты. Одни в деревушке Алешне, следом – в сельце Титове, меня со взводом – в Посошках, а сам Баранов с оставшимися – в Калуге. Оповестили нас, что держит государыня путь на юг. А мы, донцы, должны ее поезд партиями встречать, брать под конвой и передавать по эстафетам. Целую ночь на холодюке мордовались, ждали с часу на час. Утром фельдъегеря промчались, за ними курьеры и военные. Вплели мы в гривы ленты, зеленые мундиры нарядили. И вот кареты подъезжают. Четвериком и пятериком запряженны, а конечки откормленные, ходкие. Подскочил ко мне полковник пучеглазый, расставил нас по обе стороны дороги. Насчитал я ажник двенадцать карет, а в какой государыня – неведомо. Тут полковник еще сильнее тарашит глаза и показывает на раскрасивую карету с гербом. Взяли ее мои казаки под конвой. Ну и я с правой стороны. Вдруг замечаю, поезд сбавляет ход. Останавливается царская карета, сама Екатерина дверку откидывает и по ступеньке спускается. Я ее сразу угадал! В Кремле запомнил. Только теперь была она в соболиной шубенке, а волосы гладко зачесаны. Обликом такая же, величавая, – у меня аж дух заняло! Айдан мой будто почуял чтой-то, и давай с ноги на ногу перепадать, как учили в Коломенском на выезде. Тут царица и поворачивается. И, поверишь ли, идет ко мне. Что делать? Слезить на землю аль нет? Слезу – конь мой станет, не удостою чести императрицу. Когда оборачивается она к прислуге и что-то приказывает. Потом и ко мне обра-

щается: «Ты казак?» Я, как требовали в команде, во всю грудь гаркнул: «Точно так, Ваше Императорское Величество! Сотник Войска Донского Ремезов». – «Сдается мне, где-то я тебя видела», – говорит она и прищуривается. Меня как варом обдало. Молчу, и она молчит, припоминает. Подносит ей слуга корзинку с яблоками. И Ее Императорское Величество, нисколько не страшась, подступает к моему буйному конику и подает угощение. И шельмец мой перестает плясать, опускает голову, как вроде благодарит, и берет яблоко в аккурат губами, чтоб ручку царскую не повредить. «Хорош конь, умом быстр, – хвалит государыня и снова антоновку подает, а гривач мой знай себе уплетает. – Бывал в бою?» – «Точно так! В бою его и добыл. Я на нем зайца догоняю...» Тут она голову поднимает и восклицает так, что я обомлел. «Узнала я тебя, голубчика! Это ты едва-едва мою карету не опрокинул, когда я летом из Царицына ехала? Дикарь! Ты, ты...» Я смекнул, что сдуру проболтался. Деваться некуда. «Было такое, Ваше Императорское Величество. Гонял я косых по лесу. Без того конь силу в ногах теряет. Извольте помиловать, не умысла ради было сие...» Она покачала головой и улыбнулась. «Женат? Детишек завел?» – «Обзавелся и женой, и сыном». – «Скучаешь, небось?» – «Дюже скучаю. Год в разлуке». – «Ты в любовных делах усердствуй. Пусть молодка побольше рождает детей казацких, воинов наших». – «Рад стараться, Ваше Императорское Величество!» Тут она с пустой корзинкой отошла, придворные засуетились. И поезд царский дале тронулся. В Калуге принял эстафету есаул. Получили мы благодарность за службу, а на другой день двинулись маршем до Тулы. Там встретились со сменщиками, с Дона прибывшими. Передали им скарб и кафтаны зеленые. И погнали лошадей на родину. Летел я домой, души не чая.

– А как я тебя ждала! Гадала, что скажешь, когда сыночка увидишь...

– Да что говорить! И родила ты его, сладушка, и выстрадала сколь... Кабы не утаила тогда, ничего бы не было. Ну, зараз Зухра эта вместо тебя в кибитках скитается, – проговорил Леонтий с недоброй усмешкой. – Навек из Черкаска выслали!

Мерджан переводила дыхание и мечтательно говорила:

– Аж не верится, что с тобой государыня всей империи речь вела. Я бы от страха и словечка не вымолвила! А ты еще не растерялся, когда впросак попал. Неужто она взаправду про детей так говорила?

– Богом клянусь. Так и приказала: «Усердствуй!»

Мерджан смущенно улыбнулась.

4

Зодич пробыл в Петербурге неделю и, получив инструкции в Коллегии иностранных дел, снова отправился на берега Сены. Ввиду осложнившейся ситуации на юге, ему было приказано особое внимание уделить связям Франции с Портой. Как только удалось установить деловые контакты с производителями гобеленов, получив от них полномочия вести переговоры с турецкими торговцами, он в середине октября выехал в Константинополь.

Пребывание в турецкой столице для конфидента оказалось весьма полезным. Во-первых, благодаря помощи влиятельных особ он стал вхож в султанский дворец, где к нему, французскому коммерсанту, отнеслись заинтересованно. А, во-вторых, на выгодных условиях нашлись покупатели тканей, что сулило немалый куш. Он собирался уже возвращаться в Париж. Но тайный вызов в русское посольство порушил все планы. Стахи-

ев был чрезвычайно серьезен и обратился с неожиданным предложением.

– Я получил от государыни рескрипт, касающийся крымских дел. В ханстве царят смятение и неурядицы. Артикул трактата о независимости Крыма нами соблюдался неукоснительно. Екатерина Алексеевна воздержалась от вмешательства, когда Девлет-Гирей занял ханский престол. Мы стерпели и его заявление о дружбе с Турцией. Однако враждебность к ногайским ордам, желание подчинить их силой, для чего Тохтамыш-Гирей учинил кровавую бойню, переполнили чашу терпения. Для водворения мира и порядка корпус Прозоровского занял Перекоп. Шарин-Гирей провозглашен ногайскими ордами самодержным ханом. Он с войском, при поддержке бригадира Бринка и своих двух братьев, вытеснил турецкий гарнизон из Тамани. Письмо воеводы Орду-агаси ко мне с просьбой разъяснить причину нахождения русских войск на Перекопе открыло всем тайну, что в Темрюке и Тамани турки держат внушительные силы. Орду-агаси, однако, согласился перейти в крепость Очаков под конвоем наших воинов. Удаление турок с крымской земли устраняет препятствия для решительных действий. Завтра посыльный Девлет-Гирея, так называемый чегодарь Булат-бей, вместе с курьером турецкого визиря и моим офицером, капитаном Сурковым, отбудут в Крым. Не угодно ли и вам присоединиться к ним по моей рекомендации, чтобы действительно выведать, что там происходит. Сведения, поступающие из Крыма, как сказано в рескрипте, крайне противоречивы. Одни отказываются воевать против русских, другие колеблются, третьи ведут секретную переписку с Шагин-Гиреем. В то же время мой «канал» сообщил, что султан приказал собирать свой военный флот. Готовы ли вы исполнить мою просьбу? Панина я

немедленно уведомлю курьером. А с князем Прозоровским вы, помнится, знакомы.

Зодич не ожидал такого поворота беседы. Подумав, он ответил уклончиво:

– Не вызовет ли это подозрение у турок? Я не рассматривал возможности такой поездки. Не скрою, она создаст мне немало проблем. Впрочем, если возвратиться обратно...

– Ваше нахождение в ханстве, друг мой, не затянется. Ее императорское величество поручила мне начать переговоры с рейс-эфенди. Шесть наших судов зимуют в Константинополе, пять торговых и одно – военное. Турки не пропускают их в Черное море. Государыня намерена принять решительные меры! И в первую очередь, в Крыму и на Кавказе.

В 36-й день (по отбытии из Крыма) месяца Дзюлгидше, в первую пятницу, как написал в своем донесении чегодарь, делегация от султана и Стахиева, вместе с французским купцом, прибыла в Перекопскую крепость, где передала письма генералу Прозоровскому. Александр Александрович, выглядевший по причине длительной болезни ослабевшим, остался с конфидентом тет-а-тет и дал несколько дельных советов. Кроме того, назвал имена конфидентов, которые могут быть ему полезны, из торгового люда, – грека Панайода и армянских купцов Бедрога и Габриеля, обретавшихся в Кезлове.

Загостившаяся на юге зима, хотя уже февраль перевалил за середину, не отступала. Северный ветер и снежная крупа преследовали чегодаря, визирского курьера Абдулу и Зодича до самого Бахчисарая. Александр, живя в Константинополе, научился обиходной турецкой речи, а за долгую дорогу, общаясь со спутниками на этом тюркском языке, научился его понимать. В отли-

чие от визирского чиновника, невзлюбившего француза, Булат-бей держался с ним приятельски. И когда они, трижды задержанные отрядами мурз, представлявших разные ветви родов, все-таки въехали в сумрачный, повитый дымами труб и туманом Бахчисарай, чегодарь предложил иностранцу поселиться в его доме.

Татарские жилища, построенные в горных селениях, на морском побережье и в центральной части полуострова, отличались друг от друга. Зодич сразу приметил, что множество зданий в татарской столице напоминают дома в турецких кварталах Константинополя. Особняк Булат-бея был построен по сходному проекту. Особенность заключалась в том, что второй этаж выступал над первым, сооруженным из тесаного камня, и держался на деревянных подпорках из дерева. Черепичная крыша спускалась со стороны двора широким навесом, называемым «сачах» и украшенным орнаментом из дощечек. Над домом вставала высокая призматическая труба, издали напоминающая башенку. На двери была резная бронзовая плитка с массивными металлическими кольцами. Хозяин, подождав, когда бешлей⁶⁹ примет лошадей, указал рукой на вход.

– Пусть мой дом станет домом брата!

На первом этаже две комнаты разделялись сенями. Зодичу отвели приют в правой половине, именуемой соба. Она была довольно тесна. В углу помещался небольшой шкаф и стоячая вешалка. Глинобитный пол был в коврах, на возвышении, сэдте, лежали тюфяки и подушки в разноцветных наволочках. Большое двойное окно открывалось на нижнюю галерею. К Зодичу вошел, склонив голову, приставленный слуга, юноша с едва заметными усиками. Выслушав гостя, он принес кумган и медный таз, чтобы тот помылся с дороги. За-

---

⁶⁹Бешлей (татар.) – слуга.

тем подал полотняное полотенце. В доме топился очаг, расположенный на левой стороне, в большой жилой комнате, а в сове было прохладно. Остаться надолго здесь Зодичу расхотелось. Впрочем, есть ли вообще в городе здания, обустроенные по-европейски?

Булат-бей оказался хозяином хлебосольным. Ужи-нали обильно, откушав и татарских пирогов с мясом, и бараньей похлебки, и телятины, сваренной в молоке, и козьего сыра. Правверный магометанин предложил го-стю вина, но тот отказался. Зато сваренный по-турецки кофий поднял настроение! Булат-бей, успевший уже побывать в Хан-Сарае, рассказывал, как Девлет-Гирей, прочитав визирское письмо, прослезился от радости. Турция поддерживает намерение своего ставленника не пускать русских в Крым. Хан сразу же произнес это во всеуслышание, давая понять придворным, что он по-прежнему ценим в Константинополе. Хотя ничего ино-го, кроме помощи в вооружении, визирь не обещал. Тем не менее, Девлет-Гирей воспрянул духом и через день намерен собрать Диван.

– Франция дружески относится к нынешнему крымскому хану, – напомнил Зодич. – Я хотел бы присутствовать там как человек, облеченный деловы-ми полномочиями и связями с Версалем. Разумеется, небезвозмездно.

Ханский чегодарь обещал похлопотать.

На следующий день Зодич отправился на бахчиса-райский базар. К счастью, небо расчистилось, и поте-плело. Гомонящая толпа торговцев не унималась ни на минуту. Ряды лепились один к одному, по-восточному были замысловаты и беспорядочны. Сопровождавший его слуга, армянин Рубен, объяснял, какие деньги имеют силу и как соотносятся с французским ливром. Понять это с первого раза было мудрено. В ханстве ходила валю-

та разная: турецкий пиастр, равняющийся 20 крымским серебряным бешликам, местный крымский пиастр, бешлики медные, гораздо меньше достоинством, чем серебряные; венецианские и голландские секины, польские экю. Русские рубли не использовались. Запомнил Зодич только то, что турецкий пиастр приравнивается к французским ливрам и секинам, как один к трем.

– Бывает, что наши крымские бешлики совсем исчезают, – пояснял Рубен, пока они шли вдоль ряда, уставленного конной упряжью. – Когда султан выплачивает пенсии хану и мурзам, в ходу одни турецкие деньги. В Оркопи, где откупщики изготавливают наши медные монеты, стараются изъять у торговцев побольше бешликов, чтобы получить новые заказы. Я это знаю, потому что мой дядя имеет там откуп на солеварни и чеканку монет.

Солнце, слепящее глаза, и долгожданное тепло, по всему, возбуждающе действовали на базарных завсегда-таев. Поскольку интересы Зодича сводились к продаже гобеленов и покупке кожи, сафьяна и шерсти, он осведомился о том, как они здесь измеряются. Мера веса была также сложна: кинтал равнялся 4 французским унциям, батман – 12. Наконец, когда остановились у палатки торговца материями, выяснилось, что все холщовые товары продаются на крымский пик, состоящий из 4 полотнищ, которые равны 36-ти большим пальцам королевской ноги.

Зодич подумал, что ослышался или не понял оборота татарского языка. Но Рубен подтвердил сказанное. Ткани продаются... по размеру большого пальца королевской ноги!

Хозяином ряда, пестреющего кожами и сафьяном, оказался грек Анастас. Он был знаком Рубену и, когда тот объяснил цель их прихода, радостно заиграл своими крупными черными глазами.

– Лучшая кожа во всем Крыму! Цвета любые. Смотрите, мсье, что за качество! – он схватил кусок сафьяна и буквально вложил в руки Зодича. – А какая выделка! Дешевле вы, мсье, не отыщете! А кожи! Франция будет в восторге! Вот базан, самый лучший для седла! А желтую кожу у меня покупает знаменитый черкесский мастер. Для покрывашки седельных венчиков берут вот такую, козлиную.

И вновь расчетливым жестом фокусника Анастас заставил француза взять мягкую кожу в руки. Она издавала специфический острый запах.

– Цена этому куску 2 пиастра, но вам, уважаемый мсье, уступлю за полтора!

Зодич пообещал подумать. Грек разочарованно всплеснул руками:

– И зачем я так старался?! Недаром говорят, французы капризны. Прибыль, считай, под рукой, а они...

Далее шли ряды ввозной торговли. Кроме оружия, продавался свинец и отлитые из него пули, германские, на редкость прочные и славящиеся заточкой косы; в больших рулонах предлагалась бумага, употребляемая крымцами для оклейки окон. Зодича привлекли своим блеском и изяществом выделки трубки.

– Молдавские! – угодливо подсказал продавец. – Самые надежные во всем белом свете. Абрам не скажет неправды! Меня все знают! Такая трубка, господин, достанется и вашим внукам...

Еврей умолк, увидев, как покупатель-европеец достаёт кошелек. На вопрос, сколько стоит трубка в виде армейского кивера, Абрам замялся, боясь и продешевить, и упустить покупателя. Но, как подсказала интуиция, решил заломить цену:

– Десять пара!

– Это же пятнадцать французских су! Сумасшедшая сумма! – не сдержался Рубен.

– Того стоит, дорогие мои, – отведя глаза и как будто даже сочувствуя, заметил продавец.

Зодич не стал спорить и торговаться.

Чегодарь смог подкупить чиновника Дивана за изрядное денежное вознаграждение.

В первый раз в жизни Александр, как было велено Булат-беем, разрешил слуге намотать себе на голову тюрбан, надел татарский чекмень и шерстяные штаны, вобрав их в сафьяновые малиновые сапоги. В Хан-Сарай они вошли беспрепятственно, так как чегодаря охранники знали в лицо. Но у входа на лестницу балкона их остановил баша, окруженный воинами, и подозрительно уставился на незнакомца. Булат-бей сослался на дефтердара, главного казначея. Французский торговец хочет оказать ханству помощь.

– Меним достумнен танъыш олуныз, – настоятельно сказал чегодарь.

– Меним адым Верден, – подхватил Зодич, смело глядя в глаза командира караула. – Кирмеге рухсет этинъиз!⁷⁰

Неприветливый баша, качнув саблей в длинных ножнах, сдержанно кивнул и отступил. Видимо, иностранец убедил его знанием татарского языка.

С балкона, который занимали чиновники второй руки, был виден весь зал. Большие окна, в восточном стиле, светились разноцветными витринами напротив полуденного солнца. Замысловатая роспись потолка, его своеобразный орнамент завораживали взгляд. Не зря украшали дворец многие турецкие и итальянские художники.

---

⁷⁰– Познакомьтесь, это мой друг.

– Меня зовут Верден. Позвольте нам войти. (татар)

Зал поражал роскошью. Розовый мрамор стен был украшен золотыми вензелями на южной стороне, там, где находился ханский трон, Зодич насчитал восемь прямоугольников, очерченных двойной красной линией, такая же линия условно отделяла на стене первый и второй этажи. Окна, с витринными стеклами, были сделаны в виде дверей, – к ним даже вели ступени. А выше, также в форме прямоугольников, тянулись настенные золотые росписи. Мраморный розовый пол переливался разноцветным блеском, отражая и витражи, и потолок, сходный с ними сочетанием коричневого, голубого, красного и зеленого цветов. Вдоль глухой стены стояли диваны, занятые приглашенными. В гулком зале не смолкали голоса. Ханские сановники и воеводы, входя, приветствовали друг друга. Зодич осмотрелся. На балкон открывались четыре двери, но три из них были наглухо задрапированы коричневой тканью. С двух сторон стояли напольные мраморные вазы с маленькими пальмами.

Наконец угловую дверь распахнул придворный офицер в парадной форме. Девлет-Гирей, в дорогом ханском одеянии, в белой чалме, украшенной драгоценными камнями, с кинжалом на поясе, с холодным, несколько презрительным выражением лица, властно вошел в зал. Все, подобострастно глядя на него, встали. Хан преклонил голову и поднялся на трон, за которым золотой гобелен был увенчан полумесяцем.

Совет открыл как духовное лицо казыаскер Фейзулаэфенди. Он по традиции начал с молитвы, с обращения к Аллаху. А затем произнес речь и прочел фетву. В этом обращении-законе к крымцам, кто исповедует ислам, напоминалось, что Девлет-Гирей получил инвеституру, то есть утверждение, на ханский престол от халифа всех правоверных магометан Абдул-Гамида, султана Порты. И всякий, кто поддержит самозванца Шагин-Гирея, бу-

дет объявлен преступником против веры и подвергнут суровому наказанию.

Зодич не спускал глаз со сторонников хана, собранных со всего полуострова. Их манера соглашаться со всем, чтобы ни говорил хан, эфенди или нуррадин-султан, выказывала, скорей, не покорность, а неуверенность. Вслед за казыаскером фетву подписал старейший муфтий Ахмет-эфенди и прочие участники совета. Хан выслушал тех, кто пожелал выступить. Многие слова и выражения были диалектными. Уяснил Зодич одно: хан снова пытается собрать войско и выступить навстречу Шагин-Гирею. Больше ничего ценного сказано не было.

И только от грека-конфидента, которого помог разыскать Рубен, Зодич узнал, что ханская партия неуклонно теряла силу. Поддержать его отказались девять мурз из десяти, к которым был отправлен Казы-Гирей-султан. Так же поступили ширинский бей и люди из мансурской фамилии, бывший визирь Багадыр-ага, Абдувелли-паша и другие. Старейший мансурский муфтий Ягья-эфенди в проповеди своей отверг фетву, обвинив Девлет-Гирея не только в том, что держит для утех чужих жен, но и мальчиков собирает. Не преступление ли это еще более против веры Аллаха, чем поддержка Шагин-Гирея? А почтенный Абдувели-паша заявил хану, что «вам хорошо, поскольку имущество свое убрали на суда и сами со своими приближенными готовы к отплытию, а мы свое отечество оставлять не намерены». И, наконец, приехавший из Царьграда мурза предупредил, чтобы не питали надежды на помощь Порты, ибо султан подписал с русской «чарицей» договор о вольности татарской. Эти свидетельства о растущем противодействии народа Девлет-Гирею, имели важнейшее значение, и Зодич немедля выехал из Бахчисарая с конфидентом в Перекопскую крепость.

Абдул-Гамид не собирается начинать новую войну с Россией. И косвенно подтвердило это согласие начальника турецкого гарнизона вывести воинов из Тамани. Путь в столицу стал Шагин-Гирею открыт. Корпус Суворова придавался ему в помощь.

Дни Девлет-Гирея на ханском престоле были сочтены.

5

Возвращение Потемкина в столицу совпало с Пасхой. Всеношную он отстоял в попутном сельском храме, дивясь тому, с какой истовостью и благостным трепетом вел службу старенький батюшка, обладающий красивым, не по возрасту сильным голосом. Потемкин не преминул пожертвовать деньги на нужды храма. Он, сам о том не думая, легко сходилась со служителями Божьими, которые ответно тянулись к нему.

Полуторамесячное отсутствие в столице, отдых в Москве у матушки и в своем имении, поездки в войска, – вольность в поступках и отдаленность от Двора способствовали укреплению здоровья. Но даже на отдыхе Григорий Александрович вел переписку, контролировал деятельность Военной коллегии и ход крымской кампании. Дважды к нему вызывался полковник генштаба Герман и представлял доклад о создании Азово-Моздокской линии. План этот, всесторонне разрабатываемый второй год, был окончательно составлен и подготовлен для представления императрице.

День рождения Екатерины, по обыкновению, пышно отпраздновали при Дворе. За долгое отсутствие и за то, что перестал писать «цыдули», Григорий Александрович выслушал от именинницы справедливые упреки. Торжественный этикет не позволил ему напомнить о Завадовском, который избегал, как демона, светлейше-

го князя, и об Орлове, исполнявшем в его отсутствии обязанности генерал-адъютанта. Доверенные люди доносили Потемкина об интригах, плетущихся против него Никитой Паниным и братьями Орловыми. В этом не было ничего нового. С главой Иностранной коллегии как будто были установлены в последний год приемлемые отношения. Стало быть, идея Никиты Ивановича свергнуть Екатерину с трона, чтобы передать корону ее сыну, не отринута! Этот старый лис сознает: пока рядом с государыней Потемкин, сей маневр не осуществить. Понятна была неприязнь и Орловых. Фаворитствовать, участвовать в делах государственных, – и лишиться вдруг привилегий, отойти в тень Ее Императорского Величества. Обо всех плутнях Потемкин не преминул сообщить «матушке Екатерине». В ответной записке она его успокоила и пообещала приструнить Панина, направив к нему вице-канцлера Остермана, назначенного, между прочим, по рекомендации самого «милюши».

Спустя три дня после чествования Екатерины, узнав из депеши, что Диван избрал крымским ханом Шагин-Гирея, Потемкин в приподнятом настроении отправился на прием к императрице.

Сердце сжалось, когда он вошел в такой знакомый кабинет, с массивным столом, отражающимся в зеркальной глади паркета. Был понедельник, двадцать четвертое апреля, и в открытую форточку высокого окна доносились трели скворца, облюбовавшего ветку липы, в мелких листочках, видную в нижние шибки. За отдельным секретарским столом никого в этот час не было, – ни Завадовского, ни Безбородько, малороссов, обласканных императрицей. Она ждала его в уединении. И едва он по привычке двинулся к ней армейской поступью, Екатерина поднялась и, шелестя платьем, вышла из-за стола. В большой комнате было солнечно, и

глаза любимой женщины светились, казались прекрасней, чем прежде. Она шутливо сморщила переносицу и, шепнув что-то неразборчивое, поцеловала его в губы. Он одной свободной рукой обнял ее за плечи, прижал к себе. И ощутил порывистое ответное движение...

Но тут же его венчанная супруга отстранилась.

– Не по этикету, батинька, поступаешь. Сперва о делах, а потом о сердечных тайнах.

Императрица вернулась за стол. Глядя на сопровителя государства, улыбнулась и указала на кресло. Машинально открыла табакерку, вдохнула аромат смеси, приготовленной по ее рецепту. И Потемкин разобрал запах донника, мелиссы, мирта, крепкий дух турецкого табака и еще неведомых растений. В этом как бы отвлекающем действии он почувствовал, что Екатерина несколько напряжена, как человек, опасющийся разговора, которого лучше было бы избежать. Он это понял и решил воздержаться от объяснений.

– Курьер от Прозоровского приехал. Хан выбран. Знаешь ли? – радостно блестя глазами, спросила Екатерина.

– Да, Ваше Императорское Величество. И смею поздравить Вас с сей долгожданной и приятной новостью. Шагин-Гирей всегда склонялся к нашей державе. И вольность, отпущенная Крыму трактатом, будет использоваться им на благо населяющих его народов. Ваша мудрость простерлась и на татарские орды.

– Стахиеву я дала наказ продолжить с турками переговоры. В Крыму теперь потребно установить правление наследственное, а не выборное. И наследственным ханом объявить Шагин-Гирея, а не Девлетку, которого как виновника всему злу, никогда не будем мы терпеть там. Кроме того, турки до сих пор не пропустили наши суда в Черное море. И, как следует

в депеше от Стахиева, облыжно признают их военными. Эка глупость. Да и Шагин-Гирея не принимают как хана!

– Ваш голос мне всю душу переворачивает... Со-
скучившись в отдалении невозможно...

– Вы своими упреками изводите меня, сударь...
Душой и духом, батинька, я всечасно принадлежу вам.
И мало ли языки распространяют слухи неправдоподобные.

– Нижайше прошу прощения, Ваше Императорское
Величество. Вам известно, что слов на ветер я не бросаю.
И готов ради вас на любое испытание. Но терпеть
рядом с вами этого... услужливого офицера...

– Батинька, Григорий Александрович! Мы слушаем
ваш доклад, – ледяным тоном прервала государыня. –
Об устройстве укрепленной линии я читала документы,
подготовленные вами и Военной коллегией. Доработана
ли сия бумага и внесены ли мои коррективы?

– Точно так, Екатерина Алексеевна. Мы неуко-
снительно учли ваши пожелания. Оборонительная линия,
как было замышлено два года назад, начало берет от
крепости Моздок и... – Потемкин, наконец, догадался
положить на секретарский стол объемистую папку, до-
стал из нее сложенную вчетверо карту, чтобы показать
императрице, но она встала и сама подошла к нему. –
Вот эта Линия!

– Эта, что начертана красным чернилом? Вижу...

– Опорными пунктами задуманы крепости. Они
привязаны к рекам и горным возвышениям, которые со-
ставят врагам дополнительные препятствия. Разрешите
зачитать?

– Потребуется немало средств для строительства и
обжития этих крепостей. Да и хищники не оставят их в
покое. Территория велика, почитай, больше Франции.

Целая новая страна – Кавказия! – воскликнула Екатерина и скаламбурила: – Вокруг Азия – а посередине Кавказия! И ежели придут недруги, то набат оттуда должен докатиться до самой Москвы!

– Да, матушка. Мы отделим Державу от враждебных земель. Османы насаждают среди горцев ислам. И остановить это мы не в состоянии. Я знаю горцев. Это достойные, но внушаемые люди. Турки вводят их в заблуждение, клеветают на нас. И нужны годы, чтобы разноплеменные народы разобрались, кто их нелицемерный друг.

Императрица возвратилась за стол, вызвала дежурного секретаря и писаря, разрешила также присутствовать членам Военной коллегии.

Потемкин, прочтя вводную часть доклада, перешел к основным его положениям.

– Я приказал Астраханскому господину губернатору Якоби самолично осмотреть положение границы нашей, простирающейся от Моздока до Азова и, получив от него верное описание, осмеливаюсь повергнуть общее ниже мнение о учреждении Линии на помянутом расстоянии.

– А не ошибаемся ли мы в нем? Разное слыхала. Хотя, помнится, он в Алуште воевал геройски. И турок разбил, и пушки захватил, будучи контужен. Я тебя подерживаю. Пусть же Якоби ответит усердием.

– Несомненно, Ваше Императорское Величество, он проявит радение и все свои силы... Линия имеет простираться от Моздока к Азовской губернии в следующих местах, где построив новые укрепленные селения, коим примерный план представляется, а именно: 1-е – на Куре, 2-е – на Куре же, 3-е – на Цалуге (Золке), 4-е – на Куме, где и командир вышеописанных укреплений квартиру свою иметь должен; 5-е – на Томузловке, 6-е – на Бейбале, 7-е – на Калаусе, 8-е – на Ташле, 9-е – на Егорлыке,

10-е – в Главном укреплении от Черного леса к Дону, где квартира второй части командиру быть должна, так как все оные на подносимой при сем карте показаны. . .

– Сия граница более на зигзаг похожа, чем на линию, – заметила Екатерина. – Надежно ли она оградит от врагов и даст ли основу для расселения там русского народа?

Потемкин утвердительно кивнул.

– Ежели она, Линия, удостоится высочайшей Вашего Императорского Величества апробации, то осмелюсь на нижеследующем просить высочайшего указа.

– Сделайте подробные разъяснения, князь, – настойчиво сказала Екатерина. – Для меня это важно.

– Как Бештомак, к удержанию Малой Кабарды жителей, есть наиудобнейшее место, за которым и леса останутся внутри Линии, по рекам Тереку и Малке, то и следует на сем месте быть флангой крепости. Моздок тогда будет городом торговым, и одна из крепостей, полагаемая на Куре, уничтожится.

– Земли внутри Линии непременно должны быть заселены.

– Разумеется, в дальнейшем селения там будут множиться.

– Даны ли имена крепостям?

– Покамест нет.

– Они должны быть названы в честь святых. И одну из них обязательно объявите Ставропольской. Я читала о греческих проповедниках. И мне встретилось там название – Ставрополь, Град Креста. Да и Петр Великий после персидского похода так поименовал один редут. Пусть этот Град Креста станет опорой нашего христианства на всем Кавказе!

– Будет исполнено, Ваше Императорское Величество.

– Вот на Куме, мне думается, самое уязвимое место, – произнесла императрица, разглядывая карту. – Что скажешь, глава Военной коллегии?

Потемкин, помня и карту, и направление Линии, отвечал не задумываясь:

– Крепость на Подкумке, матушка государыня, верно, на важнейшем месте по всей Линии. Она будет прикрывать Куму, удерживать абазинцев, которые недалеко отсюда имеют всегдашние и многолюдные свои жилища, равным образом имеет обсервационный пост над живущими по вершинам рек Кумы, Кубани, Малки и Баксана народами, содержа по малой и большой Куме форпосты. Кума есть лучшая река на всей ногайской степи. Она имеет от самого Подкумка почти до Можар великие леса и заключает все выгоды, которые только желать можно... Прошу прощения, я отвлекся и переложил страницу...

Потемкин поднял глаза и встретил потеплевший взгляд императрицы, сразу сказавший и о том, что она довольна докладом и больше не сердится на него за напоминание об «офицерике».

– Назначенные в ней линейные укрепления, как Вами указано, наименовать, как благоугодно будет и чтобы все оные окончены были строением будущим летом, для чего хотя третью часть войск, отряженных на закрытие их, употребить в работу оных с зарплатою каждому по пяти копеек в сутки и на то ассигновать сумму.

– Об этом мы подумаем, – согласилась Екатерина. – Построение сей Линии, заселение войск и командование оными мы под вашим управлением возложим на астраханского губернатора Якоби, как испытанного уже в пограничных делах начальника. Напоследок разъясните, ваше сиятельство, значение

крепости на Ташле. Она вблизи Кубани. И не будет ли подвержена особым нападкам черкесов?

– Осмелюсь утверждать, что это учтено. Именно здесь мы строим три крепости, особо укрепляя границу. Эта крепость под номером восемь на вершине Егорлыка. Будучи первою крепостью к Черному лесу, прикрывает общий с крепостью № 7 проход между Калаусскими вершинами и Черным лесом. А крепость под № 10 должна быть самою важною, потому что при ней, как три главные вершины рек, так три дороги к Кубани, Азову и Дону имеются.

– Вот ее и назовите Ставропольской, – повелела Екатерина.

– Будет исполнено, Ваше Императорское Величество. Около одного места лес под Егорлыком кончается, и хотя вниз по оному всегда корм и вода хороши были, однако, по недостатку леса, селению быть там трудно и по сей причине назначаются форпосты от оной крепости и до самого устья речки Егорлыка. Места под редуты намечены.

– То бишь до границы Области Войска Донского? – уточнила императрица. – А как продумана коммуникация?

– Дорога коммуникационная из Моздока может быть прямо на Можары и Цимлянскую станицу, а оттуда через Казанскую станицу и Воронеж до Москвы, и сия дорога от Моздока станет не более 1400 верст. Следовательно, убудет против нынешнего расстояния более 500 верст! Другая же дорога может быть по крепостям до Черкаска и Азова.

Повелев всем присутствующим, кроме Потемкина, оставить кабинет, Екатерина придвинула к себе папку с докладом, увенчанную имперским гербом, и написала на титульном листе: «Быть по сему». С этой минуты документ обрел полную и окончательную силу ее указа.

– Доволен ли, сударушка? – улыбнувшись, спросила она отставного фаворита и верного соправителя Державы.

– Точно гора с плеч, – признался Григорий Александрович. – От злого соседа, чем крепче забор, тем лучше.

– На ужине повидаемся, – предупредила Екатерина и плавно протянула руку для поцелуя.

Потемкин наклонился над столом, прикоснулся губами к прохладной коже, отдающей ароматом розового мыла. И не ощутил ни в ладони императрицы, ни в своей душе былого трепета. Страсть уходила безвозвратно. Но родство душ становилось еще крепче...

6

Сотника Ремезова вызвали в войсковую канцелярию негаданно. Накануне вечером они с Мерджан косили в степи сено, ворошили давешние валки, чтобы перевезти на днях копицы к своему подворью. Усталые, истомившиеся на солнцепеке, возвратились они домой, а тут – на тебе! – Устинья Филимоновна в тревоге. Сказывал вестовой, что собирают казаков в полки.

И действительно, принес Леонтий весть грустную. Его зачислили в полк, отправляющийся в Астраханскую губернию. Судя по тому, что войсковому атаману ордер по этому случаю прислал сам Потемкин, дело предстояло нешуточное. На сборы казакам отвели три дня.

Мерджан, выслушав мужа, едва удержала слезы. Однако душевную смуту подавила она решительным желанием завтра же, оставив все прочее, отвезти сына, крещенного Демьяном, в Ратную церковь, чтобы отслушали молебен Иоанну-воину.

– Так обычай требует, – заявила Мерджан, предупреждая возражения мужа и свекрови. – У него прорезались зубки, и два годика исполнилось.

– Любо, – согласился Леонтий, тронутый тем, что его жена рассуждает как исконная казачка. – Съезжу к настоятелю, упрошу.

И малыша на зорьке подняли с постели, хныкающего от того, что не выспался и что кусают комары, принарядили, усадили в казацкое седло и повезли на строевом коне к церкви. Леонтий вел Айдана в поводу, а жена-любушка шла чуть позади, придерживая казачонка за свисающую с седла ножку. Впрочем, в седле он чувствовал себя вполне надежно, – уже много раз отец катал его по улице одного.

Священник окропил будущего воина и родителей свяченой водой, прочел молитвы, в которых обращался к Иоанну-воину, Святому казаков, чтобы двухлетний Демьян вырос крепким и храбрым казаком. И на удивление, малыш за всю дорогу и в час молебна ни разу не заплакал.

В прощальную ночь ни Леонтий, ни Мерджан не сомкнули глаз. Не могли насытиться друг другом, предчувствуя долгую разлуку. А на третьих кочетах, когда забрезжило в окошке, он вышел напоить коня. С Дона тянуло сыростью и запахом молодого камыша. Доносились крики казарок. Где-то в займище утреннюю побудку играли журавушки. «Видно, надолго уеду, – размышлял Леонтий, наблюдая, как его конь осторожно выцеживает из деревянной бадьи колодезную воду. – Сказывал атаман, тронемся двумя полками. Никак с кабардинцами неуправа вышла. А войне там, на Кавказе, конца-краю не видать. Сто разных наций, и перемешаны между собой. Как их в разум ввести, к миру приучить?»

Мерджан уложила в переметную суму харчи, смену белья, портянки, нитки с иголкой, кусок сваренного ею мыла. Она всячески отвлекала себя делами, пыта-

ясь не думать о том, что курень без любимого опустеет. Устинья Филимоновна, с трудом волоча больные ноги, хлопотала у надворной печи, разжигая ее дровами. Подождав, пока невестка подоит корову, она велела ей зарезать молодого кочета и сварить свое ногайское кушанье – шулюн. А сама улучила момент, когда сын чистил коня, и подошла к нему.

– Ты, Леонтьюшка, послушай, а сам не перечь... Слабею я, сынок, с каждым днем. Марфушка обабилась, мне не помощница. Ягода, да в чужой корзине... Бог весть, свидимся ли ишо, дождусь ли... Буду всех святых молить, чтоб оградили тебя от пули и сабли войстрой! А ты, Леонтий, сам себя обороняй. С умом воюй. Не рвься в пекло, как дед и батька твой. Оба головы сложили! А ты у меня один ...

Мать всхлипнула, и Леонтий поспешил обнять ее.

– Занапрасно не журитесь, маманюшка, – ласково попенял он, глядя ее по голове. – Не впервой на службу уходить. А вы тут себя сохраняйте. Особо не усердствуйте! Довертесь Мерджан.

– Да рази ж я против того? Она баба хорошая. С уважением ко мне. Все одно, сыночек, без тебя нету покоя...

За бастионом, на казачьем плацу трубачи дуванили сбор.

Мерджан в поводу вывела коня, не пожалев дать ему в дорогу полпышки. Мимо по улице уже рысили призывники. Они сверху поглядывали на то, как провожают служивого, – много слез бабы льют али нет? Леонтий поцеловал мать и Мерджан, стоящую с Демьянкой на руках, и взлетел в седло, брякнув ножнами о стремя.

– Счастливо оставаться, а мне – воевать! – весело напутствовал он самого себя и слегка толкнул коня нагайкой. Тот, почуяв удила, рванул в карьер...

Шестнадцатого мая Потемкин направил атаману Войска Донского Алексею Ивановичу Иловайскому следующий ордер:

«Из высочайше подтвержденного Ея Императорского Величества всеподданнейшего моего доклада в учреждении против кубанцев Линии от Моздока до Азова и заселении оной войсками, ваше превосходительство и всё войско Донское ощутительно познать можете, коль великое благоденствие устраивается целому войску Донскому от рук Августейшей самодержицы нашей. Происходящая же от этого польза столь известна вам, что не требует она никаких изъяснений, а потому вместо находящихся от войска в Кизлярском краю двух полков и команды, при уничтожении теперь царицынской линии, отныне имеет оное войско содержать для собственной своей пользы некоторую только ближайшую к пределам своим дистанцию. И как польза дела требует, чтоб та Линия нынешним же летом совершенно окончена была, то к прикрытию производимых работ отрядить как наискорее с Дону два полка в команду астраханского губернатора, генерал-майора и кавалера Якобия»

Выбор наместника азовского и астраханского был неслучаен. Прежде грозная вольница – волгское казачество – теперь не представляло особой значимости. Их, волгцев, насчитывалось всего около полутысячи. А по свидетельству бывшего губернатора Кречетникова, «он сам видел войско, и не нашел в нем ни казаков исправных, ни единого порядочного станичного атамана». Пуще того, при появлении Пугачева «все они не только в толпу его предались, но Балыклейская станица еще до прихода злодея не впустила к себе посланную им, губернатором, легкую команду и, встретив ее стрельбою из пушек, заставила отойти, а злодея пустила».

Не меньше причин было и для переселения хоперцев. Еще пять лет назад, в 1772 году, их выборная делегация во главе с казаком Пыховской слободы Петром Подцвировым явилась в столицу и обратилась в Военную коллегия с прошением, чтобы на службу записали всех годных и исправных казаков-хоперцев, а взамен сняли с них подушевой налог. Пожаловались они на коменданта Новохоперской крепости Подлецкого, который заставляет нести неуставную службу, обременяет казенными и частными работами. Военная коллегия предписала Воронежскому губернатору произвести перепись хоперцев, а «коменданта-притеснителя» сменил бригадир Аршеневский. Вскоре появился указ императрицы о создании Хоперского полка. В мае 1775-го года прибывший капитан Фаминцын провел для казаков этого полка отмежевания земель. В казаки были зачислены и персияне, и прочие «азиатцы, которые военнопленными попали в Хиву и оттуда были проданы киргизкайсакам, от которых они бежали». Именно тогда записано, «с обращением в казачье сословие, 145 семейств крещеных инородцев, в числе – 295 казаков, среди них было 208 персов, 80 калмыков и 7 – разной нации».

В сентябре того же года ордером Потемкина предписывалось армейскому премьер-майору и полковнику Войска Донского Конону Устинову прибыть в Новохоперскую крепость и приступить к формированию 5-ти сотенного полка. Командовали им пятнадцать старшин, выбранных из самых достойных казаков. Бывший депутат Подцвиров стал есаулом, а его товарищ Павел Ткачев – сотником. И в течение почти двух лет служба хоперцев, влачась тихо-мирно, состояла в патрулировании окрестностей, поимке беглых и несении дежурств на форпостах и карантинных заставах. Однако, начиная строительство Линии, вспомнил, видимо, Потемкин о

поведении хоперцев в те дни, когда Пугачев проходил мимо их станиц. Командир донцов Серебряков, преградивший дорогу душегубцу на родную землю, приказал атаманам с Хопра и Бузулука собраться в станице Арчадинской, чтобы согласовать выступление против самозванца. Но ни один хоперец на приказ не откликнулся. И это их своеволие в Петербурге не простили!

Волгское, Гребенское, Терско-Кизлярское и Терско-Семейное казачьи войска, Моздокский и Астраханский казачьи полки ранее были объединены приказом Потемкина в Астраханский корпус. Иван Варфоломеевич Якоби, хотя ему и перевалило за полувековой рубеж, совместил обязанности губернатора и командующего корпусом.

Потемкин требовал неукоснительного выполнения своих предписаний, и потому тон его ордера Якоби столь категоричен.

«Учинить распоряжения, чтобы, не упуская удобного времени, нынешним летом исполнить Высочайшую Ее Императорского Величества волю в занятии ими (хоперцами и волгцами) всех назначенных укреплений; как строением потребного числа дворов и всего нужного к домостроительству для всех переселенных одним летом исправиться вам не можно, то поставлю я вашему попечению переводить туда по частям, сперва без семей, а потом, по окончании строения, и семейства их перевести...»

Генерал-майор Якоби отправился в Новохоперскую крепость, чтобы проверить, как полковник Устинов выполняет указания Светлейшего князя. То, что семейства их временно останутся в слободах, казакам не понравилось. Но Якоби напомнил, что все строить придется на голом месте. Об этом же говорил он и в Дубовском Посаде, делая смотр волгским казакам.

6-го августа в Царицыне собрались Владимирский драгунский полк, волгские казаки численностью семьсот человек и 5-ти сотенный Хоперский полк. Царицынский командант Циплетев обеспечил это кочевое войско четырьмя проводниками-калмыками, знавшими путь к урочищу Моджары.

7

Летом этого года в Версале предавались новому развлечению. На большой террасе парка, открытого для публики, ночи напролет играл оркестр французской гвардии. Зодич приходил туда поздним вечером, стараясь одеваться привлекательно. Он точно знал, что наведывается в парк и королева Мария-Антуаннета, сопровождаемая своим фаворитом графом д'Артуа. Она нарочито рядилась в простенькие платья и покрывалась шляпкой с вуалью, чтобы не быть узнанной. Александр прежде видел сестер Людовика XVI в лицо, и несколько раз замечал королеву, гуляющую с золовками.

Во Франции он был уже полгода, возобновляя прежние знакомства и стараясь войти в круг приближенных королевы. Предписания и наставления, которые даны были ему Паниным при личной встрече в Петербурге, обязывали его выведать намерения французского престола в отношении России. Обострение ситуации в Крыму, где Шагин-Гирей вознамерился провести реформы и создать собственную армию, ввести налоги, привело к ухудшению отношений между Россией и Портой. Однако без поддержки европейских стран начинать войну Абдул-Гамид не решался. Дальнейшее ослабление Турции грозило распадом Османской империи. Кто толкал султана на враждебные действия против России и каковы планы европейских правителей, – это необходимо было выяснить Зодичу.

Последний июльский день выдался дождливым. Лишь перед закатом тучи отлетели к северу, солнышко засияло, и через полчаса бульжники дворцовой площади и дорожки парка высохли. Зодич и его приятель, сын маркиза Люатье, отправились в королевскую резиденцию верхом на лошадях. Булонский лес был еще мокрым, на густой листве платанов и кленов искристо поблескивали капли. В тишине далеко разносился цокот подков по щебню дороги, заглушающий вечерние трели пичуг.

– Позавчера, Верден, как мне показалось, вы приударяли за племянницей графини де Полиньяк. Не опасаетесь ли немилости столь важной мадам? Она прочит Жаннетт за какого-то барона, не то баварца, не то испанца.

– Так, шалость. Да и вы, Мишель, также не дремлете.

– За кем будете ухлестывать сегодня? Нам пора условиться, чтобы не мешать друг другу, – предложил приятель, встряхнув длинноволосой головой и приосанившись. Он был младше Зодича, богат безмерно и соединяло их пристрастие к карточной игре да амурные похождения.

– Я как-то видел дочь принца Конде. Очень хорошенькая.

– Да, мсье. Вкус у вас отменный. Мадмуазель прелестна. Но... Как говорится, в «но» поместится Париж... Мой отец из одной партии с принцем, и я открою вам, как другу, секрет. С ведома короля Людовика, через своего агента, принц Конде ведет переговоры с польским монархом. Он предлагает ему в жены собственную дочь.

Зодич придержал лошадь и весело воскликнул:

– Ну, уж это слишком! Соперничать с правителем целой страны – чистейшая авантюра. Спасибо, Мишель, за предостережение.

– Разумеется, там еще идет торг. Поляк настолько богат, что имеет от трех до пяти миллионов ливров. И если этот альянс состоится, то страна его будет оторвана от России. Во всяком случае, брат нашей королевы император Иосиф не упустит возможности нажать в пользу Австрии.

– И как далеко зашли эти переговоры? – просто-душно обронил Зодич.

– Не могу знать. Но с тем, что о дочери Конде придется забыть, вам пора смириться. Постарайтесь пленить сердце одной из фавориток королевы! Обе пышут страстью! Имеют любовников. А вы – мужчина не промах! Принцесса Ламбаль и графиня де Полиньяк ждут приключений!

– Мадам де Полиньяк прекрасна, спору нет. Она миниатюрна, грациозна и голубоглаза, что придает женщине обманчивую скромность. Но, увы, связь ее с графом де Водреем давно перестала быть дворцовой тайной.

– Мой отец дружен с Шуазелем, бывшим первым министром. Мне известны некоторые интриги вокруг короля и королевы. И если учесть, что наш милый Луи, король Франции, подвержен влиянию королевы, то понятно, почему придворные должности в руках родственников и приятелей де Полиньяк.

– Принцесса Ламбаль, как бы там ни было, не лишена дружбы королевы. Все может измениться в одночасье! – возразил Зодич и подстегнул свою неторопливую лошадь.

Через полтора часа, миновав Сен-Клу, они въехали в Версаль. Надворный слуга принял их лошадей и повел к королевской конюшне. Следом за приятелями в широкие ворота, грохоча колесами, влетела изящная полуоткрытая карета с лилиями из золотых пластин на

дверцах. Мария-Антуаннета, французская королева, возвращалась откуда-то со своим закадычным дружкой графом д'Артуа. Будучи младшим братом короля, он позволял себе все, чего хотел. И, женившись на Мари-Терезе Савойской, не бросил привычки веселиться, искать развлечений и волочиться за красотками. Злые языки и памфлетисты еще несколько лет назад, в бытность здесь мадам дю Барри, распускали о брате короля и будущей королеве, тогда дофине, сплетни. И, действительно, их часто видели вместе на прогулках в парке, гуляющих пешком или на лошадях, мило беседующими наедине в укромных местечках дворца или в салоне мадам Гемене. И ничего удивительного в том не было, поскольку оба отличались жадной наслаждений и впечатлительностью.

В отличие от брата и жены, Людовик, полный, тяжеловесный и неповоротливый властитель Франции, предпочитал редко показываться на людях, любил работать в тишине и одиночестве. Для него строгать доски и столярничать было занятие более привлекательным, нежели танцевать в зеленомраморном зале Дворцовой Оперы. Его изводила меланхолия, и весь Двор знал от чего. Семь лет он не мог стать отцом. И, с неразумного откровения Марии-Антуаннетты, было известно о его мужской слабости и физическом недостатке. И потому одни сочувствовали королю Франции, виня во всем ветреную его жену-австрийку, а другие старались приблизиться к королеве, чтобы через нее реализовать личные цели. Несмотря на власть Марии-Антуаннетты над королем, укрепившуюся после того, как между ними наконец установилась интимная близость, антиавстрийская партия пополняла ряды. Королева, любя пикантные развлечения, посещала оба враждующие между собой салоны: мадам Гемене и принцессы Ламбаль, ближай-

шей компаньонки, но уже уступившей сердце королевы новой фаворитке – графине де Полиньяк.

Зодич также был вхож в оба салона, имея фальшивый титул барона Вердена, чья фамилия не забывалась во Франции уже два века. Благодаря искусно сфабрикованным геральдическим хроникам, доказавшим родство «Клода Вердена» со своими славными предками, его причислили к избранным, позволяя не только посещать Версаль, но и бывать на королевских торжествах. Связь с ближайшей подругой Луизы Прованской, жены среднего брата короля, герцогиней Каролин де Брюсе, голубоглазой вдовушкой, привела Александра на королевские приемы. Он был представлен герцогу Прованскому, откровенному недоброжелателю королевы, которая, как поговаривали, отвергла его любовные наскоки. Стать своим в Версале, тяготея к антиавстрийской среде, – это была его главная задача, поставленная русским посланником в Париже Борятинским...

Августовский вечер, благоухающий клумбами, собрал многочисленную публику, приехавшую из Парижа и окрестных поместий, блестящую молодежь. Зодич был в удлиненном бордовом сюртуке, украшенном белой розой в петлице, в узких светлых штанах и в тон им кожаных туфлях. Белая шляпа на вьющихся темных волосах в сочетании с одеждой придавали «барону Вердену» вид весьма экстравагантный.

Королевский двор после недавнего возвращения из Шуази вошел в привычный ритм жизни, который ежевечерне предполагал концерты, театральные представления или танцы. Сегодня был объявлен бал в зале Оперы. Недолго задержавшись у открытой веранды парка, где военные музыканты веселили гуляющих бравурной музыкой, Зодич с приятелем свернули к Дворянскому крылу версальского дворца. Здесь уже царило оживле-

ние, и разряженные женщины именитых фамилий блистали в окружении донжуанов. Мишель, кивнув «барону» на прощанье, исчез в толпе. А Зодич подошел к начальнику охраны дворца Трианона, капитану д'Эспираку. Бравый мушкетер приветливо подал руку.

– Что-то давно не бывали здесь.

– Путешествовал. Мне не повезло с предками. Несметное состояние они потратили на золото и бриллианты, на куртизанок и лошадей. Драгоценности украли. Лошади издохли. И теперь самому приходится наверстывать то, что предназначалось мне по праву наследства. Ее Величество королева сегодня в хорошем настроении.

– В самом лучшем! Они неразлучны с Его Величеством королем. Ну, понимаете... Большую часть времени она проводит в Версале, а сегодня вернется в свой дворец. Есть основания ожидать наследника, чему должна радоваться вся Франция, – заключил капитан растрогавшись. Этот здоровила, как всякий мушкетер, был храбр, любвеобилен и сентиментален.

В большом зале, с нежно-голубыми гобеленами, хрустальными люстрами и полом цвета мокрого изумруда, озаренном тысячами свечей, не смолкал дворцовый оркестр. Вероятно, по указанию Марии-Антуаннеты, придворные дамы явились в костюмированных одеяниях. Лица многих скрывали маски, но Зодич без труда узнал свою подругу Каролин в белом домино, светловолосую принцессу де Ламбаль и саму королеву в полумаске, с высоко взбитой прической, «пуфом», изобретенным мадмуазель Бертен. Эта модистка, ставшая королеве подружкой, не только шила наряды, изощряясь в выдумках, но и беззастенчиво опустошала королевскую казну. Мария-Антуаннета, хотя о ее долгах знали все, не останавливалась ни перед какими препятствиями ради того, чтобы выглядеть изысканно, задавая моду всей Европе.

Зодич, стараясь обратить на себя внимание королевы, танцевал беспрестанно. Его партнершами были и Луиза Прованская, и мадмуазель Бурбон, дочь принца Конде, и мадам Гемене, и графиня де Полиньяк. Последний выбор принес удачу! Когда Зодич провожал «душеприказчицу» королевы к ложе, Мария-Антуаннета удостоила его заинтересованным взглядом.

Полонез Александр танцевал со своей возлюбленной, которая успела сообщить, что королева расспрашивала о нем у графини Прованской, и та охарактеризовала «барона» как благородного, богатого и щедрого кавалера. «Знали бы вы, мадам, за счет кого такая щедрость! – с иронией подумал Зодич, дождавшись, наконец, что его давний подарок графине, – рубиновое кольцо, – возымело действие. – Государыня наша Екатерина одаривает вас своей милостью!»

Несколько лет «барон Верден» безуспешно пытался войти в число доверенных Марии-Антуаннеты, потратил для этого уйму денег, за что не раз подвергался суровым упрекам Борятинского, а нынче ему везло. Перед тем, как покинуть Версаль, к нему подошел д'Эспирак и с подчеркнутой любезностью передал приглашение королевы на ужин. «Черт возьми, недаром я взял с собой полный кошелек! – сразу же догадался конфидент. – Этого и следовало ожидать. Увеселения в Шуази и салоны поднадоели первой мадам Франции, долги ее стремительно растут. Денег нет. Их можно выиграть в карты у тех, у кого они есть. Увы, мадам, я не так богат, как предполагаете. Но тысячу-другую ради того, чтобы посидеть рядом, не пожалею. Но при условии, что это – в пользу моей державы!»

Двухэтажный мраморный дворец ПетитТрианон, украшенный четырьмя колоннами, собрал избранных.

Граф Прованский дружески поздоровался с Зодичем и представил его младшему брату, графу д'Артуа, и герцогу де Куани. Об этом немолодом, общительном щеголе, с выразительными карими глазами и изысканными манерами, много говорили в Версале. Именно его в последнее время особенно выделяла королева.

В застолье блистал красноречием и остроумием граф д'Артуа, рассказывая без тени смущения скабрёзные анекдоты и случаи. После очередного опустошённого бокала шампанского он оживился.

– А вот ещё презабавная историйка, мадам и мсье. Одна герцогиня... Вам известна она, но называть имени не стану. Герцогиня воспылала страстью к юному гвардейцу. Муж стар, неспособен разделить ложе, да и болван, к тому же. Но при этом ревнив до сумасбродства! Казалось бы, мадам и мсье, ежели ты бессилён, то ради удовольствия супруги разреши ей получать удовольствие с другим мужчиной. Будь, сударь, благоразумен и великодушен! Увы, герцог – второй Отелло. И вот однажды, это случилось весной, герцог объявил своей грациозной «кошечке», что уезжает в путешествие в Парму и Флоренцию. А сам, разумеется, спрятался в близлежащем поместье, повелев слугам молчать. Молодой любовник вихрем примчался к герцогине. Надо отметить, что он был пригож, с длинными светлыми волосами, – словом, херувимчик! Шпионы герцога тут же донесли, что у хозяйки гость. Ночью герцог ворвался в свой замок, вооружившись шпагой. Но и слуги жены были начеку, предупредили о появлении рогоносца. Кошмар! Путь к отступлению был отрезан. С испугу страстная женщина безумно отдалась любимому юноше, решив, что муж не пощадит их обоих. Но, придя в чувство, она нашла спасительное решение. Кто догадается, какое?

Королева, слушая фаворита с интересом, нетерпеливо бросила:

– Не останавливайтесь, граф. Ум женщины непредсказуем.

– Именно так, Ваше Величество. Она заставила любовника, благо, он был гол, надеть панье, быстро зашнуровала на нем корсет, присоединила лиф, помогла натянуть юбки и прикрепила на грудь стомак. Затем водрузила на голову гвардейца чудесный рыжеволосый парик и снабдила его шляпкой, с лилией и султаном. Бог мой, он стал похож... Он стал похож своей красотой на вас, милейшая принцесса Ламбаль!

Услышав это, бывшая фаворитка королевы вздрогнула, а гости не смогли скрыть улыбок. В гостинном зале Трианона повисло напряженное молчание, все насторожились, ожидая реакцию Марии-Антуаннеты.

– И что же дальше? – поторопила королева, сделав вид, что ничего не заметила, а, может, на самом деле, не обратила внимания на двусмысленную шутку. – Герцог открыл обман?

Тут раскатисто захохотал сам рассказчик и, не сразу успокоившись, неожиданно повернул сюжет:

– В это трудно поверить, но когда разъяренный муж вломился в покои изменницы, он вдруг увидел ее мило беседующей с очаровательной девушкой. Жена разыграла растерянность от его столь внезапного прихода и любезно представила свою родственницу, оказавшуюся... немой! И сей дряхлый старик раскис! Он стал рассыпаться перед гостьей в любезностях, даже поцеловал ей ручку!

За столом засмеялись, понимая, что граф д'Артуа, неумный враль, ловко завершает свою «историйку».

– Герцог умолял младую грацию снова посетить его дом. Но рогатый бедняга так и не дождался ее. А супруга

его, к общей радости, понесла. И скоро, вероятно, родит наследника. Отсюда поучение дамам, – надо отдаваться мужчине так, как будто за дверью стоит муж со шпагой. Впрочем, при условии, что любовник горяч...

Легкомысленное настроение Марии-Антуаннеты передалось другим, что предотвратило назревающий скандал между управительницей дворца де Ламбаль, которую сравнили с гвардейцем, и мадам де Полиньяк, чувствующей себя в Трианоне такой же полноправной хозяйкой, как и королева. Они и сейчас сидели вместе и часто перешептывались, глядя друг на друга влюбленными глазами.

Наконец королева поднялась и перешла в зал, где находился камин, отделанный голубым мрамором, за круглым столиком стояли два кресла и два стула. Шпалеры также отливали под блеском свечей ровной бархатистой голубизной. И комната и мебель были оформлены в стиле рококо. Между тем братья короля с женами и большинство гостей, сломленные усталостью, простились с хозяйкой. Капитан д'Эспирак ждал удобного случая. И как только «барон» и королева сошлись в гостиной, представил ей приглашенного.

– Мне рекомендовали вас, барон Верден, как смелого путешественника, кавалера и любителя карточной игры, – мило улыбаясь, окидывая взглядом статного красавца, говорила венценосная особа. – Не хотите ли, сударь, сыграть в «фараона»? Я обожаю карточную игру. И когда мой несравненный муж разрешил прошлой осенью привезти из Парижа машины-банкометы, я играла всю ночь!

Зодич оставался совершенно хладнокровным, понимая важность этого часа. Он точно бы предвидел, что именно за игрой в карты и закончится эта фантастическая ночь в королевской резиденции!

Придворные оценивающе посматривали на «барона Вердена», на неведомого пришельца, гадая, чей он протеже. И неизвестность того, кто был покровителем этого господина, беспокоила их больше всего. Кто друг, кто враг, в Версале предугадать было немыслимо.

Зодич с учтивым видом сел за стол напротив королевы. И вблизи рассмотрел насколько правильными и красивыми были черты ее лица, озаренные большими глазами! Небыкновенно шло ей и платье из темного штофа, с разбросанными по полю серебристыми олеандрами, которое было комбинировано стомаком из драгоценных камней. Дворецкий принес две колоды с зеленым крапом и вензелями Марии-Антуанеты. Они были толстыми, и Александр понял, что в старинном наборе было по пятьдесят две карты.

– Вы – мужчина, и, стало быть, извольте метать, – взволнованно сказала королева и оглянулась на герцога де Куани, не сводившего с нее завороченного взгляда. – А я буду пантовать. Итак, мой куш – две тысячи ливров.

– Как вы желаете, Ваше Величество, – покорно ответил «барон» и вслед за королевой отложил свою загаданную карту в сторону. Тут же понтерша «срезала» своей картой колоду в руке Зодича, как бы разделив ее пополам. Александр, как банкомет, перевернул колоду лицевой стороной вверх и открыл первый абцуг – верхнюю пару карт. Мария-Антуанета с разочарованием увидела, что они не совпали с загаданной ею трефовой семеркой. И второй, и третий абцуг были пустыми, а на третий, – седьмая карта, нечетная, принесла выигрыш Зодичу. Он показал отложенный им крестовый туз и верхний в абцуге «лоб» – карты совпали.

– Хорошо. За мной долг. Играем снова. Только теперь к нам пусть присоединятся...

Королева назвала имена, вовсе не известные Зодичу. Судя по их не совсем опрятной одежде, это были, скорей всего, карточные шулера. Трудно было объяснить, как эти испитые господа очутились во дворце. Между тем банкومت второй партии был длинноносый, с бегаящими глазками мсье, представленный как музыкант дворцового оркестра. Он ловко провел метку, и с первого же абцуга королева выиграла солидный куш – восемь тысяч ливров. Зодич услышав от нее, что его проигрыш она учла в счет своего долга, решил сыграть еще раз. И тот же банкومت, по-всему, опытнейший мошенник, снова с первого абцуга принес победу хозяйке. Более чем странно было то, что оба раза королева делала ставку на бубнового валета. Очевидно, он был краплен. Опустошив свой кошелек, Зодич вежливо откланялся. Добронравная лошадка вынесла его из Версаля на рассвете.

Вечером он представил Борятинскому рапорт. Из обрывков фраз, реплик королевы и других придворных, со слов Каролин, которая давно уже была его осведомителем, следовало следующее:

«Доношу до вашего высокопревосходительства, что вчера посещен мною Версаль, где имел честь находиться на королевском балу. Меня заочно представили королеве Марии-Антуаннете, которая через капитана пригласила в Трианон. Там состоялось знакомство с ней. А затем мы совместно играли в карты. Мой проигрыш составил тысячу ливров.

Смею утверждать, что принц Конде, известный французский генерал, действительно намерен соединить род Бурбонов со шляхетством. Король Польши колеблется, ссылаясь на свою зависимость от государыни, Ее Императорского Величества Екатерины Алексеевны. Оный правитель, однако, направил в Париж своего доверенного, по имени Глэр. Станислав-Август интригу-

ет, предлагая два варианта: самому жениться на юной принцессе или женить на ней своего племянника князя Понятовского. Во втором случае речь пойдет о прямом вызове России, так как этот князь намерен занять престол Курляндии.

В этом предполагаемом браке весьма заинтересован император австрийский Иосиф, который является главным зачинщиком враждебных Российской державе намерений. Австрийский посланник при французском Дворе Мерси в приватной беседе заметил, что его правительство недаром сосредоточило свои войска в Венгрии. Если удастся убедить турецкого султана вступить за крымского хана Девлет-Гирея, возобновив тем самым войну с Россией, австрийские полки аннексируют Валахию и часть Молдовы. Препятствовать этому не решатся враждующие стороны – ни Порты, ни Россия. Сверх того, брак польского короля с родственницей французского монарха не только сблизит их страны, но и создаст тройственный союз между Парижем, Варшавой и Венной, что значительно ослабит Россию. Залогом тому многочисленные династические браки между представителями Бурбонов и Габсбургов.

Серьезность будущих действий против нашей Державы подтверждает и сообщение от моего осведомителя из Константинополя, которого я нашел будучи там, о тайных переговорах польского интернунция Боскампа с рейс-эфенди. По моему разумению, там речь идет о выгодах, которые получит Станислав-Август в случае войны против России. Стало быть, целью действий монархов Франции, Австрии и Польши является ослабление Российской империи, с возвратом в пользу султана Крымских крепостей, чтобы впоследствии установить на Кавказе турецкое владычество».

В то время, когда войсковую группу, в составе волгских казаков, Хоперского казачьего и Владимирского драгунского полков, барон Шульц вел по степям, выжженным августовским солнцем, к Можарскому урочищу, два полка донских казаков, направленных для прикрытия работ на Линии, двинулись напрямик на юг, намереваясь там же соединиться с основным отрядом.

Эта встреча состоялась в начале сентября в Кумской долине. Защищенная с двух сторон скатами холмов, она была обильна травами на займищах, богата родниками и ручьями. Да и сама Кума, светло-желтая, омутистая, пусть и оказалась не тихой, но с водою для питья пригодной. Тут и разбили армейцы бивак, чтобы восстановить силы и откормить лошадей, донельзя отошавших после пятисотверстного перехода из Царицына.

Донцы разместились лагерем по соседству. И, поступив под общее командование генерал-майора Якоби, встали на один кошт со всеми. Провианта, впрочем, не хватало из-за многочисленности войск.

Якоби разбил донцов на эскадроны, численностью в полусотню казаков. Есаул Горбатов назначил себе в помощники Леонтия, с отцом которого воевал против пугачевских банд. Он же и рассказал о том, как погиб Илья Денисович.

– В атаку мы шли, лавой сыпались супротив азиатцев. А те дёру дали, так лупцевали лошадей нагайками, – аж подшерсток летел. Когда гляжу: шайка в балку повернула. Кликнул Илью, ну и других казаков, – кинулись наперехват. И только слетели в низинку, а там – сотня михрюток пугачевских. Кто крутанул коня, тот выбрался. А батька твой спереди оказался. Ну

и давай полосовать шашкой сброд чертов! Скорочко к нам подмога приспела. Когда глядим: куча порубанных нехристей и двое наших односумов. Пуля батьку твоего сразила. Но смерти такой, какую он принял, никакой казак не погнушается. Героем представился, вот что...

Волгцы и хоперцы стояли порознь и, по всему, не дружили. Поминали друг другу старые обиды. Волгцы упрекали хоперцев за то, что с Пугачем якшались, а те высмеивали их за неумение воевать, за пьянство и неспособность противостоять набегам киргизов. Впрочем, состав хоперского полка, как сразу же заметил Леонтий, был чрезвычайно пестрый и разноплеменный. Значительную часть этого, с позволения сказать «казацкого полка», составляли беглые малороссы. И речь их, певучая и таратористая, напоминающая скороговорку, вызывала сначала неприятие. Также состояло в нем несколько десятков калмыков и персов, с чалмами на голове. Баяли, что они крещеные. Но почему-то никак не могли расстаться с головным убором, привычным с детства. Вскоре Леонтий познакомился с хоперским урядником Николаем Бавыкиным и хорунжим Романом Долговым, деды которых были родом из Черкасского городка.

– Царь Петр много делов натворил, – не скрывая осуждения, твердил Николай, покусывая в забывчивости свой рыжий прокопченный ус. – Некрасова с нашими сродниками ажник к туркам загнал, Сечь и запорожцев погромил, вольность донскую к черте подвел. Мне дед сказывал, что убегли они на Хопер не от сладкой житухи. Русские полки казнили тех, кто с Булавиным правду шукал... А на Хопре нас, почитай, боле полвека никто не трогал. Пока не прислали коменданта Подлецкого. Меткая фамилия! С тех пор и пошла катавасия. Мы ведь, хоперцы, одного названия, а разных корней.

Три слободы – Пыховка, Красная и Алферовка – из малороссов, а в других – Градской, Новохоперской и Еланском колене проживают потомки донцов и кацапов. Так что каждый держался своей стороны. Ты же, Леонтий, видишь, что сотни наши так и собраны, по слободкам? А командование полка, понятно, из самой боевой слободы, из Градской.

– Чудно видеть с вами чалмачей, – улыбнулся Леонтий. – Тоже казаки?

– Приняли нашу веру. А по случаю жарихи разрешено им на башку платки наворачивать. Это еще что! Персия тут недалеко. А середь нас и шведы имеются! Опять же царь Петр прислал пленников строить верфь на Осереде. Так они и осели на земле русской.

Две недели отдыха запомнились Леонтию тем, что гоняли с казаками сайгаков, арканя их и сражая выстрелами. Пасли на лугах и займищах лошадок, добывая между дел в береговых норах диковинных огромных раков голубого цвета. У вечерних котлов лакомиться дичиной собирались казаки и драгуны. Подолгу жгли костры, ходили друг к другу знакомиться. За песнями и беседами, обретая силы, отрывались от воспоминаний о родимых куренях и семьях.

Но неизвестность будущего снова наполняла души тревогой и возвращала в прошлое. Тот же Николай не скрывал тоски, рассказывая о доме:

– Осталась жинка с двумя мальцами и родители-старика в Градской. Только на тот год губернатор Якоби обещался, когда в Новохоперскую крепость приезжал на смотр, переселить и семьи наши. Это гутарить просто: переселить. А куда? Ни крыши над головой, ни стены от ветра. В слободе родной все бросай, со скарбом и скотом подавайся на чужбину! – и, понизив голос, стал говорить полупшепотом. – Ты думаешь, мы добровольно

снялись? Эге! Заартачилось было десятка три-четыре наших казачков. Дескать, это не Высочайший указ, а местных начальников самоуправство. И что? Поплатились за норы! Уже половины в живых нету. Прогнали через строй, палками запороли. Да и по дороге сюда несколько человек не стерпело, в бега вдарилось... Оно для царицы нашей Линия эта, может, и нужна. Только отдуваться за всех выпало нам, хоперцам да волгским казакам. Дюже чижало на сердце от расставания с Хопром и местами разлюбезными... А деваться некуда. Где живешь, там и родина. Недаром, Леонтий, мы с собой плуги и пашеничку везем. Как осядем где, так начнем хлеб растить. А коли родить начнет, то и строить дом можно. Лишь бы башибузуки не нападали и души не губили. А как-нибудь и на чужой земле обживемся, приласкаемся...

– Не будет здесь покоя, – вздохнул Леонтий. – Народы иной веры, по-русски не понимают. Безграмотные. Кроме проса, редко пшеницу сеют. У них одно в помыслах – разбойничать. Так что на мир надеяться нечего. Нас сюда не зря прислали. Погоди, прознают горцы, что крепости строятся, поднимут бучу!

– Чему быть, того не миновать, – отозвался хопер. – Гляди, какое звездное нонче небо! В сентябре их, звезд, боле всего. А не знаешь, почему? Они как вроде вишни, под осень созревают и прибавляются. Должно, ученые в такой загадке понимают. Ты как думаешь?

– А по-моему, их всегда одинаково, – рассудил Леонтий.

– А давай, братка, я песню заиграю! Чтой-то на душе мятежно...

Николай крикнул, смахнул растопыренными пальцами со лба свисающий чуб и завел, мягко выговаривая каждое словечко:

*Ой да, не раз, не два мимо жалечки⁷¹ прошел,
Не раз, не два тяжелёхонько вздохнул.
Ой, у жалечки нету дыма, ни огня,
Ой, да присмотрелся – на столе стоит свеча.*

Певец глубоко набрал воздуха и запел голосом, вдруг потеплевшим и полным душевного страдания:

*Ой, перед столом стоит раздушечка же моя.
Ой, стоит, стоит, гостей потчевает.
«Что же ты, миленький, не кушаешь, не пьешь,
Знать, миленочек, любить меня не хошь».
Ой, кабы знала, не любила подлеца, –
Не болело б мое сердце до конца...*

И снова хоперец вздохнул и – неожиданно оборвал песню.

– И жалечка у меня в слободе осталась, – признался Николай, грустно посмотрев на Леонтия. Видно, болело сердце казака не только по своей семье, но и по любушке. – Вдовой в двадцать лет стала. А повторно в жены не пошла, хотя сто человек звали. Нет краше ее среди молодиц. Прикипела к сердцу, хоть волком вой! – вдруг обозлился хоперец и поднялся. – Пойду к своим. Спать время. А ты, Леонтий, дюже по бабе своей соскучился?

– А ты угадай! – засмеялся сотник.

Николай понимающе помолчал и срыву зашелестел сапогами по жесткой вызревшей траве, уходя к однополчанам.

Приказ командующего Астраханским корпусом развел полки в две стороны: волгцам предписывалось двигаться к урочищу Бештомак, куда прибыл уже Ка-

---

⁷¹Жалечка (донск.) – милая, возлюбленная.

бардинский пехотный полк, а хоперцам и драгунам велено было идти в Моздок. В этой крепости уже с середины августа находился генерал-майор Якоби, проводя с офицерами совещания и строго следя за подготовкой работ на нововозводимой Линии. Полки подходили, а восемнадцать пушек, отправленных водным путем, все еще в Кизляр не прибыли. Учитывая волнения горцев, артиллерийское прикрытие строящихся крепостей было крайне необходимо.

Ранним утром десятого сентября кавалькада всадников: генерал-майор Якоби, сопровождаемый офицерами, поступившими под его командование, и бывшим командующим Кавказским корпусом Иваном Федоровичем де Медемом, назначенным теперь начальником Линии, – походным порядком выехала из Моздока к месту, где должна была возводиться первая крепость.

Генералы ехали вместе, но завязавшаяся на первых порах беседа вскоре иссякла, а затем Медем, сославшись на головную боль, пересел в коляску. Видимо, стал сказываться возраст, – да и недаром, юбилей через несколько дней – ровно пятьдесят пять! Якоби был наслышан о потомке ландмейстера Тевтонского ордена, о его героизме в годы Семилетней войны. В одном из армейских документов попало и его родовое имя – Иоганн Фридрих фон Медем. Но пребывание в России во многом повлияло на характер потомственного воина. Познакомившись с Иваном Федоровичем лично, Якоби проникся уважением к этому ливонцу за неунывающий нрав, обязательность, рыцарский дух и обширные знания в разных науках. Выяснилось, что сей «российский воевода» окончил Йенский и Кёнигсберский университеты. И пусть неважно говорил он по-русски, но относился к подчиненным отечески, хотя и отличался подчас излишней требовательностью и самоуправством.

Время от времени Якоби оборачивался назад, где в легкой повозке сидел, откинувшись на кожаную спинку, ливонец и с улыбкой размышлял: «Оба мы с ним – Иваны, носим самое что ни на есть русское имя. А по происхождению я из шляхты, а он чистокровный германец, граф. Пусть я с детства в военной среде, как и батюшка. Армия сама нас выбрала! Но почему фон Медем, баснословный богач, владелец нескольких имений, красавец и умница, бросив друзей и родных, пошел на службу к государыне? И состоит на ней уже двадцать два года, пройдя чинопроизводство от подполковника до генерал-поручика не в мирной тиши, а в боевом пекле! Явление, в самом деле, замечательное и труднообъяснимое. Может быть, кровь предков отзывается и ведет в бой? Или армейская служба для него способ самоутверждения и проверка себя как человека? Надобно спросить как-нибудь, хотя найдет ли он ответ...»

День народился тихим и солнечным. И, как бывает только в осеннем чистозорном просторе, – с левой стороны распахнулась панорама Кавказского Хребта. А прямо перед глазами, всего в ста верстах с лишком, поражал своим величием Эльбрус, подпирающий белоснежными вершинами небосвод. Шат-гора⁷², как звали её горцы, была украшена ожерельем из тучек. А за Малкой, вдоль которой петлял большак, совершенно открытые взору поднимались склоны скалистых кабардинских гор, заросшие вековыми лесами, с проплешинами лугов и распадками камней. На площадках, ближе к ущелью тут и там лепились сакли аулов, над которыми сизыми столбиками парусили дымы. «Там своя жизнь, свои законы и хлопоты. И как нам понять друг друга? – мысленно спрашивал себя Якоби, с интересом озирая даль. – Матушка Екатерина Алексеевна идет сюда с миром и желанием

---

⁷²Шат-гора – Эльбрус.

сделать жизнь горских племен налаженной и богатой, приобщить их к просвещению. А в ответ – лукавство и кровопролитие. И то, что мы сделать должны, – проложить от Моздока до Азова преграду, – послужит благом и кабардинцам, и другим народам, ибо остановит их и остудит воинственный пыл».

Казачьи дозоры впереди были усилены егерями, и по всей дороге до урочища были размещены заставы пехотинцев, уже обжившихся здесь, в Малой Кабарде. Путь выдался долгим. Под вечер свита командующего остановилась на привал подле позиций Кабардинского пехотного полка, где для офицеров были приготовлены палатки, а денщики, выехавшие еще раньше, стряпали ужин. Тут же и переночевали.

На следующий день Якоби и де Медем, одолев двадцать пять верст, добрались вместе со всеми к месту. Был полдень. Главный фортификатор Линии полковник Ладыженский и комендант будущей крепости капитан Гиль доложили генерал-майору о готовности к закладке.

Первым перед строем выступил де Медем. Он хорошо знал эти места, где не раз вступал в сражения с горцами. Именно он, помня разговор с натуралистом Гюльденштедтом, исследовавшим эту местность, посоветовал Якоби обратить внимание на урочище, приемлемое для оборонительного редута. По случаю столь важного события Иван Федорович надел через плечо красную ленту с орденом святого Александра Невского. По всему, генерал-поручику нездоровилось, но настроение у него было приподнятым, и он объявил благодарность всем, кто нес на Кавказе службу. Затем, поддавшись воспоминаниям, напомнил о баталиях с горцами и турками, о понесенных жертвах. А в конце наставительно сказал как начальник Линии, что крепости надобно за-

ложить до зимы, а поэтому предстоит трудиться денно и ночью, чтобы исполнить высочайшее повеление.

Якоби, заметив опрокинутый артиллерийский ящик, встал на него и оглядел пехотинцев, волгских казаков, построенных в каре. Его также приветствовали троекратным «ура». Волнение мешало этому бесстрашному командиру, не раз смотревшему смерти в глаза, начать речь. Он сдернул треуголку, подставил ветерку свою седую обнаженную голову. Эскадроны замерли, неотрывно глядя на командующего.

— Братцы мои! Воины Державы! Сегодня выпало нам заложить фланговую крепость нововозводимой Линии. Пять рек сливаются здесь: Терек, Бештомак, Кура, Баксан и Малка. Поглядите, какая излучина! Непросто недругам преодолеть такой заслон. Тут и предстоит заложить цитадель. И названа она будет в честь государыни нашей, Екатерины Алексеевны. Множество милостей было даровано ею. А эти десять крепостей на границе российской встанут щитом от набегов злоумышленников. Подтверждаю слова его высокопревосходительства генерал-поручика и кавалера Ивана Федоровича де Медема, что мы обязаны торопиться, ибо Линия принесет на нашу землю покой и защищенность. Братцы пехотинцы и волгские казаки! Вы примерно показали себя в делах ратных, а теперича потрудитесь на нужды мира! Уповаю на вас, детушки мои, и приказываю к работам приступить!

Ударила барабанная дробь. Капитан Гиль и десятка три волгцев и солдат пехотного полка загнали лопаты в затверделый чернозем и принялись рыть траншею оборонительного вала. На глазах Якоби непрощенно навернулись слезы, но был он лицом по-прежнему строг и пристально наблюдал за тем, как в работу включалось все больше служивых.

– С богом, Иван Варфоломеевич! – волнуясь, сказал Медем, подходя к командующему и протягивая ему руку. – Коли приударят да поусердствуют ребятушки, глядишь, к снегу возведем вокруг крепостей оборонительные валы. А, может быть, кое-где и стены поставим. А вот зимовать, черт побери, придется зольдатен⁷³ в землянках. Мало рук. Да и подвоз камня и щебенки на армейских лошадях затруднителен. Надобно нанимать горских переселенцев.

– Да, смею согласиться, ваше превосходительство, – подумав, ответил Якоби.

Они пошли рядом.

– Будем нанимать возчиков. Каменные копи здесь неподалеку, а степные крепости потребуют множества подвод, – добавил Иван Федорович, провожая ливонца к коляске. – Впрочем, желающих нам помогать в таких нуждах немало. Особенно среди осетинцев и ногайцев, живущих подле Пятигорья.

Вслед за первой крепостью волгскими казаками, пехотинцами Кабардинского полка и драгунами были также заложены крепости первой линейной дистанции: 18-го сентября на реке Куре, получившая название Павловской; в начале октября на реке Цалуге (Золке), поименованная Мариинской, а затем крепости на берегах Подкумка и Карамыка (Сабли), названные в честь святых – Георгия и Андрея.

Строительство второй дистанции Линии, западной, было возложено на казаков-хоперцев и драгун Владимирского полка, общее командование которыми, по-прежнему осуществлял тридцатисемилетний полковник Вильгельм Васильевич Шульц. Это трудное зада-

---

⁷³Зольдатен (нем.) – солдаты.

ние Якоби поручил ему неслучайно. Драгунский полк проходил уже этим маршрутом в прошлом году и там, где намечено сооружение крепости у Черного леса, разбивал стан. Теперь же предстояла неотложная работа по возведению настоящей цитадели, поскольку именно в ней должен находиться командующий второй дистанцией Линии. А самое важное заключалось в том, что именно отсюда расходились дороги в три стороны, – в Закубанье, к Дону и на Азов!

9

Утвержденный императрицей приказ, ордера Потемкина о закладке десяти крепостей до окончания года, – сей грандиозный прожект, как выяснилось уже в октябре, выполнить было невозможно. Во-первых, Линия, пересекая гористую и степную местность, простиралась на огромное расстояние, одолевать которое обозам было затруднительно. Во-вторых, не хватало ни рабочих рук, ни строительных материалов. Как ни требовательны были офицеры, служивые оставались по-прежнему несуетными, угрюмыми и как будто недвольными. И это было вполне объяснимо: провианта в драгунском полку поубавилось, так как он, завозимый маркитантами, делился с хоперцами. А казаки не забывали своей обиды за высылку из родных мест, за жестокое принуждение. Об их неблагонадежности постоянно докладывали Шульцу, совмещающему командование драгунами и Хоперским полком. Но вместе с его подчиненными следовал эскадрон донских казаков, поэтому опасаться неповиновения, а паче того, бунта, как считал барон, не стоило.

Походная колонна достигла северного отрога Байвалинских вершин, где были соленые озера и полноводный приток Калауса. Несмотря на середину октября, дни

стояли ослепительно яркие, безветренные, на редкость теплые. Бабье лето выкрасило лесистые склоны холмов охрой и багрянцем. В ясном небе тянулись пролетные стаи.

Место это, несомненно, было выбрано удачно. Отсюда открывалась панорама перевалов и речной долины, переходившей на северо-западе в степь. А за нею возвышалось плато, синее очертаниями, куда предстояло еще пройти восемьдесят верст.

18-го октября полковник Ладыженский, который принимал участие в планировании крепостей, прибыл в расположение отряда. Этому ладному и энергичному инженеру не исполнилось еще и сорока лет. Но опыта возведения зданий и редутов набрался он предостаточно, служа бригадным фортификатором, за что удостоин был ордена Святой Анны, а после назначен командиром Кабардинского пехотного полка.

Полдень был по-осеннему солнечным и свежим. Еще издали заметил он солдат и казаков, копающих траншею и расчищающих территорию от деревьев и кустарников. Премьер-майор Баас, обрусевший немец, назначенный строителем и комендантом будущей крепости, тоже трудился в одной шеренге с дровосеками. Поодаль, на позициях драгунского полка стояли палатки командования. Ладыженский послал адъютанта к полковнику Шульцу, чтобы уведомить о приезде.

Баас, увидев главного фортификатора Линии, передал топор солдату и подошел, отряхивая руки. На его полных щеках пылал румянец.

– Желаю здравствовать, господин полковник! – приветствовал премьер-майор, часто нося грудью и стирая платком пот с лица. – Вот, с Божьей помощью, приступили к исполнению.

– Премного рад. Извольте предоставить план крепости. Я желаю удостовериться, – приказал Ладыженский, направляясь к лесу.

Рубка его по размаху и многолюдству напоминала летний сенокос. Так же строим, на небольшом расстоянии друг от друга передвигались солдаты, круша деревца, а идущие позади, собирали ветки в кучи, – только вместо кос в солдатских руках сверкали топоры. Ладыженский подошел к рубщикам. Двое из них, красивый черноволосый парень, с короткими усами, и дюжий бородатый казак, обернулись и прекратили работу.

– Откуда, ребяташки? – доброжелательно спросил полковник. – Хоперцы?

– Никак нет. Донцы. Сотник Ремезов! – смело доложил Леонтий. – С казаком Харечкиным откликнулись на призыв. Решили пособить. А караулы наши на дежурстве. Дозоры в разведке.

– Молодцы. Рук жалеть не надо! Кто командует вами?

– Есаул Горбатов.

– От моего имени передашь ему, чтобы с двумя эскадронами оставался здесь. И не просто нес охрану, а отряжал казаков на работы. Впрочем, я сам скажу об этом полковнику Шульцу. Были стычки с горцами?

– Дважды замечали их отряд. Но по причине удаленности догнать не удалось.

– Коварство их известно. Не проспите! – предупредил Ладыженский и вместе с премьер-майором прошел к траншее.

Полковой писарь принес проект крепости. Ладыженский, сверяя карту с местностью, распорядился:

– Перемерьте расстояние в южном направлении. Вы сдвинули правый фас сажень на двадцать.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – подтвердил Баас. – Там обнаружено залегание песчанника. Соответственно границу слева мы увеличили, согласовав это решение с господином полковником фон Шульцем.

Ладыженский возмущенно посмотрел на коменданта.

– Вы нарушили документ, предписанный императрицей и Военной коллегией! Допускаю, что при рекогносцировке допущена неточность. Но вносить изменения в план имеет право генерал–майор Якоби. Потрудитесь остановить работы!

Полчаса потребовалось фортификатору, чтобы вместе с Баасом обойти стройку по периметру. Еще не везде были вбиты колышки и промерены границы. Шел только первый день закладки. К окончанию их обхода подоспел Шульц. Полковники обнялись. И Ладыженский, убедившись, что вросший в землю каменный пласт настолько глубок, что сокрушить его вряд ли возможно, внес свои коррективы.

– План неукоснительно должен выполняться. А посету прошу вернуться к означенному прежде местоположению крепости Святого Александра.⁷⁴ Однако, строительство стены начинайте на твердой породе. Она прочней любого фундамента. А ров вынесите на внешнюю сторону. Расширение оборонительного пункта допустимо.

– Будет исполнено! – отрапортовал Баас.

Шульц, проводив взглядом подчиненного, дал характеристику:

– Толковый офицер. Участвовал в баталиях. Да и все мы, командиры, собранные на Линии, обстрелянные. А теперь вот воюем с лопатами... Погода, Николай Николаевич, благоприятствует, и я хочу завтра продолжить

---

⁷⁴Крепость Св. Александра. – Вскоре получила название Северной. Ныне – село Северное на Ставрополье.

марш к Черному лесу, к Ташле. Оставлю здесь Бааса, половину Хоперского полка и два эскадрона драгун, а остальных двести пятьдесят казаков и свой полк поведу на закладку тамошней крепости. Вы с нами?

– Нет, задержусь. А потом догоню. Я вам всецело доверяю, Вильгельм Васильевич.

– Но, как говорят по-русски, пресловутая немецкая точность сегодня нас чуть-чуть подвела.

– Надеюсь, этого не повторится. Но, если быть справедливым, отвага и самоотверженность также свойственны немцам, – с уважением заметил Николай Николаевич, идя следом за командиром полка к палатке. – Посчитайте тех, кто причастен к Линии: де Медем, Криднер, Гиль, Баас, вы! Я уже не говорю об Иване Ивановиче Германе! Этот саксонец – сушая находка для России! Вот сейчас возложил на него командование полком, и душа покойна. Воевал с турками, при рекогносцировке на Дунае получил контузию. Усмирят Пугачева. Помимо этого составил карты Финляндии и Молдавии. Установил границы области Войска Донского. И Бог послал нам его сюда в этом году, как только был произведен в подполковники.

– Да, славный подполковник! Он более других усердствовал в том, чтобы проект был обоснован. Но вы забыли, мой друг, еще об Иоганне Гюльденштедте. Он осведомлен буквально во всех науках, говорит на пяти языках. Сей врач и натуралист мне знаком, мы встречались в Петербурге. Он рассказывал, как путешествуя по Кавказу, составил перечень горских народов, описал флору и фауну этого края. А его географические заметки стали основой для планирования Линии. В том, что достойные иностранцы участвуют в преобразовании России, воля государыни.

– Также вашей соотечественницы, – добавил Ладыженский, садясь напротив Шульца на походный

стул.— Столько великих дел, как Ее Императорское Величество, для России не сделала ни одна русская женщина.

— Совместными усилиями, Вильгельм Васильевич, и крепости поднимем, и мир установим, — заключил барон, распорядившись, чтобы подали обед и кофий, к которому пристрастился в походах.

Строительные работы ни на минуту не прекращались. Срубленные деревья и ветки на канатах отгаскивали при помощи лошадей к крепостной меже, возводя впереди рва заградительную полосу. Землекопы не только поднимали чернозем, но и отсыпали его в бруствер.

Переполох негаданно всех позабавил. Два драгуна, углубившиеся в лес по известной причине, вылетели оттуда со спущенными штанами, крича: «Медведи!» Их испуг мигом заразил товарищей, и те кинулись со всех ног наутек. Трое донских казаков примчались на шум с обнаженными шашками. А следом за ними — уядник с заряженным ружьем. Из чащи, действительно, донесся медвежий рев. К засаде присоединились драгуны с ружьями. Прождав полчаса, послали разведчика. К счастью, косолапая семейка убралась подобра-поздорову...

10

Дорога до Черного леса хорошо запомнилась Леонтию.

Он, принявший под свою команду полуэскадрон, следовал с дозорами впереди походной колонны, а остальные казаки прикрывали арьергард. Все чаще, словно призраки, стали появляться на взгорках и курганах, черные всадники. Они замирали, приглядываясь к передвижению русских, и бесследно исчезали.

Всё случилось у переправы через Калаус, где отряд Шульца остановился на роздых. Дюжина горцев с дикими воплями выскочила из терновой балки, отсекая от лагеря казачий табун, пущенный попаски⁷⁵. Лошади испуганно пустились вскачь. Айдан был рядом. Его, к счастью, ординарец Аким не успел разнuzдать.

Леонтий бросился в погоню, один против двенадцати. В его руке была шашка. Перед собой видел он, леденя от гнева, только горцев в косматых папах, угоняющих лошадей. Черкесы не жалели своих выхолощенных скакунов, изводя бешеным галопом, чтобы подалее оторваться с отбитым косяком. Молодой горбоносый горец и другой, рыжебородый, потерявший на скаку шапку, стреляли в преследующего казака, делая промахи. Айдан, весь в пене, стал сбиваться, засекал на заднюю ногу. И Леонтий начинал свыкаться с мыслью, что коней не вернуть...

Показалось, громыхнуло, как бывает перед степной грозой. Но гром этот стал слышной. Леонтий обернулся и от радости ахнул! Взвод драгун, маяча своей черно-красной формой, двигался чуть в стороне мощным ходом. Лошади у них были немецкой породы – тракены. Ни одна лошадь в мире не сравнится с ее бесстрашием и выносливостью. Ремезов придержал коня, с которого не слезил вторые сутки...

Перестрелка завязалась в облеске, у зарослей волчьей ягоды. Три черкеса погнали косяк дальше, а прочие хищники, прикрывая, залегли за деревьями. Драгуны, попав под их обстрел, зашли с фланга. Спешились. Леонтий присоединился к ним.

– Присмотрите! – крикнул он коноводам, оставленным у лошадей, а сам побежал между кустами шиповника. В облеске пахло духмяной травой, спелым боя-

---

⁷⁵Попаски (донск.) – Свободная пастьба.

рышником и орехами. Они, в лопнувшей буро-зеленой кожуре, лежали под деревьями толстым слоем. Леонтий замедлил бег, осматриваясь. Цепь драгунов растянулась за деревьями вдоль поляны, а на ее другой стороне таились горцы.

Леонтий подбежал к подпоручику и предложил окружить неприятелей. Молодой, не по возрасту самоуверенный офицер ответил уклончиво:

— Им некуда отступить! Голубчики в западне. А ежель на лошадей сядут, настигнем... Впрочем, возьмите любого из солдат и действуйте по своему усмотрению. Егор Егоров! Поступаешь в распоряжение господина сотника!

Крадучись, Леонтий и долговязый драгун сделали крюк по редколесью, заходя в тыл горцев. За деревьями наконец проступили силуэты их коней. Стрельба то учащалась, то стихала. И те, и другие меняли позиции. Леонтий с напарником подползли на расстояние выстрела. Приготовили оружие, сотник поднял пистолет, Егор вскинул длинноствольное ружье.

Раздались гортанные выкрики, и горцы высыпали к лошадям. Леонтия опередил, не дождавшись команды, бестолковый паренек. Видимо, еще не бывал в деле и попросту испугался. Это и привело к беде. Близко обнаружив неверных, джигиты ответили яростным огнем. Они стреляли, прикрывая друг друга, и по очереди отъезжали на лошадях. Леонтий, выстрелив, перекачивался по земле, избегая вражеских пуль. А Егорушка, спрятав голову за толстый пень, спешно палил, как придется. Ружейный треск, между тем, становился громче. Видимо, подпоручик повел подчиненных на штурм.

Всего два джигита оставались на краю облеска, и Леонтий не сдержался. Зарядив пистолет, сорвал-

ся с земли и побежал, целясь в того, кто был в седле. Он успел пальнуть, ощутив гарь пороха, и увидеть, как лопнула черкеска горца ниже лопатки, и широкая рана стала заполняться кровью. В тот же миг выстрел бритоголового поверг его на землю. Страшная боль пронизала грудь. Свет померк. Мысли спутались. Леонтий понял, что ранен и, наверно, умирает. «Вот почему сегодня Мерджан снилась, – вспомнилось невзначай. – Она хотела меня предупредить, а я не догадался...»

Цепь драгунов поднялась запоздало. Небрежность их командира, приказавшего оставить лошадей за полверсты, позволила горцам, потеряв двух человек убитыми, бесследно уйти по Калаусской долине. Но косяк удалось отбить.

Сотника Ремезова доставили в лазарет драгунского полка. Лекарь Карл Петрович Штейдле, засучив рукава и велев помощнику кипятить воду, посчитал пациента безнадежным и, без особого волнения, стал готовиться к операции...

22 октября, в праздник иконы Казанской Божьей матери, хоперские казаки и драгуны Владимирского полка, одолев зытяжной склон, разбили бивак на вершине горы, где предстояло заложить Московскую⁷⁶ крепость. Часть хоперцев расположилась у ее подножия, на широкой поляне. К тому же, кустарники за ней были редки, что позволяло расчистить поле. Тут же остановился и походный лазарет. В кибитках, под брезентовым пологом, находились раненые.

Несмотря на церковный праздник, полковник Шульц приказал приступить к работам. Хоперцам предстояло пилить и рубить деревья. Сколько обозревал глаз, – и на

---

⁷⁶Московская крепость. – Вскоре получила название Ставропольской, дав начало одноименному городу.

севере, где урочище смыкалось с долиной речки Ташлы, и на юге, загражденном холмами, и вокруг вершины простирались вековые древостой. Росли здесь в изобилии буки, орехи, дубы, липы. Тесными полчищами стояли темноствольные грабы и клены. И недаром этот массив, раскинувшийся по склонам плато был назван Черным лесом. Вблизи него, с горных вершин, начинались русла рек, в том числе Егорлыка, вдоль которого предстояло заложить еще две крепости.

Перестук топоров, гулко отдающийся в чаще, протяжное и веселое повизгивание двуручных пил, голоса переговаривающихся людей огласили вершину горы! Лесоповальные артели, созданные из рот и эскадронов, расставлены были таким образом, чтобы территория крепости расширялась равномерно. Сам Шульц, сбросив суконный мундир и оставшись в одной рубахе, пилил на пару с лекарем Карлом Петровичем. У обоих желания трудиться со всеми вместе было немало, но силенок в обрез. Однако воинственный дух и характер не позволяли им капитулировать!

Старая липа, между тем, поддавалась, и напил на стволе поминутно углублялся. Карл Петрович, запыхавшись, то и дело поправлял свои круглые очки. Но пред командиром не хотел показать слабости и, закусив губу, продолжал ритмично, туда-сюда двигать рукой. Наконец дерево покачнулось. Расторопно подбежавшие драгуны в несколько рук надавили на ствол. И высокая, в золотистой накидке из листьев красавица липа, прощально махнув небу верхушкой, рухнула наземь, с треском обламывая соседние деревья. Простора на поляне прибавилось.

– Не полагал, что придется мне в кавказском краю валить лес, – добродушно признался Шульц своему соотечественнику. – А вы?

– Ja, gerr Oberst! Das Menschenleben hat vielen Überraschungen,⁷⁷– ответил лекарь, со свойственной ему раздумчивостью, и неожиданно по-русски добавил: – Важно то, что ты делаешь. Но еще значительней, чтобы службу исполнял хорошо... Как это по-русски... Mit Gefühl dienen⁷⁸... Разрешите отлучиться в лазарет. Да и руки болят без привычки. Но свалили мы с вами эту великаншу мастерски! А я не перестаю удивляться казакам. Позавчера подстрелили сотника. Невероятно, он остался жив. И, думаю, есть шанс вернуться в строй.

Полковник в сопровождении адъютанта осмотрел участки строительства и лагерь, где ставились палатки. Вечерело. Из лесной чащобы стал наплывать туман. Шульц обошел будущую крепость по периметру, отмежеванному фортификатором. Почва здесь была несколько суглинистая, местами каменистая, а в иных местах выступали напластования желтого известняка. В любом случае, как решил Шульц, следует начать строительство с обозного сарая, конюшни и гауптвахты. Его немецкая натура требовала неукоснительной дисциплины. Необходимо возвести также дом для офицеров. А казаки и драгуны, закаленные на службе, перезимуют в землянках и палатках. Лес вокруг. Дровишек для костров предостаточно.

Пряатель-хоперец ждал, пока Карл Петрович перевязывал Леонтия и давал ему пить из кружки декохт. Потом, осторожно ступая по бурьянцу, подошел к повозке, на которой покоился раненый. В сумерках лицо сотника показалось очень бледным и печальным. Он

---

⁷⁷ – Да, господин полковник. В человеческой жизни бывает много неожиданностей. (нем.)

⁷⁸ – Служить с душой. (нем.)

уже хотел было отступить, не тревожить собрата, но Леонтий сам его окликнул:

– Добрались, слава богу?

– Добрались! – ответил Николай и оживился. – Ну, ты как, казачок? Держисся? Держись, братка. Фершал, гляжу, дюже старается. Мудрый старичок. Он тебя поставит на ноги! А не сказывал, можно тебе ягоду-боярку? Мы когда деревья валили, набрал вдосталь. Вот принес в шапке.

Николай наклонился над повозкой, нашел в изголовье медную тарелку, из которой кормили Леонтия, и насыпал туда отвердевших на ветру, ароматных ягод.

– Казаки мои работали? – спросил Леонтий.

– Всех немец заставил, – с неприязнью сообщил приятель. – С ног валимся. Хоть бы денек дал, аггел, очапаться. Как скотов, гнобит... И ты скажи, братка, пришли сюда, – теплынь стояла. А теперича сырость холодная. Поганая погода. А придется здесь доживать. На тот год сулятся семьи привезти. Для того командира нашего Конона Устинова не сюда прислали, а при бабах оставили.

– То-то полк без командира.

– И слава богу. Не любит он нас. А почему? Из соседней станицы он, из Михайловской. С ними раздоры у нас из-за угодий. В турецкую войну служил Конон у Потемкина. Вот и продвинулся, благодаря знакомству. А натурой Устинов злопамятен и самодур. Отец его из казаков геройством вышел в есаулы. Да и братья Конона ухи-ребята. А этот не в родню... Ну да, нехай живет, не чихает... Может, раздобыть тебе чего из провизии? Али чехоньку желаешь?

Леонтий движением головы показал, что ничего не нужно. Ему было нехорошо, но он не показывал вида. Да и отвлекался хоть как-то от постоянной жгучей боли.

– Ты приглядывай, сделай милость, за моим Айда-ном А то душа не спокойна... Да набери мне в гарнец воды ключевой. Тут, я слышал, солдаты говорили, под горой родник.

– Не сумливайся, братка. Как завтра отпустят, так и принесу, – повеселев, заверил Николай. – Что интересно... Леса вокруг скаженные, а тут, неподалеку, приглядели мы с казаками низину. Не дюже большая, но годная. Даст Господь, подержится погодка без дождей, вспашим и засеем. Чтоб на тот год урожай снять. Ежель подружимся с землицей, то и сердце успокоится... Ну, до завтрава. Не тужи!

– Рад стараться! – отшутился Леонтий и впервые за последние дни ощутил в душе надежду на спасение. Приход ли хоперца так повлиял на него, а может, попросту стали возвращаться силы?

Ночью туман поднялся. И Леонтий, проснувшись от холода, увидел за краем брезентовой крыши удивительной красоты небо. Полная луна стояла в зените, сияя за тонкой пеленой облачка. Такие же маленькие облака, словно раковинки из перламутра, где сплошь, где с прорехами, выложили небосвод. И между ними проступала фиолетовая бездна с огоньками звезд. Никогда прежде не видел Леонтий небо, убранное золотом и серебром. Ни малейшего движения не было в воздухе. И он, натянув на себя бурку, согревшись, долго не мог заснуть, озирая поднебесную даль. «Как жить хочется! – со спазмом в горле подумал Леонтий. – Жить не в богатстве, а как припадет. Ни на кого не обижаться, а прощать людей. Радость и невзгода идут дружка за дружкой, так устроено. Лишь бы видеть мир, слышать голоса, служить в полку или дома быть. Не разлучаться с Мерджан, матерью и сыном. Дай Господь помочи! И прости за грехи, прости за пролитую кровь... Такая

участь ратников. Велел Святой Георгий за землю родную стоять, потому и не поберег себя... Казаку так и положено. Увернуться сердце не позволяет!»

11

На другой день после крещения внука Екатерина Алексеевна решила устроить «Малый стол», пригласив самых близких людей. С утра она была возбуждена, отменила приемы и, поработав в кабинете, вернулась в свои покои, чтобы подготовиться к выходу.

Личный парикмахер Иван Козлов, набравшийся мастерства за границей и приспособившийся ко вкусу августейшей клиентки, смело взялся за дело. Как скоро императрица села перед зеркалом, он распустил прядки, аккуратно подхватил падающую волну темно-каштановых волос и опустил донизу. Длина их была столь велика, что за малым не достала до пола. Расчесывание на редкость густых волос заняло немало времени. К тому же, под расческой то и дело раздавалось потрескивание и сыпались искры. И Екатерина шутила, что так можно и пожар учинить. Парикмахер умело сплетал косички, завивал раскаленными щипцами букли, и – точно фокусник, неуловимыми движениями укладывал на голове царицы невысокую, с зачесами вверх, открывающую лоб прическу. Она терпеливо следила за его работой и лишь изредка делала замечания.

Когда парикмахер ушел, камер-юнгфера Анна Александровна Палакучи ловко наложила поверх волос Екатерины флеровую наколку с драгоценными камнями. Сегодня она решила нарядиться так, как в дни торжеств. Две других камер-юнгферы, Авдотья Иванова и Анна Скороходова, помогли облачиться ей в парчовое платье, с тремя орденскими звездами: Георгиевской,

Андреевской и Владимирской. Не было для нее радостней праздника, чем этот, в честь внука Александра!

И странно, в душе вспыхнуло, казалось, навек утраченное материнское чувство при виде крошечного мальчика со сморщенным личиком, такого беспомощного. Детей, рожденных ею от Орлова и Потемкина, она не знала. Младенцы были оторваны тотчас, как только появились на свет. В судьбе ее существовал лишь один сын – Павел, наследник престола. Но вот появился и у него наследник! И этот маленький «наследник наследника» совершил в душе Екатерины переворот. Она вдруг ощутила себя многолетней, перешедшей в поколение бабушек, что, впрочем, ее не огорчило, а, скорей, позабавило.

Обед был назначен, по обыкновению, на час пополудни. Подчеркивая торжественность момента, императрица совершила выход, согласно заведенному при Дворе ритуалу. Потемкин прибыл в ее покои заранее и успел переговорить о текущих делах.

– Батя, я читала твой рапорт, – начала императрица с похвалы своего тайного мужа. – Как скоро турецкий султан приуготовляется к новой войне с нами, то проводимые усердия на Кавказе заслуживают всяческого поощрения. Пусть ведет Якоби и далее Линию, поелику это возможно. Заодно и про земледелие не забывает. Объяви ему от меня благодарность. А в своих милостях я не задержусь. Надобно вернуться к давешним планам. И Кубань укрепить подобными редутами.

– Я дал поручение штабу исследовать тамошнюю местность. А Суворову прикажу проявить усердие... Доходят до меня сведения, всемилостивейшая государыня, что ваш статс-секретарь Зорич отпускал в мой адрес нелестные высказывания. Сие, Ваше Императорское Величество, смешно и недопустимо.

– Погоди, да верно ли это? – удивленно спросила Екатерина, меняясь в лице. – Не наговор ли?

– Я могу перечислить тех особ, кто слышал словесные эскапады⁷⁹ сего голубчика.

– Будьте покойны. Я скажу ему. И церемониться не стану, – жестко пообещала Екатерина и, вздохнув, посветлела лицом. – Я выполняю, батя, твои желания. И очень довольна, что тебе понравился мой подарок, Осиновая роща.

– Вы балуете меня, Ваше Императорское Величество.

– Потому что, милюша, ты в моем сердце пребываешь...

– Матушка моя беспримерная, как бы хотелось мне верить в это... – с нажимом проговорил Потемкин и умолк, увидев входящих камер-юнгфер.

Выход императрицы начался. Впереди шествовал гофмаршал, за ним попарно камергеры, министры, сановники. На пять шагов впереди Екатерины печатал шаг в парадном мундире, сияющем орденами, с жезлом в руке, генерал-адъютант Григорий Потемкин. А сама она, свободная и величественная, плавно плыла по залу, чуть запрокинув голову и выпятив подбородок.

В «Зеркальном» зале, где был накрыт стол на пятьдесят персон, ее уже ждали приглашенные. И при появлении царицы все замерли, преклоняя головы. Ответила и она им своей милостливой улыбкой и остановилась, чтобы гости могли подойти к руке. Целование царской руки заняло минут пять. Каждый раз, смотря в глаза гостя, Екатерина старалась разгадать, каково истинное отношение к ней этого человека? Но проникнуть в тайник чужой души, увы, мало кому удавалось...

---

⁷⁹Эскапада. – Выходка, выпад.

Наконец она заняла место во главе стола и пригласила всех за ней последовать. Потемкин сел по левую руку от императрицы, а справа, рядом с матерью, поместился Великий князь. Супруга его после родов была еще слаба и старалась быть с младенцем неотлучно.

Обед, как всегда, начался со здравниц в честь Ее Императорского Величества и державы Российской. Потемкин чувствовал себя нездоровым и пил мало. Екатерина радостно болтала, и ее настроение передалось гостям. Царские обеды и прежде отличались свободой и непринужденностью, но сегодня царило особое радушие. То и дело речи заводились о новорожденном Александре, о том, что он копия своего отца. Самодержице это было лестно, и сама она говорила без умолку, охотно поднимала бокалы с шампанским.

Однако с иностранными посланниками, как заметил Потемкин, держалась Екатерина весьма осторожно. И когда прусский посол Сольмс напомнил о немецких корнях императрицы, а стало быть, и долгожданного внука, она со смехом возразила:

– Он родился в России, и потому – человек русский. И служить должен этой земле!

Потемкин, исподволь наблюдая за бывшим адъютантом Зоричем, которого благословил в фавориты царицы, вместо Завадовского, испытывал раздражение и против него, и против многошумного пиршества, устроенного счастливой бабушкой, чтобы еще раз подчеркнуть важность появления наследника царского престола. Соблюдая этикет, он милостиво отпросился у Екатерины, сославшись на жар.

Петербург был завален снегом. И карета мягко катилась по накатанному насту, везя его во дворец у Аничкова моста. Здесь недавно была самодержица с гостями,

и они славно провели время. Но в этот день Григория Александровича преследовала грусть.

Он сменил генеральский мундир на теплый халат и прошел в кабинет. Вспомнив разговор с Екатериной, он достал беловик ордера, адресованного Якоби.

«Рапорт Вашего Величества от 23-го минувшего сентября со всеми принадлежностями и планами мною получены, и к Высочайшему Её Императорского Величества сведению всемилостивейше представлены, из коих успех неустанных трудов ваших в строении на новой Линии крепостей и в заведении хлебопашества соизволили Её Императорское Величество принять с особливим благоволением и милосердно указать мне объявить оное вам и всем, трудящимся под руководством вашим, с тем, что несумненно надеюсь я, что и остальные крепости общими и усиленными трудами приведутся будущего лета к окончанию. Остается только приметить вам, чтоб хлебопашество стараться всеуспешно размножить при всех крепостях к особливому Её Императорского Величества удовольствию и при том завести к пользе того края конные заводы, виноградные сады и табак, а потому всем по той Линии состоящим полкам, батальонам и казакам раздать достаточные земли не только на выгон и для лесов, но и для хлебопашества».

Затем сидел Потемкин у камина и посматривал на пляшущие языки огня, бросающие на лицо отсвет. Все проходит, и жизнь промелькнет, размышлял он, слыша мерный стук напольных часов. Лишь в делах и великих помыслах остается человек в памяти народа. Да, всяк печется о своем благоденствии и богатстве, но, как велено ему самим Господом отдать себя России. Тому приводил Потемкин множество доказательств. И, прежде всего, это была встреча с Екатериной, ее лю-

бовь и доверие к нему, сопровителю и венчаному мужу. Он многое хотел сделать для Отчизны, и многое уже успел. И своих единомышленников находил вокруг все больше...

И не ведал Григорий Александрович о том, что в этот декабрьский день, не по-зимнему теплый, хоперские казаки распахали целину у подошвы горы, на которой возводилась у Черного леса крепость. Потом заскородили они черную, слегка влажную землю и засеяли ее зернами пшеницы. И, выбившись из сил, глядя на возделанное поле и хмелея от запаха чернозема, повторили старинную русскую присказку:

– Живи, зерно, и плодись, а мы – с тобою...

КНИГА ТРЕТЬЯ

«Гуляй, казак, дыши вольным ветром, носись с пикой, с саблей возле самой смерти!.. Удаля ли гонит казака на поле битвы, или честь велит?»

Вячеслав Шишков

Часть первая

1

Обильной снегами и на лихо студеной выдалась в предгорьях Кавказа зима одна тысяча семьсот семьдесят девятого года. Со святок и до самого Сретенья кружились, точно ведьмы на шабаше, одичалые басурманские вьюги. Великая степь и долины, придавленные тучными сугробами, цепенели в глухом безлюдье. Зато вольготней стало волкам, – их косяки подбирались к заметенным валам крепостей, за много верст чуя запах варившегося в котлах мяса и дух лошадей. Временами линейцы устраивали на них облавы, разя ружейными выстрелами и отпугивая в дальние урочища. Но сгущалась тьма – и вновь окрестность будоражили бирючьи трубы, перекликаясь с завыванием бурана. От этого тяготила души неизбывная тревога, и невольно прислушивались новопоселенцы к шорохам и шуму ветра: не крадется ли в ночи шайка горцев? На Линии такова доля: в любой час и минуту – жди нападения!

В Ставропольской крепости на зимних квартирах, наряду с драгунами Владимирского полка, стояла донская казачья команда. Затянувшаяся непогода надолго задерживала обозы, доставляющие сюда провиант и фураж. Службу тянули впроголодь (в минувшем декабре в крепости Святого Павла по этой причине взбунтовались солдаты). Еще тяжелей приходилось лошадям. И донцы, деля свой и без того скудный паек, подкармливали их, донельзя отощавших. А сами, находясь в дозорах, при первой возможности полевали зайцев, выслеживали в лесу кабанов и косуль. Эти трофеи в значительной мере выручали кухарей. От ароматной похлебки с дичиной, пшенкой и чесноком не отказывались даже армейские полковники.

В подгорье, с восточной стороны крепости, обосновалась за палисадом, – высоким забором из бревен с заостренными концами, – новоявленная станица хопёрских казаков. Минувшей осенью, с приездом семей, частично завершилось их принудительное переселение. Там, в далеких родных местах, остались слободские хаты, уголья, отчие могилы. А здесь – безвестность, неустроенность и неизбывная грусть. Только есаулы да несколько расторопных удалцов успели загодя поставить избенки, в которых способно топить по-черному. Хотя и не велики они и сделаны на живую руку, но присадисты и кое-как удерживают тепло. Впрочем, командир полка Устинов своих домочадцев везти не торопился. Сопроводил сюда переселенческий обоз, откомандовал бабьим войском, покрутился малость в крепости и махнул аж в столицу добиваться для земляков привилегий. Да верилось в это с трудом. Всем было ведомо, сколь падок Конон Устинов на собственную выгоду.

Тремя порядками, с проулками, разбиты казачьи усадебки. Хаты маячат в разных концах, как шалаши на бахче. У остальных переселенцев – жилища под землей. Ладно бы служивые, – народец тертый, – но вместе с ними под накатом из бревен, прозябали жены, старики да малолетняя детвора. Отправляясь сюда, тешили они надежду, что зима на юге будет нехолодной, как предыдущая. Ан бог не помиловал, – вслед за ранним снегом жажнули морозы, и сковала землю лютовень. Недаром молвят: мерзлой роже да метель в глаза...

Казаки преимущественно находились в крепости, несли постовую службу вдоль дорог, были в дозорах или охраняли почтовых гонцов. А семьи дни и ночи коротали в подземельях, при дрожащем огоньке лучины. Благо, дождались прошлым летом урожая, прежде чем ехать на чужбину. Питались из привезенных запасов. На свет божий выходили по необходимости. Спускались в хозяй-

ственные землянки, где ютился скот, задавали коровам и овцам сенца или рубленой тыквы. Через единственные станичные ворота, обращенные к крепости, по лесной просеке пробирались к роднику за водой, в затишке жгли костры, стряпая щи или зерновую кашу. Лишь казачат-непосед ничто не могло удержать! Едва утихала пурга, и проблескивало сквозь тучи солнце, – они высыпали из станицы на берег Ташлы. Кубарем скатывались с горок, играли в чалку, натирали друг друга снегом, разбегались и скользили по плешинам голого, вылизанного ветром льда. Веселые крики далеко разносились в разреженном воздухе! Иногда самые смелые из них приближались к крепостным воротам и просили у караульных «чего-нибудь покуштувать». Надоедливых попрошаек прогоняли, но и бывало, что сердобольный солдатик одаривал куском воблы или твердой, как голыш, репой.

Леонтий Ремезов с полувзводом казаков возвращался с охоты. Кроя предзакатное небо бронзой, поджимал мороз. Озябшие, но всё еще в озорном запале, донцы обсуждали гульбу, подтрунивали друг над другом. Как-никак, а добыли полдюжины русаков. Завидев конников, навстречу помчался от станичного палисада мальчуган. Тулуп со взрослого плеча, нахлобученный на глаза треух и огромные валенки мешали ему бежать. Длинные рукава болтались туда-сюда, точно на пугале. Но сорванец, выскочив на середину дороги, замер столбиком.

– Дядьку, ради бозиньки дайтэ мэни хлибця або сухарыкив! Дуже исты хочу! – завел он срывающимся голоском, глядя из-под потертой шапки на едущего впереди Леонтия.

– Геть с дороги, балахманний!⁸⁰ – грозно гаркнул кто-то из казаков. – Стопчем!

---

⁸⁰Балахманний (донск.) – непослушный, непоседливый.

Казачонок, выпростал из рукава правую руку и – ни с места. Видно, голод осилил все страхи. Казаки поневоле стали осаживать дончаков, взметая снежную пыль. Леонтий придержал Айдана, ощутив подкатившую к сердцу жалость к этому кареглазому хлопчику, напомнимшему сына. Похоже, неспроста у дороги христарадничает. Пока Леонтий отвязывал притороченного к седлу зайца, Фирс Колосков, первый во взводе песельник и балагур, не преминул позубоскалить:

– А ну, гутарь: ты чейный? Папкин али мамкин? – нарочито строго расспрашивал он. – А по имени?

– Парфён.

– Здорово дневал! Так это ты, Парфён, сорвал паслён? Съел молчком и стал сморчком?

Мальчишка, от растерянности не найдя слов, отрицательно мотнул головой.

– Эгей! Сухарей просишь, а у самого ни языка, ни зубов.

Желая разубедить бородатого дядьку, пострел широко открыл рот и показал щербатый ряд верхних зубов. Казаки засмеялись. А Леонтий бросил ему под ноги рукаса и дружески сказал:

– Забирай – и бегом к мамке!

Парфен жалобно возразил:

– Я с дидом... А нэнька ще у том роки вмэрла...

И, подхватив увесистую тушку, взрывая валенками снежную целину, пустился восвояси. Донцы тронули лошадей. Надеюсь поохотиться на окраине леса, они не стали подниматься к воротам крепости, расположенным в двухстах сажнях от станицы, а двинулись прямо. Проторенная между деревьями тропа вывела их к южной фронтальной стене, где находились главные ворота. Тут и догнал их санный караван. Гиканье всадников и перебор копыт по стылой дороге заставил

донцов посторониться. В крепость направлялся, без сомнения, скорым поспешением некий высокий чин. Но разглядеть, кто он и какого звания, было невозможно: трое крытых саней-разлетаек, вслед за смешанным полуэскадром промчался вихрем. Замыкал эту оказию усиленный взвод казаков. Среди них Леонтий неожиданно узнал Касьяна Нартова и окликнул его:

– Здорово дневал, черкашня!

Станичный приятель, в тулупе и лохматой бараньей шапке, приостанавливая свою заиндевевшую лошадь, затеплил растерянную улыбку.

– Спаси Христе! Жив-здоров?

– Зимуем. А ты давно с Дону? Про моих не слыхал?

Касьян, видимо, таивший обиду на тетку Устинью, что не приняла его сватов, присмотрев дочери жениха богатого, ответил скупо:

– Не довелось. Я тут с полком с той Троицы. Вот зараз посланца царицы охраняем, генерал-поручика. Передадим вам и – восвояси. Чудной дедок! Через вал с офицерами лазил... Должно, и ваших не пожалеет! – усмехнулся приятель и, напрягая голос, торопливо пригласил. – Будет резон, – наезжай в Александровскую!

Он хотел еще что-то добавить, но гнедая пустилась вскачь, и ему поневоле пришлось отвернуться, взять стремена.

Леонтий застал сотню в походном сборе. Есаул Тузлов, чернобородый, могучий казачина, в войлочном азяме, перехваченном красным кушаком, криками поторапливая казаков, седлающих лошадей, наблюдал за построением колонны. Увидев подоспевших гулебщиков, он отчитал их за долгое отсутствие, а Леонтию, подумавшему, что сотня выступает, приказал проверить у подчиненных оружие и обеспеченность боеприпасами. С этим всё было исправно, но обмундирование для

зимы не годилось. Казаки были одеты, кто во что попало, далеко не все имели рукавицы. На морозе ладони деревенели. Удила и кольца сбруи болезненно прилипали к коже, – и стоило усилий, чтобы в этот час справиться с привычным делом. Да и дончаки, почуяв дорогу, на морозе переступали ногами и приплясывали. Леонтий, с каждой минутой коченея все сильнее, ощущал, как мученически дрожал его верный конь.

Уже стало смеркаться, когда к колонне примчались верхом на лошадях, оторвавшись от свиты адъютантов, полковник Шульц, командир драгунского полка, и маленький господин в треуголке и волчьей шубейке. Это был, как догадался Леонтий, посланник царицы. Но простые валенки на ногах и суконные штаны придавали высокому чину вид отнюдь не военный, да и лицом, узким и востроносим, он напоминал, пожалуй, лекаря. Однако при его приближении есаул Тузлов, гроза черкесов, почему-то беспокойно заерзал в седле.

– Здорово, донцы-удальцы! – энергичной скороговоркой обратился приезжий чин. – Господь бог в помощь! Я – Суворов.

Сотня дружно и бодро, как требовал устав, пожелала здравия его превосходительству. Меж тем этот бойкий человек пустил длинногривую калмыцкую лошадку вдоль колонны, оставив позади себя сопровождающих. Леонтий издали поймал взгляд генерала, – цепкий и прохватывающий – и невольно подобрался. По свободной посадке и по тому, как чутко подчинялась вороная рукам этого молодцеватого старичка, угадывался в нем лихой кавалерист. Суворов осадил лошадь метрах в пяти, напротив Мирона Бузликаина, одного из казаков, вернувшихся с охоты.

– Гляжу, к седлу «косого» приладил. Сам добывал?

– Всей ватагой, ваше превосходительство.

– Зело похвально. Кто командир?
– Я! Сотник Ремезов! – отчеканил Леонтий.
– Пример для иных. Пнем сидеть – мхом обрастешь.
Бездействие – смерть. А полевая забава глазомер
водрит.

Полководец, чуть закинув голову набок, помчался
дальше. Леонтий не сводил с него глаз, вспомнив рассказ
отца о прусской войне, о храбром подполковнике Суво-
рове, водившем казаков по вражеским тылам. Однажды
с казачьей сотней они взяли прусский пикет, а поспешив-
ший на выручку отряд вражеских гусар погнажи вспять,
преследуя до самой ставки короля Фридриха...

Между тем, объехав колонну, генерал- поручик кру-
то развернул коня. За ним последовали Шульц и Тузлов.
Суворов остановился во фронт колонне.

– Братцы-казаки! – звонким тенорком обратился
он. – Послан я государыней проверить Линию. На Ку-
бани тихо, и край ваш не в огне. Да любого врага злей –
Мороз Красный Нос. С умом – и он не страшен. Тулупы
рядом рыщут. Знаю, бедны вы хлебом и фуражом. Обо-
зы из Астрахани поспешают. Провиантмейстер депе-
шу прислал, – Суворов помолчал и оживился. – Мно-
го знаком я с вашим братом. Пруссакон вместе били!
Храбрости у донцов на миллион, а дисциплины – на
алтын. Это – хищникам козырь! Сила богатыря – неу-
страшимость, быстрота и натиск. Покамест пуля летит,
штык-молодец уже ударит. И пика – его верная подру-
га! От своеволия вред товарищам и войску. Узда – у ко-
мандира. Мощь воинства не во многом числе оногo, но
от содержания его в порядке и в научении. Коль крепок
телом – и дух здоров, сердце в отваге. Мирное время
приуготовлению к войне отпущено. О том и во сне пом-
ни. Не уставайте молиться... Да хранит Господь святую
Русь и вас, удальцы. Ура!

Вдоль колонны прокатилось троекратное «ура», а Суворов пустил свою лошадь под горку, туда, где у казармы в каре были также построены драгуны.

Поздним вечером Леонтия вызвали в комендантский штаб. Полковник Шульц (видимо, по согласованию с есаулом) приказал ему с казачьим взводом поступить в подчинение ротмистра Рубина, командира охраны Суворова.

Ротмистр, на везенье, также оказался в штабе. В мундире тонкого синего сукна, в отливающем золотым шитьем доломане, ладно сложенный, он выглядел бы щеголем, если б не меховые сапоги на ногах и красный теплый кушак, завязанный на поясе. Черноволосый, с кудлатыми бакенбардами, гусар при первом знакомстве оставлял не совсем приятное впечатление: недоверчиво тарачил глаза, говорил резко и в нос. Но, перебросившись с Леонтием двумя-тремя фразами, смягчился, стал держаться запанибрата. А выведав, что сотник участвовал в калалинской виктории и ранен в стычке с хищниками, предложил перейти на «ты».

– Холодина дьявольская! Черт бы побрал эту зимушку! От Астрахани скачем. Одна услада – кони лихие. И Суворов с нами. В сутки боле полусотни верст отмахиваем. Спина – колом. И ты, братец, уж не подведи! У каждого казака запасная лошадь должна быть сноровистой. А овса, сколько есть, весь берите!

– Когда выступаем? – осведомился Леонтий.

– Об этом ведомо, сударь, только богу. Их превосходительство, генерал-поручик, – личность оригинальная, решает в минуту. Завтра сюда на аудиенцию прибудет некий мурза или ногайский султан. Сам черт их не разберет!

Еще лет тридцать назад, когда юный Суворов поступил в Семеновский полк мушкетером, императорская армия представляла собой скопище разрозненных и разномастных формирований. Российское правительство охотно брало на службу иностранцев, в большинстве – немцев. Среди этих людей современники узнавали «камердинеров, купцов, учителей, переодетых российским штабом офицерами». В каждом полку царило самоуправство командира. Русский солдат ничего не значил, от него требовалось только автоматическое выполнение приказов. Более того, по воле тех же офицеров-самозванцев нормой армейского порядка были признаны муштра и издевательство. Генерал от инфантерии Хрущев с горечью сетовал, что «уборка волос и щегольское одеяние первым предметом поставлялось. Узкая одежда и принужденные фигуры изнуряли. Чтобы на марше не гнуть колена подвязывали лубки и, словом, так одевали, что ежели положить человека на землю, то никаким образом сам собою без помощи другого встать не может. А в некоторых полках был сделан такой станок, в котором, чтобы прям был солдат, на несколько часов поставя, винтом завинчивали; когда на караул должно идти роте, то за сутки начнут убирать волосы и, убравши, люди не могут спать иначе, как сидя». А вот указание в уставе о конной экзерциции: «Каждому кирасиру и карабинеру надлежит как возможно стараться усы отращивать, которые б всегда в строях и караулах вверх подчесаны были; у кого же по молодым летам натуральных усов еще нет или от природы пустобород, то употреблять таким образом накладные».

Сверх всего, об истинной службе не ведали сами офицеры. Большинство из них были необразованны. С подчиненными обращались жестоко. Исправным ко-

мандиром считался лишь тот, кто наказывал служивых. Палка была в таком употреблении, что, по словам современников, не проходило часа, чтобы не учинялись экзекуции. Невероятно, но многие офицеры не только не знали устава, азов строевой службы, но и были безграмотны. За них подписывались адъютанты!

В отличие от гвардии, где служила знать и дворяне, в армии офицеры влачили постоянную бедность. Екатерина Великая первой обратила внимание на их положение. Создав военную коллегия (в нее был включен и отец Суворова, Василий Иванович, бригадир), она направила туда строгое послание: «Слышно нам, якобы в полках армейских многие обер-офицеры, не имеющего собственного достатка, а содержащие себя одним только жалованьем, такую претерпевают нужду и бедность, что для вседневной пищи иные рады были бы иметь место в обществе артелей солдатских».

В этом, бесспорно, были повинны полковые командиры, ради своих выгод делающие вычеты из жалованья подчиненных, по существу, превращая их в прислужников. Переводы из одного полка в другой также зависели от командиров. Офицеров бездумно бросали из пехоты в кавалерию, из кавалерии в артиллерию и обратно, — для «авантажа и скорейшего произвождения». А те из них, кто имел протекцию, под предлогом командировок распускались по домам, жили в своих имениях. Один из свидетелей запальчиво утверждал: «Офицеры находились в рабстве, полковники — в гордости и славолубии, а все вместе в совершенном невежестве и в незнании существа службы»

В такой императорской армии начинал службу Александр Васильевич Суворов.

Он жил в казармах вместе с солдатами, из одного котла черпал с ними кашу, вел беседы у бивачных ко-

стров. Сын офицера, один из самых начитанных и образованных людей своего века, он рано понял, что изучение солдатского быта и понятий простолудинов, их душ дает бесценные знания. Именно от них взял Александр Васильевич манеру говорить кратко и сжато. Юный рядовой, затем капрал исподволь убеждался, что познание духовного начала роты есть основа для военачальника, мечтающего прославить свое имя.

В двадцать четыре года став поручиком, Суворов отправился в пехотный полк. Вскоре началась Семилетняя война, и его назначили комендантом города. В чине подполковника перевели дивизионным дежурным к генерал-аншефу Фермору.

С огромным запасом сил и знаний, приобретенных из книг мастеров военной науки, прибыл Суворов в действующую армию. И что же нашел там? Апатию, неустройство и хаос. Во главе армии в значительной мере стояли бездари, а лучшие генералы оставались в тени. В главной квартире царил беспорядок, мало кто разбирался в картах, сведений о неприятеле вообще не было. Командиры полков действовали, как вздумается. Находившиеся на боевых позициях, многие солдаты отвлекались для сбора продовольствия, ухода за скотом, молотбы хлеба, а в лагерях оставалась горстка служивых. Не хватало амуниции, обуви, одежды. Катастрофически не доставало оружия! В это трудно поверить, но нередко один полк совершал грабежи у другого, присваивая имущество и лошадей. При этом инспектора, контролирующие состояние армии, введенные еще инструкцией Петра Великого, бездействовали. Более всего поразило Суворова, что в императорской армии дисциплина была расшатана настолько, что ни о какой боеготовности и думать не пристало. Победы русских

войск оплачивались жертвами бесстрашных солдат, детей родного Отечества...

Семилетняя война позволила раскрыть военный дар. Там, при штабе Фермора, и явил Суворов первые подвиги, свой особый стиль командования. Прежде всего, это скорость маневрирования, гибкая тактика ведения боя или целого сражения, умение сконцентрировать удар в определенном месте, разведка, жесткая дисциплина. Начиная с Кунерсдорфского сражения, в котором он возглавлял штаб, с командования кавалерийскими и казачьими полками в Силезии, где совершал рейды с казаками по тылам неприятеля, подполковник обнаружил такую отвагу, смекалку и умелость, что обратил на себя внимание командующего Бутурлина. Нечто новое входило в устоявшийся порядок русской армии. Представляя к награде героя, он писал императрице, что «Суворов себя перед прочими гораздо отличил». А отцу его, генералу, не преминул добавить, что сын «у всех командиров особливую приобрел любовь и похвалу».

Екатерининский век вывел его на великий ратный путь. Ветер дул в паруса одержимого и безоглядного военачальника! Служба забросила Суворова в Польшу, где шляхетская Конфедерация подленько боролась против короля Станислава и России при поддержке иностранцев. Именно здесь и приступил он к осуществлению своей системы выучки войск, доказал истинность своей «науки побеждать». Виктории над конфедератами следовали одна за другой. Был разгромлен знаменитый французский генерал Дюмурье; с отрядом из девятисот человек Суворов наголову разбил пятитысячный корпус гетмана Огинского. Слава об удивительном вершителе побед докатилась до столицы. Восхищенная императрица произвела его в генералы и наградила орденом Святого Георгия 3-й степени, самой почетной наградой державы.

Неизменный успех сопутствовал Суворову и на турецкой войне. Дважды брал он крепость Туртукай, от обороны города Гирсово перешел в наступление и уничтожил османов, втрое превышающих по численности его силы. Благодаря стремительному броску у Козлуджи, его корпус захватил высоту в тылу турецкого лагеря. Это и привело к полному краху войск сераскира Абдул Резака. Тотчас Порты, ее султан, запросили у российской императрицы мира...

Два года назад он получил назначение в Крым, где возглавил расположенные там войска. Благо, и семья была неподалеку, в Полтаве. К прежним обязанностям вскоре прибавилось командование Кубанским корпусом. К тому же, рескриптом императрицы было поручено управление политическими делами на Кубани. Не в открытых сражениях, а в скоротечных боях проходило отражать ненавистников России, — крымчаков, закубанцев, отряды ногайцев и черкесов. По большей части, не воевать приходилось Суворову, а мирить племена и орды, подносить щедрые подарки и писать ласковые письма отъявленным башибузукам. Политика не была мила его душе, выматывала силы. Жалобы на Суворова сыпались со всех сторон: крымский хан Шагин-Гирей возненавидел его за переселение с полуострова христиан, которые приносили львиную долю от своих налогов, генерал Райзер, своевольный и мстительный, обвинял его в доносах за излишнюю лояльность к магометанам.

Нелады с фельдмаршалом Румянцевым, сварливым и ограниченным воякой, побудили его, ссылаясь на нездоровье, просить о переводе в другое место. Но Потемкин, всегда покровительствующий Суворову, почему-то медлил...

В пятом часу ночи Леонтий Ремезов вышел из здания офицерской казармы, где жил в одной комнатухе с сотником Куликовым. Необходимо было поднять казак загодя, чтобы успели подготовиться к утреннему выступлению из крепости. Нещадно давил мороз. Прямо над головой висела тонкая скибка луны, а по краям аспидно-мглистого небосвода переливчато мерцали звездочки. Расчищенной дорогой миновав церквушку и гауптвахту, Леонтий зашагал вдоль комендантского, или – шефского, дома. Появившись из-за угла, его остановил караул из трех драгун.

– Стой! Кто идет? – сипло окликнул унтер-офицер в высокой форменной шапке, выступив вперед.

Ремезов представился.

– Не дозволено приближаться к строению ближе тридцати сажен! Тут генерал почивает.

Неожиданно от крыльца, наполовину скрытого за горбиной сугроба, донесся насмешливый возглас:

– Генерал петухов любит! И не спит, а богу уже помолился, да водой не облился...

И на каменистую площадку стремглав сбежал по ступенькам человек, в напахнутой на плечи шубейке. За ним метнулись рослый гусар и армейский офицер. Озадаченные драгуны и Леонтий замерли.

– Ваше превосходительство, не слишком ли холодно... – осторожно заметил офицер, палками держа коченеющие руки. В лунном освещении Леонтий разглядел профиль этого странного чудака и – обомлел.

– Держи кацавейку! – прикрикнул Суворов, сбрасывая с себя верхнюю одежду и бросая ее на руки адъютанта. На нем осталась одна светлая рубаха. – А вы, соколы, почто рты разинули?! Стать в строй на гимнастику! Ружья наземь! Четвериком – за мной!

Он припустил по дорожке легко, с прискоком, вращая при этом обеими руками. На ходу оглянулся, язвительно бросил:

– Экие увальни! Шагу!

Бежать было неудобно, – мешали ножны, пристегнутые к поясу, и сумка с овсом, висевшая за плечом, но Леонтий, опередив драгунов, у соляного склада нагнал генерал-поручика, который замедлил шаг и повернул обратно. Сделав таким образом семь кругов, Суворов приступил к приседаниям. Этого потребовал и от служивых. После прыжков на месте, унимая учащенное дыхание, он окликнул Леонтия:

– Ты – проворник, вот и потри снежком спину, – и мигом стянул с себя рубаху. – Ты кто?

– Сотник Ремезов, ваше превосходительство!

– Так это ты гулебщиков водил?

– Так точно.

– Поглядим, какое почтение генералу окажешь...

Точно пудовые гири повесили Леонтию на руки. Со смешанным чувством озорства (оно, скорей всего, передалось от самого Суворова) и жалости он набрал пригоршню жесткого, как песок, снега и набросил его на костистую, узкую спину этого далеко не молодого мужчины. Суворов крикнул и рассмеялся.

– Наддай! До огня!

Зоркие глаза Леонтия, привыкнув к полумраку, различали выступы позвонков, впадинки между ребрами, шрам на правом боку. Но он черпал снег из сугроба и осыпал, натирал им, – точно медный котел, – тщедушное тело генерал-поручика. От его задубелой кожи едва заметно поднимался парок...

– Шубу! – потребовал наконец Суворов. И, накинув ее на плечи, быстро зашагал впереди адъютанта и охранников к комендантскому дому. Леонтий, проводив

его взглядом, вдруг обнаружил, что ладони приятно горят, точно держал их над костром...

Утром взвод казаков, состоящий в полной боевой готовности, отрядили для встречи необычных гостей. Сотнику Ремезову, знающему ногайскую речь, и штабс-капитану Вострякову было приказано выехать навстречу делегации от касайской орды. Под седым небом мороз сдавал, вились мелкие снежинки. Султанский гонец, предупредивший о приближении отряда, поскакал по следам своего коня в западную сторону. На окраине леса ожидали его многочисленные всадники. Суворовский адъютант и Леонтий, недалеко остановив казаков, подъехали к татарам. На плечах воинов были толстые бурки, а родовитая знать выглядела иначе. Дорогие азамы, отороченные мехом куницы, меховые шапки, со знаками отличия в виде металлических угольников и диадем, отделанное серебром оружие, породистые кони, – всё свидетельствовало о достатке и важности этих направляющихся в крепость персон. Трое, одетые наиболее броско, держались обособленно. Несмотря на теплую приветственную речь порученца Суворова, которую Леонтий перевел не без труда, иноверцы оставались подчеркнуто сдержанны. Старший охранник представил Арслан-Гирея-султана, главу орды. Адъютант уведомил, что Суворов уже в крепости и готов принять его. Эти слова почему-то вызвали у Арслан-Гирея откровенное недовольство. Повременив, этот суровый и горделивый бородач, со смуглой желтизной кожи на лице, тронул своего иноходца, брякающего медными бляшками сбруи, и непреклонно объявил:

– Со мной поедут братья – Гаджи-Гирей и Мурат-Гирей. Это мое условие! Русский сераскер Суворов знает о них. Еще – мой толмач и десять воинов! Также я привез сюда ваших пленных и пригнал похищенных лошадей.

– Ворота крепости всегда открыты для вас, дражайший султан! – воскликнул Востриков, избегая недоразумений или пуще того конфликта, и развернул своего скакуна.

Под охраной казачьего взвода гости пожаловали в крепость. Оставив телохранителей на плацу, султаны, встреченные почетным артикулом дежуривших драгун, прошли в комендантский дом, где находился Суворов. Оттуда веяло запахами жареного мяса и неведомых кушаний. Заботу о касайских воинах принял на себя унтер-офицер комендантской команды, пригласив их в казарму «отведать каши», а скакунам распорядился задать овса. Леонтий, получив указания от штабс-капитана, передал шестерых пленных и девять возвращенных лошадей помощнику коменданта. Пленники одеты были, на удивленье, добротной: теплые бурки, суконные штаны и валенные сапоги. Но вид у всех – изможденный, хотя они бодрились и не скрывали слез.

– Как же вас в полон взяли? – сочувственно спросил Леонтий у одного из них, дядьки с густой рыжей бородой.

– От плена, господин хороший, не зарекайся... Мы так же думали, что завсегда отобьемся. А близ Всехсвятского фельдшанца, на кубанской стороне, прошлым летом стерегли табун, а эти аггелы подкрались. И вспоашиться не успели. Думал, смертынька пришла. В голоде и работах содержали... А тут, слышу, выкупают нас у ногаев... – торочил, еле шевеля посиневшими губами, освобожденный из неволи солдат. – Замерзли мы, братец казак, до костей. Дозволь в казарме погреться...

– Идите, идите по дороге прямо, – указал рукой Леонтий. – И на вас каши хватит!

Касайские вожди пробыли в крепости не более двух часов. Около полудня они вышли в сопровождении су-

воровских адъютантов и полковника Шульца на крыльцо комендантского дома. Толмач в двух руках вынес большой кожаный мешок. Султанам подвели лошадей. Выглядели они довольными и оживленными, говорили, перебивая друг друга, – толмач еле успевал переводить. Штабс-капитан Востряков перед тем, как сесть на лошадь, подал Леонтию знак. В качестве почетного эскорта адъютант и казаки проводили гостей до окраины леса, где у костров коротали время их соплеменники.

И почти сразу же после этого была дана команда к выступлению.

Летучий отряд двинулся по бездорожью в азовскую сторону, к новым строящимся крепостям – Московской и Донской. В последней, ввиду наступившей темноты и метели с сильным встречным ветром, пришлось заночевать. Лошадей укрыли за деревьями, гусарам и казакам отвели место в турлучном сарае. А для Суворова и офицеров были отдельно поставлены две большие походные палатки. Ротмистр Рубин взялся опекать Леонтия, смущающегося в обществе просвещенных командиров. Отужинав салом и печеной картошкой, заранее заготовленной поварами, офицеры закурили трубки при освещении дрожащих в шандале свечей. Взглянув на сидевшего в сторонке Леонтия, ротмистр Рубин воскликнул:

– Господа! Хотя обстановка и не совсем располагает, хочу представить вам казачьего сотника Ремезова, кровью доказавшего верность нашей державе. Он командует казаками.

Леонтий встал, от смущения зардевшись. Ритуал представления армейской элите ему был непривычен. К пополнившему отряд офицеру повернулись сослуживцы: поручик Благовещенский, штабс-капитан Востряков и майор Михеев.

– Сотник участвовал в деле на Калалы, воевал с черкесами, ранен в бою. Толков и до крайности скромн. Словом, черт возьми, так и хочется пожать ему руку...

– Сегодня я также имел честь познакомиться с Ремезовым, – откликнулся суворовский адъютант. – Вместе встречали и провожали султанов. Надеюсь, в дороге мы сдружимся.

По затянувшемуся молчанию Леонтий догадался, что должен ответить.

– И я надеюсь... Рад стараться!

Офицеры снисходительно заулыбались и закивали в знак согласия. Простота сотника, видимо, понравилась им.

Приготовление ко сну заняло времени немало. Ординарцы натаскали в палатку заготовленного в здешней крепости сена, сбили в постамент, застелили брезентом и ватными покрывалами. Когда офицеры одетыми улеглись на походном ложе, прикрыли их ватными одеялами. Леонтий приютился с краю, рядом с ротмистром. Угрелись, начали дремать. Но усилившийся ветер, завывания завирухи, даже сквозь брезент овевающий лица снежный холод мешал сну.

Вялый вязался разговор.

– Собственно говоря, с какой целью приезжали султаны? – поинтересовался ротмистр, видимо, адресуя свой вопрос к майору Михневу, присутствовавшему на переговорах в качестве секретаря, или к Вострякову.

Адъютант, переведя дыхание, не без иронии предположил:

– Вероятней всего, явились за мздой. Это тот самый Арслан-Гирей, которого осенью генерал Райзер арестовал и упек в еникальскую крепость, заподозрив в неверности. Их превосходительство привержен замирению с

горцами. Вот и назначил встречу, дабы извиниться за своеволие генерала и вручить презент.

– А я полагаю, что на всех иноверцах в казне денег не хватит! – загорячился ротмистр. – Позвольте, с какой стати русский солдат должен претерпевать нужды и голод, а хищники благоденствовать? Дикие племена покоряются только силе!

– Вражда порождает вражду, – возразил майор. – Мы не раз слышали из уст Суворова, что врага должно пуще оружия поражать человеколюбие. Он – мудрейший политик, притом, что нет на свете ему равных в военном деле. Касайцы и другие орды благоразумно принимают российское подданство, как ранее это сделали осетинцы и ингуши. Суворов дорожит русскими солдатами. И те три тысячи рублей, которые увез Арслан-Гирей, не токмо окупил возвращенных пленников, но и спасут жизни иных екатерининских ратников.

– Не уверен, – проворчал ротмистр, ворочаясь на пружинящей сеном постели. – Жизнь на войне – грош. Кто знает, не крадутся ли сей минутой к нашему биваку те самые касайские татары? Сколько раз уже заверяли в своей дружбе кабардинцы, и при первом случае нарушали свое слово. Непросвещенные народы! Хищникам нет веры. Они клянутся и – легко нарушают клятву...

– Не знаете ли, господа, сколько еще до азовской цитадели? – простодушно спросил поручик, подавляя зевок. – Верст, пожалуй, двести пятьдесят?

– Какая, черт возьми, разница? – вспыхнул, как спичка, ротмистр. – Предполагать, витать в эмпиреях, любезный поручик, – препустое занятие. Вы сравнительно недавно в армейских делах, а мы притерпелись. Все версты, кои впереди, – наши...

Ветер рванул во всю мощь, и на палатку с шумом осыпался с дерева тяжелый пласт снега, гулко скатился

вниз. Тревожное ржание лошади на мгновение послышалось в ночи. Также еле внятно донесся окрик караульного, дежурившего у входа.

– Однако, пора и к Морфею, – строго заключил майор. – Подъем чуть свет!

Но уснуть Леонтию долго не давал молодецкий храп ротмистра и нескончаемые думки. Еще осенью полк его вернулся в Черкасск на «льготу», а казачья команда, куда попал и сотник, осталась дожидаться замены. Увы, как выяснилось, полк Грекова направили на Кубань. А полусотне донцов было приказано поступить в распоряжение полковника Шульца и зимовать вместе с драгунами в ставропольской крепости. Тоска непреходяще жалила Леонтия. Он мысленно разговаривал с Мерджан и матерью, представлял, каким стал подросший сынишка, будто воочью видел яры берега и займище, лазурный отсвет утренней донской воды. Родина тянула к себе неодолимо, хотя и этот кавказский край исхожен-изъезжен, стал не чужим. Постепенно знакомился Леонтий и с армейским бытом, набирался знаний у офицеров, в редкие часы отдыха читал книги по ратному делу. Однако сейчас ощущал он себя неуютно. Ночевка в одной палатке с адъютантом самого Суворова и офицерами только добавляла ему беспокойства и затрудняла свободу службы. Скованность не покидала. И он решил, что впредь будет ночевать с казаками, – так привычней и веселей...

В три перехода отряд Суворова добрался до азовской крепости. И после короткой остановки путь его продолжился в Кёзлев, где располагалась крымская резиденция командующего. А казачий взвод, имея в запасе неделю для возвращения в крепость, во весь опор помчался на побывку в родной край.

Шел семнадцатый год царствования Екатерины. Не только внешне изменилась она, обретя величественность и обаятельную привлекательность, несмотря на полноту, но и внутренне это была уже совсем не та мятущаяся женщина, которую белой ночью июня мчала карета в столицу, где принародно предстояло объявить о восшествии на российский престол. Многое пришлось испытать ей за это время, многого удалось добиться, – стать влиятельнейшей монархиней Европы. Высокое мнение о своем божественном предназначении для России, об исключительных талантах государственной управительницы и – вообще любых наук, – будь то литература, философия или шахматы, пренебрежение общепринятыми границами поведения и моральных норм, сладострастие не по годам – всё это повлияло на ее самодовлеющий ум, позволило ввергнуться, благодаря угодничеству статсдам, – в бездну фаворитизма. Это как будто забавляло ее и добавляло сил, наполнило жизнь веселыми минутами, взрывами чувственности и даже материнской нежности к молодым избранникам, по возрасту младше ее сына, но вместе с тем и вносило дисгармонию в дворцовый порядок. Она сговорила с Потемкиным, что фавориты не должны иметь никакого отношения к политике, и придерживалась этого, хотя лукавый Панин и Орловы упорно протезировали своих ставленников.

Разумеется, и до Потемкина были у нее романы, длившиеся много лет. Но «Гришатка-милюша» по-прежнему стоял особняком. Тайный муж оставался державным соправителем и главным советчиком. Он немало знал об интимной жизни матушки-государыни, как и сама была осведомлена о его гареме из трех племянниц, которых в угоду ему сделала придворными фрейлинами. Эту обоюдную греховность они, христиане, как бы

прощали друг другу. Но нередко ревность доводила князя до негодования, и он, взбешенный неуважением к себе фаворита-фитюльки, посягнувшего на его положение во дворце, объяснялся с Екатериной, не сдерживая эмоций. Она заверяла могучего колосса в неизменной любви, обласкивала, делала богатые подарки и – спешила видеть своего юного неотесанного любовника...

Восьмого февраля Потемкин устроил в Аничковом дворце, приобретенном благодаря императрице, званый ужин. Несмотря на боль в ноге, Григорий Александрович, торжественный и бодрый, встречал гостей у парадной лестницы, среди которых был высший свет столицы, иностранные посланники, офицеры. Последней приехала государыня в сопровождении свиты. Статс-дамы и прочие лица сознательно сторонились, давая место рядом с ней фавориту – Ивану Корсакову, божественно красивому, голубоглазому, с кудрявыми, как у агнца, золотистыми волосами крепкотелому молодцу.

В этот вечер Екатерина была несказанно хороша! На ней ладно сидело, скрывая полноту, бордовое бархатное платье, комбинированное с белым гипюром, украшенное бриллиантовой брошью и живой алой розой. Когда тайная женушка поднималась по ступеням, Потемкин заметил, как на ее высоко поднятых, зачесанных назад волосах искрились тающие снежинки, – и сердце его дрогнуло...

– Нет слов, чтобы выразить восхищение вашей красотой, милостивая государыня! – с чувством признался Потемкин, наклоняясь над протянутой рукой и продолжительно целуя ее.

– И ты, батинька, свеж. Ну, показывай свою обитель.

Потемкин сделал шаг назад и, обернувшись, указал на драпированную зеленым штофом кабину, посередине которой стояла беломраморная статуя, олицетворяющая Дружбу, с бюстом Екатерины в руках.

– Ваш образ предо мной неотлучно!

Она несколько смутилась от столь утонченного сюрприза, одобрительно усмехнулась и наградила «милюшу» взглядом, исполненным искренней благодарности и такой ласковости, что Григорий Александрович с трудом сдержал себя, чтобы не стать на колени.

Праздник был затеян, прежде всего, как продолжение свадьбы его племянницы Варвары Энгельгардт и князя Строганова, состоявшейся в конце января. В потемкинском дворце собрались самые нужные и близкие люди семейств, к коим относились молодожены и, в первую голову, покровительствующая им Екатерина.

По обеим сторонам верхней площадке лестницы стояли наряженные с особым блеском приглашенные, а несколько впереди – в парадном мундире премьер-майор Преображенского полка Сергей Федорович Строганов и ослепляющая юной красотой Варенька, а рядом с ней сестры – Александра и Екатерина. Увидев своих фрейлин, императрица приветливо им улыбнулась и прошла, ведомая хозяином, вдоль застывших в поклоне гостей в Оранжерею. Это была обширная комната, с зеркалами и венецианскими окнами, уставленная кадками с экзотическими растениями: пальмами, пиниями, лимонами, магнолиями, олеандрами и еще невесть какими. В ящичках и тумбах благоухали комнатные розы и лилии, гвоздики, орхидеи, хризантемы. Чудесной свежестью нельзя было надыхаться! В следующей комнате, примыкающей к оранжерее, стоял длинный стол для гостей, но Потемкин провел императрицу дальше. За ними по пятам следовал Корсаков.

– Для вас, ваше величество, приготовлен особый кабинет. Не откажите в желании показать вам его и еще маленькие покои. А также коллекцию новых картин и библиотеку.

– На твой сюрприз, Григорий Александрович, я готовила свой подарочек, – игриво произнесла Екатерина и сделала паузу. – Сегодня нас будет услаждать пением и скрипкой Иван Николаевич Корсаков. Для него я выписала скрипача Надини, стяжавшего во Франции весьма великую славу. Вчера я слушала их чувственный дуэт. Пусть эта райская музыка звучит в твоём дворце!

– Премного благодарен, ваше величество, за внимание и столь...

Екатерина вдруг отвернулась. И вопреки придворному этикету, пожала руку своему новому фавориту.

– Надеюсь, сударь, вы и нонеча заставите биться от восторга сердца?

– Я способен петь только для вашего сердечка, ваше императорское величество!

По мгновенно вспыхнувшей улыбке на отрешенном лице красавца можно было понять, что он уже привык отзываться на знаки внимания государыни подобно кукле, которую дергают за нить.

Потемкин приотстал, как будто не заметив неприятной выходки «Катюшки». Совсем, матушка, лишилась рассудка от необузданной страсти. Видимо, не наигралась в детстве с куклами, так теперь играет с «Ванечкой». Не время ли подыскать этому «античному божеству» замену? Впрочем, фаворит глуповат и не опасен...

Покои, о которых говорил хозяин, представляли собою два кабинета, – японский и китайский. Каждый из них был украшен мебелью, посудой, фонариками, разноцветными бумажными змеями и дракончиками, шпа-

лерам из шелка, на которых были изображены птицы и сказочные существа. Екатерина залюбовалась убранством этих комнат и изумительными вещами восточных мастеров. Хозяин, зная слабость императрицы, подарил ей лакированную табакерку из бамбука, украшенную дивным орнаментом. Новые картины итальянцев и фламандцев также пришлись Екатерине по душе. Но дольше всего задержалась она в библиотеке князя, рассматривая не только фолианты в кожаной обложке, с золотым тиснением, но и древние рукописи.

Из книжного узилища вышли в комнату, которую преобразовали в палатку из красной китайской тахты, хотя под потолком висела, множа блики свечей, великолепная люстра. Посередине сиял саксонским фарфором и хрустальными бокалами стол на семь персон. Полу-часовая встреча в узком кругу была оговорена заранее. Григорий Александрович сел напротив государыни, а соседями ее оказались Прасковья Брюс и Корсаков. В присутствии Потемкина молодой фаворит держался скованно, то подобострастно взглядывая на своего покровителя, благодаря которому попал в спальню ее величества, то как-то блудливо на статс-даму.

– Не сочти за упрек, но хочу сказать тебе, батинька, что положение в Крыму неладное, – обретая серьезность и характерную интонацию в голосе, проговорила Екатерина. – Хан капризничает, беспрестанно просит денег. А противники Шагин-Гирея, как доносит Константинов, не оставляют умысла сбросить его с трона. Суворов в прошлый год предотвратил высадку османов. Но эти волки в лес смотрят! Я писала Стахиеву, чтоб приложил вящее усердие в переговорах. Султан должен подтвердить в конвенции условия Кючук- Кайнарджийского договора.

– Весьма многое может решить мир между королем Фридрихом и императором Иосифом.

«Параша» не отрывала от профиля Корсакова своего отуманенного взора. Потемкин это заметил, в его сознании родилась цепь возможных действий, которые могли бы помочь избавить Екатерину от влияния этой статс-дамы, родной сестры фельдмаршала Румянцева, его недоброжелателя. Но Григорий Александрович и виду не подал, продолжил рассуждения:

– Бог даст, князь Репнин уравновесит амбиции австрийцев и пруссаков. Второй год тянется война за баварский престол. Франция и мы больше всех заинтересованы в мире. Французам на горло наступает Англия. А нас не забывает Порта.

– Дания и Швеция – в нейтралитете. Мы должны твердой ногой стоять на Кубани и Кавказе, – заключила Екатерина, мельком заметив погрузневший взгляд «Ванечки». – Доносит Якоби, что во множестве проповедники из Порты преклоняют тамошние народы к своей вере. Происки турок как на ладони. В перспективе им выгодно направить горцев с огнем и мечом на земли «неверных».

– Это так, ваше императорское величество. С нетерпением жду от Суворова рапорт о положении на Линии. Мы продолжаем возведение крепостей. Однако зима не помиловала южный край. Из-за неурожая в полках нехватка в провианте. В кавалерийских частях падеж лошадей. Забота о Крыме обременяет весьма.

Екатерина взглянула на своего «Пирра, короля Эпирского», как звала красавца-любовника, заскучавшего донельзя, и первой остановила затянувшийся разговор.

– Забастуем о делах. Об этом – не всуе. Приезжай завтра. После твоего приезда из Новороссии мы не толковали, как след... Иван Васильевич, не вешайте носика! И не надувайте губки!..

Екатерина широко улыбнулась.

– Мы думаем, час пировать! Григорий Александрович, позови молодых и своих прелестных племянниц!

После ужина, обильного возлияниями и редкими блюдами (повара-иностранцы постарались выше всяких похвал), гости восторженными рукоплесканиями награждали пение Корсакова, которому старательно аккомпанировал первый скрипач Европы. Фаворит, действительно, обладал приятным тенором и чувством ритма, но верхние ноты проглатывал, брал фальшиво. Екатерина, смолоду относившаяся к музыке без особого жара, но уважающая вкусы других, свое внимание по привычке останавливала не на красоте мелодий и гармонической силе аккордов, а на самом образе каждого из исполнителей. Недаром драматические артисты вызывали у нее больший интерес. И потому многое в музыке воспринимала превратно. Крикливые рулады, жеманные жесты, взволнованные телодвижения «Пира», вызывающие у иных неприятие, на нее действовали завораживающе, – она попросту любовалась красивым самцом, который ночью снова будет ласкать ее в постели...

Потемкин, сидевший рядом с государыней, как и другие, громко хлопал в ладоши, пошучивал, что Корсакову за артистический талант пора присвоить звание «певец-фельдмаршал». А сам не переставал мысленно удивляться: «На пятидесятом году жизни она влюбилась, как деревенская пастушка. И в кого? В заносчивого и пуstopорожного хвата. Значит, мой выбор, когда представлял его, был верен. Опасаться этого «златоуста» нечего, а матушка пускай потешится, коль случай...»

5

С детских лет Батоко замечал, что к его отцу сыновья и приближенные князя относились неприветливо, а иногда с пренебрежением, хотя в крепости Азмат

считался непревзойденным джигитом. От этого в душе росло желание поскорей вырасти, чтобы вступить за родного человека! И к своей цели он стремился с удивительным упорством: днями пропадал на конюшне, ухаживая за лошадьми и участь верховой езде, стрелял из боевого лука, вырабатывая меткость, боролся не только со сверстниками, но и стеми, и кто был на голову выше. И однажды победу Батоко над долговязым крепышом своими глазами увидел князь Алихан. Высокий, рыжебородый, с пучком морщинок у глаз, он веселым взглядом встретил мальчугана, которого подвел слуга.

– Как зовут тебя, маленький кабардинец?

– Батоко.

– Кто твой отец?

– Славный воин Азмат! – высоко подняв голову, с гордостью произнес мальчик.

Князь почему-то свел брови и задумался, а затем приятельски потрепал его по голове.

– Да, твой отец храбрый уорк⁸¹. Он являет в боях отвагу и умелость. Но я желаю, чтобы ты превзошел его. Отныне мы будем с тобой друзьями. Согласен? Обращайся ко мне, когда надо. А теперь проси подарок, о котором мечтал.

Батоко ответил не раздумывая:

– Настоящую гурду!

– Сколько тебе лет, знаешь?

Тот, вскинув руки, растопырил пальцы и один загнул.

– Значит, девять... Нет, Батоко. Надо подниматься на гору не спеша, как учат мудрецы. Подарю я тебе сначала не шашку, а боевой кинжал и позабочусь о том, чтобы родители нашли достойного аталыка. Только с высокой горы может бежать сильная река. Ты ведь хочешь стать таким же непобедимым, как твой отец?

---

⁸¹Уорк – воин.

- Очень хочу!
- Я помогу в этом...

Спустя полгода Батоко отвезли в дальний аул, к почетному воину и охотнику Али-Мурзе, приходившемуся князю родственником. При расставании мать безмолвно плакала, а хмурый отец утешал, что он ненадолго уезжает из дому. Но разлука затянулась на восемь лет. Возмужавшим, широкоплечим юношей, успевшим проявить себя храбрецом в стычках с алтинцами, вернулся он на добытом в бою скакуне в родную крепость. В живых застал только исхудалую мать, а воин-отец, как узнал Батоко с болью, погиб при осаде Моздока. Князь, не забывавший о подопечном и нередко присылавший ему подарки, пожелал видеть его.

Батоко вслед за охранником вошел пружинистым шагом в озаренный солнцем, усталый коврами зал, в котором князь собирал старейшин и принимал посетителей. Годы состарили владетеля. Вместо ачи⁸² отросли седые волосы, борода сильно поредела, а темнели только разлтые брови, придавая взгляду выразительность и глубину. Князь также долго и внимательно всматривался в юношу. Был он высок и узок в поясе, приятен лицом. В темно-карих диковатых глазах – ни тени смущения. Бритая голова с пучком волос, как в детстве, высоко поднята. Только сильные руки, казалось со стороны, причиняли юноше неудобство, – он точно не знал, куда их деть. Низко поклонившись и поздоровавшись с князем, благодарностью помянув Аллаха, он спрятал их за спину.

– Мне рассказывали о тебе, – приветливо улыбнулся владетель и жестом пригласил Батоко сесть на ковер вблизи себя. – У людей длинные языки. Одни любят хвалить, другие – ругать. Я запомнил тебя мальчиком,

---

⁸²Ача – длинная прядь волос на бритой голове, подтверждающая принадлежность к уоркам.

с бесстрашным характером. Поведай сам, каким ты теперь стал. И что хочешь сделать в жизни.

Батоко ответил не сразу. Видимо, от волнения, сам того не замечая, он слегка передернул плечами.

– Я хочу, как мой отец, стать воином! – произнес он звонким голосом. – Аталык научил меня тому, что должен уметь кабардинец... Но твои слова, всемилостивый князь, для меня важнее всего.

Алихан огладил бороду, посмотрел в окно, за которым сиял мартовский день, и было видно, как с низкого напуска крыши стекали струйки талого снега.

– Наслышан, что знаешь Коран и знаком с науками.

– У аталыка Исмаила жил турецкий мулла. Он наставлял меня.

– И об этом мне ведомо, как и то, что воспитатель отметил тебя дорогим махлуфом⁸³, подарил коня и оружие. Образованный человек найдет самый короткий путь к победе. А неуч будет тыкаться, как слепой щенок... Тебе говорили о родословной?

– Я знаю, что мой отец – тума⁸⁴.

Владелец приказал слуге, дежурившему у двери, выйти.

– Наши традиции и обычаи идут из глубины веков. Их никто отменить не посмеет, ибо это – воля предков. Много лет назад, когда был холост, я полюбил одну пленницу. Она была очень красива, но своенравна. Нашего сына нарекли Азматом и младенцем увезли в дальнее селенье. Ему дали другую фамилию, но когда я стал владельцем, я вернул его в крепость... –Алихан прервал речь. – Это был твой отец. Он жил в неведении о своих родителях. Пришел срок рассказать правду... Ты – мой

---

⁸³Махлуф – дар воспитаннику в знак продолжения воинских традиций.

⁸⁴Тума – незаконнорожденный сын знатного человека.

внук, хотя у тебя нет права называться так. Твой незаконнорожденный отец старался подвигами заслужить дворянский титул, который присуждается по согласию членов княжеской семьи и старейшин. Азмата я, как мог, выделял. Вы жили в отдельном доме и в достатке. Он получал за службу больше, чем другие. Я был готов дать ему титул, но Азмата недолюбливали княжичи...

Влажными и расширенными от потрясения глазами Батоко смотрел на владельца. Слова, его доверительное признание всё перевернуло в сознании и душе молодого воина!

– Аллах наказал моих сыновей, Атаджука и Мурзу, не дав их наследников. У меня пятеро внуков!.. Батоко, я желаю, чтобы с этого дня ты приобщился к нашей семье.

– Ради тебя, светлейший князь, я отдам жизнь! – с горячностью признался ошеломленный юноша.

Алихан принял ответ с потеплевшим взглядом. Затем неторопливо открыл крышку серебряной табакерки, захватил из нее щепотку табака и раздутыми ноздрями втянул душистый аромат. Взбодренный, заговорил громче и отрывистой.

– Мне хочется сказать тебе о самом главном. Помимо нашего княжества в Большой Кабарде еще три: Джамболатово, Атажукино и Мисостово, носящие фамилии своих родов. А внизу, почти на равнине, лежит Малая Кабарда. Там владения князей Келахстановых и Талостановых. Тысячу лет кабардинцы соседствуют с другими народами, и почти все эти годы не утихали войны! Таков Кавказ. Все хотят достатка и богатств, женщин и чудесных коней. Добыть это можно у другого в открытом бою. Времена, мой дорогой Батоко, стали тяжелей. Русская царица решила подчинить нас. Она приказала построить крепости и станицы, присла-

ла сюда свои войска. Не мы пришли к ним на север, а русские возымели корысть на наши земли, исконные пастбища и уголья.

– Доблестный князь! Мой отец погиб в бою с неверными. Я отомщу за него!

Алихан вскинул руку, останавливая жестом возбужденного юного ратника.

– Слепая месть постыдна. Для кабардинца непреложны правила, изложенные в «Уорк Хабзэ». Запомни их навсегда! Ты – уорк, воющий не ради грабежа и добычи. Этим занимаются низкие разбойники. Всё, что тебе желанно, ты должен отвоевать в бою. Победа – вот твое достоинство. Азмат был таким! Добытое он раздавал друзьям и беднякам. Геройство, а не обогащение, – вот знак доблести. Ты, Батоко, сколько угодно вправе брать пленников, увозить золото и деньги, угонять лошадей и скот. Ты можешь пролить кровь врага и лишить его жизни! Но пусть остановит тебя Аллах, когда захочешь поджечь дом или хлебную ниву. Нельзя трогать труд Всевышнего и труд людей... И наконец запомни, что верх беславия для уорка – это бросить на поле боя убитого товарища или сдаться в плен... Ты услышал меня?

Батоко, не в силах сдерживать волнение, встал. Лицо его пылало.

– Клянусь, что никогда не нарушу «Уорк Хабзэ»!

– Я надеюсь на тебя, – подтвердил князь, строго сведя брови. – В скором времени на общий совет съедутся кабардинские владетели. Я возьму тебя в охрану. А пока не теряй времени. Занимайся, чем пристало уорку. Хорошо устроить скачки! У меня есть арабский конь. Но я стар, чтобы соперничать. На него сядет конюшенный. А ты – на своего жеребца, он мне понравился. Думаю, зрителей соберется немало. Покажи себя!

И Батоко, обуреваемый желанием порадовать князя, доказал свое мастерство наездника, первым придя в трудном заезде по скользкой каменистой дороге...

На исходе марта в крепости старшего князя Кабарды Джанхота Татарханова был объявлен общенародный совет. Алихан, зная, что пути туда не менее трех часов, отправился со свитой чуть свет, когда по ущельям еще клубился туман. Было зябко. Гривы лошадей залоснились влагой. Князя сопровождали его младший сын Мурза, Батоко и еще дюжина самых опытных воинов. Чтобы не привлечь внимания лихих людей громким перебором копыт, ехали шагом на неподкованных лошадях, – так они меньше ранились на камнях.

Батоко занимал место в середине отряда, которое указал Мурза, и первое время держался напряженно, точно ожидал нападения разбойников. Но однообразный вид туманного леса, прямая дорога вдоль склона горы, размеренный и твердый шаг коня успокоили и навели его на мысли о девушке, которую повстречал у ручья, текущего близ крепости. Был полдень, и припекало солнце. От невысоких деревьев падали на подсохшую землю в пожухлых палых листьях синие извилистые тени. Пахло талой водой и прелью. А где-то на склоне, в чаще буков, заливалась неведомая птица. Батоко спешил вглубь леса высмотреть кабаньи тропы и растерялся, когда в нескольких шагах увидел юную незнакомку с вязанкой дров на плече, идущую навстречу. Она была удивительно стройна, черноглаза, с двумя длинными косами, заброшенными наперед. Несмотря на тяжесть ноши, поступь была свободна и быстра, а на лице отражалась улыбка. Появление чужого юноши испугало ее. Она хотела немедленно закрыть лицо, но руки были заняты, и даже бросить вязанку было некуда на узкой

тропе вдоль крепости. Красавица, нахмурившись, опустила глаза. И Батоко, давая ей дорогу, был вынужден изловчиться и по выступам камней вскарабкаться, зависнуть на крепостной стене. Когда она прошла мимо, охотник спрыгнул на землю и окликнул:

– Скажи, как тебя зовут?

Но скромница даже не повернула головы, а только ускорила шаг.

Эта негаданная встреча не выходила у Батоко из головы. Наверняка эта прелестница жила в крепостном дворе, и необходимо поскорей разузнать о ней. Жаль, что он только недавно вернулся домой и не успел познакомиться со многими жителями княжества. Если она была на скачках и видела, как он одолел соперника, – это могло бы заинтересовать ее и оставить о молодом человеке хорошее впечатление...

У крепости валия⁸⁵ скопилось множество всадников из охраны прибывающих владетелей. Их, встречая с почестями, помощники хозяина провожали в покои. Алихан, направляясь в крепость, пожелал, чтобы его телохранителем на совете был Батоко. Княжич Мурза воспринял это с кислым лицом, но промолчал, подчиняясь воле отца.

В большом приемном зале, где на отдельном столике лежал Коран, и в больших керамических сосудах стояли знамена, не умолкали голоса собравшихся. Близилось начало совета. Батоко испытал оторопь при виде такого количества известных и знатных владетелей страны. Князь Алихан здоровался с теми, кто попадался на пути, кивал по сторонам, целенаправленно пробираясь к группе владетелей, сгрудившихся в дальнем конце. Наружность их отличалась суровостью: лица хмуры и отчужденны, позы воинственны. Алиха-

---

⁸⁵Валий – верховный, старший князь кабардинцев.

на они приняли как своего, обнимая и что-то горячо говоря.

Батоко занял место неподалеку у стены, где находились другие телохранителям, и, следуя их примеру, положил ладонь на рукоять кинжала. Горделивое чувство объяло его!

Из задней комнаты вышел представительный, седовласый мужчина. По задним рядам прошелестело: «Валий! Джанхот Татарханов, внук великого Бекмурзы, основателя княжеской династии!» Левая половина зала встретила его дружественными возгласами и рукоплесканиями. А партия, в которой находился Алихан, промолчала. Старший князь поклонился, и первое слово предоставил мулле, вознесшему молитву Аллаху. Вместе со всеми молился и Батоко.

Речь старшего князя взволновала Батоко: кабардинский народ стоит на черте войны с русскими. Декабрьское требование: снести крепости и вернуть плодородные земли вдоль Терека и Кумы – они отвергли. И это подхлестнуло холопые сословие азатов (вольноотпущенников), чагаров (оброчных земледельцев) и лагунапытов (крестьян на барщине) тайно покидать своих владетелей и переселяться на равнину, под защиту российских полков. К тому же, неурожай прошлого года, вызванный засухой, отозвался в отдельных княжествах голодом. Трудной выдалась зимовка. Сократилось поголовье коров и овец, мор скопил лошадей. В сложившемся положении есть три выбора. Первый – это предложение грузинского царя Ираклия переселиться в его страну всем кабардинцам с условием выделения лучших земель и долин. И в баксанской, и в кашкатавской партиях он нашел мало сторонников. Бросить могилы предков – значит предать свой род. Остается два варианта: или снова обратиться к царице Екатерине с покая-

нием за нападения на ее крепости и войска и попросить у нее помощи, или силой оружия выгнать захватчиков из своего края.

У Батоко восторженно заколотилось сердце, для него не могло существовать сомнений: только битва с урусами до полной победы! Он был совершенно уверен, что владетели, мудрейшие люди, примут это неотвратимое решение.

Но его ожидало разочарование! Когда после владетеля Тепсаруко из Малой Кабарды, оправдывающего русских за то, что снабжают его людей мукой и не препятствуют пасти скот в долинах рек, выступил Исмаил Темрюков, призвавший к мобилизации и всенародному восстанию против России, в зале поднялась буря! Сменявшие один другого владетели приводили противоположные доводы, то призывая к добрососедству, то настаивая на военных действиях. Настроение зала качалось, как стрелка маятника, пока не взял слово большой князь Мисост Баматов. Именно он был главным среди тех людей, к которым примкнул Алихан.

– Достославные князья! Последние десять лет в Кабарде не гаснет пожар войны. Погибают самые достойные урки! Я думаю, многие помнят, как мы укрывались с вами в Эшкоконе, дальнем урочище, ожидая войско крымского хана. Но оно было разбито русскими, и мы поддались убеждениям почтенного валия и вернулись на Баксан. Потом был бой за Наур-городок, в котором старший князь потерял брата Кургоко. Наш союз с крымским ханством прервался после избрания на трон Шагин-Гирея. Но это не совсем так! Нас связывает дружба с храбрыми закубанскими князьями, крымскими и ногайскими султанами, противостоящими в общей борьбе с кафирами. За нами стоит – Оттоманская Порта. Вчера я получил срочное письмо от своего

человека из Суджука. Русская царица и великий султан подписали особый документ, который подтверждает их прежний договор. Русских заставили вывести войска из крымского ханства и с Кубани! Они убираются!

По залу прокатился гром воинственных криков! Подождав тишины, Мисост Баматов заговорил еще резче:

– Настал самый подходящий момент, чтобы объявить царице ультиматум. Мы, элита народа, должны поставить жесткие условия. Русские должны снести крепости и редуты, как это будет сделано на Кубани, и полностью вывести свои полки с нашей территории. На ее отказ – мы объявим России войну! Больше нельзя терпеть унижения и обиды, братья мои! Нам обещает свою поддержку турецкое правительство. Настал час, когда каждый из нас должен делом, а не пустыми словами доказать, что значит для него кабардинская земля. Я всё сказал!

Полдня не смолкали споры, едва не доходившие до рукопашной. И трижды Батоко бросался к своему князю, когда тот выяснял отношения с представителем противостоящей группировки. В заключение валий предложил не торопиться с выдвижением ультиматума, так как это только озлобит российскую сторону. Его уважительно выслушали. Но, разъезжаясь, большинство владетелей подходило к Баматову и его сподвижникам, давая клятвенное обещание, что выступят единым фронтом против войск генерала Якоби.

Всю обратную дорогу Батоко представлял, как он будет сражаться, одерживая одну победу за другой, которые прославят его имя и принесут богатство. И тогда князь Алихан пожалует ему княжеский титул и наверняка доверит командовать своим войском...

Леонтий привел свой отряд в Черкасск ясным тепелным днем. Тепло нахлынуло внезапно, впервые за всю лютую зиму. У заставы казаков остановили постовые. Выяснив, кто они и откуда, потребовали, чтобы сотник немедленно зарегистрировался в военной канцелярии. Порядки за последний год в казачьей столице ужесточились. Распустив подчиненных по домам, уточнив, где живет каждый, Леонтий назначил сбор через двое суток на майдане у Ратной церкви.

Айдан нес к родному куреню стремительно, точно понимал нетерпение хозяина. Из озаренных солнцем садилов и дворов тянуло сладким запахом нагретой вишневои коры. С ним мешался дух сена из выбранных наполовину скирд, лошадиного навоза, гарь дымящих труб. С верхнего края Черкасского городка доносились протяжные запевки кочетов. Вдоль улицы, по которой скакал Леонтий, перекатывался собачий брех. Таким родным окатило его душу, с такой силой забилося сердце, что он ощутил, как повлажнели глаза.

Дверь куреня была наполовину распахнута, и когда Леонтий взбежал по крыльцу, то сразу же ощутил знакомую горечь кизячного дыма и догадался, что разжигают печь. Он вытер сапоги о циновку и, пригнув голову, быстро минул сени. Мерджан, в суконном, вышитом орнаментом платье, в шерстяном платке, завязанном позади, ворошила кочергой чадящие уголья. Она оглянулась на шум шагов и воскликнула от неожиданной радости:

– Ты?!

Он сильно обнял ее, высокую и гибкую, и стал бормотать ласковые слова, сам не слыша их, весь предавшись в этот миг сумасшедшему ощущению счастья. А Мерджан не переставая целовала его лицо, глаза, усы, щеки, – и тоже что-то сбивчиво шептала. Стоящими по-

середине горницы и застал родителей вбежавший Демьянка. Выглядел он старше своих четырех, – и смышленным взглядом и ростом. Растерявшись от появления незнакомого вроде бы дяденьки, он замер у двери и хотел было шмыгнуть обратно, но мать успела заметить его.

– Сыночек, батянюшка приехал! – освобождаясь из рук мужа, проговорила Мерджан. – Смотри, какой он у нас!

И подхваченный бессознательным чувством родства мальчонка бросился к Леонтию, распахнув руки с красными от снежков ладонями, пронзительно закричал:

– Ура!

Чад ел глаза, но Леонтий, с повлажневшими глазами, подбрасывал сына до самого потолка и смеялся вместе с ним, а вокруг своих любимых приплясывала Мерджан, озаренная улыбкой...

Когда разгорелась печь и затрещали уложенные в нее дрова, Мерджан почему-то потемнела взглядом и, накрывая на стол, односложно отвечала на вопросы мужа.

– Так где же матушка? – повторил он с оживлением. – У подруг али у сеструшки?

Наконец, собрав всю волю, Мерджан с затаенной горестью взглянула любимому в глаза.

– Нет у нас ее... Схоронили на другой день Рождества...

И, всхлипнув, закрыв лицо руками, как подкошенная, села на лавку. Леонтию в первое мгновение не поверилось в то, что произнесла Мерджан, показалось это невероятным. Он вскочил, прошел к двери, ведущей в залу, резко оглянулся, точно искал глазами кого-то незримо присутствующего в курене.

– Как же это... Схоронили... – от захлестнувшей боли едва выговорил он. – Не ведал я, не знал... А горе какое!

– Мороз-шайтан застудил шибко... – сквозь слезы подхватила, жалея всем сердцем и стараясь отвлечь его, Мерджан. – Птицы на лету замерзали. Не пускала я ее по воду. И печку сама жгла, и дрова собирала. На дальний лог ходила. А матушка Устинья не слушалась... Я к ней фершала войскового приводила, заплатила, сколь просил. И знахарки две заговаривали ее, и снадобья варили. Истаяла от горячки за восемь дней...

Леонтий долго в безмолвии простоял у могилы матери, занесенной метелями. На солнечном кладбище, кроме него и Мерджан, в эти часы никого не было. В стороне займища будоражил Нижнюю станицу городка вороний грай. Слегка пахло талой водицей. С дубового креста снежок совсем опал, и улавливался запах мокрой древесины. Леонтий, потерявшийся от внезапного горя, заплакал незаметно для себя впервые с детских лет. Мысли путались, – он то мысленно разговаривал с матерью, то перед глазами представал ее образ, любимый и несравнимый ни с кем, то ранил душу рой обрывочных воспоминаний, то слышалась ее речь, размеренная и ласковая...

Только в сумерки, взяв под руку, привела его Мерджан домой. Леонтий, сбросив тулуп и меховые сапоги, прилег на топчан, – и забылся, проспал до предзорья мертвецким сном. В темноте перебрался на кровать к своей любимой и желанной, чутко встрепенувшейся от его шагов...

Утро выдалось бодрым и стозвонным от капли. Леонтий напоил застоявшегося Айдана, задал ему гарнец овса и поводит по двору. Затем помог Мерджан разжечь затухнувшую печь, расчистил двор и поправил поваленный сугробом плетень. Всё это время ни на шаг не отходил от него Демьянка, стараясь чем-то помочь, что-то подать или принести. Пока родителей вчера не было

дома, он тайком потрогал отцовское ружье, рассмотрел кинжал, вынув его из ножен, и подергал за рукоять тяжелой для его рук кривой турецкой шашки. Теперь же, возбужденный и веселый, Демьянка норовил забежать наперед и заглянуть отцу в глаза.

– Батянь, а враги дюже страшные?

– Да как тебе сказать... Не так, чтоб дюже, но неприглядные.

– А правда, у них по две башки. Так Гаврилка гутарил, а ему – дяденька с бастиона.

– Выдумщик твой дружок! Человеки они как человеки. Вроде нас с тобой.

Эти слова, по всему, озадачили казачонка.

– А в сказках басурмане о двух головах, – утвердительно напомнил он. – Почто тогда вы насмерть воюете?

Леонтий, отвлеченный тесанием стоянка для плетня, не сразу подыскал понятные слова.

– Таковую казакам дал долю Господь. Кабы не разоряли Черкасский городок да Азов, да другие станицы злые крымчаки, ногайцы и прочие разбойники, не воровали бы людей и скот, не палили хлебные нивы, то никто бы их не теснил. Одначе нечестивцы эти так досадили нам и нашей русской царице, что завела она полки в ихний Кавказский край. И крепости повелела понастроить для обороны Дона православного. Вот твой батька и служит там с братьями-казаками.

– А ты много сразил рож неумытых? – наморщив лоб, серьезно спросил Демьянка и замер.

– Сразил я их, сынок, не по воле, а поневоле. Так в боях завсегда заведено: кто кого опередит... По мне – нехай бы жили, лишь бы нас не трогали. А раз враждой пылают, тут мешкать нельзя. С божьей помощью сражаемся, державу нашу защищаем.

– И я хочу! – признался сорвиголова и доверительно протараторил: – Я на улице из пряча лучше всех бью! Осенью ажин галку сшиб и голубя, и... стекло у Денисовых... Я не хотел, а камушек ветром отнесло.

– Не тужи, и тебе достанется в походы ходить да с шашкой в головах спать.

– А ты насовсем к нам?

– На провед, кровинушка. Служба – дело строгое. Приказ есть приказ. Вот летом заменят в ставропольской крепости нашу команду, и тогда надолго приеду. По мне, чем воевать, лучше сено косить да в заводах осетров ловить. Ась? Будем верши ставить?

– До лета ишо весна... Погано без бабушки Усти. Она мне сказы про басурман торочила. На разные голова... – вздохнул Демьянка. – А ты можешь?

Леонтий со вздохом бросил:

– Она и мне их славно передавала...

– А ты мне про войну Расскажи.

– Как-нибудь постараюсь. А зараз пойдика, сын, погляди, как там конь мой, – отослал сына Леонтий, вновь охваченный ощущением непоправимой беды, одиночества и страшной утраты в жизни...

В военной канцелярии он доложил дежурному есаулу о прибытии, предъявил дорожный аттестат и прямоком направился по искрящейся лужицами улочке к сеestre. Двухэтажный курень Стреховых громоздился на углу проулка, желтел четырехскатной черепичной кровлей. За высоким дощатым забором бухал басом пес, с грохотом волочил цепь. Леонтий отложил окованную железным уголком калитку, вошел в обширный двор, распалив своим появлением черного кобеля, с клыкастым оскалом. На лай вышел прислужник, дюжий казак средних лет, знающий Леонтия. Он оттащил пса к загородке, давая пройти к высокому, украшенному деревян-

ной резьбой крыльцу, которое обстреливали, дробясь о каменные стены, золотистые капли.

Хозяев Леонтий застал за обедом. В знак уважения они вышли в переднюю встретить его. Обрадованная и взволнованная до крайности Марфуша, порывисто обняв братца, заголосила, запричитала по матушке, сокрушенно потряхивая головой. Михайло Васильевич, не в казачьей форме, а в гражданском мундире, с зачесанными набок редкими буроватыми волосами, лоснясь щечками и выпяченным подбородком, походил на важного царского чиновника. Он хмуро, но терпеливо наблюдал за супругой, понимающе безмолвствовал. Наконец, остепеняя, окликнул. Марфуша послушно отступила, любовно оглядывая Леонтия.

– А ты возмужал, родненький, похорошел! Жаль маманя наша не дождалась...

– Довольно, голуба, пора и выплакаться... – скороговоркой оборвал муж, испытующе глядя на шурина. – Слышал о твоём геройстве на Линии Моздокской, за какое благодарность войсковой атаман выразил. А, признаться, о возвращении казаков «на льготу» не ведаю.

Леонтий объяснил, почему отлучился с казаками из Ставропольской крепости. Стрехов, услышав о Суворове, тотчас проникся к сотнику уважением. Крепко пожав ему руку, повел к столу.

– Я зараз на должности при непременно войсковом судье Мартынове в Войсковом гражданском правительстве. Мы все чисто дела по правам и хозяйствованию вершим, даем им ход али подвергаем запрету, – начальственным баском пояснил Михайло Васильевич, едва уселись за столом. – Атаман Иловыйский командует как военной канцелярией, так и правительством. А наиглавнейший над нами есть генерал-губернатор Азовской губернии и глава казацких войск

князь Потемкин. По новым порядкам жизнь казацкую закручиваем!

Подождав, пока служанка поставит для гостя столовый прибор из белого китайского фарфора, хозяин по праву старшего налил Леонтию полную рюмку водки.

– За Дон православный и матушку государыню! – громко провозгласил войсковой чиновник и махнул залпом. Закусывая соленой капустой, пережевывая ее с отменным старанием, не без хвастовства бросал короткие фразы: – По секрету раскрою: идет промеж донской старшины буча. Потеснили мы Ефремовых и дружков их. Нонеча Иловайские, Мартыновы, Луковкины, Орловы, Денисовы верх взяли.

– А как же Платов? – поинтересовался Леонтий, всегда добром поминая своего бывшего командира.

– Матвей? – скосил брови Стрехов. – А никак! Находится при войсковом атамане в порученцах. Обабился, в доме опального атамана жительствоует со своей Надеждой Степановной. Угроздило его жениться на дочке Ефремова!

– Она женщина образованная и обходительная, – негромко возразила Марфуша, выждав момент, чтобы вступить в разговор. – И приданого за ней богатеино дали.

– Да что ж с того? Тощая и бескровная. А он – буян и матерщинник. На богатство польстился да на старшинское положение. Супротив турок и татар он герой, а в доме всем теща заправляет, Меланья Карповна. Хоть и посадили муженька, а прежние владения при ней.

– Мишенька, жена наставляет Матвея Ивановича грамоте. Был он неотесанный, а таперь отцу-полковнику в Москву весточки отписывает.

– Ну, закруглим на время беседушку. Час трапезничать! – решительно объявил хозяин, протягивая руку к

кускам жареной баранины. – Сытый голодному не товарищ.

И действительно, Стрехов так увлекся поеданием яств, что несколько минут не проронил ни слова. Марфуша, зная привычку мужа, воспользовалась удобным моментом и стала рассказывать о болезни матушки, о том, с какой самоотверженностью ухаживала за ней Мерджан, о тяжелых похоронах. Потом вкратце поведала о своих семейных делах: больше трех лет жила она с мужем, а ребенка бог так и не послал. Леонтий мимо-летно вспомнил о встрече с Касьяном, за которого хотел выдать сестру, но вслух не сказал об этом.

– Чем смогу, тем пособлю, чтоб из ставропольской крепости донскую команду вернули, – пообещал на прощанье Михайло Васильевич. – Раньше апреля, как срок по всем полкам не выйдет, не получится. А так-то в Черкасске немало полковников без дела слоняется. Есть, кого на замену прислать.

На зорьке следующего дня Леонтий покинул родной курень. При расставании с Мерджан, чтобы не ранить ее, держался спокойно и деловито, как будто ничего особенного не происходит. И она, душа родная, не показывала виду, как тяжело переживает этот час. В мыслях у Леонтия было одно: «Вернусь, без сомнения. Им без меня нельзя... И неча унывать да беду накликасть. Бог не без помощи, а казак не без счастья...»

7

С осени минувшего года в Европе пахло порохом. Вялотекущие боевые действия между австрийской армией и полками прусского короля Фридриха за баварское наследство, получившие название «картофельной войны», пытались остановить Версальский двор и им-

ператрица Екатерина. С французской стороны барон Бретейль, а с русской – князь Репнин, попеременно встречаясь с монархами обеих стран, полгода согласовывали условия подписания мира.

Противоборство Пруссии и Австрии, близкое расположение их армий к балканским владениям ничего хорошего не сулило турецкому султану. И тем не менее Порта поддержала мятеж против Шагин-Гирея, а когда законный хан подавил его с помощью русских, стала тайком готовиться к новой войне. Восстановив разбитый при Чесме флот, султан Абдул-Гамид направил в сентябре фрегаты к берегам Крыма с многотысячным десантом. Цель была одна: оккупация ханства. Под предлогом нужды в питьевой воде турецкий Капитан-паша запросил разрешение у Суворова высадиться на берег его незначительному контингенту. Уцепиться бы коготком, а уж там...

Суворов ответил категорическим отказом «на основании моровой язвы» и привел свои войска в боевую готовность вдоль морского побережья. Расчеты турецкого правительства рухнули. Османские корабли, опасаясь потопления, откочевали в Синоп, а позже были вынуждены вернуться обратно в Константинополь. Султан, разуверившись в поддержке французского короля, поторопил искушенного в негоциациях Абдул-Резака начать с русским послом переговоры о подписании конвенции, исправляющей в его пользу Кючук-Кайнарджийский договор.

Удивительно, но в один и тот же день, 10-го марта, в город Тешен съехались уполномоченные для решения мирного договора между венским двором и Пруссией, а в турецкой столице Стахиев заключил с Портой конвенцию о добрососедстве. Впрочем, мера эта была вынуж-

денной и спокойствия в Крыму не обеспечивала, а лишь оттягивала назревающий вооруженный конфликт.

Запланированный отъезд Зодича за океан, где в Северо-Американских штатах продолжалась гражданская война, был отсрочен самим Паниным. Глава иностранной коллегии, обеспокоенный, как и Екатерина, усилившейся активностью Турции, направил своему агенту в Париже инструкцию, в которой подчеркнул необходимость его повторной поездки в Порту и, что чрезвычайно важно, – в Крым и Черкесию, куда частенько наведывались европейские путешественники и купцы. Разработать детали и мотивы этого предприятия поручалось самому confidentу.

Александр узнал у купца, посетившего кавказский край, что там ценятся недорогие серьги, кольцо, браслеты, бритвенные приборы, спички, ленты, иголки и нитки. Он послал Пьера на рынок с длинным списком этих безделушек и наполнил ими целый кофр. Также запасся, на всякий случай, лекарственными средствами: ревенем, морской солью, александрийским листом, нашатырным спиртом, тимолом и арабским бальзамом, который у кавказских племен использовался как универсальное средство от всех болезней. Несколько дней провел за изучением медицинских учебников. Наконец приобрел три английских маленьких подзорных трубы, два компаса и хорошей писчей бумаги.

Вдвоем со своим испытанным слугой Зодич выехал из Парижа в середине марта. Нанятый крытый фиакр, запряженный четвериком, для путешествия оказался весьма удобным. Дорога до Вены, где они сделали короткую остановку, заняла неделю. На сей раз Голицын принял Зодича не во дворце Селмура, а в своем новом великолепном доме, построенном в Пратере, на гористой окраине города, в окружении леса. Они откушали

венского шницеля с прекрасным мадьярским вином, полюбовались с балкона на Дунай, а затем уединились в библиотеке с высокими застекленными шкафами, до предела заполненными книгами и старинными фолиантами. Камердинер подал на серебряном подносе малый фарфоровый сервиз. Разлил по белым узорчатым чашкам ароматный, отдающий жасминовым цветом, зеленый китайский чай.

– Переговоры о мире между австрийским императором и королем Фридрихом близки к завершению, – сообщил Дмитрий Михайлович, осторожно отхлебнув из чашки. – Мне приходится в них активно участвовать. Упирается только саксонский курфюрст и требует особых условий пфальцский двор, препятствующий участию в Тешенской конференции герцога цвейбрикенского. Но императрица Мария-Терезия снова выказывает свою мудрость и, вопреки капризам великовозрастного сына Иосифа, настаивает на мирном трактате. Мне написал князь Репнин, чтобы я отстаивал позиции Пруссии. Но это и само собой вытекает из хода переговоров, тем более, что баварский двор согласился заплатить Саксонии шесть миллионов гульденов. Надеюсь, мир в центре Европы скоро наступит.

– А каковы же его условия? – поинтересовался Зодич. – Неужто удалось поровну разделить пирог?

– Австрия получит Инн, баварский округ по берегам Дуная, Рейна и Зальца. Принц саксонский, как я упомянул раньше, получил денежную компенсацию. А Фридрих заберет свою часть территории: Байреит и Ансбах. Важно предвидеть последствия. Пока австрийские войска находились на позициях, турецкий султан вел себя сдержанно. Более того, когда год назад турки готовы были развязать против России войну, чтобы посадить в Бахчисарае своего хана, австрийский по-

сланник в Стамбуле передал рейс-эфенди меморандум своего правительства с неодобрением этого шага. Тогда же серьезную поддержку оказали нам и французы. Но с подписанием последней конвенции, как я полагаю, ситуация в Крыму значительно обострится. Вам знакомо ее содержание?

– Нет, я еще не успел получить копию.

– Завтра я передам вам, сударь, список с нее. А вы, если не затруднит, расскажите последние новости Версальского двора. От князя Борятинского письма редки.

– Версаль обсуждает отъезд в Америку графа Ферзена, фаворита королевы. Заносчивый, весьма пригожий собой, сей швед сразил сердце Марии-Антуанетты тем, что явился в своем национальном офицерском мундире. Представьте высокого молодца в белой тунике, голубом камзоле, в замшевых штанах с шелковыми оборками, золотым поясом и шпагой с золотым эфесом. По чести говоря, он напоминал попугая. Зато дамы были потрясены, а королева бросила к ногам Эроса свое любвеобильное сердце. Между тем не утихают сплетни, кто истинный отец ее дочери: герцог де Кони или кто-то другой. Во всяком случае, когда в церкви Святой Женевиэвы при большом стечении народа крестили маленькую принцессу, публика встретила Марию-Антуанетту ледящей тишиной. Жизнь простолюдинов становится тяжелей год от года. Цены на хлеб растут, а королевские празднества становятся всё дороже. Французы, говоря откровенно, считают ее чужой. Многим известно, что король и королева живут отдельно и не делят ложе.

– Да, я знаю, сколь переживает отсутствие наследника ее мать, Мария-Терезия. Родственные связи Бурбонов и Габсбургов давно являются основой альянса двух государств...

Они еще долго говорили о политических интригах во Франции, об обострении ситуации в Польше, где подняли голову новые конфедераты при поддержке как раз парижского правительства, о преобразованиях Екатерины и о будущем Крыма.

В конце марта Зодич приехал в Константинополь. Он остановился в той же гостинице, что и два года назад, неподалеку от русского посольства. Первым делом Александр напомнил своему слуге-волоките, чтобы ни при каких обстоятельствах не разговаривал с женщинами. Тут законы прямо противоположные парижским! Чернокудрый красавец похлопал глазами от столь нерадостной новости и, подумав, хитровато предложил:

– Черт возьми, мсье! Тут, как мне говорили, есть рынок невольниц. Давайте купим для вас женщину!

– Ты хотел сказать: для нас? Пьер, оставь свои нелепые ухищрения. Я вижу тебя насквозь, и понял, чему обязан заботе о моем полноценном времяпровождении... Вспомни библию и усмири плоть свою! Тем более что скоро начнутся нешуточные испытания. Лучше попроси разрешение у хозяина воспользоваться его садом, он турок уступчивый, и упражняйся в стрельбе из пистолета. Держи наше оружие в полной готовности. Повтори, как ты теперь ко мне должен обращаться.

– Мсье Верден, купец и врачеватель.

– Вот именно. Мы – простые путешественники, наша цель – наладить с горцами торговлю. Я знаю твой длинный язык, и если начнешь привирать, хвастаться моим истинным положением при французском дворе, то жестоко заплатишься. В лучшем случае за меня потребуют выкуп, а тебе отрежут голову.

Бургундец взволнованно вскинул свои дугообразные брови и ухмыльнулся. Видимо, хозяин не балагурил...

Старые связи в османской столице помогли «купцу и врачевателю» быстро найти проводника, который неоднократно сопровождал служителей ислама в Кабарду-, и мог общаться на местном наречии. По тому, как торговался Яха, как набивал себе цену, Александр понял, что для этого низенького и юркого турка деньги превыше всего. Но выбор был не велик, и потому стоворились на ста турецких пиастрах, что равнялось тремстам французским ливрам.

– Полностью вознаграждение ты получишь по возвращении в Стамбул, – твердо заключил Зодич. – А в качестве залога я выдам ровно десять пиастров.

Яха, зывая к Всевышнему, стал тараторить так быстро, что половину слов невозможно было разобрать. Затем скорчил грустную рожу и, стараясь разжалобить бесчувственного француза, стал рассказывать, что его малые дети и жена целыми днями не берут крошки в рот, что они давно голодают и могут от бессилия умереть. И в доказательство, распахнув свой длинный халат, вздернул рубашку и показал впалый живот. По всему, хитрюга сочинял, но Александр добавил-таки к задатку еще пять пиастров и больше не стал даже слушать пламенные излияния враля.

Зодича ждали в посольстве. Но он медлил, потому что содержание конвенции возмутило его. Фактически она учитывала только интересы Порты. Понимая, что без соизволения Екатерины Стахийев не подписал бы этот унижительный документ, Зодич впервые засомневался в прозорливости императрицы. Можно пойти на компромисс для того, чтобы султан обладал духовной властью в Крымском ханстве, чтобы русские военные корабли по-прежнему не передвигались свободно по Черному морю. Но российская сторона согласилась в течение трех месяцев и двадцати дней вывести свои

войска с Крымского полуострова и Кубани. Сверх того, императрица обещает употребить все способы, чтобы склонить хана и правительство крымское на добровольную уступку Турции земли между Днестром, Бугом, польскою границей и Черным морем. И ради чего эти реверансы? А для того, чтобы султан смилостивился и признал Шагин-Гирея ханом. При этом еще крымские депутаты должны явиться к нему с мазгарами (хвалебными просительными грамотами) и поклонами...

– Это же канальство! – не сдержался Зодич, читая копию конвенции. – Разве неведомо государыне и Панину, что и признав российского ставленника ханом, Абдул-Гамид сделает всё, чтобы свергнуть его или лишить жизни? Оголение южных границ возбудит закубанцев и кабардинцев, не говоря уже о ногайских кочевниках. Неужто столь слаба российская армия, что императрица пошла на неблагоприятную сделку с турками, которая грозит обернуться еще большими бедами?

Тайная встреча с послом состоялась ночью. Стахив был осведомлен из письма Панина о целях поездки конфиденента. Минул месяц с подписания конвенции с Портой, однако Крым по-прежнему напоминал развороченное осиное гнездо. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы в Стамбул побыстрее явились татарские депутаты с мазгарами, в которых подтверждалось бы верховное калифство султана. А в ответ он должен вручить грамоту с признанием Шагин-Гирей крымским ханом. Это бы сняло затянувшееся напряжение. Между тем не лучше складывалась ситуация на кавказском рубеже. Именно об этом с тревогой говорил Стахив.

– Вывод наших войск с Кубани, вероятно, послужит кавказцам сигналом для возобновления военных действий. Но, поверьте, этот документ одобрен европейцами. И недаром вместо крайне враждебного к нам

Омер-эфенди он назначил главой своего правительства всем известного Абдул-Резака, с кем много раз велись переговоры. И весьма успешно. Порты прячет кулаки. Но, полагаю, ненадолго.

– В этом мало сомнений, – подтвердил Зодич. – Теперь, обретя некую определенность с Крымом, султан решил развернуть широкие действия на Кавказе?

– Турки никогда не сбрасывали эту территорию со счетов. Если вам удастся проникнуть в неприятельский лагерь и вызнать планы тамошних сторонников Порты, мы сможем принять должные меры для защиты отечества.

Только самообладание и чувство иронии позволили Зодичу умолчать о своем отношении к конвенции. Он не сомневался, что это – промах российской дипломатии. Но в ответ лишь понимающе спросил:

– Хрупкий мир, установленный благодаря гибкой политике Суворова, срывается в тартарары?

– Мы надеемся на усиление позиций Шагин-Гирея. Ногайцы и горские народы так или иначе зависимы от крымского хана. Хотя риск его свержения после вывода наших войск сохраняется. Дело в том, что после переселения христиан из Крыма в Азовскую губернию между ханом и Суворовым, а также нашим крымским резидентом Константиновым отношения чрезвычайно разладились. Это мешает, прежде всего, Шагин-Гирею укрепить в ханстве государственную власть, – Стахийев, кладя руки на поручни кресла и, показывая, что собирается встать, не без сожаления заключил. – Признаться, ведет он себя не как зрелый муж. Почти всю осень в прошлом году не появлялся в своей столице, а занимался соколиной охотой. Суворов предлагает найти ему замену. Императрица ищет решение. И ваша миссия будет способствовать этому...

Особая сложность задания и непредсказуемость путешествия в чужедальний край, где давно нет ни войны, ни мира, и реальна любая опасность, побудили Зодича вести дневник на французском языке. Вот его перевод.

«2 апреля. Третий день мы находимся на пути к Сухум-кале. Небольшой парусник, гонимый ветром, идет вдоль побережья курсом на северо-восток. Судно старое и скверное, паруса ветхие. Дьявол угораздил меня согласиться с предложением Яхи, который, как я убеждаюсь, ни на грош не дорожит ни своей, ни чужой жизнью. Он бесконечно молится Аллаху, что-то подвывает под нос, хлещет воду и дрыхнет. При этом выглядит вполне здоровым и спокойным. Зато для бедного Пьера плаванье оказалось сущим адом. Его беспрестанно тошнит, он то и дело бегаёт в отхожее место и поминает всех чертей. Бедняга бледен, как мануфактурное полотно. Но при этом чувство юмора по-прежнему не теряет. Расспрашивая о горской стране, он задает заведомо смешные вопросы, на которые я стараюсь в меру моего остроумия давать ответы. Проводник на наш хохот взирает с подозрением: не издеваемся ли над ним? Я попробовал перевести ему шутку, но он не понял ее совершенно.

Попутный ветер раздувает паруса. Море то слегка зыбится, то раскачивает волну. Цвет его постоянно меняется. Вблизи – зеленовато-стального оттенка, а по кромке горизонта – лиловое. Солнце украдкой выглядывает из-за кочующих туч, мрачных и гривастых. Водные валы не высоки, – иногда лишь захлестывают корму. Торчат на ней безрадостно, – ветер достаточно холоден, временами наносит туманом. Из семи членов команды фелюги только капитан Исса-эфенди, штурман и первый помощник – подданные Порты, а два матроса-

раба с греческих островов, один грузин и еще серб, по имени Милан.

8 апреля. Сухум-Кале – старый турецкий порт на кавказском побережье. Множество судов, среди которых и военные, пришвартовалось к длинному каменному причалу. Один французский и два венецианских парусника стояли на якоре. Нас встретил берег солнцем. Абрикосы, черешни и вишни в цвету! В городе благоухает сирень. Мой Пьер чуть не заплакал от счастливого облегченья, когда ступили на земную твердь. Но, увы, нас ожидала незадача. Приятель Яхи, который прежде вел его через перевалы в Черкесию, недавно убит. Среди местных жителей не нашлось охотника сопровождать нас в опасном пути. Я был вынужден воспользоваться подсказкой и отправиться на рынок, расположенный на окраине. Столпотворение напомнило мне крымский базар. Чего только здесь нет! От редких заморских фруктов, овощей, посуды, шелка и муслина до самого изысканного оружия. Богат выбор лошадей. Отдельно расположено торжище людьми. Мужчины-невольники, большей частью молодые, стоят рядами, им не разрешают садиться на землю. Некоторые, как я слышал, говорили по-русски. Все они истощены, с лицами, выражающими печаль и безнадежность. При этом их владельцы постоянно грозно покрикивают на них, требуя улыбаться проходящим покупателям. Отдельно, под навесами из тростника и в открытых шатрах, ждут своей участи узницы. Как бы подчеркивая их рабское положение, женщинам не позволяют закрывать лица. Наоборот, хозяева не жалеют белил и прочих средств, чтобы подчеркнуть внешность своего «живого товара».

Пьер не сводил жадных глаз с хорошеньких невольниц, пока мы с Яхой ходили вдоль палаток, знакомясь с торговцами. Они знают толк в этом ремесле. По обык-

новению, дельцы покупают юных черкешенок у абреков или прямо у родителей, в аулах, а затем привозят сюда и втридорога перепродают в серали по всему Востоку. Один из них, носящий фамилию Паннус Тухманов, крымский армянин, откликнулся на нашу нужду. Оказалось, он в большой чести у главного черкесского князя Дулак-Султана, который указан в данной мне инструкции, как наиболее воинственно настроенный к России лидер закубанцев. Мы сговорились, что отправимся в дорогу, как только работорговец сбудет с рук своих женщин.

11 апреля. Ночуем на лесной поляне, недалеко от горного перевала. Еще светло, но солнце уже за острыми заснеженными вершинами, и становится холодно. Хотя одет я по-зимнему, прошлую ночь так замерз, что ни на минуту не сомкнул глаз. Днем было солнечно, хорошо. Ко мне в попутчики напросился, сбжав от капитана-хозяина, Милан. Серб подружился с Пьером в плаванье, хотя общались и общаются они пока жестами. Этот христианин, рискуя жизнью, во что бы то ни стало решил пробраться к русским, дабы сражаться вместе с ними супротив османов. Разумеется, отговаривать оно-го мужественного единовеца я не стал...

Чем выше поднимаемся мы в горы, тем становится тяжелей передвигаться. Не хватает воздуха. Два вьючных ослика то и дело останавливаются, выбиваясь из сил. Мой слуга проклинает горный климат и погоду, меняющуюся почти ежечасно. То солнышко, то будто бы из-под скал с ветром выплывают тучи, и опускается промозглый туман. А между тем красота здесь сравнима только с панорамой Альп. С заоблачных высот открывается вид Кавказского Хребта, величественных неведомых гор. Дух захватывает, когда дорожка прижимается к самой пропасти. Туда, в сумрачную бездну,

лучше не смотреть! Завораживает и манит к себе, как ведьма. Мой бургундец, человек равнинный, дрожит от страха, но нарочито держит нос кверху. У французов это в характере – свое малодушие прятать за внешней бравадой.

Оба проводника держатся уверенно и насмешливо. Сторонясь при первой возможности, они постоянно о чем-то шушукаются. Вероятно, ломают голову, как выгодней продать нас, когда окажемся в окружении горцев. Глупцы не знают, что у меня подорожный билет самого Абдул-Резака, турецкого рейс-эфенди. Я запасся им, благодаря французскому посланнику. Допускаю, что и защита турецкого правительства не остановит кровожадного абрека. Рассуждать в данном положении бессмысленно. Много раз судьба искушала меня, всё в руках Божьих. Но по уверениям проводников у горцев почитается за тяжкий проступок нападение на путешественников или просто путников.

Зябнут руки, мой карандаш затупился, и писать уже темно.

15 апреля. Провидение нас дважды спасло на этом безымянном кавказском перевале! Ничто не предвещало опасности, когда мы, делая короткие переходы и длинные остановки, достигли вершины, пересекли длинный отверделый снежник, спустились саженей на триста и вышли на петливую тропу, проторенную среди скал. От мысли, что подъем завершен, завершен из последних сил, – он теперь позади, дух вновь обрел бодрость. Мы оживленно разболтались с Пьером. И в этот момент, с нарастающим тяжелым шумом, разбрасывая по сторонам колкую пыль, мимо нас с бешеной скоростью пронеслась снежная лавина. По мере движения вниз она захватывала всё больше снежную массу, голыши и валуны, превращаясь в один убийственный

поток, всё сметающий на своем пути. Раскатистый грохот далеко отдался эхом в горах! Несколько минут мы как вкопанные простояли на месте. Такое никогда не забывается. Первым Яха пал на колени, уткнул лоб в камень и стал молитвенно бормотать. То же самое сделал и Милан. Когда мы продолжили путь, оба они, пренебрежительно поглядывая друг на друга, стали убеждать меня, что только молитвам, сотворенным ими в пути, мы обязаны чудесному избавлению от гибели. Каждый утверждал, что это был перст Божий! Слушать их наивные речи было забавно. Разве можно установить, чей бог смилоствивился? Вполне возможно, что оба, Аллах и Христос, помогли избежать гибели?

А второй раз, уже в конце спуска, нас остановила бурная река. Невольно припомнились мне слова одного из сухумских торговцев, что не самую удачную пору выбрали мы для путешествия. Действительно, на высокогорье еще держалась зима, ниже по склону было сыро и скользко, а на дне долины, где цвели кизил и алыча, оделись листвой ясени и клены, самозабвенно пели пичуги, – в бешеном разливе kloкотали реки, затопив берега и унося вдаль мутные талые воды.

Между Яхой и Паннусом возникло препирательство из-за того, где лучше переправляться. Один указывал на дальнюю скалу, синеющую мраморной породой, а другой настаивал, что нужно идти в противоположную сторону. И там, где расступаются буки, будет самое широкое место, а, стало быть, глубина – наименьшая. Этот довод показался мне весомей. Я доверился армянину. Однако при виде разыгравшейся стихии, кипящих тут и там водных бурунов, подбрасывающих бревна, точно спички, спорить с рекой ни у кого из нас не возникло желания. Турок повел нас по склону вверх с торжествующим видом, к указанной ранее скале. Но и

там место для переправы мне не понравилось. Поднялись еще выше и, к удивлению, увидели над сузившимся руслом, подвесной мостик. Дощечки, закрепленные просмоленной пенькой, поперек покоились на канатах. На это малонадежное сооружение, вероятно, давно не ступала нога человека. Яха привязал один конец длинной веревки к своему кожаному поясу, а другой доверил держать сербу и мне. Едва турок сделал несколько шагов, как мостик закачался, дощечки закрипели. Но проводник продвигался вперед, и удача не отвернулась от него. Храбрец отвязал веревку и крикнул, чтобы Пьер и Милан перевели в поводу осликов. Мой слуга наотрез отказался. Пока я пытался пристыдить труса, хитроумный Паннус воспользовался замешательством и взошел на мостик, на согнутых ногах, семена, благополучно преодолел его. Пример торговца воодушевил Милана, и тот сумел перегнать ишака через мост. Правда, на середине опасного пути испуганное животное едва не оступилось. Настал черед Пьера. Мужество у женского обольстителя подошло к концу. Он трясся и причитал, как бесноватый. Я успокаивал его, укорял, что не подобает французу так низко вести себя на глазах у иноземцев. Бледнолицый Пьер в три кольца обвязался вокруг пояса веревкой и, помолившись, подошел к краю деревянного настила, точно к эшафоту. День клонился к закату. И преступно было медлить, выжидать. К общему изумлению, Пьер встал на четвереньки, и таким образом, по-собачьи, довольно быстро миновал сей отрезок земного ада. Свободный конец веревки перебросили мне с противоположного берега. Первым делом привязал ее к уздечке ослика. И когда мои спутники общими усилиями перетаскивали упряма на противоположный берег, я без всякой страховки перебрался к ним. И тотчас из-за деревьев и валунов грянуло три выстрела,

направленных в нашу сторону! Пули по-осиному прожужжали мимо. Дюжина горцев, в теплых шерстяных кафтанах и бараньих шапках, мгновенно окружила нас. У всех в руках были кинжалы...

19 апреля. Коротко допишу о том, чем закончилось наше пленение. Признаться, я подумал, что спасения нет. Вид у разбойников был чрезвычайно свирепый. Но главарь шайки узнал Яху, с которым заговорил, как с давним приятелем. Наконец турок указал на меня. Абрек в знак приветствия коротко кивнул. «Мне сказали, что ты купец и лекарь из далекой страны. Закон чести не позволяет нам причинять ущерб чужестранцу. Я приглашаю тебя с твоими людьми в свой аул. Вы отдохнете и подкрепитесь. А затем мой человек покажет дорогу в Кабарду». Невероятно, но этот владелец аула по имени Андагар открылся человеком великодушным и мудрым. Нас поселили в большой комнате флигеля, который отапливался по-черному кизьяками. Гостеприимство хозяев проявлялось прежде всего в том, как щедро кормили нас буйволиным мясом, бараниной, просяной кашей, лепешками на меду, – пищей, быстро восстанавливающей силы. На следующий день мы хотели двинуться дальше. Но Андагар попросил задержаться, чтобы с местными жителями встретить праздник в честь особо уважаемого в народе божества, покровителя кузнецов, – Тлепша. Действительно, кузница у черкесов издревле является священным местом, где собираются старейшины, принимаются важные для всего общества решения и возносятся молитвы языческим богам и богиням. С утра, озаренного ясным солнцем, аульцы сошлись на ровной травянистой площадке, ведущей к лесу. Были принесены сосуды с бузой. Мужчины пригнали лошадь, впряженную в плуг, разложили на земле несколько топоров. Седобородый старейшина, очевидно, их религиозный

лидер, как заклинание, повторяя имя Тлепша, орошал бузой железо плуга и топоры. Присутствующие на молебне ему вторили, вздымая руки к небу. По окончании этой части ритуала женщины удалились по своим домам, а их мужья и парни предались забавам до самой темноты. Одни боролись, другие хлестали бузу, третьи стреляли из ружей по мишени: уложенному на верху валуна куриному яйцу. Поразило меня то, как искренно и простодушно веселились эти люди! Да и мы, особенно Пьер, сверх меры перебрали пенной бузы, напитка легкого, приятного, но в большом употреблении – чрезвычайно коварного...

23 апреля. Я в Кабарде. В княжестве Баматова, чье имя было указано в моем дорожном билете. Сей владетель в отъезде. Сославшись на желание в большом количестве приобрести кабардинские кинжалы и ружья, я упросил княжеского помощника сопроводить меня к нему. Сейчас мы на привале в отдаленном урочище...»

Часть вторая

1

Азово-Моздокская Линия еще только обустроивалась. Во всех заложенных крепостях несли службу армейские и казачьи части, шла обыденная жизнь, велись фортификационные работы. Но степень защищенности их была далеко не равноценна. Если Екатерининская, Георгиевская и Павловская имели, наряду с прочими оборонительными сооружениями, каменный профиль, то Андреевскую и Мариинскую верней было бы назвать крепостишками, поскольку окружены были одним рвом и насыпным валом с турлучным забором. И говорить о данных крепостях, как о надежных цитаделях нет оснований. Именно этой дистанции Линии, напрямую граничившей с Кабардой, главнокомандующий Якоби предавал первостепенное значение. Ему и всем армейцам памятно было, как спустя три месяца после закладки Павловской крепости стекло к ней многотысячное кабардинское войско, грозя войной, если русские укрепления не будут немедленно срыты. Поспешное выступление драгунского полка и егерских батальонов заставило злоумышленников образумиться и отступить. Сверх того, астраханский губернатор настоял, чтобы кабардинцы не только выдали аманатов, но в клятвенной форме снова подтвердили верность российской царице.

Дальнейшие действия генерала Якоби, временно почившего на лаврах, вызывают по крайней мере недоумение. Он, возглавлявший военное и политическое руководство на Кавказе, отвечающий за безопасность и спокойствие российских границ, не только не поддержал переселение враждебно настроенной части кабар-

динцев в Грузию, куда их с распростертыми объятьями позвал царь, а категорически воспрепятствовал этому, арестовав посланников Ираклия Второго. Тем самым он как бы и на будущее обеспечил «нескучную» жизнь русскому солдату!

Надо полагать, такое решение было продиктовано той политикой, которую императрица в течение последних лет выстраивала по отношению к иноплеменным народам. Не оттолкнуть кавказцев, а приклонить к себе – вот ее сущность. А какой ценой это будет достигнуто, к счастью или невзгодам народов, к прочному миру или затаенной ненависти – об этом Екатерина Алексеевна не задумывалась, считая, что несравненный ум ее пронзает века, и ей одной открыта истина.

Увы, оба они ошибались. За полтора года смута среди кабардинских князей не улеглась. Напротив, побегі черного люда и ясырей на русскую территорию не прекращались. Там, взятые под охрану, они жили вольно и занимались тем, чем хотели. Холопы в аулах уже открыто показывали свое неповиновение, и владельцы в ответ ужесточили наказания. Прежнее устройство кабардинского общества начинало расшатываться, несмотря на усилия валия Джанхота Татарханова. Но он не был всемогущ, да и партия противников его, готовящаяся к смертельной схватке с русскими, обретала все большее влияние среди князей Большой Кабарды,

Правая, или Вторая, дистанция Линии, включающая всего две существующие крепости – Ставропольскую и Александровскую, фактически стала открытой для любых сил, следующих с западной стороны. Крепости Московская и Донская еще ни шатко ни валко строились. И никакого препятствия для врагов не представляли. И это отлично знали абазинские беи, ногайские мурзы и воинственные темергоевцы. Черкесский предводитель

Дулак-султан в минувшем году несколько раз атаковал русские укрепления на Кубани, сражался с ногайцами и татарами, получая жестокий отпор. И теперь, в конце марта, приступая к выводу русских войск из Крыма и с Кубани, Суворов заблаговременно обратился к горским военачальникам с таким недвусмысленным предупреждением:

«Всех закубанских племен черкесских и абазинских беям, узденям и всем вообще надежным приятелям моим чрез сие объявляю.

Получаю я известия, что из ваших народов многие хищники, скопляясь большими шайками, переправляются часто воровски чрез Кубань и как приятелей наших ногайских орд: скот, имение и людей, так и российских лошадей воруют и, нападая на наши караулы, оказывают часто свое злодейство. Сие побудило меня увещать вас, приятелей моих, дабы вы запретили конечно своим подсудственным народам такие воровства и хищения, повинувшись власти его светлости Шагин-Гирей-хана; обращались бы с ногайцами и нашими людьми дружелюбно и, возвратя все то, что оными по временам похищено без остатка, жили бы в покое, который и с нашей стороны соблюдаем будет, ибо сия одна стезя есть к вашему благоденствию и целости.

Буде же, не внимая моего сего увещания, и еще не будут вами пресечены и истреблены подобные прежним хищничества, то принужден буду переправить чрез реку Кубань войски и наказать за такую дерзость огнем и мечем, и в том вы сами на себя пенять должны будете. Впрочем, ожидая дружественного вашего обращения, есмь вам доброжелательный и ко услугам готовый».

В отличие от Суворова генерал Якоби не обладал мощной и многоопытной армией. Полки и отдельные батальоны Астраханского корпуса были рассредоточе-

ны по всем укреплениям Линии, хотя по численности больше солдат все же находилось в левофланговых крепостях. Об этом Дулак-султан отлично знал, как и то, что Державный фельдшанц, последний на кубанской стороне, не разрушен, но уже брошен ротой мушкетеров. Князя оповещали не только конные лазутчики, но и шпионы, жившие в крепостях. Он копил силы, собирал большое войско, летучую конницу со всего Закубанья. Оставалось немного подождать, чтобы иссяк внешний разлив Кубани, и поднялась сочная трава, дающая лошадям выносливость...

От Ставропольской крепости до Александровской – ровно шестьдесят пять верст. Леонтий Ремезов со своим взводом сопровождает обоз, перевозящий муку. Солнцем и мягким ветерком обласкан этот майский день. Набитая колесами и копытами дорога плавно течет с увала на увал, по долинным низинам и тянется на изволок, где виднеются каменные распадки. С него обозримо на много верст вокруг, как горма горит, пылает алыми и желтыми лазориками степь. Душа вздрагивает и замирает от такой завораживающей красоты! И вдруг становится ясно, как дорога тебе вот эта земля, уже политая первой казачьей кровью, ставшая навек своей, тобой завоеванной. И пусть скоро придется покинуть этот край, отправиться с казачьей командой «на льготу» на Дон, но разве оставит сердце память о прожитых здесь днях, о нелегкой кавказской службе? И недаром сейчас завел песню Фирс Колосков и ее, распевную и величественную, дружно подхватили казаченьки, ощутившие слитность с вековечным бескрайним простором и распахнутым над ним небом, с родящей землей, подвластной великому празднику вес-

ны и обновления. Именно в такие часы особенно остро понимаешь, что ты, казак, значишь сам по себе, чему служишь и какой след проложишь. Не о любви, не о занобе станичной, а о давней встрече удалого соплеменника с царем Петром Великим вспомнилось донцам.

*Как у нас было, братцы, на святой Руси,
Ой да, в Петербурге было,
Было в славно го... славном городе.
Ой да, там стоят-то, стоят
Три полка ка... три полка казачие.
Как по тех полках государь погуливал.*

Фирс сделал короткую паузу, искоса посмотрев на товарищей. Лишь тихий звон удил и перебор копыт размеренно раздавались в тишине. И горделиво подбоченясь правой рукой, на которой петлей была захлестнута плетка, наддал во всю грудь:

*Перед ним-то идет вестовой казак.
Он шумит, кричит своим громким голосом:
«Ой да, уж и нет ли у вас
На царя вот охотничка,
На Петра-то царя нет ли поединничка?»
Ой да, ни в одном-то полку
Не было вот охотничка.
Тут лейб-гвардейского полка
Выезжал охотничек.
Ой да, он взял царя за белы груди,
Вот и вдарил его казак о сыру землю.
Вот лежит наш царь, а сам речи говорит:
«Ой да, ну и чем же тебя,
Чем, казак, пожаловать?
Ну, большим чином али золотой казной?»
«Не надо чинов, золотой казны,*

*Ты пожалей меня, младца, вольной волею:
Ой да, не стоять во строю,
А быть во темном лесу.
Ой да, во темных-то лесах,
Гулять во диких степях!»*

Окончили песню вразнобой, из-за того, что запева-ла, желая удивить односумов, взвинтил свой тенорок до предела и долго тянул последнее слово. Прохор Мотовилов, едущий в одном ряду, усмехнулся:

– Ну, и горазд ты на голос, Рыжий. Иде в тебе столь воздуха помещается?

– Как иде? – откликнулся Фирс, сделав удивленную гримасу. – Научил, братцы, один малоросс. Бандурист. Ты, гитарит, дюжей вдыхай и задержку на пупке делай. Стал быть, запас воздуха пропускай в самое нутро, то бишь в желудок и косу.⁸⁶ Зараз мы не дневали, с утра маковой росинки во рту не было. Нутро порожнее.

– Знамо дело. На язык ты мастер, – подхватил Арженов Петр, урядник. – А мне дюже по духу песни страдательные, про любовь-разлуку. Вот возвратимся на Дон, к бабочкам своим, заиграем...

– Да скорейча бы, сутерпу нету... – вздохнул Буз-ликин, прозванный после разговора с Суворовым «Заячьим малахаем». – Как ни ночь, так курень снится.

– По дням исчисляя, на замену нам должен был полк из Черкаска уже выйтить, – рассудил урядник. – Завсегда с конца апреля вызывают с чужбины казаков «на льготу». Господин сотник, не слыхать про это?

– Ордер поступил. Днями сменят нас, – отозвался Леонтий, оглядывая ближнюю степь со склона довольно затажного увала. – Мирон и ты, Лихолетов! Спусти-

---

⁸⁶Коса (донск.) – селезенка.

тесь обратно, прикройте тыл обоза. Грибатов, Калеев и Лукин – вперед, в дозор! Быть начеку!

И на самом деле обоз из семи телег далеко отстал. Подъемные лошади, запряженные парами, за долгий день выбились из сил. Зарей тронулись в дорогу, а уже солнце клонилось к закату. Начальник обоза, провиант-мейстер Демидов, ехал также верхом, но предпочитал держаться от охраны в стороне, выказывая свое старшинство. Пора было делать дневку, чтобы после отдыха успеть добраться до Алексеевского редута и там заночевать. Леонтий высматривал подходящее место. Его ординарец, Василь Мещеряков, указал рукояткой плетки на ручей, отблескивающий невдалеке от шляха.

– Кажись, от родника бежит. И деревья рядом. В аккурат коней напоить.

Леонтий тронул, разогнал Айдана. Не отставал и ординарец. Саженья в двадцати они увидели на прибрежной луговине серые округлые папахи, странно двигающиеся, точно живые. Приблизившись, уловили слухом неумолчное надсадное шипение и поняли, что это были клубки парующихся гадюк. Даже издали омерзительно было наблюдать, как в узлы вязались десятки змей, шевелясь, сплетались в судорожные кольца, скользили по траве, тускло блестя серой узорчатой чешуей, точно ножны у хищников.

– Фу ты, гадость! – не сдержал своей брезгливости Василь. – Али рубануть их на скаку?

– Нехай, – отмахнулся Леонтий. – Создал Господь всякой твари по паре. Вон, гляди, журавли на болотце. И бабич-птицы⁸⁷. Подберут!

– А за ними – конник! – вдруг вскрикнул ординарец. – Черкес, ваше благородие. И он нас заметил, вон как поскакал!

---

⁸⁷Бабич-птица (донск.) – пеликан.

Леонтий пристально следил за удаляющейся фигурой разведчика. Сердце кольнуло недоброе предчувствие.

Вскоре нашлось удобное становище возле озера из полой воды. Она была настолько прозрачной и тихой, что точь-в-точь отражала небо. Леонтий, наскоро перекусив хлебной лепешкой и куском вяленой баранины, прилег на разостланную бурку. Долила дремота, он с трудом размыкал глаза, следя за казаками, обозниками и лошадьми, пьющими то ли водицу, то ли небесную синеву...

– Почиваете? – услышал Леонтий рядом скрипучий голос и понял, что обращаются к нему. Он повернул голову и встал перед подошедшим к нему высоким и тощим провиантмейстером в застегнутом на все пуговицы драгунском мундире.

– Прапорщик Усков, – представился тот важным голосом. – А вас я знаю. Сотник Ремезов, не так ли?

– Так точно.

– Господин сотник, полагаю, вам известно, что варвары возбудились и на кубанской сторонке, и у нас. Полковник Шульц недавно получил письмо весьма тревожное. У Мариинской крепости хищники выследили и угнали лошадей. А Бешпагирский редут, под носом у нашей Ставропольской крепости, осаждал крымчак Апакай-мурза со своей шайкой и тоже умыкнул табун. Черти эти кружат поблизости! Извольте, господин Ремезов, построже следить за конвоем. Не песни надо петь, а ворогов стеречь!

– Премного стараемся. Готовы отразить неприятеля, – сухо и отрывисто возразил Леонтий.

Усков огляделся по сторонам и, вероятно, несколько успокоившись, предложил:

– Хотите закурить? Я купил табаку у Иоганна Бейфорта. Этот предприимчивый немец, узнав об ордере Потемкина о хлебопашестве, виноградарстве и разве-

дении табака, в прошлом году посадил сие растение подле крепости, вырастил, а теперь открыл лавчонку, получил разрешение коменданта и торгует за милую душу... Жарко. Третью неделю ни дождичка. А пора уж! В самый раз для пшенички...

Сотник слушал внимательно и молчаливо. Усков подержал деревянную табакерку в руках и, не обрета себе напарника, снова убрал ее в глубокий карман штанов.

– Развозим муку по крепостям. Третьего дня отпустили в строящуюся Донскую, а теперь вот в другой конец Линии правимся. Туговато с провиантом в этом году. Слава богу хоперцы отсеялись пшеницей и рожью. Пошлет бог дождя – соберут урожай. Э-хэ-хэ... Я, собственно говоря, хочу обратиться к вам с предложением, – снова официальной интонацией заговорил прапорщик. – Учитывая близость варваров, не соблаговолите ли исключить остановку в мало защищенном Алексеевском редуте, а проследовать напрямую в крепость? Я настаиваю на этом небезосновательно. В противном случае, ежели пятьсот пудов муки достанутся горцам, ответственность за это понесете вы, господин сотник. И потом... Глупо подвергать свою жизнь столь очевидной угрозе!

– Я думаю, вы правы. Непокойно, – подумав, согласился Леонтий и вскоре поднял казаков.

На закате миновали редут и, приободренные мягкой прохладой майского вечера, решили не останавливаться, а двигаться до пункта назначения. Во влажной темноте, благоухающей цветущим разнотравьем, звонко били перепела. Ласково и безмятежно сияли звезды. Казаки вполголоса балагурили. А у Леонтия на душе было тревожно до тех пор, пока не привела дорога в крепость, таящуюся за земляным валом, на склоне холма.

Нападение черкесов полыхнуло в предрассветный час, когда сонно перекликались в казачьем хуторке, приютившемся ниже крепости, голосистые кочета.

Донцам для ночевки отвели край площади, прилегающей к армейской казарме. Ремезов вскочил на ноги одновременно с казаками при первых выстрелах. Вмиг подпоясавшись и схватив оружие, они бросились к крепостному валу. У наблюдательной вышки, пронзенный стрелой, лежал убитый казак. Медный колокол деревянной церквушки бил набат! С угловой бойницы заполошно, срывая голос, кричал молодой канонир:

– Черкесы конные! Войско огромное! Краю им не видать...

Комендант, секунд-майор Гартог, прибежал впопыхах, вскарабкался по эстакаде на бастион и приложил к правому глазу подзорную трубу. По обыкновению носящий мундир с исключительной аккуратностью, в эту минуту он успел натянуть только штаны и сапоги, оставшись в белой спальней рубахе. Вглядываясь вдаль, он стоял неподвижно, расставив ноги, точно капитан на качающейся палубе. И хотя еще было сумеречно, его взору и всем, кто находился на валу, открылась приближающаяся орда всадников, стягивающихся к крепости с двух сторон. Гуп⁸⁸ насчитывал не менее трехсот воинов. Среди них выделялись верховые стяжники с распущенными родовыми флагами. В первых рядах скакали уорки и уздени, защищенные легкими кольчугами и шлемами. За панцирниками следовали ряды стрелков из лука, которые при необходимости меняли древнее оружие на шашки или кинжалы. В арьергард

---

⁸⁸Гуп – отряд горцев.

были сведены воины менее опытные и сильные. По разномастной одежде и воинственным несмолкающим возгласам без труда можно было понять, что это – сводное войско, собравшее черкесов, темиргоевцев, абазин, ногайцев. Впереди, дразня своей отвагой караульных и охрану крепости, гарцевали лучники и воины с одними нагайками в руках.

Походный атаман хоперского полка Клим Страшнов, есаул Бабилов, командир донской полусотни из полка Устинова, Ремезов и поручик из роты пехотинцев встали рядом с комендантом.

– Пока протифник не нашал приступ, взять оборон! – строго приказал Гартог, поворачиваясь к офицерам. – Когда отбивать приступ, казаки атаковать фраз. Меня понять? Команда фыполнять!

Комендант остался на бастиионе, следя за тем, как заряжают пушки канониры. Он лично принял над ними командование, предавая артиллерии первостепенное значение. Однако не оставлял без контроля и действия офицеров, то и дело посылая к ним адъютантов. К счастью, семьи хоперцев, тягловых лошадей и частично скот успели укрыть за крепостным валом.

Под мощные удары походных барабанов черкесы предприняли штурм. Казаки вместе с драгунами, рассредоточившись вдоль западного и южного фаса укрепления, отбивались ружейными залпами. Спешившийся неприятель то бросался вперед сломя голову, стараясь преодолеть земляной вал и ворваться в укрепление, то откатывался вспять, выманивая русских, чтобы сразиться в открытую. Вокруг пласталась пороховая наволочь. И не сразу обороняющиеся смекнули, откуда несло едкой гарью. Неожиданно позади грянули пронзительные крики казачек, и вдоль рядов пронеслось: «Пожар! Часовня горит!»

Леонтий, отбивающийся с казаками в цепи, оглянулся. С восточной, алтарной стороны часовни вставал высокий столб дыма, растекался по небу слоистыми белесыми полосами. Вплотную к ней жались деревянные строения: комендантский дом, кузня и длинная деревянная коновязь, у которой были привязаны лошади. Ремезов отрядил к ним четырех казаков в дополнение к уже побежавшим туда подчиненным Бабикова. Сам есаул оставался на валу, время от времени о чем-то переговариваясь с комендантом Гартогом. Как только казаки оголили участок обороны, черкесы стали приближаться не только на расстояние выстрела, но гораздо ближе, на рубеж, откуда до вала оставалось несколько перебежек. Даже пушечная картечь, осыпающая толпы закубанцев, не могла остановить натиска. Положение с каждой минутой ухудшалось. Не оставалось иного выхода, как отбросить неприятеля встречной атакой.

– Сотник, в шашки! – сбегая с эстакады, приказал Бабиков. – Пойдем лавой. Прикроешь меня!

Пламя плясало и разбегалось по деревянным стенам и крышам. Ни у кого не закралось сомнения, что поджог сделан умышленно. С пожаром боролись хуторские старики, бабы и нестроевые казаки, в том числе провиантмейстер во главе со священником, отцом Иоанном Никитиным. Воды не жалели, хотя была она привозной. О том, что может случиться осада и нечего будет пить, никто в этот страшный час не думал. Зато стало ясно, почему с таким остервенением лезут на смерть хищники. Они заранее знали, что часть сил русских отвлечется на спасение православного храма, а стало быть, покорить крепость будет легче.

Казаки уводили от огня взволнованных лошадей расторопно и с расчетом, чтобы удобней было строиться. Когда перед крепостными воротами сомкнулись ряды

всадников, Бабикив объяснил Леонтию план атаки, а на вопрос о Касьяне Нартове почему-то промолчал, отъехав в сторону. Походный атаман строил хоперцев чуть в стороне. Какое брать оружие командиры оставили на усмотрение каждого казака. Те, кто был летами постарше, кроме ружей и шашек, прихватили и дротики, свои укороченные пики.

По команде секунд-майора Гартога караульные с двух сторон, разом подняли дубовый, окованный железом щит. В первое мгновенье вражеское войско оцепенело от неожиданности. У крепостного вала грудились только пешие, и, увидев казачью конницу, они бросились врассыпную. Донцы, держа шашки наизготовку, быстро настигли их. Хоперцы зашли с левого фланга. Дружно пальнули пушки по задним рядам панцирников, нанося им значительный урон. Объятый воинственным порывом пашэ⁸⁹, не теряя времени на то, чтобы призвать на помощь какой-нибудь иноплеменный отряд, и презирая опасность, на виду у всего войска бросился очертя голову со своей княжеской дружиной навстречу ненавистным гюрам.

Черкесские конники мчались с одними нагайками в руках. Об этой уловке Леонтий хорошо знал. Леденил души их многоголосый воинственный клич:

– Еуэ! Маржэ!

Саженья в двадцати уорки разом выхватили из чехлов ружья и дали по лаве залп. Сраженные пулями с близкого расстояния, здесь и там с тяжким гулом падали на землю лошади, повергая вместе с собой и хозяев. На полном скаку черкесы забросили ружья за спины и выхватили шашки. Миг – и две лавы схлестнулись, оглашая степь звоном булата! Отчаянная рубка не прерывалась ни на минуту. Повсюду сквозь вызвень и скре-

---

⁸⁹Пашэ – предводитель.

жет стали слышались ругательства, натужные крики и стоны. Леонтий бился в первом ряду, отражая сокрушительные удары панцирника с лицом, полузакрытым шлемом. Уздень, чувствуя свою неуязвимость, напирал все сильнее. Он пытался сильными ударами выбить из руки казака шашку и без промедления прикончить его. К счастью, односумы, прикрывающие сотника с двух сторон, потеснили противников. И неповоротливый уздень оказался в одиночестве. Его отлично выученный гнедой жеребец стал пятиться, ровнясь с другими лошадьми из княжеского табуна. Леонтий, подумав, что стал недосыгаем для врага, рванул коня вправо, чтобы было сподручней нанести молниеносный удар. Рядом промчалась вороная, с которой свисал, застряв одной ногой в стремени, очевидно, мертвый уорк. Леонтий пропустил момент, когда притворщик одним рывком вскинулся в седле, выхватил из чехла ружье и в упор выстрелил в шею Айдана. Струя темной крови залила Леонтию грудь. Теряя ход, казачий конь зашатался. Сделав еще несколько шагов, стал на передние колена, точно стараясь не причинить хозяину вреда, и – замертво рухнул. Леонтий отбивался от окруживших горских воинов из последних сил, отчаянно и яростно. И все же смутно надеялся, что казаки, сражающиеся в гуще вражеской конницы, отобьют его, выручат. Но в одно мгновение брошенный с коня аркан захлестнулся на его горле и сдернул с места. Падая, Леонтий успел схватиться за веревочную петлю руками, и это спасло его от верной гибели. Волоком казака оттащили в сторону. С удивлением обнаружив, что гяур жив, пленивший его абазин-абрек очень обрадовался и тут же перепродал черкесскому узденю Мусе-бею. Со связанными назад руками, избитого, Леонтия швырнули на землю, на истоптанный копытами пырей рядом с завернутыми в бурки и холсты

убитыми правоверными. Их было немало. Еще утром эти люди встречали солнце, были бодрыми и полными желания обрести ратную славу. Русские убили их. И, вероятно, его, пленного, предадут жестокой казни. Окончательное слово после боя – за предводителем.

Превозмогая боль во всем теле, Леонтий повернулся лицом к крепости, осажденной горцами. С бастионов прицельно палили пушки, отгоняя их все дальше. Видимо, пашэ разуверился в успехе и намеривался отступить. Над уцелевшим крестом часовни ясно голубел небосвод, – значит, потушили пожар. И крепость стояла на том же самом холме, и солнце привычно бороздило небесную высь, и так же пахли стебли и листочки молодой травы, по которым пробегали юркие муравьи, а для него, Леонтия, мир земной стал совершенно иным, – мучительным и враждебным. Но и в этот час, на краю неволи или смерти, сотник Ремезов с удовлетворением подумал, что ни он, ни его казаки, служа Державе и вере православной, не дрогнули, не преклонились ворогу...

Нападение на Ставропольскую крепость было предпринято полуторатысячным войском черкесского князя Дулак-султана. То, что его урки, имея многократное преимущество в силе, не смогли взять ни Алексеевский редут, ни Александровскую крепость, предводителя ничуть не смутило. По донесению своих шпионов, армянских купцов: Артемия Васканова, Петра Сергеева, Паннуса Тухманова и других, имеющих билеты для посещения крепостей, князь знал, что в этой крепости малочисленный гарнизон. Несколько рот драгун – горстка по сравнению с его силами. Имелась, правда, артиллерия. Однако ночью пушки становятся слепыми, как кроты. План захвата ненавистной крепости был продуман до мелочей.

Осада началась вечером. Спешившиеся черкесы, прошивая воздух градом стрел, паля из ружей наугад приблизились к крепостной стене. Но ответные пушечные залпы картечью скосили несколько рядов атакующих. Неудачей окончилась попытка и ворваться в хоперскую станицу. Дулак-султан отступил на версту, в лес, а утром решил «выкурить» казаков из укрытия, поджечь забор из бревен. Наверняка им на выручку выступят из крепости солдаты, и стремительным ударом конницы появится возможность ворваться в цитадель через открытые ворота.

Но жажда наживы и ненависть сыграли с Дулак-султаном злую шутку. Когда факельщики стали поджигать палисад, из ворот крепости, по склону, лавиной неожиданно стекли две сотни донцов полковника Кутейникова, за день до этого прибывшие в крепость. Черкесская конница только подтягивалась к месту сбора, и атака казаков застала уорков врасплох. Сабельный бой смерчем пронесся по засеянному пшеницей полю. Сражение длилось почти до вечера, то затухая, то ожесточаясь с новой силой. Погибли лучшие воины Дулак-султана. Опасаясь подкрепления из крепости и прибытия новой партии донских казаков, он приказал поспешно отступать. А затем, дав волю негодованию, развернул войско на север и совершил набег на касайских татар, отказавшихся с ним воевать против русских.

3

Вся Линия была охвачена пламенем войны. Одновременное выступление горских войск на ее левом и правом фланге было скоординировано черкесскими и кабардинскими вождями, благодаря посредничеству Порты. Мартовская конвенция обезопасила турецкие

владения и развязала султану руки. Не дожидаясь, когда Крым и Кубань будут очищены от российских войск, он целенаправленно усилил деятельность своего правительства на Кавказе. Прежде всего, этому способствовало успешное распространение среди горских народов магометанства. Исламские проповедники, не жалея сил и даже жизни, беспрерывно вели агитацию в аулах, крепостях и княжествах. Они внедрялись в отряды, сопровождали воинов в походах, на равных участвуя в боевых действиях. Мулл безошибочно узнавали по общепринятой примете: масть их лошадей была только игренево́й.

Если многие старейшины упорно отстаивали языческие верования и традиции, доставшиеся от пращуров, то молодые князья и уздени, алчные дворяне, прельщенные дорогими подарками и пиастрами, посулами турок взять кавказские племена под защиту, охотно клялись на Коране, принуждали свой люд принимать ислам. А поскольку духовным калифом всех правоверных признавался Абдул-Резак, то фактически султанская власть распространялась и на кавказских вождей. Люди смелые и опытные, они бы не стали собирать подданных в многотысячные войска и открыто вступать в смертельную битву с российской царицей, если бы не делали ставку на мощь османской армии. Откуда им было знать, мало искушенным в политических интригах, что Порта никогда не станет жертвовать своими сынами ради каких-то полудиких народов. Нет уж, пусть они сами сражаются с гяурами, убивают их, разрушают крепости и угоняют скот. Долг султана воодушевлять единоверцев и укреплять свое влияние подачками тем, кто отстаивает интересы его страны. Чем больше увязнут русские на Кавказе, тем станут сговорчивей. Шагин-Гирея рассматривали в Константинополе как времен-

ную фигуру. Неоднократно брат хана, Батыр-Гирей, встречался с высокопоставленными турецкими лицами и искал у них поддержки, ссылаясь, что закубанцы и большинство соплеменников хотят видеть именно его на крымском престоле. И свои слова он подтверждал враждебными выпадами против Бахчисарая и русских, отказываясь подчиняться. Султан и рейс-эфенди держали этого наследника Гиреев на примете. Словом, Крым и Кавказ – это две чаши весов, зависимые одна от другой. И султан, готовясь к новой войне с Россией, старался ловко ими балансировать...

Записи в дневнике российского агента Александра Зодича.

«30 мая. Уже почти два месяца я на Кавказе. Положение весьма незавидное. Сначала меня привезли в лесное урочище, где скапливались кабардинские отряды. Князь Баматов, избранный дзэпцем⁹⁰ отнесся ко мне заинтересованно и пообещал содействие в приобретении нужного товара. За несколько дней я собрал весьма важные сведения. Признаться, было неожиданно увидеть столько ратников. Командиры, их приближенные и многие воины отлично вооружены. Но всего сильнее поразили меня лошади. Они, местной кабардинской породы, выведены естественным путем. Вероятно, в них смешалась кровь и арабов, и дончаков, и ахалтекинцев. Во-первых, лошади умны и поддаются дрессировке. Во-вторых, на редкость выносливы и резвы. Как уверяет приставленный к нам с Пьером толмачтурок, в сутки они могут отмахать сотню верст.

Да, я уже собрался было отправиться в Крым. Но мой слуга, этот неугомонный враль, ненароком познакомился с перебежчиком из русской армии, ротмистром Гуткевичем. Они разболтались, и предатель дословно

---

⁹⁰Дзэпц – командующий войском.

передал кабардинцам выдумку Пьера. Езбаздук Кана-метов, главный у кабардинцев по части разведки, с при-страстием допрашивал меня, выясняя, почему скрыл, что обучен врачеванию. Я, как мог, разубеждал его, до-казывал, что это блеф. Да и Пьер покаялся в том, что черт попутал. Тем не менее князь заподозрил меня в шпионаже. Недаром заметил, что если бы не турецкий аттестат, то со мной поступили бы иначе.

2 июня. После грабежа хищниками скота у крепо-стей Екатериноградской и Мариинской дзэпщ двинул к российским позициям свою шеститысячную армию. Она разбита на три группировки. Одну возглавил сам князь, другие – Хамурза Кайтукин и Карамурза. Ротмистр на-бивается мне в приятели. С превеликим удовольствием я влепил бы этому негодяю пулю в лоб! Он похваляется своим положением у кабардинцев (они просто глумятся над ним), пачкает имя императрицы, много пьет бузы. Он же поведал, что кабардинцы подкупили армянского куп-ца (его точная фамилия – Васканов), чтобы тот вместе со товарищи сделал поджоги в нескольких крепостях.

15 июня. Поход Баматова завершился трагедией. Об этом рассказал мне Гуткевич, раненый в руку. Ка-бардинцы начали с наступления по трем направлениям: лагерь Якоби в крепости Павловской, сводный казачье-калмыцкий сикурс и крепость Мариинская. Получив достойный отпор от Якоби и казаков, кабардинские от-ряды соединились и все вместе, имея огромный числен-ный перевес, обрушились на оную крепость. Канониры частыми залпами охладили их пыл. Тогда дзэпщ при-казал приступить к так называемой правильной осаде. Во-первых, были отрезаны пути сношения с другими укреплениями и потеряна возможность пополнения запасов провианта. Во-вторых, из квадратов ивового плетня, между которыми поместили грунт и гравий,

мастеровыми были сооружены особые приспособления на тележных колесах. Защищаясь этими передвижными щитами, отважные уорки приблизились к крепостному валу, готовясь к последнему штурму. Другие при помощи кинжалов прорыли к нему траншеи. Ротмистр, участвовавший в этом деле, нарисовал даже план операции. Шел уже седьмой день противоборства, и наверняка бы крепость пала, несмотря на геройство волжских казаков (один из них попал в плен) и их жен, которые в мундирах находились тут же, на валу, и палили по врагам из ружей. В самый критический момент со стороны долины показались отряды казаков, артиллерии и пехоты, выстроенной в три каре. Баматову был навязан арьергардный бой. В разгар его казачьи эскадроны высыпали из ворот крепости и смешали ряды кабардинцев, отнюдь не ожидавших такой дерзости защитников крепости. Сражение свершилось настолько жестокое, что земля, по словам ротмистра, была полита кровью. Сам он едва унес ноги, как и его новые сослуживцы, за Малку. Сотни трупов были брошены кабардинцами на поле битвы. Погибли достойные дети кабардинского народа. Вот чем оплатил Баматов и его приспешники свою ненависть к России. Как ни вспомнить теперь с особым уважением о валии Татарханове, который, как мне рассказывали, пытался всеми силами остановить этих безумцев. Впрочем, они разбиты, но не сломлены.

23 июля. Вопреки моему требованию дать возможность выехать в Крым, большой князь Баматов временно поселил меня у владетеля Алихана, который принимал участие в бою подле Мариинской и потерял там двух своих сыновей. Тут же, кроме нас с Пьером, два пленника-казака. Волжского зовут Фролом, а донского – Леонтием. Первого пленили под Мариинской, а второго привез и продал Алихану мой бывший попутчик армянин, состо-

ящий у кабардинцев осведомителем. Казаков содержат впроголодь и, набив на ноги по колоде, заставляют убирать на конюшне, ворошить и складывать в стога сено, таскать водовозку. Рабское положение обоих угнетает. Я подслушал их разговор, в котором они обсуждали побег. Разумеется, без помощи это сделать невозможно. Впрочем, и мне осточертело здесь...

5 августа. Князю Алихану привезли секретный приказ императрицы, перехваченный у русской почты. Тайком я почти полностью переписал его. В нем она призывает наладить с кабардинцами мир, а в противном случае – дать отпор.

Увы, государыне неизвестно, что в Кабарду нахлынули турецкие проповедники и шпионы, в один голос утверждающие, что скоро придет на помощь Аджа Али-бек со своим корпусом янычар».

4

В течение полутора месяцев Мисост Баматов, оправляясь от тяжелой неудачи, заново формировал армию, одновременно ведя переговоры с русскими. Его требование было непреложным: срыть все крепости и упразднить Линию. За это он обещал возмещение скотом и золотом. Главнокомандующий Якоби эти наивные предложения оставлял без ответа. Уже совсем иной расклад сил был у него на первой дистанции Линии с прибытием новых частей. К Павловской крепости были стянуты Томский пехотный полк, четыре роты Кабардинского полка, Кабардинский егерский батальон, Моздокский батальон, Моздокский казачий полк под командованием подполковника Савельева, два полка донских казаков, несколько сотен Семеновских и Гребенских казаков. Сверх того, ожидалось еще войсковое пополнение.

В конце июля кабардинское войско расположилось вблизи речной долины Малки, в двадцати верстах от лагеря Якоби. Мелкие отряды их беспрестанно тревожили русские пикеты. А уже в первый день августа состоялся продолжительный бой, после которого неприятель снова откатился к Малке.

Командир Томского полка, Густав фон Штрандман, с прибытием на Линию не скрывал воинственного настроения. И когда полковник Шульц прибыл со своими драгунами в русский лагерь, не преминул выразить ему при встрече свое расположение.

– Я рад видеть вас, барон! Вечер, проведенный в Ставропольской крепости, незабываем. Ваша жена Шарлотта, играла на клавикордах и пела изумительно. Я, оторванный от родных, ощутил в душе горячее тепло...

Шульц, приветствуя потомка остзейских дворян и крепко пожимая ему руку, улыбнулся:

– Моя супруга здесь. Только вы вряд ли узнаете – она одета драгуном. Надеюсь, в будущем у вас найдется возможность заглянуть на часок в мою походную палатку.

– Непременно! Как прошел ваш поход?

– Без особых приключений. Я привел полк почти в полном составе. А в Ставропольской крепости нас заменил Ладожский полк генерала Пиля.

– Пиля? Имел честь познакомиться с этим заносчивым и грубым солдафоном. По-моему, в армии его презирают за тяжелый характер и трусость... Однако пользуюсь тем, что мы тет-а-тет, я хотел бы поделиться некоторыми соображениями.

Полковники отошли в сторону от штаба Якоби, расположенного в здании крепостного коменданта, в тень могучего грецкого ореха. Жаркий день начала августа становился мучителен. Расстегнув верхнюю пуговицу

мундира, Шульц обернулся к новому знакомому и приготовился слушать.

– Замечу, Вильгельм Васильевич, – не без раздражения начал Штрандман, – что сил у нас теперь предостаточно. Генерал Якоби, о геройстве которого я слышан, не предпринимает, однако, никаких действий. Вы, помнится, говорили, что начинали службу в австрийской армии. И вам нечего объяснять, что такое ордер-де-баталь⁹¹ или поэн-де-вю⁹². Противник расположился на расстоянии одного перехода или двух часов броски конницы. Его конники не прекращают свои вылазки. Ежедневно в лагере тревога. Солдатам в такую жару не разрешено раздеваться, а спать они должны перед фронтом возле своих ружей. Это издевательство!

Шульц слушал с некоторым недоверием, щуря свои темные выразительные глаза.

– Да, возможно, я ошибаюсь, – поправился Штрандман. – Но как объяснить приказ главнокомандующего, данный неделю назад? Моему полку было велено покинуть прежние позиции и расположиться в двух верстах от Павловской крепости с южной стороны. Места отвели нам крайне мало, лагерь растянулся. Притык к нему, и в переднем, и в заднем фасе стояли казаки, а мои мушкетерские роты были поставлены на флангах обоих фасов. Получился параллелограмм! Такой приказ мог дать только невежественный офицер.

– Я думаю, это недоразумение исправимо. В секретном письме государыня остерегает от излишнего кровопролития.

---

⁹¹Ордер-де-баталь – основы военной доктрины, принятой европейскими армиями.

⁹²Поэн-де-вю – пункт, избранный для главной атаки.

– Но в нем она и указывает, что пора наказать дерзость кабардинцев.

Шульц развел руками. Определенного ответа у него не нашлось. Каждый из них понимал наставление Екатерины по-своему.

Несмотря на военное положение, крепости жили своей обыденной жизнью. Под охраной сродников волжские казаки ездили на молотьбу хлеба в Наурскую станицу, пасли днем лошадей в выжженной солнцем степи поблизости от фронта лагеря, рыли рвы и метлами зашибали саранчу, уничтожающую остатки травы. Сено заготавливали за пятнадцать верст, но его не хватало. Кони донельзя похудели и ослабли. Во выючном гурте начался падеж.

На исходе августа, при переправе через Куму близ Георгиевской крепости, большой транспорт с провиантом из пятисот фур, который от самого Царицына прикрывал горский егерский батальон под командованием подполковника Великопольского, был атакован войском кабардинцев. В затяжном, ожесточенном бою они потеряли более ста воинов убитыми и ранеными, причинив урон русским значительно меньше. И на этот раз хищникам поживиться не удалось. Обоз благополучно прибыл в Павловскую цитадель.

5

В царском дворце – переполох. Фаворит получил отставку. В это поверить было невозможно, как в то, что земля может взлететь на небо. Давно уж замечало окружение императрицы флирт ее баловня, «милого Ванечки», с графиней Брюс, но кто бы решился намекнуть об этом?

Тем не менее изгнание Корсакова и статс-дамы совершилось скоропалительно. И вскоре по столице поползла веселенькая сплетня. Якобы Екатерина Алексеевна неожиданно и тайком пожаловала к своему златовласому «Пирру». Вот вошла она в покои фаворита, услышав стоны, быстро отворила в спальню дверь. И что же за нею? А увидела она собственными глазами сцену преразвратную: Ванечка в голотелесном виде лобзал ни кого-нибудь, а Прасковью Брюсшу, верхнейшую подругу, раздетую донага. И будто бы виновницей сего казуса была фрейлина, одна из племянниц Потемкина, смело доложившая своей покровительнице о вероломстве избранника.

Основания, действительно, имелись, чтобы в это поверить. Однако всё было гораздо прозаичней. Фаворит Корсаков, малообразованный и тщеславный вертопрах, потерял под ногами почву. В дурмане похвал и успеха у женщин он забыл, кому обязан положением при Дворе. И часто навещая клан Орловых, приклонился к нему. И в самозабвенном порыве преданности брякнул во всеуслышание, что Потемкин – общий враг.

Об этом донесли императрице. Больше Корсаков не был к ней допущен. А прощальное назидание от любовницы получил довольно резкое. Зато Потемкину написала Екатерина почти в тот же день письмо столь ласковое:

«Слышу я, батинька, что ты живешь в лагере. Весьма опасаясь, что простудишься. Пожалуй к нам в покой; каков ни есть – суше и теплее, нежели в палатке. Мне кажется год, как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой. Позволь себя вабить.⁹³ Давно и долго ты очень на отлете».

---

⁹³Вабить (устар.) – приласкать, приручить.

Едва затрагивалась честь «венчанного мужа», Екатерина Алексеевна обращала свое сердце в камень. Впрочем, расставаясь, пожаловала «Ванечке» дом в столице на Дворцовой набережной, имение в Могилевской губернии, 6000 душ крестьян, 200000 тысяч рублей и еще драгоценностей на 400000 рублей...

Кавказ далеко от столицы.

За день строительной работы на Линии солдат получал 5 копеек. А обещанные подъемные в размере 20-ти рублей семьям хоперских казаков вообще не выплачивали. В крепостях не хватало хлеба, пороха, медикаментов. От бескормицы и сапа гибли лошади. Видимо, в течение двух месяцев влюбленной императрице недосуг было доподлинно разузнать, каково положение Астраханского корпуса.

Главнокомандующий Якоби собрал по приезду в Павловскую крепость генерал-майора Фабрициана и своих командиров. Сентябрь истекал, близилось ненастье, и требовалось без промедления предпринимать меры к беспрестанно нападавшим кабардинцам.

– Господа! Я должен объясниться, – начал Якоби, высокомерно оглядывая сидевших за длинным столом офицеров. – Некоторые из вас, хотя и витиевато, но недвусмысленно упрекают меня в бездействии. Наипаче того, в трусости! Желаю напомнить, что недаром служу Отечеству, и окупил на бранном поле воинское звание и почести от царицы.

Иван Варфоломеевич по-стариковски крикнул, сдерживая волнение.

– Так вот, любезные господа! Я твердо следую ордеру императрицы, присланному князем Потемкиным. В нем ясным духом сказано, чтобы военных операций супротив кабардинцев мы не предпринимали. В России

устоялся мир. И нарушать его государыней не дозволяется!

Штрاندман искоса посмотрел на сослуживцев. Полковники Ладыженский, Шульц, подполковники Великопольский и Ток сидели в напряженных позах, с хмурыми лицами. Это объяснение они слышали уже не впервые. С каждым днем хищники являли все больше дерзости, убивая солдат и казаков на кордонах, грабя подводы с рожью и просом, отрезая сообщение между крепостями. Лишь казачий полковник Савельев браво держал голову кверху.

– Ваше превосходительство, – обратился Фабрициан ровным и четким голосом. – За эти дни уже пять раз солдаты становились под ружье. Нападению подверглись пикеты. Злоумышленники подожгли заречный луг и траву перед фронтом крепости. Мне доложили господа офицеры, что негде стало заготавливать сено. А варвары огромными толпами скапливаются на курганах, в двух верстах от наших позиций.

– Они всегда так, – вполголоса бросил Савельев, не без досады подумав про себя, что за столом все, кроме него и Ладыженского, сущие пруссаки.

– Мы поставлены перед выбором, – жестче сказал Фабрициан. – Либо далее мучить наших солдат, рискуя их и собственными животами, либо разбить и отогнать прочь разбойников.

Новоприбывшему генералу было всего за сорок. Светловолосый, с большими залысинами, он выглядел старше своих лет, За свою бурную службу, опаленную и Семилетней войной, и русско-турецкой, Федор Иванович был четырежды тяжело ранен, стал кавалером ордена Святой Анны. И ничуть не утратил прежней храбрости и особого, заботливого отношения к подчиненным.

– Я понимаю вас, генерал-майор, – иронично ответил Якоби и развел руками. – Не от меня зависит сие.

– В таком случае, необходимо направить Потемкину рескрипт об истинном положении на границе, – предложил Штрандман.

– Я неоднократно доносил князю, – раздраженно парировал Якоби.

Фабрициан оживился.

– А нельзя ли ознакомиться с ордером государыни, дабы подготовить разъяснительное письмо?

Якоби с неудовольствием передал ему сафьяновую папку. Савельев, воспользовавшись паузой, заметил:

– Кабардинцы по аулам разъедутся, как только дожди зарядят. Почто же казаков и служивых на смерть вести? Обождать надо, так считаю.

Ему снова возразил Штрандман, найдя поддержку у Ладыженского. Якоби, не вмешиваясь в спор, подслеповато смотрел на Фабрициана, которому намерился в будущем переподчинить полки. Должность губернатора отвлекла его от множества гражданских дел. Наконец Федор Иванович поднял голову.

– Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич, позвольте изложить собственное мнение. Полагаю, что слова императрицы вы трактуете не вполне верно.

– С чего вы, государь, так решили? – вспыхнул Якоби, вскинув руку и краснея всем лицом.

– Послушайте. «По дошедшим к нам известиям о чинимых от кабардинцев беспокойствах и неоднократно нападении их вооруженною рукою на учрежденную нами Моздокскую линию, повелеваем вам, для обуздания их, по рассмотрению вашему, учинить отряд войск, коим, наказав дерзость оных, привести их в надлежащее повиновение и тишину». А далее – пожелание

сделать это без излишней жестокости, предварив военные действия переговорами.

– Я полностью разделяю эту точку зрения! – воскликнул Штрандман, выразительно глядя на главнокомандующего.

Якоби задумчиво молчал. А Фабрициан, между тем, передал папку Ладыженскому, прежде не читавшему послания императрицы. Фортификатор и командир Кабардинского полка пользовался всеобщим уважением.

– И каково ваше мнение, Николай Николаевич? – подождав, поинтересовался главнокомандующий.

– Вот это место: «Привести их в повиновение и тишину», – прямое повеление не терпеть унижения от неприятеля. У нас, если судить объективно, достаточно сил.

– Убежден, ваше превосходительство, что назрела необходимость провести усмирительную акцию против враждебных князей, – заключил Фабрициан.

Как ни колебался Якоби, боясь за свою репутацию, но дал приказ готовиться к походу на Малку. Утверждение плана операции было намечено на следующий вечер, перед выступлением из лагеря.

6

Зодича подняли утром громкие голоса и перестук подков о камни, устилавшие двор. В тусклое окошко мазанки было видно, как княжеский помощник Батоко и еще два всадника, спешившись, возились у ворот. И вскоре в крепость въехала повозка. Через минуту ее окружили мужчины, оставшиеся здесь. Батоко с горестным причитанием воззвал к Аллаху, повторяя, вероятно, слова из Корана. Правоверные, встав на колени, вознесли молитву. И следом из повозки достали завернутое в бурку человеческое тело.

– Что произошло? – выйдя из мазанки, спросил Зодич у ногайца-пастуха, выгонявшего коз.

– Беда! Аллах забрал к себе князя Алихана.

До полудня мулла с мужчинами, съехавшимися из соседних аулов, проводил погребальный ритуал. Рядом с крепостью, на склоне горы копали могилу. Зодич, на всякий случай, посоветовал Пьеру не попадаться на глаза уоркам, потерявшим предводителя.

Вечером французского врачевателя потребовал к себе Батоко. Зодича привели прямо в парадный зал. В княжеском кресле восседал восемнадцатилетний юноша. Это было невероятно.

– Князь Алихан завещал мне княжество, – объявил Батоко по-турецки, высокомерно взирая на посетителя. – Ночью ты поедешь со мной на Малку. Будет большая битва. Урусы покинули крепость.

Зодич, обдумывая возникшую ситуацию, не торопился отвечать.. Осторожно напомнил:

– Я повторю, что мои познания в медицине ничтожны. Мой слуга попросту болтун.

– Ты поедешь! Много славных уорков погибло прошлой ночью, когда враги внезапно напали на нас! – не тая гнева, вымолвил Батоко. – Сколь малой ни была бы твоя помощь, она нужна воинам. Я забираю с собой всех мужчин, кто способен сидеть в седле.

– В таком случае, коль неизбежна баталия, возникнет нужда в тех, кто будет с поля брани выносить раненых и убиенных. Мне потребны помощники. Кроме моего слуги, – еще двое. Например, пленники. Пусть силенок у них немного, зато обстреляны и при выстрелах не сбегут.

– Пусть так. Отвечать за них будешь головой, если замыслил худое. А колоды снимем на месте. Ступай!

– Позвольте напомнить, мой друг, что я нахожусь под покровительством султана Порты! – урезонил Зодич. – Я не приемлю насильственного обращения.

– Видит Аллах, я не хотел тебя обидеть. Я заплачу за лечение...

Превращение, произошедшее за несколько месяцев с Батоко, было поразительным. Постоянно находясь в отряде, он возмужал буквально на глазах. Немало захватил добычи и пленников, в открытом бою отправил на тот свет нескольких кафиров. В нем крепло желание власти, могущества в жизни. И сегодня, предав земле тело своего деда, он точно заново родился! Завещание Алихана, хранившееся у муллы, вознесло его на княжеский трон. Батоко испытывал и хмель от исполнения затаенной в душе мечты, и печаль одиночества. Кто теперь наставит его на путь истинный, когда не стало рядом мудрого советчика? Мир распахнулся перед ним, маня страстями и желаниями. Он ничего не боялся, и был готов в завтрашнем бою с неверными доказать, что достоин княжеского титула!..

Зодич вошел в козий сарай, где ютились пленные. Пастух еще не вернулся со стадом. И казаки, которым в этот день траура показываться на дворе запретили, были одни. В тесном и сумрачном помещении стоял резкий специфический запах, и отдавало навозом. Казаки лежали на ворохе старого сена, прикрытом дерюжками и кусками овчины.

– Во! Мать честна... Зачем это хранцуз приперся? – проворчал удивленный Фрол, садясь и поправляя тяжелую колоду на левой ноге. Леонтий, облокотившись на одну руку, тоже привстал. Оба они, в изорванных

грязных мундирах, вид имели измученный и жалкий. Зодич, притворив дверь, вдруг прервал молчание родной речью:

– Я – капитан русской армии. И слышал, о чем вы договаривались. Час близок! Побег совершим, господ казачи, вместе...

Ночь на исходе сентября выдалась промозглой. Княжеский отряд торопил коней к кабардинскому лагерю у Малки, обмелевшей от долгого бездождья. Батоко в новом качестве чувствовал себя несколько скованно. И чтобы скрыть это, в отличие от старого князя довольно много говорил по дороге, отдавал приказы. Дозорные то и дело вырывались вперед, опасаясь стычки с русскими. Француз, вооруженный пистолетом и шашкой, и слуга его ехали верхом, а пленников везли на подводе, переданной врачевателю для пользования. Леонтий осматривался по сторонам, стараясь даже в темноте по отдельным приметам запоминать дорогу. По уговору они с Фролом должны не сводить с француза глаз и точно выполнять его команды. Необходимо было только выбрать удачный момент.

Он возник ранним утром, в самом конце пути, когда с увала открылась всхолмленная равнина, на крутом северном берегу Малки рошица и становище кабардинского войска на острове. Оно было с трех сторон окружено русскими полками. Причем, со стороны Кабарды позиции заняли казачьи полки. Сражение назревало, судя по передвижению артиллерийских упряжек и отдельных батальонов. Батоко срыву погнал коня по спуску, увлекая за собой отряд. Всего один охранник остался возле повозки. Когда молодой князь удалился на версту с лишком, Зодич выстрелом из пистолета сразил уорка. А пожилому вознице, побледневшему от страха, жестами приказал выпрячь лошадей. Ему стали

помогать Леонтий и Фрол. Ключи от их колод, вероятно, увез кто-то из отряда. Старик помог казакам взобраться на лошадей.

На северном берегу, откуда кабардинский лагерь был как на ладони, были видны позиции русской артиллерии. Зодич, долго не раздумывая, направился туда. Отчаянных всадников заметили с обеих сторон. Но преследовать беглецов Батоко уже не мог, поскольку с боем прорывался к своим, а канониры спокойно ожидали приближение неизвестных конников, – у солдат, охраняющих пушки и гаубицы, мушкеты были заряжены.

– Не стреляйте! Мы – русские! – издали прокричал Зодич, приостанавливая коня, и ему еще громче вторили казаки. Но их крики перекрыла мощная ружейная канонада с противоположного берега, который заполнили русские егеря. Зажатое в клещи кабардинское войско ответно подняло пальбу, но их выстрелы звучали гораздо реже.

Командир батареи, моложавый капитан, выслушал Зодича с подозрительным видом и приказал адъютанту отвести вышедших из плена в тыл и держать их там, пока не завершится баталия.

Над речной долиной, затянутой тучами, вставали дымы сражения: белыми кустиками вырастали из стволов ружей, сизыми пластами стлались над позициями кабардинцев, стреляющих из старинных пищалей, черными клубами вихрились после пушечных выстрелов. Зодич сверху наблюдал бой в течение трех часов. Многократное преимущество в силе у русских не давало кабардинцам никакой надежды. Хотя становилось их всё меньше и меньше, но по-прежнему сражались урки до конца. Только малой горстке храбрецов удалось вырваться из западни и переправиться на противоположный берег.

Вечером Зодич добился аудиенции у генерала Якоби, который отнесся к бежавшему из плена императорскому confidentу с вниманием, – уж чин больно высокий. Иван Варфоломеевич находился в приподнятом настроении после одержанной корпусом виктории. Ценные сведения, полученные от Зодича, еще больше его воодушевили.

– Значит, простой народ тянется к нам? – переспросил он с удивлением. – Даст бог, валий Татарханов обрассудит князей. Сегодня сражение было весьма жестоким! Представьте, большинство в отряде составляли князья и дворяне. Мы не только побии злодеев, – не менее полутысячи, но и захватили их лагерь. Двести кибиток, пушки, провиант. Меня подталкивали офицеры на то, чтобы продолжить преследование. Но я поостерегся. Думаю, и этот урок пойдет недругам на пользу. Мы отогнали их на Баксан.

– Поздравляю, ваше превосходительство! Кабардинцы – достойные воины. И победа над ними особенно похвальна. Прежде чем завтра отправлюсь в Петербург, хочу попросить вас о своих приятелях. Со мной бежали два казака. Распорядитесь дать им отдых. Смею уверить, что оба – герои.

Якоби, для которого солдаты были простыми пешками, однако, пообещал это сделать. Но, увы, позабыл...

7

Леонтий Ремезов был зачислен казаком (до выяснения обстоятельств пленения) в полк Кутейникова, прибывший в конце лета из Ставропольской крепости. Нежданно-негаданно в нем оказался Касьян Нартов, тоже в рядовых. Выяснилось только теперь, почему

сотник Бабилов не ответил Леонтию на его вопрос о приятеле. Стосковавшись сердцем по матери и родине, Касьян дезертировал. Дома пробыл один денек и явился в военную канцелярию с повинной. За это его наказали всего лишь розгами, разжаловали и призвали в полк, где недоставало казаков. Ухарь-казак слыл в сотне любимцем. Потому рядом с дружкой детства и Леонтию приживаться в полку было проще. После рабской неволи, в которой любой час мог стать последним, Леонтий не сразу обрел былую крепость духа. Но набирая силы на крутом бараньем кулеше, срастаясь душой с земляками, он как будто воскрес заново, ощутив воинственный пыл и уверенность. И точно желая доказать отвагу, лез сломя голову в самое пекло скоротечных стычек с хищниками. По всему, войне с ними конца-края не видать...

И снова главнокомандующий Якоби совершил роковую ошибку. По словам пленных, если бы русские (как предлагал Фабрициан) стали преследовать кабардинцев после сражения на Малке, у дзэпца Баматова не нашлось бы иного выхода, как покориться.

Напротив, Якоби отвел свои полки с речных берегов, где был высокий травостой и раздолье для лошадей, обратно в крепость Святого Павла. Почтенный возраст, – уже пятьдесят три, – клонил Ивана Варфоломеевича к уюту, определенности, тишине. Губернаторствовать бы ему, вершить дела в партикулярном платье, а не трястись на прыткой кобыле или в экипаже! Так нет же, возложила императрица вериги командующего кавказскими войсками. А их – много, и как охватить все рассудком?

Весь октябрь, дождливый и ветреный, в полках корпуса была острая нужда в провианте. А вследствие пресупного нерадения фуражиров (особенно в Томском

полку) , не заготовивших вовремя овса и сена, лошади отощали настолько, что начался падеж. Лишь в начале ноября из Астрахани прибыли транспорты с мукой, крупами, рыбой и овсом. Но этого оказалось ничтожно мало! У кого только можно: у терских казаков в станицах, у кабардинцев и ногайцев покупали сено и овес за баснословные деньги. Пуд сена стоил 50 копеек, а четверть овса – более 2-х рублей. Командиры полков помощи от командующего корпусом, к сожалению, не получали.

А Якоби ударился в дипломатию. Для переговоров к нему в лагерь несколько приезжал доверенный враждующей стороны князь Шамгар со свитой. Он прельщал богатой данью: лошадьми, скотом, золотом, заверял в дружеском расположении к России. А требовал лишь одного: уничтожить Линию и срыть крепости. В конце концов, ничего толком не добившись, кабардинцы прислали Ивану Варфаломеевичу оскорбительное письмо. И он, уже почивший на лаврах от будущего успеха переговоров, вдруг прозрел и понял, что напрасно поддался тогда, после победы на Малке, излишней осмотрительности. Переложив всю ответственность на Фабрициана, командующий поручил ему подготовку экспедиции на Баксане, дабы обезопасить зимние квартиры.

27-го ноября в пять часов пополудни русская армия выступила от крепости Святого Павла тремя колоннами, разделенными кавалерийскими группами. В их составе – два донских полка. Леонтий держался в одном ряду с Касьяном.

– И чегой-то на ночь глядя да в такой мороз тронулись? – сердито бормотал немолодой, длинноусый низовец, едущий впереди. – Гутарят, до этого самого Баксана шестьдесят верст. Замерзнем, к черту!

– Должно, не менее, раз приказали наготовить сухарей ажник на десять денечков, – отозвался суровый бородач. – Снег выпал. Это погано!

– Потому и полковники верхами скачут, а не в экипажах, – заметил Касьян. – Нехай узнают, как нашему брату казаку служба достается...

– Один командующий в экипаже, – поправил урядник. – Ему полагается!

Заполночь достигли быстроводную Малку. Она не покрылась льдом, несмотря на морозы. Казаки переехали на лошадях, а пехотинцы, подгоняемые командирами, кинулись переправляться вброд, хотя у егерей имелся понтонный мост. Его разворачивать не стали. Кто был повинен в этом преступном нерадении, у Леонтия ответа сразу не нашлось. Ведь были же запасные лошади! Он ошибочно подумал, что армия тут же станет на бивак, солдаты перемотают сухие портянки, а сапоги и войлочные чуни с кожаной подошвой, высушат на кострах. Минул час, другой, а войско продолжало двигаться. Еще три горные речонки форсировали вброд. Под утро задул ледяной ветер. Штаны солдат взялись коркой. Послышался в колонне ропот, что ступни закоченели. Сам полковник Ладыженский, поняв, что отморозил ноги, нашел, во что переобуться и сел верхом на коня. А сотни простых солдат-страдальцев продолжали шагать, попирая заснеженные на четверть аршина холмы...

Переход с короткой дневкой длился к побережью Баксана ровно сутки. Третью численного состава войска Якоби (те, кто отморозил ноги) потеряла всякую боеспособность. Обездвиженных воинов дальше повезли на казачьих лошадях. Только теперь хватились генералы Якоби и Фабрициан заботиться о служивых, – по мосту преодолели бурную ревучую реку и вышли к аулам.

Они были покинуты жителями, но во дворах нашлось не только сено для лошадей. Спасением для голодной и обессиленной русской армии стало то, что кабардинцы не успели угнать отары овец.

На следующий день переход экспедиционной группы составил двадцать верст. Бивак был разбит у подножья горы и хорошо виден со склонов. На них сосредоточились кабардинские отряды. Силы были не равны. Баматов, потеряв два месяца назад своих лучших командиров, собрал князей и старейшин на совет. Решение, тяжелое и безвыходное, было принято. К главнокомандующему Якоби отправились депутаты. И после переговоров владельцы Большой Кабарды в присутствии своих отрядов приняли клятву в том, что никогда больше не станут воевать с Россией, а границей между странами отныне становится Малка.

Полковник Савельев с кавалерией и казачьими полками вторгся в Малую Кабарду. Военного столкновения не случилось. Местные князья присоединились к мирному договору, в котором граница для их владений была определена по Тереку.

На войне как войне. Иногда победы достигаются не в смертельном бою, не за счет ратного искусства, а демонстрацией мощи армии, устрашением. Так случилось на Баксане. Но была ли там победа в полном значении этого слова? Кабардинцы не понесли жертв. А в русской армии от обморожения умерло несколько десятков воинов, в том числе офицеров. Еще больше солдат стало калеками. Мирный договор был окуплен страшными потерями, которые можно было совершенно избежать. И еще. О нравственных качествах Якоби можно судить хотя бы по тому, что он отказался выделить лошадей для перевозки больных солдат на излечение в соседние крепости и терские станицы,

хотя имел такую возможность. Более того, уже через два дня губернатор умчался в Астрахань, где ждали его дворцовые покои, рождественские балы и – новый чин генерал-поручика.

Так кто же вы, Державы верные сыны? Не лощеные служаки и чинодралы, не генералы-самодуры, добивающиеся высокого положения и царских милостей, а божьи люди, безоглядно преданные служению российскому народу. Великий русский солдат много раз исходил своими ногами и изъездил на коне почти всю Европу, куда ни вели его приказы. Командиры были разными, и войны были разными. Горечь поражений чередовалась с радостью побед, но никогда не покидала душу русского ратника святая любовь к отчей земле и своему дому, в котором поднимались ему на смену сыновья. Кланяюсь вам, солдаты и казаки, унтер-офицеры и господа офицеры, в грозный час вставшие на защиту нашего Отечества и покрывшие в битвах знамена императорских полков незабвенной славой!

Леонтия Ремезова вдруг зачем-то вызвали в штаб полковника Савельева, которому было поручено общее командование казачьими полками. С первого взгляда комендант Моздокской крепости, где на зимних квартирах стояли донцы, узнал сотника, хотя минуло уже пять лет.

– Вот уж судьба-злодейка. Был в командирах, а стал казаком... Ну, садись за стол. Потолкуем малость. Помню, как вместе отбивались от крымчаков в Наургородке... Ну, что тебе сказать, Леонтий Ильич. Поступил от войскового атамана Иловайского ордер на мое имя, – полковник, не тая в глазах веселого огонька, громко объявил. – Еще в апреле Донской войсковой

канцелярией присвоено тебе звание есаула. Знал об этом али нет?

Леонтий растерянно покачал головой, выдохнул:

– Никак нет.

– Оно и понятно... Главное – живой. Был бы кто у тебя богатый – выкупил бы из полона. Такое бывает. А тебе резон на себя рассчитывать... Стало быть, приказываю тебе, как прописано в атаманском ордере, вернуться незамедлительно на Дон, «на льготу». Сухарей возьмешь на десять дён, коня разрешаю выбрать. Бывай здоров, господин есаул!

На восьмой день пути по раскисшей после февральских дождей степи, в яснопогодье, Леонтий подъехал к Черкасскому городку, открывшемуся с прибрежного увала. Синевато отливал Дон кольчугой льда. Непрошено набежали слезы. Он смахнул их и, соблазненный запахом отмокшей полыни и душицы, свернул с большака, пустил свою умную кабардинскую лошадь в намет, на вершину кургана.

Ехал мимо станичный дед на арбе, вез из дола сено. И от удивления даже привстал: что за диво? В стороне от своей гнедой лежит на голощёчине кургана молодой казак с раскинутыми руками и обнимает пригретую солнцем землю, как матушку родную...

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая.....	3
Книга вторая.....	265
Книга третья.....	451

Литературно-художественное издание

Владимир Павлович БУТЕНКО

Державы верные сыны

Трилогия

Корректор И. Пекарская Художник О. Стрепетова
Компьютерная верстка А. Черкашина

В оформлении книги использована композиция
по мотивам картины Анатолия Ткаченко «В отрыв».

Сдано в набор . Подписано в печать.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. Уч.-изд. л.

Заказ . Тираж

Общество с ограниченной ответственностью «СФЕРА»

ИНН 2630046880 КПП 263001001 ОГРН 1162651050979

357201, Ставропольский край,

г. Минеральные Воды, ул. Фрунзе, 33

ISBN 978-5-9500987-0-3

9 785950 098703

Анатолий Ткаченко. Гонец

Мать казака

Ставропольская станция

Анатолій Ткаченко. На привалі

Гребенцы

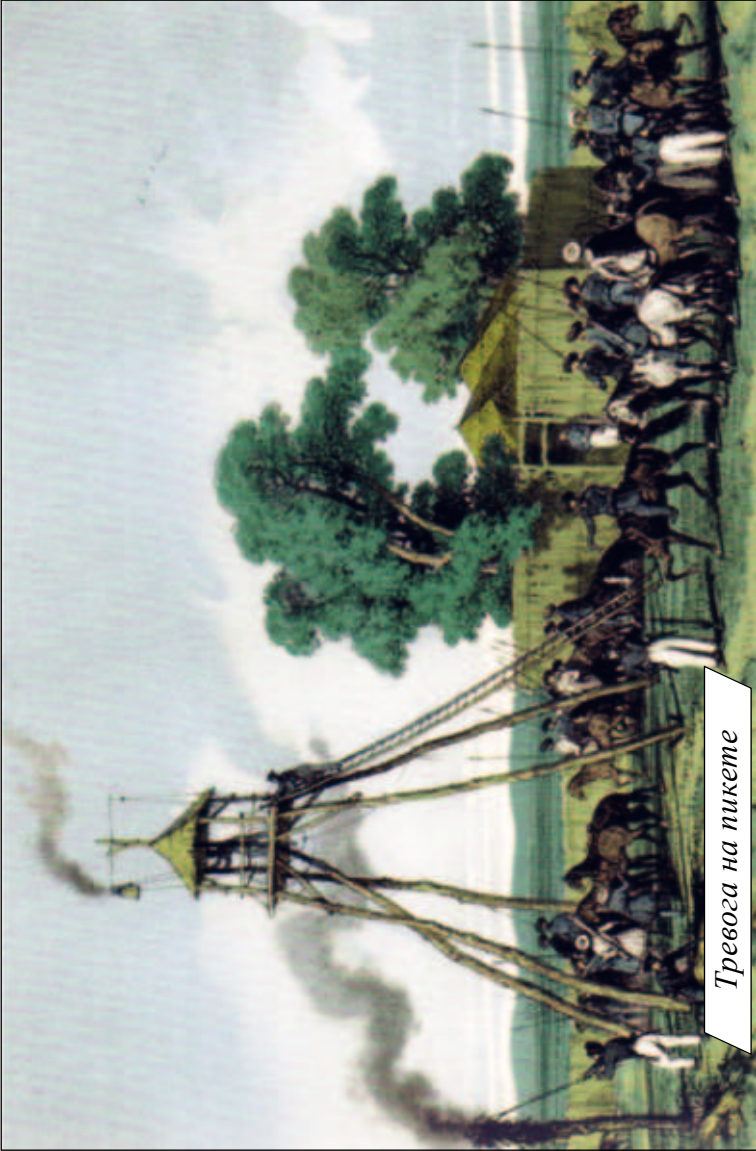

Схватка

Донцы

Тревога на пикете

Зимний бивак

Анатолий Ткаченко. Казачий дозор

Державы верные сыны

Казакы в походе